

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН

Гуманитарные науки

Казань 2011

Научный рецензируемый журнал
Учредитель – Академия наук Республики Татарстан

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
29 октября 2009 года. Регистрационный номер ПИ № ФС77-37866

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным
направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки),
12.00.00 (юридические науки)

Главный редактор – президент АН РТ, академик А.М. Мазгаров

Заместитель главного редактора – директор Института истории АН РТ,
академик АН РТ Р.С. Хакимов

Выпускающий редактор, ответственный секретарь –
главный редактор издательства «Фэн» АН РТ,
кандидат исторических наук Б.Л. Хамидуллин

Редакционная коллегия:

Багаутдинов Ф.Н., доктор юридических наук (Казань),
Бальдауф Ингеборг, доктор исторических наук, профессор (Берлин),
Васильев Д.Д., кандидат исторических наук, профессор (Москва),
Вашари Иштван, доктор исторических наук, профессор (Будапешт),
Ганиев Ф.А., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Девлет Надир, доктор исторических наук, профессор (Стамбул),
Загидуллин И.К., доктор исторических наук, доцент (Казань),
Кляшторный С.Г., кандидат исторических наук, профессор (Санкт-Петербург),
Миннуллин К.М., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Мухаметшин Р.М., доктор политических наук, профессор (Казань),
Мухаметшина Р.Ф., доктор педагогических наук, профессор (Казань),
Саликов М.С., доктор юридических наук, профессор (Екатеринбург),
Трепавлов В.В., доктор исторических наук, профессор (Москва),
Фаткудинов З.М., доктор юридических наук, профессор (Казань),
Хайрутдинов Р.Р., кандидат исторических наук, доцент (Казань),
Хасанова Г.М., кандидат филологических наук (Казань),
Хузин Ф.Ш., доктор исторических наук, профессор (Казань),
Шамильоглу Юлай, доктор исторических наук, профессор (Мадисон).

Адрес редакции:

420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны:

Гл. редактор – 292-40-34

Зам. гл. редактора – 292-84-82

Ответ. секретарь – 292-36-62

E-mail: anrt@rambler.ru

(для редакции «НТ»)

Подписано в печать 25.11.2011.

Формат 70x108^{1/16}

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 15,0. Усл. печ. л. 21,0.

Тираж 500 экз.

Заказ 11-11/11-2.

Отпечатано в типографии «Логос».

420108, г.Казань, ул.Портовая, 25 а

Тел.: (843) 231-05-46, 231-05-61

Факс (843) 231-08-71

E-mail: citlogos@mail.ru

www.logos-press.ru

Редакторы

А.Г. Аксенова, В.П. Лашенова

Технический редактор В.Н. Галкина

Переводчик Д.К. Вахитова

Компьютерная верстка

В.В. Калинин

© Коллектив авторов, 2011

© Издательство «Фэн» АН РТ, 2011

II ВСЕМИРНЫЙ ФОРУМ ТАТАРСКИХ УЧЕНЫХ

- 7 Приветствие президента АН РТ, академика А.М. Мазгарова
- 8 Приветствие председателя Госсовета РТ Ф.Х.Мухаметшина
- 11 Приветствие Первого заместителя Премьера-министра РТ Р.Ф. Муратова
- 13 Бәтәндәннә татар конгрессы Башкарма комитеты рәисе Р.З.Закировның сәһләмлән сәзе
- 16 Доклад академика АН РТ, генерала армии М.А.Гареева
- 19 Доклад академика АН РТ, директора Института истории Р.С.Хакимова
- 23 Welcoming speech of the foreign member of Tatarstan Academy of Sciences Yulai Shamiloglu
- 30 Резолюция II Всемирного форума татарских ученых

125-ЛЕТИЕ ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ

- 32 Михаэль Фридерих. Габдулла Тукай – высококочтимый поэт на службе татарской нации и советского социализма
- 42 Исламов Р.Ф. Билет на лекцию Тукая
- 45 Исламов Р.Ф. По поводу одной фотографии

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

- 48 Хакимов Р.С. Евразия: история будущего (отрывки)
- 60 Зарипов Ф.В., Никитенко И.Г. Взаимодействие органов исполнительной власти и органов местного самоуправления (на примере Республики Татарстан)

ИСТОРИЯ

- 66 Абзалов Л.Ф. Организация учета населения в Монгольской империи
- 82 Алмазова Л.И. Вступительное слово к трактату Зыяятдина Камали «Философия вероубеждения» из серии «Философия ислама»
- 96 Валеев Р.М. Монеты в раннесредневековой истории Поволжья и Приуралья как важный инструмент торговли (к 1100-летию булгарского чекана)
- 109 Гибадуллин М.З. Предпринимательство в Казанской губернии (вторая половина XIX в.)
- 124 Нуриев А.Г. Исследование основ мусульманского права профессором Казанского императорского университета Мирзой Александром Казем-Беком в труде «Мюхтесерюль-викгаеть, или Сокращенный курс викгаеть; курс мусульманского законоведения по школе ханефидов» (1845 г.)

130 Сафиуллина-Аль Анси Р.Р. Методологические аспекты изучения мусульманского религиозного просвещения и образования у татар

141 Худяков Ю.С. Ликвидация Сибирского ханства Кучума и его наследников

181 ФИЛОЛОГИЯ

147 Абдуллаева Р.М. Классификация сказуемого в узбекском языкознании

151 А.фон Габен. Древнетюркская литература

183 Дёрфер Г. О языке гуннов

191 Ибрагимов М.И. Поэзия Х. Туфана в межлитературном диалоге 1920–1950-х гг. (к сопоставительному изучению творчества Х. Туфана и Н. Заболоцкого)

195 Исламова И.Ф. Теоретические вопросы категории модальности

199 Миннуллин Б.К. Татарский литературный язык начала XX века. Языковая вариативность

205 Невская И.А. Недавние открытия в Горном Алтае: алтайский свод древнетюркских рунических памятников

ШАГИ К УСПЕХУ

214 Мухаметзянова Л.К., Яхин Р.Г., Батталова А.Д., Ахметова Я.М. Мониторинг научного потенциала РТ: молодые ученые и молодежные научные коллективы

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

217 Багаутдинов Ф.Н. Даровитый студент, ставший известным ученым

НОВЫЕ КНИГИ. РЕЦЕНЗИИ

222 Байбулатова Л. и др. Фәхреддин Ризаэддин. Асар. 3-4 томнар.

223 Небольсина М.В. Смысл жизни разгадать пытался я...

224 ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

II WORLD FORUM OF TATAR SCIENTISTS

- 7 Welcoming speech of the President of Tatarstan Academy of Sciences, academician A.M. Mazgarov
- 8 Welcoming speech of the chairman of State Council F.Kh. Mukhametshin
- 11 Welcoming speech of the first Deputy Prime Minister R.F. Muratov
- 13 Welcoming speech of the chairman of the executive committee of the world Tatar congress R.Z. Zakirov
- 16 Report of the academician of Tatarstan Academy of Sciences, General of the Army M.A. Gareev
- 19 Report of the academician of Tatarstan Academy of Sciences, director of the Institute of History R.S. Khakimov
- 23 Welcoming speech of the foreign member of Tatarstan Academy of Sciences Yulai Shamiloglu
- 30 Resolution of the II World forum of Tatar scientists

125TH ANNIVERSARY OF GABDOULLAH TUKAY

- 32 Michael Friederich. Gabdoulallah Tukay – highly honoured poet in service of the Tatar nation and Soviet socialism
- 42 Islamov R.F. Ticket to Tukay's lecture
- 45 Islamov R.F. On one photograph

HISTORICAL LEGAL ASPECTS OF STATE FORMATION

- 48 Khakimov R.S. Eurasia: the history of the future (fragments)
- 60 Zaripov F.V., Nikitenko I.G. Interaction of executive authorities and local self-government (on the example of the Republic of Tatarstan)

HISTORY

- 66 Abzalov L.F. Organization of population census in the Mongol Empire
- 82 Almazova L.I. Introduction to Zyyaetdin Kamali's treatise «Philosophy of creed» from the series «Philosophy of Islam»
- 96 Valeev R.M. Coins in early medieval history of the Volga and Ural regions as an important instrument of trade (for the 1100th anniversary of the Bulgar stamp)
- 109 Gibadullin M.Z. Business in Kazan Province (the second half of the XIX century)
- 124 Nuriev A.G. Analysis of the basics of the Muslim law by the Professor of Kazan Imperial University Mirza Alexander Kazem-Bek in his work «Myuhteseryul-vikgaet or reduced course vikgaet; the course of Muslim law studies in hanefids' school» (1845)

130 Safiullina-AI Ansi R.R. Methodological aspects of studying Islamic religious enlightenment and education of the Tatars

141 Khudyakov Yu.S. The elimination of the Siberian Khanate of Kuchum and his heirs

PHILOLOGY

147 Abdullaeva R.M. Classification of the predicate in Uzbek linguistics

151 A. Von Gabain. Ancient Turkic literature

183 Derfer G. The language of hunns

191 Ibragimov M.I. Tufan's poetry in interliterary dialogue of 1920-1950s. (comparative analysis of Tufan's and Zabolotsky's creative work)

195 Islamova I.F. Theoretical questions of the category of modality

199 Minnullin B.K. Tatar literary language of the beginning of the XX century. Language variation

205 Nevskaya I.A. Recent discoveries in the Altai Mountains: Altai set of ancient Turkic runic monuments

STEPS TO SUCCESS

214 Mukhametzhanova L.K., Yakhin R.G., Battalova A.D., Akhmetova Ya.M. Monitoring of scientific potential of the Republic of Tatarstan: young scientists and youth research teams

OUR HEROES OF THE DAY

217 Bagautdinov F.N. Talented student who became a famous scientist

NEW BOOKS. REVIEWS

222 Baibulatova L. and others Fehretdin Rizaetdin. Asar. 2-4 vol.

223 Nebolsina M.V. It was the meaning of life that I tried to puzzle out

224 ACTIVITY CHRONICLE OF TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES

**Приветствие А.М. Мазгарова,
президента АН РТ, академика АН РТ**

**Уважаемые участники и гости
Второго всемирного форума татарских
ученых! Дорогие коллеги!**

Для меня большая честь приветствовать в зале Академии наук Республики Татарстан лучших представителей научного сообщества, крупнейших ученых и организаторов науки. Проведение Второго всемирного форума татарских ученых, приуроченного к 20-летию юбилею АН РТ, имеет глубоко символическое значение. В непростые 1990-е гг. Академия наук была создана в интересах научно-технического и культурного развития Республики Татарстан. Академия наук РТ стала объединяющим центром для исследовательских институтов, вузов, промышленных предприятий, занимающихся проблемами социального и экономического развития нашей республики, историей и культурой татарского народа. Она стала площадкой притяжения для ученых со всего мира, желающих сотрудничать с Татарстаном, и для ученых-татар, чувствующих «долг перед предками». «Кан тарта» ди безнең халык.

Я хочу сегодня поблагодарить наших академиков и членов-корреспондентов, руководителей и сотрудников академических институтов и центров, которые своим интеллектуальным трудом формируют имидж Татарстана, ставят перед собой амбициозные задачи и успешно их решают. Достижения наших ученых являются значимым вкладом в общероссийскую и мировую науку.

В последние годы республиканская научно-техническая политика претерпела серьезные изменения. Фундаментальные и прикладные научные исследования ориентированы на потребности конкретных отраслей экономики, определенных перечнем приори-

тетов. Академия наук РТ занимается реформированием своих академических учреждений исходя из республиканских приоритетов и эффективности используемых бюджетных средств. Сегодня в Академии наук РТ созданы условия для разработки крупных новационных и инновационных проектов по освоению недр, по переработке нефти и газа, по машиностроению, энергобезопасности и многие другие. Республике нужны высокотехнологичные проекты, результативные прикладные разработки. И мы не должны забывать о той высокой миссии научного сообщества, которая связана с сохранением и приумножением национальных культур.

Участие в сегодняшнем торжестве представителей российского и международного научного сообщества, наших коллег и единомышленников не только украшает наш праздник, но является свидетельством нового формата нашего сотрудничества. Мы последовательно открываем новые сферы партнерства — в образовании, науке, высоких технологиях, инвестиционном взаимодействии. Рассчитываю, что наш форум будет способствовать дальнейшему укреплению прямых контактов научных сообществ, реализации масштабных международных проектов.

На форуме мы должны определить основные задачи, стоящие перед наукой, и наметить пути их решения. Стратегия научно-технического и гуманитарного развития, которую мы конкретизируем сообща, во многом будет формировать облик нашей республики на ближайшие десятилетия.

Уважаемые участники и гости форума! Позвольте Второй всемирный форум татарских ученых объявить открытым!

Приветствие Ф.Х. Мухаметшина, председателя Госсовета РТ

**Уважаемые делегаты и гости
Второго всемирного форума
татарских ученых!
Кадерле кунактар!
Утырышта катнашучы
мөхтәрәм галимнәр!**

Через четыре года мы встретились вновь. На свой форум ученые-татары со всех уголков земного шара собирались в 2007 г. Организованный Академией наук РТ и исполкомом Всемирного конгресса татар, он стал знаменательным шагом на пути укрепления научного сообщества татар, проживающих в разных регионах. И вот мы вновь вместе, собрались по весьма примечательному случаю — на 20-летний юбилей Академии наук РТ. В зале присутствуют наши лучшие ученые, научная элита, самые авторитетные люди России и со всего мира. Каждый из вас представляет не только себя, но и ведущие научные коллективы нашей республики, российских регионов, ближнего и дальнего зарубежья. Ваши научные исследования продолжают традиции таких выдающихся просветителей и ученых, как Курсави, Марджани, Камай, Муштари и др. Мы все неравнодушны к судьбе нашего народа, нашей национальной культуры, языка... Поэтому разговор у нас будет результативным, затрагивающим важнейшие проблемы развития науки и нашей республики.

Известно, что история любого народа состоит из различных этапов. Бывают периоды расцвета, которые сменяются упадком, за ними вновь начинается возрождение. Но бывают и этапы, которые меняют течение времени, переводя судьбы народов в совершенно другое русло, определяя на годы направления развития.

Новый политический курс страны конца 1980-х — начала 1990-х гг. послужил мощным катализатором гражданской активности, духовного раскрепощения народов СССР, роста их национального самосознания. Не была исключением и научно-исследовательская, педагогическая деятельность, особенно ее социально-гуманитарное направление. Приметой обновленческих процессов в становлении вновь образованной Российской Федерации и ее субъектов, новым направлением в решении регионами стоящих перед ними актуальных научных, социальных и экономических проблем стало появление Академии наук Татарстана. Указ о ее создании был подписан первым Президентом Республики Татарстан М.Ш. Шаймиевым 30 сентября 1991 г. Поэтому наш форум приурочен еще и к 20-летию образования Академии наук РТ — одного из крупнейших, системообразующих центров науки в стране.

Сегодня татары составляют вторую, после русских, группу российских граждан. Вопросы изучения их истории, культуры и традиций, содействие развитию современной культуры татар на общероссийском уровне успешно решают наши академические институты. Академия наук РТ превратилась в интеллектуальный центр республики.

Глубокоуважаемые ученые! Позвольте поблагодарить за Ваш неоценимый вклад в социально-экономическое развитие Татарстана от имени руководства республики и от себя лично! Я поздравляю коллектив Академии наук РТ с 20-летним юбилеем, желаю новых достижений и творческих успехов.

Сегодня более чем вековые традиции крупных казанских научных школ бережно и заботливо сохраняются, они

получают поддержку и развитие, имеют все условия для возникновения новых научных школ на острие проблем мирового научного значения и инновационных технологий. Знаковыми событиями в общественной жизни республики в этом году стали мероприятия, посвященные 125-летию со дня рождения национального классика, народного поэта Г.Тукая, празднование 66-й годовщины Великой Победы. Несмотря на имеющиеся трудности экономика Татарстана постепенно выходит на траекторию устойчивого роста. По ключевым показателям развития республика занимает лидирующие позиции как в Приволжском федеральном округе, так и по стране в целом. Огромную роль в возрождении духовности и исторических корней нашего народа играет реализация под патронажем М.Ш. Шаймиева комплексного проекта «Культурное наследие Татарстана», в частности, реконструкция и строительство объектов древнего города Болгар и острова-града Свияжск.

Первый Всемирный форум татарских ученых дал толчок развитию и установлению контактов в тех или иных сферах науки, обратив внимание ученых с мировым именем на проблемы Татарстана и татарского мира. На форуме был создан Координационный совет татарских ученых, в который вошли представители разных регионов РФ, а также стран ближнего и дальнего зарубежья. В Татарстане начато создание банка инновационных идей татарских ученых, полезных для экономики Татарстана, через ежегодный конкурс «50 лучших инновационных идей для Республики Татарстан». Начиная с 2008 г. в нем имеют право участвовать представители других регионов Российской Федерации и зарубежных стран. В рамках конкурса были получены проекты от ученых — Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Ногинска, Перми и Пущино, Прокопьевска, Саратова и Самары, Снежинска, Старого Осокла, Ульяновска и Ижевска, Новочеркасска, Уфы, Кирова и Йошкар-

Олы, Пензы, Нальчика, Республики Дагестан и др. На конкурс представили свои разработки ученые Киева, Одессы, Краматорска. В числе победителей в разные годы были проекты из Молдовы и Казахстана. Наблюдается значительная динамика: если в 2008 и в 2009 гг. мы получили соответственно 24 и 25 проектов, то в 2010 г. — уже 60! И с трибуны Второго форума я призываю ученых-татар активно подключиться к данному проекту.

XXI век побуждает нас к серьезным размышлениям о судьбах нашего народа. Сегодня настало время более глубокого анализа состояния дел татарской нации в научной, политической, экономической и культурной сферах, а главное — время принятия ответственных решений. Год назад я обратился к президенту Академии наук РТ А.М. Мазгарову с просьбой обратить внимание на изучение истории населенных пунктов нашей республики и татарских деревень в российских регионах. Сегодня, как мне известно, этот проект проходит стадию обсуждения. Я призываю наших соотечественников из ближнего и дальнего зарубежья активно подключиться к общему для нас делу. Подобный проект важен для каждого из нас, так как он позволяет получить научно выверенную информацию о наших корнях, об истории малой родины.

Развитие системы образования для нашего народа всегда было исключительно важным делом. Татарские просветители призывали повысить уровень образованности татар, используя опыт и возможности других народов и стран. Сегодня, в век новых технологий, мы талантливую молодежь также посылаем учиться за границу и в российские научные центры за счет республиканского бюджета по магистерским программам. В республике проект работает уже пять лет, через него прошло более 2 тыс. человек, из которых половина стажировалась за рубежом. Пока в основном отправляют учиться по естественнонаучным и инженерным специальностям — 52% студентов. Каждый третий

студент стажирется по экономическим специальностям. И, наверное, наступило время подумать о повышении квалификации наших будущих ученых-татароведов, тюркологов за рубежом. Мы прекрасно осведомлены, что в лучших университетах многих стран мира работают ведущие профессора-тюркологи. Все эти годы мы постоянно ощущали искреннее их участие в наших делах по науке и образованию. Мы сердечно признательны им за поддержку избранного нами курса, за проявленное понимание наших инициатив и начинаний. Я уверен: в дни второго Всемирного форума мы услышим предложения и в этом направлении.

Со многими странами мира Татарстан имеет межправительственные соглашения. Расширяется сеть полномочных и торговых представительств за рубежом. Наряду с экономическими на них возложены задачи информирования зарубежной общественности о делах Татарстана, татарского народа, а также поддержки контактов официальных структур нашей республики с татарской диаспорой. Наша внешняя политика направлена на формирование положительного имиджа Татарстана. Для нас это не просто слова, но и острая необходимость: многие наши соотечественники живут за рубежом. Для них сохранение родного языка и культуры равнозначно сохранению на-

ционального самосознания. Поэтому в Татарстане начата масштабная работа по реализации программы подготовки специалистов на двуязычной основе (русский – татарский) для татарских общин регионов РФ, ближнего и дальнего зарубежья. Это решение стало по-настоящему прорывным. В этом году, например, первый поток студентов-татар из Китая получили в наших вузах дипломы о высшем образовании. Республика ежегодно выделяет квоты для обучения в подведомственных вузах.

Вместе с тем, время ставит перед нами новые задачи. У нас пока еще слабые связи между наукой и коммерциализацией, между разработками и промышленностью. Научное сообщество также должно обратить особое внимание на освоение, внедрение научных открытий в экономику. На этом форуме мы должны определить основные задачи, стоящие не только перед наукой, но и перед республикой, и наметить пути их решения. Подобная стратегия будет во многом формировать имидж Татарстана в будущем.

У нас есть немалые резервы для возрождения и приумножения славы нашего народа. Его интеллектуальный потенциал и трудолюбие дадут свои плоды в XXI веке. Убежден, ваше осознанное, активное участие в делах татарского научного сообщества является проявлением ответственности за его судьбу.

Приветствие *Р.Ф. Муратова*, Первого заместителя Премьер-министра РТ

Уважаемые участники и гости Второго всемирного форума татарских ученых!

Праздничное мероприятие, приуроченное к 20-летию деятельности Академии наук Республики Татарстан, – весомый повод для подведения промежуточных итогов, а также хорошая возможность обсуждения и определения новых перспектив в развитии научного сообщества нашей республики. Академия наук Татарстана создавалась в перестроечный период, когда наука находилась в кризисных условиях. Важно было сохранить научный потенциал республики, наши научные школы, научно-образовательный комплекс и отраслевую науку в приоритетных для Татарстана областях.

В то непростое время руководством республики был реализован ряд мер по решению указанных задач. В их числе – принятие Закона Республики Татарстан от 18 июня 1998 года № 1661 «О науке и научной деятельности», создание Фонда НИОКР Республики Татарстан, учреждение и развитие Академии наук Татарстана, адресные, льготные, финансовые, налоговые и др. поддержки приоритетных для Республики Татарстан и Российской Федерации отраслевых научно-исследовательских институтов и наукоемких производств, утверждение и десятилетнее финансирование «Программы развития приоритетных направлений науки в Республике Татарстан» и многое другое. По инициативе Академии наук РТ в Российском фонде фундаментальных исследований и Российском гуманитарном научном фонде были созданы

татарстанские подпрограммы с паритетным финансированием Российской Федерацией и Татарстаном.

Сегодня мы вправе говорить о результативной государственной поддержке науки в Татарстане как в перестроечный период, так и в годы стабилизации экономики. Принятие «Стратегии развития научной и инновационной деятельности в Республике Татарстан до 2015 года» способствовало совершенствованию академической системы.

В настоящее время в нашей республике, и в России в целом, определяются новые приоритеты. Татарстан должен стать регионом с устойчивым, сбалансированным и гармоничным развитием, с комфортными условиями для бизнеса. Развитие невозможно без создания новой инновационной экономики, основанной на концентрации всех видов ресурсов, не только в трансферте, но и разработке новых технологий, интеграции с ведущими зарубежными и российскими компаниями, повышении инвестиционной привлекательности. За последние пять лет мы создали базовую инфраструктуру для этого. Работает особая экономическая зона «Алабуга», Технополис «Химград», Инвестиционно-венчурный фонд, 9 технопарков, 4 промышленных парка, 6 бизнес-инкубаторов и другие. Республика планомерно создает базу для интеграции науки и реального сектора экономики. В то же время, интеграция и координация действий научного сообщества, промышленного сектора и административно-управленческого аппарата еще требует доработок.

Задача на ближайшее будущее — более энергично задействовать академическую науку, исследовательские центры, создать эффективную систему учета результатов инновационной деятельности. Исследования должны быть сконцентрированы на наших стратегических направлениях: это нефтегазохимический комплекс, нанотехнологии, машиностроение, IT-разработки, агропромышленный комплекс, производство новых материалов. Именно на них будут ориентированы основные меры государственной поддержки.

Кроме того, необходимо ускорить переходные процессы в многоэтапной процедуре создания инновационной продукции: от научных результатов и разработок ученых в коллективах отраслевых разработчиков — до организации серийного производства и продаж. Активизировать резервы повышения качества и экономии времени, одновременно выполняя эти этапы коллективами совместно работающих ученых, представителей отраслевой науки и производителей, с привлечением аспирантов и магистрантов. Организационной основой таких коллективов могли бы явиться малые инновационные предприятия.

Как результат I Всемирного форума татарских ученых, в республике началось создание банка инновационных идей татарских ученых, полезных для экономики Татарстана, через ежегодный конкурс «50 лучших инновационных идей для Республики Татарстан». В рамках конкурса были получены проекты от ученых Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Ногинска, Перми и Пущино, Прокопьевска, Саратова и Самары, Снежинска, Старого Оскола, Ульяновска и др. На конкурс представили свои разработки ученые Киева, Одессы, Краматорска. В числе победителей в разные годы были проекты из Молдовы и Казахстана. При этом наблюдается значительная положительная динамика: если в 2008 и в 2009 годах получены соответственно 24 и 25 проектов, то в 2010 году — уже 60!

Сегодня с трибуны данного форума, я призываю ученых-татар активно подключиться к указанному проекту, а также совместно со своими студентами и аспирантами участвовать в создании малых инновационных предприятий.

Татарстан всегда открыт для научно-культурного диалога.

Желаю Вам успехов!

Бөтендөнъя татар конгрессы

Башкарма комитеты рәисе *Р.З. Закировның* сәләмләү сүзе

Газиз милләттәшләр! Хөрмәтле коллегалар!

Мин сезне Бөтендөнъя татар конгрессы исемненән кайнар сәламлим. Безнең шушылай тарихи ватаныбыз башкаласы Казанда очрашуыбыз тирән мәгънәгә ия. Сөз беләсез, XX гасыр азагында татар тормышы шактый жанланды, милләтебез хәрәкәتكә килде. Илдәге демократия жилләре татарны да уятты, халыкка үз хокукларын якларга мөмкинлекләр бирде. Ә бу мәсьәлә гасырдан-гасырга татар өчен мөһим проблемаларның берсе булып тора. Юкка гына бөек Тукай «Шул халыкныңмы хокукка хаккы юк?/ Хаккыбыз уртақ ватанда шактый ук», – дип язып калдырмаган бит. Шушы хокуклар өчен көрәш нәтижәсе буларак, Татарстан дөүләтчеләге дә үсте, ул яңа статуска ия булды, аның мөмкинлекләре артты. Әлбәттә, моның нигезендә 1990 елның 30 августында кабул ителгән Мөстәкыйльлек Декларациясе ята. Ул вакытта Татарстан кичергән үзгәрешләренә мин күп гасырлы татар халкы тарихының ин мөһим вакыйгаларынан берсе дип бәяләр идем. Безнең бүгенге очрашуыбызны да шул вакыйгаларның дөвәмы дип атасам – ялгышмам.

Татар гомер-гомергә зыялы, укымышлы халык булган. Без хаклы рәвештә үзөбезнең меңьеллык язма әдәбиятыбыз, китап культурабыз белән горурланабыз. Идел Болгарстанында X гасырда Ислам динен кабул иткәч, мәчетләр каршында мәктәп-мәдрәсәләр эшли башлай, халык дин сабагы аша укырга-язарга өйрәнә. һәм динле, мәгърифәтле булу безнең халкыбыз өчен яшәү рәвешенә өверелә.

Бу Идел Болгарстанында да, Алтын Урда дөүләтендә дә, Казан ханлыгында да шулай булган. Әлбәттә, мөстәкыйль дөүләтчеләкне югалткач, татар тормышы шактый катлаулана. Әмма, иң авыр шартларда да татар халкы мәчетләрен, мәктәп-мәдрәсәләрен саклап калырга тырыша. Атаклы алман галиме, Казан университеты профессоры Карл Фукс үзенең «Казан татарлары» исемле хезмәтендә «татарлар күп кенә Европа халыкларынан да белемлерәк, укый-яза белми торган татарны милләттәшләре һич хөрмәт итмиләр», – дип XIX гасырда ук язып калдырган.

Әлбәттә инде, патша Русиясе шартларында татарларга фән белән шөгыйльләнү шактый кыен була, әмма XVIII йөздән XIX йөзгә күчкәндә безнең халкыбыз вәкилләреннән дә күренекле гыйлем ияләре үсеп чыга. Шуларның берсе дин галиме Габденасыр Курсави була. Ул мөселман дөнъясы өчен революцион фикерләр әйтә: «Заманы ижтиһады монкарийиз, ягъни, ижтиһад капкасы һәркем өчен ачык». Бу очракта ижтиһад сүзен ижат сүзенә синонимы дип кабул итәргә кирәк. Соңгырак XIX гасыр уртасында татар тарихы фәненә нигез салучы олуг галим Шиһабетдин Мәржани фикер мөйданында пәйда була. Ул безнең милли тарихны өйрәнүгә чын гыйльми юнәлеш бирә. Ә инде аның шәкертләре Хөсәен Фәизханов, Каюм Насыри һәм башкалар татар фәненә мөйданын тагы да киңәйтәләр. Шунысын әйтергә кирәк, Шиһабетдин Мәржанине, формаль фәнни дәрәжәләре булмаса да, Русия тарих һәм шәркыят гыйлеме жәмгыятенә кабул ителә, аны университет галимнәре даими рәвештә

үзлөрөнөң фәнни эзләнүлөрөнә жәлеп итеп торалар. Сөз беләсез, 1905 елгы рус революциясенә хәтле татарларны Русия югары уку йортларына кабул итмиләр. Әмма шуна да карамастан, татарлардан да чит ил университетларына барып укучылар шактый була. Әлбәттә, болар – хәлле кешеләр балалары. Әйттик, Сорбоннада лекцияләр тыңлаган Йосыф Акчура Сембер тукуыма фабрикантлары Акчуриннар нәселеннән. Шулай ук Сорбоннада белем алган Садри Максуди да Казан артының хәлле, укымышлы татар гаиләсеннән. Сорбоннада белем алган математика профессоры Сара Шакулова да Касыйм татарларының хәлле нәселеннән.

Гомумән, XX гасыр башы татар тарихында аерым урын алып тора, ул чорны юкка гына татар ренессансы дип атамаганнар. Карагыз, нинди көчле милли күтәрелеш була ул дөвәрдә. Нәкъ шул чорда татар заманча милләт булып оеша, аның әдәби теле, яңа мәдәнияте, әдәбияты, сәнгате, матбугаты барлыкка килә. Шул чорда татар мәгариф системасы көчле үсеш ала, ысулы-жәдит нигезендә мәктәп-мәдрәсәләр заманча белемле кешеләр өзерли башлый. Әйттик, атаклы «Мөхәммәдия», «Хөсәения», «Галия», «Иж-Буби», «Рәсулия» мәдрәсәләре күп фәннәрне гимназия программалары нигезендә укытып, үз чорының иң дәрәжәле уку йортларына әвереләләр. Һәм әйтергә кирәк, шул системада укыган татарлардан чын галимнәр, фән кешеләре чыга башлый. Ил күләмендә танылган зур галимнәр Хәмид Мөштәри, Гыйлем Камай, Шәүкәт Хәбибуллин, Мөхәммәт Гайнуллин, Мидхәт Мөхәммәтов, Ибраһим Нуруллин һәм башкалар.

Совет чоры да татар өчен гади булмады, әмма шунысын танырга кирәк: ул елларда татарларга югары белем ишекләре киң ачылды, милли мәдәният, сәнгать көчле үсеш юлына басты. Фән өлкәсендә дә татарлар лаеклы урын алды. Нәкъ шушы елларда дөнья фәнендә үзләрен таныткан татарлардан Роальд һәм Ренад

Сөгъдиевләр, Кев Миннуллин, Наил Сәхибуллин, Альберт Галиев, Данияр Мөштәри, Марат Арсланов һәм башкаларны атап була. Совет чорының тагы бер үзенчәлеге турында әйтергә кирәк: атом, космоска кагылган ябык тематикада бик күп татар галимнәре эшләде. Аларның күбесенә исемнәре әле дә киң катламнарда билгеле түгел. Димәк, илнең интеллектуаль потенциалын булдыруда татар өлеше гаять зур. Шаяртып булса да әйтим инде, татар үзе космоска очмаса да, шушы өлкәдә татар галимнәре булмаса, илнең авиация-космонавтика тармагында шундый зур уңышлары булыр идеме икән?

Гомумән, халкыбыз олы шәхесләргә, талантларга гомер-гомергә бай булды. Соңгы елларда без мондый шәхесләребезне танытырга, олыларга өйрәндек. Шунуң белән бергә безнең үзебездә дә милләтебез өчен горурлык хисләре артты. Без бүген авыз тутырып «татар дөньясы» дип сөйли алабыз икән, монда һәр милләттәшебезнең, кайсы жирдә яшәвенә карамастан, үз өлеше бар. Шуңа да безгә һәр татар кешесе кадерле, ә инде милләтнең интеллектуаль потенциалын тәэмин иткән галимнәр бигрәк тә. Татар дөньясының бердәмлеген, көчен раслап бу залга жыелган галимнәребезгә Бөтендөнья татар конгрессы исеменнән олы рәхмәtlәребезне житкерәм.

Бүген илдә татар факторы бар икән, бу, ничиксез, Татарстан белән татар милләте бердәмлеге билгесе. Көчле Татарстан булмаса, татар дөньясына да авырға туры килер иде. Татарстан да, шөкер, бүген дөньяга сибелгән татар халкына таяна ала. Мондый бердәмлек безнең алдыбызда яңа мөмкинлекләр ача. Галимнәр форумы да шушы мөмкинлекләр турында уртага салып сөйләшү максатыннан уздырыла.

Ә бүген милләтебез алдында торган проблемалар шактый күп һәм, әйтер идем, бик куркыныч тенденцияләр дә күзәтелә. Бигрәк тә мәгариф, белем бирү өлкәсендә. Иң куркынычы – аны гасырлардан килгән тамырларыннан аеру сәясәте алып барыла. Балалар-

ны ата-бабаларыбыз рухи мирасында төрбияләүне беринди модернизация, электрон мәктәпләр, компьютерлар белән алыштырып булмый. Туган теленнән мөхрүм ителгән бала ул тамырлары киселгән гөлне хәтерләтә. Бу мәсьәләнең чишелешен галимнәрдән башка табу мөмкин түгел. Бүген заманча технологияләр туган телне дөньяның теләсә кайсы жирендә яшәп тә өйрәнү мөмкинлеге бирә. Әйе, туган телдә уку – ул дәүләт эше, бу Конституциядә шулай билгеләнгән. Ләкин елдан-ел жимерелә барган татар мәгарифенең нинди хәлдә булуын истә тотып, без туган телне өйрәнү мәсьәләсен жәмәгатьчелек аша хәл итәргә мәжбүр. Шуңа да без бүген Интернетта татар социаль челтәрен булдыру өстендә эшлибез. Бөтендөнья татар конгрессы нигезендә оештырылачак бу челтәр татар халкын берләштереп кенә калмас, ул аңа мәгариф, аң-белем тарату өлкәсендә дә, бердәм мәгълүмат ясылыгын булдыруда да уңай шартлар тәмин итәчәк. Бу яна технологияләр белән бергә бездән заманча фикерләү дә таләп ителә. Шуңа да татар галимнәре бу эштән читтә

тормасыннар иде, монда һәркемгә үзенең интеллектуаль көчен куллану мөмкинлеге бар.

XXI гасыр дөньядагы һәр милләт алдында катлаулы сынаулар куя. Киләчәктә дә бербөтен милләт булып сакланып үсәр өчен халыкның барлык интеллектуаль көчләренә бергә туплану зарур, шулай булганда гына без өлеге сынауларны уңышлы уза алырбыз. Дөньяга сибелгән татар халкының дүрттән бер өлеше генә Татарстанда яши, шуңа да карамастан, без һәрдаим барлык милләттәшләрнең ярдәмен, теләктәшлеген тоеп яшибез. Ә инде галимнәргә, фән әһелләренә килгәндә, алар кайсы илдә дә дәрәжәле, абруйлы кешеләр, аларның теләсә кайсы жәмгыятьтә тәэсире – йогынтысы көчле. Шулай булгач, сез – тарихи ватаныбыз Татарстанның иң ышанычлы терәге, сезнең дөньяда булуыгыз гына да – милләтебезгә нык таяныч һәм үсеш нигезе. Бүгенге катлаулы шартларда гыйльми фикер аша һәм фәнни нигездә милләт проблемаларын хәл итә алсак, уңышка ирешербез. Бергә булайык, бердәм булайык.

Игътибарыгыз өчен рәхмәт!

Доклад академика АН РТ, генерала армии *М.А. Гареева*

**Кадерле дуслар,
уважаемые коллеги!**

Разрешите от имени участников Великой Отечественной войны сердечно поздравить Вас с 20-летием Академии наук Татарстана и пожелать новых творческих успехов!

Прежде всего, разрешите выразить согласие с основными положениями доклада президента АН РТ А.М. Мазгарова. Мы должны отметить и большое внимание, которое уделяли деятельности Академии руководство республики и Президент М.Ш.Шаймиев. Продолжает его дело Рустам Нургалиевич Минниханов, Госсовет республики во главе с Фаридом Хайрулловичем Мухаметшиным и правительство республики.

В свою очередь, и АН РТ вполне оправдывает свое существование. Исторический опыт показывает, что вложения в науку никогда не бывают напрасными. Если взять РАН в целом, то давно уже подсчитано, что одни лишь открытия академика Обручева в области минералогии многократно окупили все расходы на академию за 200 лет ее существования. В наше время само выживание человечества, в т.ч. России, возможно только на базе ускоренного научно-технического прогресса.

Среди научных исследований АН РТ важное место занимали и научные разработки, связанные с обеспечением национальной безопасности страны.

В этой области, в той или иной степени, были задействованы все отрасли науки и практически все отделения АН РТ. Мне, в рамках АН РТ и Академии военных наук, пришлось заниматься главным образом военными, оборонными аспектами обеспечения нацио-

нальной безопасности РФ. В рамках научного совета безопасности мы участвовали в разработке стратегии национальной безопасности и новой военной доктрины России. Разработали предложения по усилению обороны страны на центрально-азиатском направлении, по перспективам развития характера вооруженной борьбы на современном этапе. По этим вопросам разработаны научные труды, доклады в соответствующие вышестоящие органы. Но, к сожалению, как и в других сферах государственной деятельности, дает о себе знать отрыв властных структур от жизни общества, в т.ч. и от научного сообщества. Поэтому многие предложения и научные идеи очень медленно воспринимаются и реализуются. Об этом мы уже неоднократно говорили, в т.ч. на собраниях АН РТ.

Сегодня я хотел бы обратить внимание еще на одно важное обстоятельство. В мире происходят весьма важные социально-политические, экономические, информационно-технологические преобразования, порождающие новые угрозы национальной безопасности.

С тех пор как наша страна завоевала стратегический паритет в ракетно-ядерном вооружении и вышла в космос, наши недруги поняли опасность развязывания крупномасштабных войн. И сделали главную ставку, во-первых, на достижение своих политических и стратегических целей по частям путем развязывания серии локальных войн и конфликтов; как это было во Вьетнаме, Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии и др. районах, во-вторых, на информационную войну, подрывные действия и цветные революции, как это было при развале СССР, в Украи-

не, Грузии. Как это было в последнее время в ряде ближневосточных стран и Ливии. События в этих районах характерны тем, что были более широко, чем прежде, использованы твиттеры и другие компьютерные технологии. По заранее подготовленным сетям передавали каждому жителю, на какую площадь идти, что делать и управляли всеми волнениями и мятежами.

Все это говорит о том, что России могут навязать войну самым неожиданным образом. Вначале мы можем и не понять, что это война. Волнения с Ближнего Востока или Центральной Азии перекинутся на Кавказ, Среднюю Азию, власти будут вынуждены наводить порядок. Их сразу обвинят в притеснении своего народа и начнут вводить разного рода санкции. Запускаются так называемые частные военные формирования, состоящие из бандитов, террористов. Их сопровождают спецподразделения, поддерживает авиация.

Это говорит также о том, что в складывающейся в мире обстановке невозможно отдельно рассматривать внешние и внутренние угрозы; они сливаются в один не всегда различимый поток, а главное — внешняя экспансия осуществляется, прежде всего, через ослабление внутренней безопасности, подрыва изнутри.

В связи с этим, как справедливо говорил Президент РФ Д.А.Медведев, важнейшим условием успешного развития и модернизации России являются сохранение ее целостности и внутренней устойчивости. И, казалось бы, для всех это должно быть очевидным.

Но в мире и, к сожалению, внутри России есть силы, которые очень активно работают над тем, чтобы расшатать обстановку в нашей стране. Особенно опасным являются попытки создать межнациональные раздоры. Вы знаете, что дружба народов являлась важнейшим условием нашей победы в Великой Отечественной войне. Надо бы и сегодня беречь это наследие.

Но у нас нет хорошо продуманной, долгосрочной национальной полити-

ки, нет даже министерства по делам национальностей. Совет федерации не выполняет в полной мере своих задач по отстаиванию интересов регионов и разных народов.

Экстремистские заявления о том, что Россия только для русских, что нужно ликвидировать все автономные республики и создать в России унитарные губернии, чего не было даже в царской России, ничего, кроме вреда, не могут принести. Когда, после войны, Сталин провозгласил тост за здоровье русского народа как ведущего народа среди равноправных народов, это было с пониманием встречено всеми народами страны. Но надо понять: исторически судьба России сложилась как содружество разных народов, они веками жили вместе.

И распространяемые в последнее время версии, что какие-то народы коренные, а какие-то, в т.ч. татары, откуда-то пришли — совершенно не состоятельны. И мы не всегда внимательны к этим вопросам, например, в последнем издании Татарской энциклопедии нет слова «Татарский пролив». Это пролив, отделяющий от азиатского материка остров Сахалин. Его для Европы открыл Лаперуз в конце XVIII века. Почему он его назвал «татарским»? В Европе никто не знал, кто живет в Азии. Все азиатские племена имели общее название «татары», в таком же обобщенном смысле, как говорят: «славяне» или «англосаксы». На картах XV—XVI веков вся Сибирь обозначена как Тартария, а Китай — как Чайна Тартария. Сохранившиеся до сих пор названия гор, рек, населенных пунктов — Иртыш, Алатау, Чебаркуль, Челябине, Тюмень и тысячи других — говорят сами за себя. Это говорит о том, что татары ниоткуда не пришли, а здесь жили. В России, в отличие от индейцев в Америке и некоторых других странах, ни один народ не пропал. И в дальнейшем развитие России возможно только на основе федерализма.

В деле обеспечения единства и устойчивости страны главная роль при-

надлежит регионам. И Татарстан в этом отношении может служить примером.

Прошу извинить, но, как старый солдат, хотел бы выдать один секрет. Надо учитывать и то обстоятельство, что наши центральные, федеральные власти больше подвержены влиянию из-за рубежа. Региональные власти и общества ближе к народу, жизни; и отсюда выходят и будут выходить в трудные дни Миныны, Пожарские, Салават Юлаевы. Более твердую позицию должны занимать регионы и в деле отстаивания нашего исторического наследия, особенно связанного с победой в Великой Отечественной войне; в сфере развития национальной промышленности, в т.ч. оборонной. Если мы вместо развития Казанского авиапрома или Ижевского вооружения, как и в других регионах, будем покупать все за рубежом — Россия свою национальную безопасность не обеспечит. Да и военные люди должны не охаивать свое оружие, а воспитывать у воинов любовь и уверенность в своем оружии.

И последнее, что я хотел бы сказать. Надо в республиках, областях более настойчиво работать по подготовке молодежи к службе в армии. Сейчас очень опасное положение складывается. Впервые в истории, может быть за последние 70—80 лет, в армию приходят служить совершенно неграмотные люди. Они даже ни читать, ни писать не умеют. По состоянию здоровья, осо-

бенно в деревнях, где люди с раннего возраста начинают пить, уже такое, что ни по контракту, ни по призыву его брать нельзя. Скоро некого будет призывать. Когда я поступал в училище, мой друг написал письмо матери: «Стоит ли, мама, мне идти в военное училище?» Она написала: «Иди, конечно, сынок, в военное училище, не иностранца же нам нанимать, чтобы Родину защищать». Мистральи, автоматы там купите, но где купите солдат, которые будут защищать Россию? Вот сейчас в Башкирии в этом отношении есть хорошее начинание, в том числе по борьбе с пьянством. Я думаю, что в этом отношении надо взять пример и другим республикам. Сейчас много правительственных, государственных программ, почти ничего из этого не выполняется. 15 лет назад была принята программа по спасению Волги. Еще при царе были указы, запрещающие мелкие реки перегораживать плотинами в деревнях, чтобы вода стекала в Волгу. Прошло 15 лет после принятия программы по возрождению Волги. И когда принимали программу, из Рыбинска до Волгограда вода протекала 6 месяцев, сейчас 1,5 года протекает. Река погибает.

Долгосрочные проекты очень привлекательны. Но желательно, чтобы если не нам, то хотя бы детям нашим, все же пришлось хоть немного пожить в эту пору прекрасную...

Спасибо за внимание!

**Доклад академика АН РТ,
директора Института истории АН РТ *Р.С. Хакимова*
«Новые методологические подходы
к гуманитарным наукам и формирование
идентичности татар в современных условиях»**

Уважаемые коллеги!

Успехи гуманитарных дисциплин еще никогда не были столь зримыми, как сегодня, никогда раньше так основательно не изучалась история татар, Казанского края и его народов. В то же время успехи гуманитариев высвечивают стоящие перед нами проблемы.

Назовем некоторые из них. Фундаментальные труды востребованы и, несмотря на большие тиражи, они не залеживаются. Академические работы являются базой для написания более популярных книг, сценариев фильмов и т.д. В то же время существует острая потребность в более доступной литературе. В Институте истории мы начали выпуск научно-популярной серии, но это внеплановая работа, строящаяся на энтузиазме, а главное — не имеющая адекватной системы распространения. Размещение наших книг на сайтах сталкивается с нехваткой места в Интернете, т.е. с финансовой проблемой.

К сожалению, наши ученые не умеют писать для детей. Это, конечно же, отдельная серьезная тема, требующая помощи писателей.

Серьезной проблемой остается издание учебников. В Институте истории подготовлены свои варианты учебных пособий, которые пользуются популярностью в республике, но они не воспринимаются в Москве.

Мы понимаем, что нужно заниматься прикладными работами. Специалисты-гуманитарии Академии наук работали над изучением истории Казанского кремля, доказательством 1000-летия Казани и Елабуги, работают

над восстановлением Булгара и Свияжска, а также на десятках объектах по всему Татарстану, в Поволжье. Приятно видеть результаты своего труда, это благодарная задача, но она отвлекает наши силы от исследования фундаментальных проблем. Будет правильно, если часть прикладных проблем в сфере истории возьмет на себя Институт энциклопедии.

Основная наша проблема связана с методологическими вопросами гуманитарных наук. Зададимся вопросом: чем определялись наши успехи?

Прежде всего, общая демократизация в стране дала нам свободу в выборе тем, в частности сняли запреты на изучение Золотой Орды и татарских ханств, открылся доступ к архивам. В ответ сформировался целый отряд исследователей этих проблем, причем по всей России. Исчезли идеологические установки. Если раньше гуманитарная наука была доказательством истинности исторического материализма, то сегодня можно писать непредвзято.

Существенно то, что появилась Академия наук Татарстана с собственной волей и финансами. Хотя у нас прекрасные отношения с профильными институтами Российской Академии наук (РАН), тем не менее, мы прекрасно понимаем, что сохраняются негласные установки или внутренний цензор, который подсказывает, что можно говорить, а чего нельзя. Например, в Москве не могут открыто сказать, что Куликовская битва была внутренним политическим противостоянием в Золотой Орде, а Дмитрий Донской был союзником хана Тохтамыша в борьбе

с Мамаем, что у Дмитрия Донского вся конница была татарской. Обо всем этом историки знают, но в Казани это можно говорить, а в Москве — нет.

Не дай бог оказаться под методическим руководством Института этнологии РАН, где его директор В.А.Тишков, придерживающийся конструктивистских позиций утверждает, что все народы — это изобретения политиков и идеологов, и сегодня нужно создать новую «российскую» нацию без татар, чуваш, марийцев, чеченцев, и даже без русских. Будущее нельзя сконструировать произвольно. Достаточно вспомнить кампанию за формирование «советского народа» или «югославского народа». Все это закончилось печально, и даже трагически. Любые конструкции без учета истории и традиций не жизнеспособны.

Наш прорыв в гуманитарной сфере произошел за счет закрытия кричащих прорех, за счет новых тем, координации усилий ученых разных стран вокруг нескольких ключевых проблем, в которых мы можем быть монополистами, т.е. тема болгарской цивилизации, Золотой Орды и татарских ханств, межнациональное согласие, исламоведение и некоторые другие. Но методологический арсенал остался прежним, просто сняли ссылку на Маркса и Ленина. Сталинизм ругают днем и ночью, и правильно делают, но, например, сталинское определение нации так и гуляет по страницам наших трудов. Парадоксальность ситуации заключается в том, что некоторые исследователи, ругающие Маркса и Ленина, сами являются яркими конструктивистами.

В итоге оказалось, что наши ученые продолжают изучать общество в советских традициях, т.е. пишут с точки зрения базиса и надстройки, при этом исторические труды похожи на отчеты Госкомстата по урожайности и валовому продукту. Для исследователей существуют трудящиеся, а личностей нет, т.е. историю творила экономика, а люди были при ТЭЦ, при авиапроме, машиностроении, приборостроении, на жатве и т.д.

Далее оказалось, что за советское время ученые гуманитарной сферы отдалились друг от друга. Лингвисты общаются на диалектах, этнологи изучают культуру мишар, кряшен, нагайбаков, астраханских, сибирских, касимовских, пензенских, пермских, московских, башкирских и других татар — всех не перечить. Археологи все что раскапывают, называют именами деревень и трудно понять о какой культуре идет речь. Литературоведы пересказывают великие произведения наших поэтов в прозе.

Ученые говорят на разных языках. Татар поделили на такие составные части, что неизвестно, как теперь собрать вместе, ведь все это подкреплялось диссертациями и монографиями, целыми научными направлениями «булгаристов», «татаристов», диалектологов и т.д., закреплялось государственными премиями и званиями. Потерялись широкий контекст и глубина исследования.

О таком делении татар по диалектическому признаку и на этнографические группы мечтал Петр Столыпин. В протоколе заседаний Особого совещания 1910 года было отмечено, что «15-миллионное мусульманское население России, относящееся по преимуществу к одному племени и говорящее хотя и на различных наречиях, но имеющих в своей основе один язык, переживает в настоящее время новый фазис своего развития, стремится к просвещению и, разрушая старый, создает новый быт, который угрожает культурной самобытности России». Реакционеры царской России прекрасно понимали, что тюрки страны (сегодня СНГ) «одно племя» и в своей основе имеют один язык. Достаточно послушать балкар или кумыков, ногайцев или башкир, казахов, киргизов, чтобы понять их без переводчика. Не нужен переводчик, значит у нас один язык, при внимательном изучении — одна история, одна культура. Вот и вся методология. А наши языковеды отыскивали десятки диалектов только в татарском языке, а этнографы десятки

этнографических групп. В некоторых областях только из научных книг узнали, что они, оказывается, на самом деле мишаре, а не собственно татары и говорят на особом диалекте.

Петр Столыпин, а вслед за ним большевики стимулировали обособление этнографических групп тюрко-татар, возведя их в ранг наций и народов, а любой намек на единство стали называть пантюркизмом. Зачем же наши ученые продолжают это дело? Наука по определению является синтетической, она изучает этнос и общество в целостности. Анализ — всего лишь предварительный этап в научном исследовании, но не итог.

Конечно, каждый хочет знать свою родословную, историю своей деревни и города, особенности культуры в каждом регионе, специфику говоров. Это замечательное желание, которое должно быть подкреплено научными и популярными изданиями, но это не повод для объявления сибирских татар или кряшен, или нагайбаков отдельными народами, чему старательно способствовали наши гуманитарии.

От советского наследия нам досталась катастрофическая отсталость от мировой гуманитарной науки в методологическом плане. Мы гордимся теми, кто даже в советское время сумел написать о Золотой Орде, это Сафаргалеев и Миркасым Усманов, но они не могли и не стремились менять методологию. А сегодня это настоятельная потребность.

За последние годы не появилось ни одного труда в гуманитарной сфере, включая наших зарубежных коллег, в которых были бы предложены новые подходы к исследованию истории, языка, культуры. Подготовка студентов в Казанском федеральном университете несет все недостатки старой школы, и мы получаем кадры, продолжающие советские традиции.

Не сказать, что в России дела обстоят лучше, но у них задел был мощнее, и они в чем-то могут выглядеть достойно в течение какого-то времени, но неко-

торые направления уже вырождаются. Например, этнология, уходящая корнями в труды Миклухо-Маклая, сегодня стала или этнополитикой, т.е. разделом политологии или этносоциологией, т.е. разделом социологии. А этнография умирает вместе со стариками. Этнологов не осталось. Однако такая полиэтничная страна, как Россия, не может существовать без этнологии.

Существенный научный потенциал имеется не только в Петербурге и Москве, но и в Уфе, Барнауле, Новосибирске, Томске, Екатеринбурге. С нами сотрудничает ряд исследовательских центров в Болгарии, Крыму, Казахстане, Венгрии и Германии. Есть отдельные специалисты в США, Турции, Франции, Польше и других странах. Важно укреплять координирующую функцию Академии наук Татарстана не только в организационном, но и методологическом плане. К сожалению, за последние годы университеты России потеряли свой исследовательский потенциал в гуманитарной сфере, основные исследователи собраны именно в академических институтах.

Дальнейшее развитие гуманитарных наук по татарской тематике — или шире — по истории и нынешнему состоянию Евразии может состояться благодаря двум кардинальным изменениям в методологических подходах.

Первое. Гуманитариям необходимы полидисциплинарные подходы, но это невозможно сделать искусственно. Мы пытались в рамках Института истории интегрировать подходы историков, этнологов и археологов, но не смогли договориться даже о единой терминологии, например, по такому понятию, как культура. У историков одно понимание культуры, у этнологов оно несет другой смысл, археологи — сами не понимают, что означает культура. Еще труднее найти общий язык с лингвистами, которые превратились в диалектологов, а литературоведы стали интерпретаторами текстов произведений. Тем не менее, мы продолжаем успешно работать вместе только потому, что выучили тер-

минологию друг друга, без какой-либо редукации понятий. Между тем «культура» предполагает некую модель поведения людей. Это не просто праздники, ритуалы, обряды захоронений, религиозная догматика, литература и искусство. При нынешнем традиционном подходе культура расчленена по разным наукам и обособленным дисциплинам, в то время как она целостна и органично связана с социальной жизнью.

История может подсказать модели поведения, которые уже оправдали себя в прошлом. Например, история нас учит, что до революции самые успешные предприниматели как у русских, так и татар были честными, поскольку они следовали кодексу чести, поддерживали систему образования, занимались благотворительностью. Воры и обманщики рано или поздно сходят со сцены и не потому, что их поймали, или Бог наказал, а потому что они выстроили свой бизнес вне интересов общества. Это не сознательная деятельность священников и моралистов, а самозащита общества.

Другая поучительная тема связана с образованием, о чем оставили не только интересные мысли, но и важный опыт Шигабетдин Марджани, Галимджан Баруди, Исмаил Гаспринский, братья и сестра Буби-Нигматуллины. О чем он говорит? Мы можем полагаться исключительно на собственные учебные заведения, которые должны стать мирового уровня. Баруди предлагал, изучая русский и другие языки, тем не менее, создать собственную образовательную систему и не по этнической причине. Он уже тогда критиковал русскую и немецкую систему образования, в которой слишком много было схоластики. Почему мы сегодня должны полностью полагаться на российскую, западную системы образования, или исламский мир?

Мы посылаем детей учиться в разные страны, откуда они привезут другие традиции, которые идут в разрез с нашими. Нам не подходит пуританская Америка, лютеранская Германия, ка-

толическая Франция, кальвинистская Швейцария, конфуцианский Китай. У нас Евразия, в основе которой лежит тюрко-славянский союз со своими традициями. Система образования – громадный ресурс, гораздо эффективнее, чем нефтяные запасы, поэтому должна быть своя собственная система образования на татарском ли, русском, английском, но своя. Я пытался вспомнить удачный пример тех, кто обучался в последние годы за границей и сделал вклад в татарскую культуру. Таких не вспомнил. Зато могу назвать немало примеров того, как наши коллеги или их дети уехали учиться и не вернулись. Они любят свою Родину, но издалека. Когда мы говорим об обучении детей за границей, мы просто их отсылаем за границу из непредсказуемой России.

Для объединения гуманитарных дисциплин должны быть сформулированы общие темы, связанные не с прошлыми, а с сегодняшними задачами. История нужна для того чтобы понять настоящее и предсказать будущее. О чем нам говорят архивы, археологические находки? Какой смысл несут этнографические материалы? И что должна нам подсказывать этнология или – шире – антропология? Каков реальный результат этих усилий, но не рыночная стоимость, а общественная значимость? Такие требования выдвигает жизнь.

Всем интересно знать прошлое, как все было на самом деле. Это не простое любопытство, оно связано с пониманием смысла жизни. Все хотят знать, откуда они произошли. Не сбрасывая со счетов естественное и оправданное любопытство, тем не менее, прошлое надо изучать ради будущего. Нет другого смысла у гуманитарных наук. Поэтому путь исследования истории идет не от прошлого к современности, а наоборот, – от настоящего к прошлому. Именно современность диктует проблемы историкам, но не в каком-то конъюнктурном, сиюминутном плане. Историк задает прошлому те вопросы, которые существенны для современности.

История – это наука о будущем.

ESTABLISHING NEW UNIVERSITIES IN THE ERA OF GLOBALIZATION: ISSUES OF CURRICULUM, NATIONAL LANGUAGE, AND HISTORY

Uli Schamiloglu, University of Wisconsin-Madison

1. Globalization of Higher Education on the U.S. model

The world is currently witnessing a rapid expansion in university-level education across the globe, especially in the areas of engineering and technology. Countries as different from one another as India, China, the various emirates of the United Arab Emirates, and Panama (to name just a few examples) have decided that their future lies in a knowledge-based economy. There are numerous models for how to pursue a knowledge-based economy and I will briefly survey some of these models below.

Some countries have invited one or more foreign universities to open a branch campus in their own country. The best-known example of a single university opening a comprehensive branch campus teaching a broad range of fields is New York University, which has opened a branch campus in Abu Dhabi. The construction of the campus and its operations are supported by the royal family of the emirate. The goal of this strategy is a high level of global integration, with faculty teaching in Abu Dhabi regularly spending time at the mother campus in New York City. Students can also transfer between the two campuses. Not all examples of comprehensive branch campuses on this model have been successful. George Mason University, which was one of the earliest examples of this model, opened a branch campus at Ras al-Khayma in the United Arab Emirates in 2005, but closed it down in May 2009. Other universities have been established in collaboration with a single partner institution. One example of this is the Gulf University of Science and Technology (GUST) in Kuwait, with the

University of Missouri serving as their strategic partner. So far this university has had a limited English-language curriculum emphasizing computer science, English literature and language (various specializations), communication, and business.

Another model is for multiple institutions to collaborate in a single campus. A notable example of this is Education City in Doha, Qatar, which began its first program in 1998. Education City is supported by the Qatar Foundation for Education, Science and Community Development. At present Virginia Commonwealth University is participating in the Qatar School of the Arts; Cornell University is participating in the Weill Cornell Medical College in Qatar (at present the only institution offering doctoral-level programs); Texas A&M University at Qatar offers degrees in engineering; Carnegie Mellon University in Qatar offers degrees in business, computer science, and information systems; Georgetown University School of Foreign Service in Qatar offers a degree in foreign service; and Northwestern University in Qatar offers degree programs in journalism and communication. There is also a Faculty of Islamic Studies as well as additional new programs run by French and British institutions of higher education, HEC Paris (École des Hautes Études Commerciales de Paris) in the area of graduate executive education and University College London in the fields of museum studies, conservation, and archaeology. One strong disadvantage of this model is that each individual university's program is like a separate «silo», with no integration between the programs run by different universities. Cross-registration by students enrolled in one school in courses

offered by another school is not a part of this model. This is a strong obstacle to creating a unified comprehensive institution of higher education based on this particular model.

Another notable variation on this model is offered by the King Abdullah University of Science and Technology (KAUST), established in Thuwal, Saudi Arabia in 2009. This university, which offers instruction in English, is exclusively a graduate institution offering programs in the life sciences, engineering, computer science, and physical sciences. Aside from the fact that this will be a mixed gender institution in a country where mixed gender education is otherwise prohibited, what is significant about the model offered by this institution is that individual departments partner with individual departments at universities such as the University of Texas-Austin, the University of California-Berkeley, and Stanford University.

Most recently, Yale University announced that it will establish a new residential liberal arts college in collaboration with National University of Singapore. Yale-NUS College will be an autonomous college of National University of Singapore and aims to offer a new model of liberal arts education for Asia. This new development highlights the significance of a U.S.-model liberal arts education, to which I will return below. At the same time, many countries are attempting to develop new universities specializing in science and technology without including the kinds of general education courses (including some courses in the humanities) which would be a standard feature of an education in science and technology (including schools of engineering) in the U.S. This should be seen as an inherent weakness of such new universities.

2. Personal experience in the Middle East and Central Asia

As director of the Middle East studies program at the University of Wisconsin-Madison I have visited a number of new institutions of higher education in Dubai, Sharjah, and, of course, Turkey. In 2009

I visited a series of campuses in the Middle East, including Koç University. While I have been familiar with the model of Koç University since it first opened in the early 1990s, I am impressed at how it has developed. Of course, now there are other new English-language universities in Turkey based on the U.S. model such as Sabancı University. I also visited the American University of Sharjah, the newest such university of its kind in the Middle East. AUS together with the American University of Beirut and the American University of Cairo are leading American-style universities in the Middle East. Although these universities are not related to each other, they are U.S.-model institutions of higher education with instruction in English accredited by an accreditation organization within the United States. Finally, in Dubai I visited the satellite campus which Michigan State University had opened in Dubai International Academic City in 2008. This campus, which had the same admissions criteria as for international students applying to MSU in East Lansing, Michigan, offered eight separate undergraduate and graduate professional degree programs. Unfortunately this campus was shut down in 2010 after enrollments plummeted owing to the international financial crisis, with students who had begun at MSU-Dubai transferring to the main MSU campus in Michigan.

As director of the Central Asian Studies Program at the University of Wisconsin-Madison, I have also had the unique experience of being involved with our University's project to advise Nazarbayev University in Astana, Kazakhstan on the development of a School of Humanities and Social Sciences. (I will have more to say about that below.)

I would observe based upon my experiences that the universities participating in the globalization of higher education tend to be institutions of higher education in the United States, with a few notable institutions in Europe (especially in the United Kingdom but also France). In Dubai I also observed the presence of institutions based in other English-speaking countries such as Australia opening smaller branch cam-

poses, in part to meet the high demand for learning English and gaining a university degree in an English-speaking academic setting.

In conclusion, while there is a rapidly growing demand for education on the U.S. model, there is no demand for the Russian model of higher education on the global market of which I am aware.

3. The liberal arts:

The U.S. model of higher education

The U.S. model of higher education is based on the liberal arts education. The principle underlying this approach is the belief that a broadly based education in the humanities, social sciences, and natural sciences with additional courses in certain skills such as communication in English, quantitative skills, and foreign language offers a university graduate better preparation for the future. Rather than learning a set of facts, the student learns to how to collect data, analyze data, and to synthesize data. In the U.S. there is the belief that such preparation will train the student to enter the work force and continuously learn new skills and to adapt to various changes over the course of his or her career. This is especially important in today's world, since it is believed that students will have many different jobs over the course of one's working career. In the U.S. corporations value students with liberal arts backgrounds because they will adapt more readily to the workplace. Many CEOs (chief executive officers) of corporations have an undergraduate education in the liberal arts, and the University of Wisconsin-Madison has produced the highest number of CEOs of top 500 U.S. companies of any university.

A liberal arts education is based on the credit system, meaning that you have to take a certain number of credits to meet a range of requirements. (One course is usually 3 credits, and students are usually required to take approximately 120 credits to graduate.) Each college has its own specific requirements, since there are no national requirements. These courses are distributed over specific general education

requirements (including English composition, quantitative skills, foreign language, humanities, social sciences, natural sciences, and sometimes additional areas such as athletics). About one-third of a student's courses are in general education requirements, another one-third of a student's courses are in a major (specialization), and roughly another one-third of a student's courses are in electives of the student's own choosing.

Students choose their own major from a broad list of majors. Most colleges will offer common majors such as English, History, Economics, Political Science, Psychology, Anthropology, or Sociology. Colleges which are part of a larger university, such as is the case at the University of Wisconsin-Madison, may offer more specialized majors not usually found at smaller colleges. Students may begin taking courses towards their major even in their first year, but they generally do not declare a major until the end of their second year or the beginning of their third year. Some students take advantage of the opportunity to take elective courses to declare a second major (or a certificate program) rather than taking unstructured electives. This is possible because each student's program is unique, they choose what courses they take (in consultation with an adviser), they can usually decide when to take them, and often there is no requirement for a specific sequence of courses, especially in the humanities. (There is more likely to be certain required courses which one must take in some social science disciplines and especially in the natural sciences.) For this reason, the U.S. model liberal arts are very flexible and allow each student to explore his or her own areas of interest. Cohorts are rare and usually only in highly specialized technical programs.

Another feature of the U.S. model is that most professional education is at the graduate level. It is only after completing a liberal arts education that one enters medical school, law school, a graduate business program, or a different graduate program. One can study German poetry as an undergraduate and still attend medical

school. One can also study one field as an undergraduate and pursue graduate degrees in another field. While it is true that some students study business as an undergraduate, undergraduate programs still include significant general education requirements. This is also true of undergraduate engineering programs. Nevertheless, one of the current issues in engineering is the importance of increased training in the liberal arts and increased internationalization. This inclusion of the liberal arts (or «general education») is because of the belief that this encourages critical thinking. As I tell students in my own classes, each one of my courses emphasizes critical thinking, and if I have not taught critical thinking skills in my course, then I have failed as a teacher.

4. The College of Letters & Science at the University of Wisconsin-Madison

Let us talk the undergraduate curriculum in the College of Letters & Science at the University of Wisconsin-Madison as a good example of a school providing general education courses to a university with a strong profile in science and technology. Students in Engineering and other schools will take a smaller number of credits in general education. At the same time, students studying the humanities, social sciences, and the natural sciences enrolled in the College of Letters & Science all have to meet the same higher number of credits in general education forming the basis of a liberal arts education, whether they major in English, Political Science, or Physics. These general education requirements are as follows:

- Communication A (3 credits) – This is usually the first college-level course in English composition. Students who score high enough in a placement test are exempted from this requirement.

- Communication B (3 credits) – This is a course focused on any topic, but it includes at least four major writing assignments, including practice revising papers.

- Quantitative Reasoning A (3 credits) – This will typically be a college-level

course in algebra or trigonometry, but it can also be a course in logic.

- Quantitative Reasoning B (3 credits) – This could be a course in mathematics such as calculus, but it can also be any course which incorporates quantitative reasoning such as economics, chemistry, statistics, or even ecology.

- Humanities (12 credits, including 6 credits Literature) – This would usually be four courses in fields such as History, Philosophy, English or world literature, or other fields. Given the fact that the University of Wisconsin-Madison has many foreign language departments, there is a rich offering of courses in English on many world literatures.

- Social Sciences (12 credits) – This would usually be four courses in fields such as Political Science, Sociology, Anthropology, Economics, etc.

- Natural Sciences (12 credits, including 3 credits Biological Science and 3 credits Physical Science) – This would usually be four courses in fields such as Biology, Chemistry, or Physics, but there are also many additional options such as Astronomy, Atmospheric Science, and other fields.

- 4 semesters Foreign Language (usually 16+ credits) – The most popular language is Spanish, but the University of Wisconsin-Madison regularly teaches dozens of languages which one can use to meet the foreign language requirement, including Turkish or Kazakh.

- Ethnic studies (3 credits) – This is a course which must focus on the study of an ethnic minority within the U.S.

Courses can fulfill more than one requirement. There are additional requirements as well. For example, at least half of a student's courses should be at the intermediate or advanced level. In addition to these general education requirements, each student must choose a major.

In my own teaching, I teach a number of courses which can fulfill these requirements in various ways. I teach a writing course on «Culture and Imperialism Along the Silk Road» which meets the Communication B requirement. I also teach a course

on «Literatures of Central Asia» (with readings in English translation) which meets the Literature requirement. Finally, most of my other courses in Central Asian history or Turkic linguistics will also meet the humanities requirement.

5. UW-Madison as the Strategic Partner for the School of Humanities and Social Sciences at Nazarbayev University

As I have already mentioned, I have had the honor of being the faculty team leader for the University of Wisconsin-Madison's project for collaboration with Nazarbayev University (NU), a new university being established in Astana, Kazakhstan with the support of the government of the Republic of Kazakhstan. Nazarbayev University is being established as an elite English-language university on the U.S. model.

The University of Wisconsin-Madison is serving as the strategic partner for developing the School of Humanities and Social Sciences at Nazarbayev University. The other strategic partners are University College London for the Foundation Year (an intensive program in English and academic subjects) and the School of Engineering, Carnegie (a subsidiary of Carnegie Mellon University) for the School of Science and Technology, Duke University Fuqua School of Business, the Lee Kuan Yew School of Public Policy (National University of Singapore), and other partners for the various researches being established at NU. In 2010 the Foundation Year admitted its first class of almost 500 students from the best schools through a highly competitive recruitment process. Students completing the Foundation Year successfully continued their programs at the various schools beginning in fall 2011.

Just like the College of Letters & Science at the University of Wisconsin-Madison, the School of Humanities and Social Sciences at Nazarbayev University will provide general education courses in the humanities and social sciences to students enrolled in the other schools. While all the schools at Nazarbayev University are based on the credit system, at present only

the School of Humanities and Social Sciences offers its students flexibility in terms of the when they can or should take which courses. Because of complicated staffing, space, and scheduling issues, at present the other schools teaching laboratory-based courses have highly structured programs reminiscent of the cohort system. This may change in the future once the facilities are completed and there is more flexibility in the scheduling of classes.

6. Special Kazakhstan requirements at Nazarbayev University

Although Nazarbayev University is exempt from the state regulations of the Ministry of Education governing other universities in Kazakhstan, it is the intention that this will be the most prestigious institution in Kazakhstan, meaning that it will also train the future élite of Kazakhstan. Since Kazakhstan has a requirement for knowledge of Kazakh language for employment with the government, it is important that graduates of Nazarbayev University also have a good knowledge of Kazakh language and other subjects relevant for a university based in Kazakhstan. To address these important considerations, Nazarbayev University requires all its students to take the following additional courses:

- One course in the «History of Kazakhstan».
- One course in Ethics, Philosophy & Religion.
- One course in Kazakh language (1 credit each semester).

The School of Humanities and Social Sciences will provide the courses in Kazakh language, the history of Kazakhstan (a requirement which could be fulfilled by a variety of courses), and additional courses in Kazakh culture in addition to providing general education courses for the other schools in Nazarbayev University.

7. Kazan Federal University: Credit system with or without cohorts?

This discussion leads me now to a consideration of the new Kazan Federal Uni-

versity which has been established on the basis of Kazan State University, the Tatar Humanities and Pedagogical University, and other institutions of higher learning in Kazan and elsewhere in the Volga region. The establishment in the Russian Federation of such new federal universities is intended to create powerful new research universities through the consolidation on existing institutions of higher education with additional support from the central government. It is clear that these institutions are expected to reach out to international partners and become world-class institutions with new degree structures which can integrate better into the European and global system of higher education.

The first question the establishment of the new Kazan Federal University raises is on what model is it based. Is it an international model, a new Russian model, or a continuation of the earlier system? Might it even be similar to the U.S. model? Based upon what I have read over the past year as well as my recent visit to the Kazan Federal University, it appears that—so far—it does not represent a break with the past, except perhaps for moving to a «credit system» (*ballovaya sistema*). In my discussions with colleagues in Kazan, it appears that the credit system as it is being applied at the new Kazan Federal University does not represent a break with the cohort (*gruppa*) system. Rather than introducing a flexible new system for taking courses, rather than introducing new methods of instruction to encourage critical thinking as opposed to the system which based on presenting of facts, and rather than trying to integrate with European and global systems of higher education, it appears that the new Kazan Federal University represents a continuation of earlier practices.

The second question is how the Kazan Federal University will address the fact that it is situated in Tatarstan and that it may have many students interested in studying Tatar language, history, and culture. It would be difficult to imagine that the Russian Federation would all the Kazan Federal University to require students to study Tatar language. This may be possible in Ka-

zakhstan, but not in the Russian Federation. We know that students studying Tatar philology will be able to study Tatar language, but will students studying political science, economics, public administration, physics, or medicine also be able to study Tatar language as well? Well, the short answer is that in the credit system in the U.S. model, this would be possible, but in the cohort system, in which all courses are highly structured and offer no possibilities for flexibility, this is impossible.

The situation is actually far worse. The consolidation of Kazan State University with the Tatar Humanities and Pedagogical University and other institutions will actually result in a **decrease** in the number of faculty offering courses in Tatar language, history, and culture. This is not what was hoped for in the establishment of a new federal university in Kazan of all places! If the Kazan Federal University is to have any chance of succeeding, it can look to European and global models (including the U.S. model) for examples of how to restructure its curriculum to introduce greater flexibility. This is what the purpose of introducing the credit system should be, i.e. the introduction of flexibility in what courses students can take.

Through the introduction of a flexible curriculum, one can make it possible for students studying political science, economics, public administration, physics, or medicine to study Tatar language. If the Kazan Federal University is to produce the future elite of Tatarstan, it makes sense that they should be familiar with Tatar language and culture. (If the Kazan Federal University is to produce global leaders, they should be able to learn German, Spanish, Arabic, Chinese, or Japanese for that matter, too.) Indeed, one can even create incentives for them to study Tatar language, history, and culture, even if it cannot be required.

This leads to the next question of whether there is a designated institutional home at the new Kazan Federal University for Tatar language, history, and culture or for a broader interdisciplinary approach to Tatar Studies. Unfortunately it seems that the establishment of a Kazan Federal University

has been a major step backwards for the study of Tatar language, history, and culture. It may be that the only way to ensure the survival of instruction in Tatar language, history, and culture in the future may be to institutionalize it through the creation of a Center for Tatar Studies within the structure of the new Kazan Federal University. This must offer the possibility for students in a wide range of faculties to take courses in Tatar language, history, and culture, not just future teachers of Tatar language. Perhaps this can be funded by the Republic of Tatarstan as well as through private donations.

In fact, I would go so far as to propose the establishment of an honors college within the new Kazan Federal University which would offer instruction according to the credit system on the U.S. model. The language of instruction would be English, with an additional curriculum in Tatar language, history, and culture. It should also offer the possibility for the study of other world languages and cultures and draw upon international faculty. This would be a prestigious college designed to prepare the future élite of the Tatar people and of Tatarstan. It would train students across all fields in the humanities, social sciences, and natural sciences on the basis of the U.S. model for a liberal arts education. It would attract the best students because it would offer the best education in English and Tatar for meeting the challenges of a globalizing world in the 21st century, not a second-class education for Tatars. I made a similar proposal for a national university (*milli universitet*) which I submitted to President Shaymiev in 2001. This was also published in *Zvezda Povolj'ya* (trans. Damir Isxakov, *Zvezda Povolj'ya*, August 30, 2001).

8. Need to study and publish works which are critical for the history of Tatar culture

Finally this brings me to my final topic, preserving the Tatar cultural heritage and

making it available for a new generation. First of all, there is an urgent need to study and publish the sources of Tatar history, literature, and culture. There is much yet that is to be done and — especially with the passing of Professor Mirkasym Usmanov — there is a vacuum of leadership in producing a new generation of scholars sufficiently well versed the primary textual sources necessary for understanding the bases of Tatar cultural. (For example, the sources for studying the history of Sufism in the Volga region are still inadequately researched.) Some of the most important work in the publication of texts important for understanding the history of the Volga region is being done in countries such as Hungary rather than in Tatarstan. Another element related to this is the importance of reviving Turkology in Tatarstan and throughout the territories of the former USSR. It is impossible to understand the history of Tatar language and culture — not to mention sources written in Tatar — without a broader understanding of the problems of the history of the Turkic languages. This also involves the need for adequate training in Islamic Studies. How many scholars in Tatarstan are sufficiently well trained to work with Tatar historical sources written in Tatar? How many of them can work with Tatar historical sources written in Arabic, too? How can we claim to know our own past when the works of great scholars such as Shihäbeddin Märçani remain inaccessible even a century after his death? Finally, there needs to be a greater emphasis on producing new teaching materials within Tatarstan itself, perhaps in collaboration with foreign scholars. How many textbooks for teaching medieval history at the university level in Russia reflect a professional view of the past, without portraying Tatars, the Golden Horde, or the Khanate of Kazan matter from the perspective of an anti-Tatar bias? It is incumbent upon ourselves to address this last issue, since we cannot expect that others will address this issue for us.

РЕЗОЛЮЦИЯ II ВСЕМИРНОГО ФОРУМА ТАТАРСКИХ УЧЕНЫХ

(Казань, 1 октября 2011 г.)

В г. Казани 30 сентября – 1 октября 2011 г. состоялся II Всемирный форум татарских ученых, приуроченный к 20-летию со дня образования Академии наук Республики Татарстан.

Организаторами форума выступили Академия наук РТ и Исполком Всемирного Конгресса татар. В работе форума приняли участие более 500 ученых, представителей 14 государств и 24 республик и регионов, а также руководители и сотрудники государственных органов управления, учреждений сферы культуры, образования, науки, информации и коммуникации, бизнеса, гражданского общества, СМИ, политические и общественные деятели.

На форуме прошло обсуждение исторических, языковых, политических, этно-культурных, социально-экономических и иных аспектов развития современного татарстанского общества, вклад татарских ученых в мировую науку, в экономику и культуру Татарстана.

Участники форума определили приоритетными задачи сохранения и развития татарского языка, национального самосознания, национального образования, интеграции результатов фундаментальных и прикладных исследований татарстанских ученых и ученых-татар со всего мира в мировую научно-образовательную сферу.

Участники форума с удовлетворением отметили, что создание Академии наук послужило сохранению и преумножению интеллектуального потенциала республики, сохранению и укреплению ведомственных и отраслевых научно-исследовательских институтов и центров.

Участники форума констатировали, что проведение I Всемирного фору-

ма татарских ученых в 2007 г. сыграло определенную интегрирующую роль в развитии научного сотрудничества ученых-татар со всего мира, в сферах, направленных на духовное развитие татарского народа. I Всемирный форум привлек внимание ученых с мировым именем к проблемам Татарстана и татарского мира, дал толчок развитию и установлению контактов в различных областях науки.

В соответствии с резолюцией I форума в Татарстане начато создание банка инновационных идей татарских ученых, полезных для экономики Татарстана, через ежегодный конкурс «50 лучших инновационных идей для Республики Татарстан». Начиная с 2008 г. в конкурсе принимают участие ученые не только из Татарстана, но и из других регионов РФ и зарубежных стран.

Участники форума обращают внимание Координационного совета татарских ученых при АН РТ на необходимость дальнейшего совершенствования своей деятельности по консолидации татарских ученых и по формированию единого научно-исследовательского и образовательного пространства, в том числе используя инфо-коммуникационные технологии, для ученых со всего мира с участием АН РТ, КазНЦ РАН, высших учебных заведений и инновационных структур РТ.

Участники II Всемирного форума татарских ученых, ознакомившись с новейшими фундаментальными и прикладными исследованиями ученых-татар в области гуманитарных и естественных наук, обсудив проблемы и перспективы развития научных изысканий и внедрения новых технологий в Республике Татарстан, постановили:

– продолжить адресную работу по консолидации татарских ученых со всего мира в рамках реализации республиканских программ и проектов, таких как «Государственная программа социально-экономического развития Республики Татарстан на 2011–2015 гг.», «Стратегия развития образования Республики Татарстан на 2010–2015 гг.», «Государственная программа по сохранению, изучению и развитию языков народов Республики Татарстан до 2013 г.», «Стратегия научной и инновационной деятельности в Республике Татарстан до 2015 г.»;

– всемерно содействовать сохранению и развитию научных школ и центров мирового уровня, возглавляемых татарскими учеными, изучить и распространить в научном сообществе опыт работы с научной молодежью;

– продолжить создание банка инновационных идей татарских ученых для дальнейшего использования в Республике Татарстан;

– призвать ученых-татар принимать активное участие в ежегодном конкурсе «50 лучших инновационных идей для Республики Татарстан», содействуя тем самым социально-экономическому и гуманитарному развитию республики;

– предпринять совместно с министерствами и ведомствами Республики Татарстан, в частности с Министерством образования и науки РТ, конкретные шаги по сохранению татарского языка, восстановлению татарских школ в России, по совершенствованию системы ЕГЭ, в том числе по организации сдачи ЕГЭ на двух государственных языках – татарском и русском;

– создать мультимедийный виртуальный музей-библиотеку научного и творческого наследия татарских деятелей науки, просвещения и культуры;

– обратиться в Государственный Совет Республики Татарстан с предложением внести соответствующие поправки в Закон Республики Татарстан «Об информационных ресурсах и информатизации Республики Татарстан», с целью обеспечения необходимой защиты и поддержки татарского языка на государственных сайтах (включая обязательное ведение сайтов государственных органов, ведомств и учреждений на двух государственных языках: татарском и русском);

– рекомендовать руководству Казанского федерального университета продумать создание в структуре вуза национального института для обеспечения возможности получения высшего образования на татарском языке.

УДК 321; 323

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ – ВЫСОКОЧТИМЫЙ ПОЭТ НА СЛУЖБЕ ТАТАРСКОЙ НАЦИИ И СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИЗМА

Михаэль Фридерих, доктор

*1.2.4. Тукай-оптимист
(середина 1930-х – конец 1950-х гг.)**

Переоценке подверглось не только прошлое в целом, но была пересмотрена роль отдельных личностей в истории. Если между серединой 1920-х и серединой 1930-х гг. говорилось больше об анонимных массах, игравших решающую роль в историческом развитии, то теперь были выставлены на передний план и отдельные «лидеры». Как в политике, в которой, конечно, Сталин поставил на первое место себя, так и в науке и литературе прославление и героизация стали не только возможными, но и официально поддерживаемыми и пропагандируемыми. Наглядным примером тому служат многочисленные статьи в советской прессе с начала 1936 г., в которых речь шла о различного рода датах этих вновь «коронованных» лидеров и героев. Такие примеры почитания встречаются вплоть до конца Второй мировой войны¹. Установление памятников было еще одной, внешней манифестацией нового духа, по сравнению с прежним временем. Так, например, в 1947 г., в то время, когда в Советском Союзе еще не было памятников Марксу, Энгельсу или Ленину, в Москве был сооружен монументальный памятник Юрию Долгорукому, московскому князю XII в.² Кроме того, с середины 1930-х гг. множество улиц, колхозов, фабрик, деревень и городов были переименованы в честь исторических личностей³.

Параллельно с возрождением прошлого шло устранение революционеров первой волны. Убийство С.М.Кирова 1 декабря 1934 г. стало поводом и началом целой цепи процессов против высоких и высших партийных функционеров. В 1936 г., своими замечаниями о «глупой болезни беспечности» и «преступном уменьшении бдительности», Сталин заложил основу действий, которые впоследствии получили название «великой чистки»⁴. Преследования 1936–1938 гг. были направлены не только против отдельных личностей, но и против «всего партийного и государственного аппарата, против всех слоев населения»⁵.

Вторая мировая война, с одной стороны, повлияла на временный отказ от атмосферы террора в Советском Союзе, господствовавшей в предыдущие годы, а с другой – привела к усилению патриотизма⁶. 7 ноября 1941 г. в своей речи по поводу 24-й годовщины Октябрьской революции Сталин назвал имена героев, которые он хотел бы воспринимать как символы нового патриотизма: Александр Невский, Дмитрий Донской, Кузьма Минин, Дмитрий Пожарский, Александр Суворов и Михаил Кутузов. Их портреты и брошюры о них стали издаваться огромными тиражами и распространялись бесплатно⁷. Вне зависимости от исторической эпохи, в которую они жили, все эти исторические личности имели одно общее – они были русскими и боролись за русское Отечество. То, что Сталин отдавал предпочтение русским по от-

* Продолжение этой главы. Начало главы см. «Научный Татарстан», 2011 г., № 3.

ношению к другим народам СССР и поддерживал русский патриотизм, одновременно выступая против «националистических тенденций» нерусских народов, он также продемонстрировал 24 мая 1945 г., спустя две недели после окончания войны, когда свой тост в честь военачальников Красной Армии провозгласил не за советский, а за русский народ⁸.

Для нерусских народов Советского Союза Вторая мировая война, в какой-то степени, означала передышку. Борьба против «националистов» и «контрреволюционеров» по отдельности или в группировках, которая велась практически без перерыва с конца 1920-х гг., временно приостановилась. Изучение национальной истории и культуры во время войны стало настолько безопасным, каким не было с середины 1920-х гг. И все же сразу после окончания войны стало ясно, что заявление коммунистического руководства о недостатке внимания к национальным героям, сделанное в 1942 г.⁹, являлось лишь прагматичным и чисто тактическим ходом: тот же автор, говоривший об этом недостатке в 1942 г., уже в июне 1945 г. обвинил авторов «Истории Казахской ССР», вышедшей в 1943 г. в Алма-Ате, в проявлениях национализма¹⁰.

Относительно либеральная атмосфера, господствовавшая в советской литературе и искусстве во время войны, продлилась по окончании войны около года. С резолюции ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» началась целая серия кампаний и чисток, продлившаяся до начала 1950-х гг. За «тяжелые ошибки» критике и осуждению со стороны ЦК подверглись эти два журнала за публикацию статей об одном из бывших «серапионовых братьев» Михаиле Зощенко¹¹ и бывшей акмеистке Анне Ахматовой¹². 21 сентября газета «Правда» опубликовала речь секретаря ЦК, отвечавшего за вопросы пропаганды, Андрея Жданова на собрании ленинградских писателей, в которой он подтвердил августовское решение ЦК, конкретизировал

его и объяснил содержание. Жданов дал ясно понять, что долг писателей и деятелей искусства – показать преимущество русской, а не советской (!) культуры над западной¹³. Кампания, начавшаяся после этого, ориентировала русскоязычную литературу против «космополитизма», проявлявшегося в бездумном подражании и прославлении западных буржуазно-капиталистических воззрений. В нерусских республиках СССР эта кампания проводилась как «крестовый поход» против «буржуазного национализма», имевшего целью уничтожение всех самостоятельных культурных и научных традиций и восстановление старых, тесных, дружеских отношений между различными национальностями Российской империи – Советского Союза¹⁴.

Чистки, начавшиеся с кампании весны 1946 г., не ограничились лишь сферой литературы. Они распространились на театр (резолюция ЦК от 26 августа 1946 г.), кино (4 сентября 1946 г.), музыку и композиторов (10 февраля 1948 г.), сатирические журналы (сентябрь 1948 г.), вновь на театр (28 января 1949 г.) и на «космополитических критиков» (11 февраля 1949 г.).

Упомянутые резолюции ЦК и самые важнейшие статьи русской прессы, которые конкретизировали и дополняли эти документы, а также высказывания видных (русских) функционеров от литературы относительно резолюций публиковались в татарских газетах и журналах или одновременно с русскими оригиналами, или же очень скоро после публикации первых. По меньшей мере с этой точки зрения единство народов Советского Союза после Второй мировой войны было полным. Так, например, органы татарской прессы со всеми подробностями сообщали о кампаниях в сфере русской культуры и литературы, даже несмотря на то, что течения, критикуемые при этом (например, «космополитизм» и «формализм»), в татарской литературе практически не были представлены. С другой стороны, русские газеты и

журналы много внимания уделяли сообщениям о кампаниях, которые проводились только в нерусских областях страны (например, борьбе с «буржуазным национализмом»).

То, что эти решения и резолюции содержали, не было ни новым, ни оригинальным, так как в большинстве случаев они посвящались исключительно осуждению «вредных тенденций». Советская литература, как «самая передовая литература в мире»¹⁵, не имела в их интерпретации никаких иных интересов, кроме служения народу и государству. Тесное и непосредственное единение между промышленной и литературной продукцией должно было усиливаться. Принятый в 1946 г. четвертый пятилетний план определил и содержание художественного творчества: «Главная задача художественной литературы в наши дни: воспитание массы согласно идеям сталинской пятилетки, показ перспектив нашего будущего и одухотворение массы этими перспективами, мобилизация всего народа»¹⁶.

От революционного пророческого порыва, определявшего экономическую, общественную и литературно-художественную активность в начале 1930-х гг., в послевоенное время, если исключить некоторые случайные словесные проявления, не осталось и следа. В центре внимания теперь находились не основополагающие изменения, а «косметические корректуры» реального социализма, который в новой советской конституции 1936 г. был объявлен построенным¹⁷. Советская реальность сталинской чеканки окончательно победила социалистическую утопию. Место мечтателей заняли партийные бюрократы.

То, что должны были делать литература и искусство и то, что от них требовалось, – это литературно-художественная реакция на решения партии. Евгений Добренко очень ясно выразился об этом: «Стоит заметить, что [советская] послевоенная литература принципиально никак не коррелиро-

валась с правдой, и только потому ее функции состояли несколько в ином: она была обязана *донести до сознания читателей то, с чем они знакомились* через язык предписаний и резолюций»¹⁸. Такое положение дел практически не изменилось и после смерти Сталина 5 марта 1953 г. Попытки отдельных писателей и критиков, например, Федора Панферова, Владимира Померанцева, Ильи Эренбурга, Виктора Некрасова и Владимира Дудинцева, прикоснуться в своих трудах к новым берегам¹⁹, вначале были восприняты официальной критикой со скепсисом, а чуть позднее, в конце 1956 – начале 1957 гг., резко осуждены²⁰. Кампания против Бориса Пастернака, которому 23 октября 1958 г. была присуждена Нобелевская премия по литературе, окончательно показала, что партийное государство не желает рассматривать литературу и искусство вне политики и не потерпит оценки советского прошлого и настоящего с отклонениями от принятой партийной линии. Показательным для тона и уровня этой кампании явилось высказывание министра государственной безопасности СССР Семичастного, назвавшего Пастернака «свиньей»²¹. Только в начале 1960-х гг. облик русской советской литературы начал меняться²².

В 1934 г. в татарской литературе закончились острейшие идеологические споры. «Конспиративное, буржуазно-националистическое и контрреволюционное» литературное объединение «Жидегән» было раскрыто, и его мнимые члены осуждены весной 1931 г.²³ Роспуск всех пролетарских объединений в литературе и искусстве, объявленный решением ЦК ВКП (б) 23 апреля 1932 г.²⁴, подо что, естественно, попадала и ТАПП, привел к передышке в рядах писателей и критиков²⁵. С января 1933 г. ведущий и официальный татарский литературный журнал не выходил под названием «Атака», а стал называться «Совет әдәбияты». Правда, это переименование менее всего говорило об изменении способа

обращения с литературой или с литературными противниками. Новое название выражало, прежде всего, новый, общесоветский базис и перспективу, демонстрировало, как было показано выше, «советский патриотизм» и «дружбу народов Советского Союза». Первый съезд советских писателей, проходивший в Москве с 17 августа по 1 сентября 1934 г., еще раз ясно подтвердил эту общесоветскую перспективу, так как нерусским писателям было предложено «больше уделять внимания советской тематике» и потребовано отказываться от национальной истории и традиций». Такие темы, по мнению Герхарда Зимона, «позволялись лишь как фон и только тогда, когда перспектива ясно подчеркивала классовую борьбу»²⁶. До лета 1936 г., однако, «классовая борьба» в татарской литературе протекала довольно вяло.

Спасение семью советскими летчиками команды исследовательского судна «Челюскин» со льдины в Чукотском море весной 1934 г. определило как в русской, так и в татарской литературе начало нового, официально санкционированного прославления героев, наиболее зримым выражением которого являлось присвоение только что введенного звания Героя Советского Союза²⁷. В прессе очень ясно говорилось о том, что же обеспечило этот подвиг, за что боролись эти летчики – «советская Родина»²⁸. Для литераторов Татарстана, Казахстана и Узбекистана этот эпизод с «Челюскиным» имел и конкретные последствия: в августе 1934 г. союзы писателей этих трех республик призвали писателей принять участие в конкурсе, который имел целью «создание самого лучшего произведения, изображающего в поэзии посредством художественных образов эпопею «Челюскина», доказывающую, что Советская страна воспитывает непобедимых, храбрых борцов»²⁹.

Нельзя с полной уверенностью говорить, что в этом конкурсе приняло участие небольшое количество поэтов, как об этом заявлялось впоследствии.

Однако совершенно очевидно, что с весны 1936 г. положение на литературном фронте вновь обострилось. Как будто набежала тень предстоящих «больших чисток» после того, как в «Правде» в марте 1936 г. было подвергнуто критике то, что в русской литературе начали проявляться вредные тенденции, а именно «формализм» и «натурализм»³⁰, и татарский Союз писателей провел несколько заседаний по этому поводу – 21, 23, 25, 29 марта и 2, 5 апреля. С речью на тему «Татар совет әдәбияты яна күтәрелеш алдында», на первом таком заседании выступил председатель Союза Кави Наджми, он заявил, что в основе «формализма» лежат буржуазно-идеалистические взгляды, согласно которым искусство не имеет ничего общего с производительными силами и закономерным развитием общества и которые требуют самостоятельности искусства и литературы. Основными представителями таких взглядов в татарской литературе он назвал Хайретдина Вали, Фатыха Карима, Ахмета Файзи, Фатхи Бурнаша и раннего Хасана Туфана, в литературной критике – Галимджана Нигмати, Гумара Гали и Гумара Тулумбайского³¹. «Натурализм» же проявлялся в произведениях Халика Садри, Шамиля Усманова, Фатыха Сайфи-Казанлы, Карима Тинчурина и Идриса Туктарова, а также в рассказах Гумара Тулумбайского³².

Хотя вряд ли возможно найти истинную суть в обвинениях, выдвигавшихся в период «большой чистки», все же примечательно, что литературные категории «формалист» и «натуралист» во многом совпадали с политико-идеологическими категориями «троцкист» – «национал-коммунист» (=левый уклон) и «буржуазный националист» (=правый уклон): почти все авторы и критики, которым Наджми приписал «формализм», были осуждены за проявления «левого» или же «национал-коммунистического» уклона, а названные же Наджми «натуралистами» были обвинены в «буржуазном

национализме». То, что эти категории не полностью исключали друг друга, демонстрирует пример с Гумаром Тулумбайским, которому в качестве критика был приписан «левый уклон», а как писатель он был обвинен в «правом уклоне». И это, с одной стороны, подтверждает, насколько произвольным было такое подразделение на категории, а с другой – показывает, что речь шла только о том, чтобы подавить любую критику и иное мнение и обеспечить полное господство партии, персонифицированной в Сталине. Противоречивость обвинений являлась программой. Она вселяла неуверенность и делала возможным пропагандировать Сталина в качестве великого вождя и в образе твердой скалы среди волн все обостряющейся классовой борьбы.

Еще одно предупреждение Кави Наджми, сделанное в ноябре 1936 г. о том, что нельзя ослаблять «классовой бдительности», что необходимо прореживать собственные ряды большевистским взглядом и устранить всех оставшихся врагов³³, оказалось как будто вступлением татарского литературного мира в «большую чистку»: дело не остановилось, как два года назад, на словесной критике авторов. Преследование и «юридическое» осуждение превратились в господствующий метод, применявшийся по отношению к «врагам социализма». Почти все раскритикованные Кави Наджми весной 1936 г. татарские писатели и критики стали жертвами «великой чистки», и многие из них не пережили ее³⁴.

27 октября 1936 г. и партийное руководство Татарстана обсудило татарскую литературу. В качестве самых серьезных ошибок оно назвало слабое руководство писателей со стороны партийных органов, отсутствие партийности у авторов, критиков и литературных функционеров и полностью недостаточную поддержку молодых «авторских кадров». И, по мнению партийного руководства, все это вело к тому, что «буржуазно-националистические элементы» проникали в литературу и пуб-

ликовали классово враждебные произведения³⁵. Две меры, предложенные для улучшения положения, заслуживают отдельного упоминания. Первая касалась недостатков политико-идеологического сознания авторов и критиков, они должны были через курсы лучше знакомиться с марксизмом-ленинизмом. Нетрудно представить, что в качестве учебного пособия в данном случае подразумевался только что появившийся «Краткий курс истории ВКП (б)» Сталина. Вторая мера затрагивала народы и литературы Советского Союза, и здесь в особенности взаимоотношения между русскими и татарами. Русская литература должна была переводиться все в больших объемах, а русские писатели, проживавшие в Татарстане, должны были получать особую поддержку, например, через отдельную издающуюся в Казани русскую литературную газету³⁶. Одновременно русские читатели должны были через переводы знакомиться с татарской литературой³⁷. Третье требование, выдвинутое Татарским обкомом, а именно усиление поддержки молодых авторов, реализовывалось почти принудительно: после «чистки» практически не осталось более или менее известных татарских поэтов и писателей, что не только облегчало реабилитацию «старых», т.е. дореволюционных авторов, а, возможно, делало это необходимым.

В преддверии Второй мировой войны Татарский обком, литературные функционеры и верные партии критики и авторы представляли положение в татарской литературе не слишком радостным. Все они критиковали за отсутствие литературных произведений, посвященных большим темам времени: спасение «Челюскина», фашизм в Германии, стахановское движение³⁸, гражданская война в Испании³⁹. Осуждалось и отсутствие сатирических произведений: «Разве нет у нас тем, которые стали бы основой для юмора и сатиры?» – вопрошал критик Нур Баян, хотя, вероятно, смех застревал в его горле⁴⁰. Для этого, с официальной

точки зрения, имелись идеальные условия: «У нас есть широкие возможности, чтобы писать. Потому что у нас есть наш Сталин, призывающий к творчеству. У нас есть храбрые чекисты⁴¹, охраняющие нас от врагов, есть Красная Армия»⁴².

Вторая мировая война началась для Советского Союза нападением нацистской Германии ранним утром 22 июня 1941 г. С этого времени все силы концентрировались для обороны от врага и защиты социалистического Отечества. Очень многие татары, среди них также писатели и поэты, приняли участие в войне в качестве солдат или же военных корреспондентов⁴³.

В годы войны в татарской литературе получило особое развитие направление, которое до того времени было почти неразвито, – это репортаж (очерк). Темы, обсуждавшиеся в очерках, определялись войной: борьба против фашизма, защита родины, единство и дружба народов Советского Союза. Хотя под словом «родина» подразумевался Советский Союз, в годы войны было возможно уделить большее внимание национальному моменту. Для определения родины в татарском языке применялось выражение «туган ил» – «страна, где родился», что могло быть интерпретировано и как СССР, и как «страна татар»⁴⁴. Допущение советским руководством национальных тонов в литературе (а также в написании истории), с одной стороны, являлось политической необходимостью, чтобы мобилизовать все силы для нейтрализации националистической пропаганды, проводимой нацистами на фронте и на оккупированных территориях⁴⁵. С другой стороны, национальные тона не противоречили точке зрения коммунистической партии до тех пор, пока они оставались в рамках дружбы народов, о которой заявлялось, что она сложилась не после Октябрьской революции, а существовала издавна и всегда. То, что «Родина» являлась важнейшей темой татарской советской литературы в годы войны, еще раз подчеркнул

Кави Наджми 9 мая 1945 г., в день германской капитуляции, в статье в газете «Кызыл Татарстан», помещенной под заголовком «Дан сиңа, Туган илем!»⁴⁶.

Национальный момент в татарской литературе военных лет проявился также и в том, что писатели все больше занимались национальным фольклором. В своих произведениях они пытались подражать стилю сказок и эпоса или же перенять их сюжеты или картины⁴⁷. Кроме того, были вновь «оживлены» дореволюционные татарские поэты, прежде всего, Габдулла Тукай.

Литература в Татарстане в годы войны была более национальной по своему содержанию, чем раньше. Но одновременно она отличалась и мультинациональным характером, чего не было до войны, что не наблюдалось и после ее окончания. И это проявлялось не только в том, что с русского языка на татарский переводилось все больше литературных произведений и журналистских репортажей авторов различных национальностей. Татарстан стал центром для большого числа русских и зарубежных писателей, эвакуированных из Москвы, например, Алексея Толстого, Корнея Чуковского, Самуила Маршак, Василия Лебедева-Кумача, Александра Твардовского, Жан-Ришара Блока, Иоханнеса Р. Бехера, Вилли Бределя и Дж. Джерманетто⁴⁸. Литературные произведения названных и многих других авторов⁴⁹ появлялись в татарском переводе, прежде всего, в рубрике «Ватан сугышы эпизодлары», появившейся в журнале «Совет әдәбияты» непосредственно после начала войны⁵⁰.

Татарская литература в годы Второй мировой войны писалась и печаталась не только в самом Татарстане, а также и в 16 газетах, публиковавшихся с 1942 г. на различных фронтах⁵¹. Возникал довольно интенсивный обмен: фронтовые газеты публиковали, прежде всего, сообщения, рассказы и стихи из Татарстана, а пресса Татарстана – репортажи с фронта.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из множества «памятных статей», появившихся в татарской прессе о нетатарских юбилеях и юбилеях, я хотел бы назвать лишь некоторые: приближающееся 100-летие со дня гибели Пушкина (СЭ. – 1936. – № 1); 100-летие Добролюбова (СЭ. – 1936. – № 2); 75-я годовщина со дня смерти Шевченко (СЭ. – 1936. – № 3); 6-я годовщина со дня гибели Маяковского (СЭ. – 1936. – № 4); 225-летие со дня рождения Ломоносова (СЭ. – 1936. – № 11); 60-я годовщина со дня смерти Некрасова (СЭ. – 1938. – № 1); 70-летие творческой деятельности казахского акына Джамбула (СЭ. – 1938. – № 4); 20-летие Красной Армии (СЭ. – 1938. – № 2); 730 лет «Слову о полку Игореве» и 120-я годовщина со дня рождения Карла Маркса (СЭ. – 1938. – № 5); 110-летие со дня рождения Чернышевского (СЭ. – 1938. – № 7); 20-летие комсомола (СЭ. – 1938. – № 8/9); 21-я годовщина Октябрьской революции (СЭ. – 1938. – № 11/12); 60-летие Сталина (СЭ. – 1939. – № 12); 4-я годовщина со дня смерти Куйбышева (Кызыл Татарстан. – 25.01.1939. – № 19 (5529)); 105-летие со дня рождения Менделеева (Кызыл Татарстан. – 08.02.1939. – № 31(5532)); 375-летие со дня рождения Галилео Галилея (Кызыл Татарстан. – 15.02.1939. – № 37 (5538)); 16-я годовщина со дня смерти Ленина (СЭ. – 1940. – №1/2); 4-я годовщина со дня смерти Горького (СЭ. – 1940. – № 5/6); 30-летие со дня смерти Толстого (СЭ. – 1940. – № 12); 30-летие газеты «Правда» (СЭ. – 1942. – № 5); 150-летие со дня рождения Грибоедова (СЭ. – 1945. – № 1); 10-ти тысячный номер газеты «Правда» (СЭ. – 1945. – № 9); 200-летие со дня рождения Кутузова (СЭ. – 1945. – № 9).

² Barghoorn, Frederick C.: *Four Faces of Soviet Russian Ethnocentrism*, in: *Ethnic Russia in the USSR. The Dilemma of Dominance* / Ed. Edward Allworth, New York 1980, S. 57.

³ О стремлении таким образом увековечить Габдуллу Тукая см. выше раздел I.4.

⁴ Tschukowskaja, Lydia: Sofija Petrovna, Zürich 1982, S. 55, 95.

⁵ Lorenz, Richard. *Sozialgeschichte der Sowjetunion I, 1917-1945*. Frankfurt 1981, S. 232.

⁶ Garrard, John and Carol: *Inside the Soviet Writers Union*, London, New York 1990, S. 61. О патриотической реакции на известие о начале войны в штрафных лагерях Северо-Восточной Сибири см., например: Ginsburg, Jewgenia: *Marschroute eines Lebens*, München, Zürich 1992, S. 49–57.

⁷ Tillet, Lowell: *The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities*, Chapel Hill 1969, S. 63 – 64.

⁸ *Ibid.*, S. 86.

⁹ «В качестве недостатка местных издательств должно быть отмечено, что почти нет книг о национальных героях» – так отмечали М.Морозов и В.Слуцкая в газете «Пропагандист» (1942. – № 17). Цит. по: Tillet, Lowell: *The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities*, S. 58.

¹⁰ М.Морозов в журнале «Большевик» (1945. – № 6. – С. 74). Цит. по: Tillet, Lowell: *The Great Friendship*, S. 58.

¹¹ Литературная группа «Серрапионовы братья» была основана в начале 1921 г. в Петрограде. Кроме Зощенко, в нее входили, например, Виктор Шкловский, Всеволод Иванов, Лев Лунц, Николай Никитин (См.: *Serapionsbrüder von Leningrad / Übersetzt und herausgegeben von Gisela Drohla*, Frankfurt 1982).

¹² Литературное объединение акмеистов было основано в 1911 г. Анной Ахматовой, Николаем Гумилевым (который позднее стал ее мужем) и Осипом Мандельштамом. 24 августа 1921 г. Н.Гумилев, вместе с другими 60 осужденными был осужден и расстрелян за принадлежность к монархической организации полковника Таганцева (Mierau, Fritz: *Sergej Jessenin*, Leipzig 1992, S. 195; Beyrau, Dietrich. *Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985*, Göttingen 1993, S. 63).

¹³ Спустя сорок лет, 20 октября 1988 г., резолюция от 14 августа 1946 г. была признана Политбюро ЦК КПСС неправильной и недействительной (Wosdwishenski, Wjatscheslaw: *Der Weg in die Kaserne oder Noch einmal über das Erbe*, in: *Das Ende der Abstraktionen. Provokationen zur «Sovjetliteratur»*. Hrsg. Dagmar Kassek, Peter Rollberg. Leipzig 1991, S. 241).

¹⁴ Simon, Gerhard: *Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union. From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society*, Boulder, San Francisco, Oxford 1991, S.205; Roberts, Spencer E.: *Sovier Historical Drama, Its Role in the Development of a National Mythology*, The Hague 1965, S. 156.

¹⁵ Цит. по татарскому переводу резолюции ЦК от 14 августа 1946 г. (СЭ. – 1946. – № 7/8. – 3 б.).

¹⁶ Так выражался Камиль Фасеев, представитель отдела пропаганды и агитации Татарского обкома партии, в своей речи на тему «Пятилетний план и задачи писателей» (СЭ. – 1946. – № 6. – 97–98 б.)

¹⁷ Lorenz, Richard. *Sozialgeschichte der Sowjetunion I, 1917–1945*. Frankfurt 1981, S. 230.

¹⁸ Dobrenko, Jewgeni: *Das fundamentale Lexikon. Zur Literatur des späten Stalinismus, in: Das Ende der Abstraktionen. Provokationen zur «Sovjetliteratur»*. Hrsg. Dagmar Kassek, Peter Rollberg. Leipzig 1991, S.285. Выделено автором.

¹⁹ Alexandrova, Vera: *A History of Soviet Literature*, Westport, Connecticut 1971, S. 249–254.

²⁰ Beyrau, Dietrich. *Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985*, Göttingen 1993, S.160; Dewhurst, Martin; Farrell, Robert: *The Soviet Censorship*, Metuchen (New Jersey) 1973, S. 4ff., 11.

²¹ Так пишет Раиса Орлова в послесловии к книге: Ginsburg, Jewgenia: *Marschroute eines Lebens*, München, Zürich 1992, S. 498.

²² Kasack, Wolfgang: *Die russische Literatur 1945-1982, mit einem Verzeichnis der Übersetzungen ins Deutsche*, München 1983, S. 32–49.

²³ Об объединении «Жидегән» и действиях против «буржуазных националистов» в татарской литературе см. ниже в разделе «Национализм или интернационализм».

²⁴ Әдәбият-сәнгать оешмаларында яна баштан кору турында ВКП (б) Үзәк Комитеты карары (23 апрель 1932 ел) // Яналиф. – 1932. – № 4. – 3 б.

²⁵ Graf, Oskar Maria: *Reise in die Sowjetunion 1934*, Hamburg, Zürich 1992, S. 48–49.

²⁶ Simon, Gerhard: *Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union. From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society*, Boulder, San Francisco, Oxford 1991, S. 87–88. Съезд проходил в том же здании, в котором в 1937 г. проводились показательные процессы над Бухариным, Радеком и другими, участвовавшими в съезде 1934 г. (Garrard, John and Carol: *Inside the Soviet Writers Union*, London, New York 1990, S. 43).

²⁷ Первыми этого звания удостоились семь летчиков, спасавших команду «Челюскина» (см. примечание 19 к книге: Tschukowskaja, Lydia: *Sofija Petrovna*, Zürich 1982, S. 157).

²⁸ См., например, поздравление в адрес летчиков-спасателей, подписанное Сталиным, Молотовым, Куйбышевым и Ждановым и опубликованное в «Правде» 14 апреля 1934 г., а также редакционную статью в том же номере, статью «За Родину!» в газете «Правда» от 9 июня 1934 г. Эти цитаты приведены в примечании 14 в книге: Tschukowskaja, Lydia: *Sofija Petrovna*, Zürich 1982, S. 157.

²⁹ СЭ. – 1934. – № 9. – 28 б. В состав жюри были включены Максим Горький, Александр Щербаков и таджикский писатель родом из Ирана Абдулкасим Лахути.

³⁰ Beyrau, Dietrich. *Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985*, Göttingen 1993, S. 86.

³¹ *Нәҗми К.* «Татар совет әдәбияты яна күтәрелеш алдында» // СЭ. – 1936. – № 3. – 45–49 б.

³² *Шунда ук.* – 50 б.

³³ *Нәҗми К.* Олы ижат юлы белән // СЭ. – 1936. – № 11. – 68-84 б.

³⁴ Не упоминая «обвинения», я приведу вначале даты ареста, а в случае казни – дату смерти писателей: Фатых Карим (03.01.1938), Фатхи Бурнаш (24.08.1940 – 01.08.1942), Хасан Туфан (19.11.1940, смертный приговор 07.03.1942, заменен 21.03.1942 на 15 лет лагерей и ссылки), Галимджан Нигмати (16.09.1937 – 04.12.1941), Гумар Гали (09.03.1937 – осужден на 10 лет, новый приговор 10.03.1937 – 05.07.1954), Гумар Тулумбайский (08.06.1937 – 08.05.1938), Шамиль Усманов (07.04.1937 – 03.12.1937), Фатых

Сайфи-Казанлы (16.09.1936 – 05.08.1937), Карим Тинчурин (16.09.1937 – 15.11.1938). В случае с Ахметом Файзи, Халиком Садри и Идрисом Туктаровым мне неизвестно, были ли они обвинены или осуждены во время «большой чистки». У меня нет более точной информации о Хайретдине Вали. И сам Кави Наджми стал жертвой «бдительности», к которой настоятельно призывал: 2 июля 1937 г. он был арестован, а два года спустя, в марте 1939 г., был приговорен к 10 годам заключения. Однако либо ему повезло, либо у него оказались правильные связи – его заявлениям дали ход, его дело «пересмотрено» и К.Наджми был освобожден как невиновный 29.12.1939 г. (все данные взяты из изданий: Мостафин Р.; Даутов Р. Репрессиялэнгөн татар язучылары // КУ. – 1992. – №2. – 152–157 б.; №3. – 182–188; № 4. – 175–183 б.; Совет Татарстаны язучылары. Библиографик белешмә / Ред. Р.Н.Даутов, Н.Б.Нуруллина. – Казан, 1986).

³⁵ Так ситуация проанализирована в статье: Татарстан совет язучылары союзының эше турында // СӘ. – 1936. – № 9/10. – 65–69 б.

³⁶ Начало издания подобной газеты планировалось на январь 1937 г. Мне неизвестно, был ли реализован этот план. А успехи в деле перевода литературных произведений с русского языка на татарский были уже прорекламированы Нуром Баяном уже в середине 1938 г. (Татарстан совет язучылары союзының эше турында // СӘ. – 1938. – № 6. – 82–88 б.). Следующие авторы были им названы (порядок автора сохранен): Горький, Пушкин, Толстой, Гоголь, Чехов, Фурманов, Р.Роллан, Салтыков-Щедрин, Г.Гейне, Некрасов, Руставели.

³⁷ Уже в августе 1936 г. в Москве был издан сборник «Поэты Советской Татарии» под редакцией Ахмета Ерикя.

³⁸ Стахановское движение было организовано советским руководством в 1935 г. Сталин охарактеризовал его следующим образом: «Стахановское движение – это движение рабочих и работниц, которое ставит своей целью перевыполнение сегодняшних технических норм, перевыполнение имеющихся, запроектированных технических мощностей, перевыполнение планов производства продукции» (Цит по.: Lorenz, Richard. Sozialgeschichte der Sowjetunion I, 1917–1945. Frankfurt 1981, S. 229).

³⁹ Эти темы были названы Кави Наджми 29 ноября 1936 г. в докладе на тему «Олы ижат юлы белән» (опубликован в: СӘ. – 1936. – № 11. – 68–84 б.) Конечно же, «недовольны», но по совсем иным причинам, не только татарской литературой, но и советской политикой в целом были и поэты, писатели и интеллектуалы, ставшие жертвой «чисток».

⁴⁰ Баян Н. Татарстан совет язучылары союзының эше турында // СӘ. – 1938. – № 6. – 87 б.

⁴¹ Основанная еще Лениным в ноябре 1917 г. тайная полиция – ЧК – в конце 1930-х гг. уже не носила этого названия. С 1922 г. она была переименована в ГПУ, в 1934 г. на его основе был создан Народный комиссариат внутренних дел (НКВД). После нескольких изменений в 1943 и 1945 гг. с 1954 г., через год после смерти Сталина, стала называться КГБ. С осени 1993 г. носит название ФСБ.

⁴² Баян Н. Татарстан совет язучылары союзының эше турында // СӘ. – 1938. – № 6. – 85 б.

⁴³ Среди самых известных татарских писателей, погибших в годы войны, следует назвать: Мусу Джалиля и Абдуллу Алиша (оба казнены в тюрьме Плетцензее 26 августа 1944 г.), Фатыха Карима (погиб 19 февраля 1945 под Кенигсбергом), Нура Баяна (погиб 23 апреля 1945 г. в Штирии), Аделя Кутуя (умер от полученных ранений 15 июня 1945 г. в лазарете на территории Польши), Хайретдина Музая (казнен в сентябре 1942 г. в концлагере Дахау).

⁴⁴ Здесь я намеренно употребляю выражение «страна татар», так как «Татарстан» как понятие и как политико-административная единица является продуктом Октябрьской революции.

⁴⁵ С весны 1942 г. нацисты распространяли газеты и брошюры на разных языках народов СССР, в том числе и на татарском языке – «Идел-Урал», «Хәбәрче» и «Татар әдәбияты». Первое из этих названий, бесспорно, намек на составленный в 1918 г. план основания единой Татаро-Башкирской республики. Ведущим сторонником этой идеи являлся татарский писатель и политический активист Гаяз Исхаки, в 1919 г. через

Дальний Восток покинувший Советскую Россию и после ряда переездов основавший в Берлине. С 1928 по 1939 г. он издавал здесь журнал «Яңа мили юл». Его представления о независимой Волго-Уральской республике содержатся в брошюре «Идел-Урал», изданной на татарском языке в Берлине в 1933 г. В том же году эта брошюра увидела свет на русском и французском языках в Париже, год спустя, в 1934 г., в Токио на японском и в 1938 г. – в Варшаве, на польском языках. В Татарстане с его творчеством начали знакомиться только после 1991 г., после распада СССР. На обложке русской версии брошюры «Идел-Урал», изданной в Казани, размещена карта проектируемого государства.

⁴⁶ Написание с большой буквы Т делает ясным, что под этим может иметься в виду только Советский Союз.

⁴⁷ Татар әдәбияты тарихы. – Т. 5. – 25 б. Здесь названы такие авторы, как Муса Джалиль, Фатых Карим, Ахмет Ерикей, Наки Исанбет и Сибгат Хаким.

⁴⁸ Мне не удалось идентифицировать личность Джерманетто.

⁴⁹ Например, Ильи Эренбурга, Всеволода Иванова, Сергея Смирнова, Алексея Суркова, Эптона Синклера, Теодора Драйзера, Эрнеста Хемингуэя, Лиона Фейхтвангера.

⁵⁰ Татар әдәбияты тарихы. – Т.5. – 29–30 б.

⁵¹ Камилев Г. Фронт газеталары // СӨ. – 1947. – № 5. – 91–95 б.; Татар әдәбияты тарихы. – Т. 5. – 16 б.

Аннотация

Данная публикация – перевод одной из глав книги немецкого ученого-тюрколога Михаэля Фридериха «Габдулла Тукай – высокочтимый поэт на службе татарской нации и советского социализма», изданной в Висбадене в 1998 г. Автор поставил себе целью выяснить, как интерпретировались сам поэт и его творчество в разное время, как он «использовался» в разной политической и идеологической ситуации, как его творчество и личность фактически были поставлены на службу самым различным политическим воззрениям. При этом реально получалось так, что сам поэт как бы оставался на втором плане. Проанализировав многочисленные публикации ученых и журналистов, М.Фридерих сделал достаточно оригинальные наблюдения и выводы.

Ключевые слова: Тукай и мировая литература, Тукай и русская литература, мировоззрение Тукая, идеологическая интерпретация Тукая.

Summary

This publication represents the translation of the chapter from the book «Gabdoullah Tukay – highly honoured poet in service of the Tatar nation and Soviet socialism» by the German turkologist Michael Friederich which was published in Wiesbaden in 1998. The aim of the author was to find out how the poet and his creative activity were interpreted in different periods and used in political and ideological situations and finally how his creative activity and personality were put in service of various political views. However, it turned out that the poet was left in the background. Having analyzed numerous publications of scientists and journalists, Friderikh made original observations and conclusions.

Key words: Tukay and world literature, Tukay and Russian literature, Tukay's worldview, ideological interpretation of Tukay.

УДК 82.0 (091)

БИЛЕТ НА ЛЕКЦИЮ ТУКАЯ

Р.Ф. Исламов, доктор филологических наук

В фонде Габдуллы Тукая Центра письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан хранится один уникальный документ. Это – билет для слушания лекции в «Восточном клубе». В 1956 г. в наш Институт его передал современник поэта Габдульбари Рахматуллин. В своей пояснительной записке он пишет:

«15 апреля 1965 г. Джавдат Файзи по радио организовал концерт-беседу о песнях на стихи уважаемого поэта Габдуллы Тукаева. Я многие годы слушаю радио, но еще не слушал такие мелодии и литературные передачи, которые так повлияли на мое сердце, что предавался воспоминаниям и заплакал как дитя. Поскольку я постоянно видел Тукая во время его проживания в номерах «Булгар» в Казани, с 1905 г. по 1911 г. жил в Казани, самые любимые стихотворения были его стихотворения, поэтому постарался любыми способами найти и прочесть его стихи еще до их опубликования, поскольку его творчество близко моему сердцу. Несмотря на свой преклонный возраст, ни дня не проходит, чтобы я или по книге, или наизусть не читал его сти-

хотворений. В то время в «Восточном клубе», находившемся около озера Кабан, слушал его лекцию о татарской литературе. Для подтверждения направляю сохранившийся билет на нее и квитанции, присланные Галиасгаром Камалом.

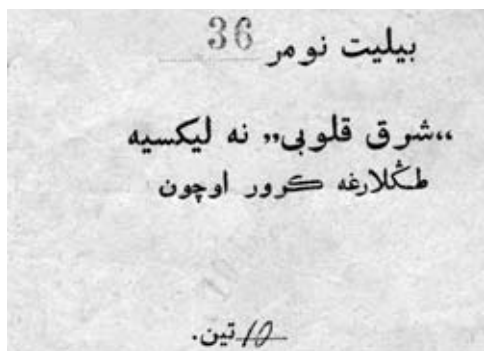
За концерт-беседу о моем ровеснике Г.Тукае от старого сердца выражаю огромное спасибо.

Написал рожденный в 1887 г. в деревне Учили Ново-Чурилинского района ТАССР гр. Рахматуллин Габдульбари.

15/ IV–56 год».

Деревня Учили, в которой проживал Г.Рахматуллин, как известно, относилась к Ново-Кишетской волости Казанского уезда Казанской губернии (ныне Училинское местное самоуправление Арского района Республики Татарстан). Раньше она называлась и как Малые Вережи. В этой деревне родилась мать Г.Тукая Мамдуда (Бибимамдуда) (1839–1874); дед Зиннатулла Амиров, сын Зайнелбашира (1829–1909), был муллой. Следовательно, с этой точки зрения Г.Рахматуллин имеет определенное отношение к поэту.

15 апреля 1910 г. Г.Тукай в «Восточном клубе» прочитал лекцию на тему «Народная литература». Он пояснял это так: «Однажды я своему товарищу шутя сказал: «Я прочту лекцию о народной литературе». Он, поверив сказанному, успел опубликовать в одной из уважаемых газет, что Тукаев прочитает лекцию». В действительности, в газете «Йулдуз» от 8 апреля 1910 г. было опубликовано объявление: «Лекция. Скоро в “Восточном клубе” Габдулла эфенди Тукаев будет читать лекцию о народной литературе».

Джалал Мажитов, который был свидетелем того события (игравший на мандолине в оркестре народных инструментов «Восточного клуба»), вспоминает об этом так: «Лекция эта, начатая мягким голосом приятными предложениями, постепенно вошла в колею и Г.Тукай сам (как человек, ощущающий дрожь перед купанием) свободно вздыхает и расширяет свое повествование. Народ с любовью слушает лекцию и в конце остается им довольным.

Среди слушателей лекции были Фатых Амирхан, Г.Камал, Г.Кулахметов, Каюм Кулахметов, Миргаяз Иманаев, Гайнутдин Ахмеров и другие».

Языковед и фольклорист Ходжа Баддыги (1887–1940) также является одним из тех людей, которые слушали эту лекцию. В частности, в своих воспоминаниях он пишет: «Зал был полон до отказа. Хотя теоретического материала было немного, но тем не менее лекция мне понравилась. Тукай в своей лекции, с точки зрения современности, правильно определил содержание народной литературы (фольклора)».

Лекция эта в том же году издательством «Сабах» в Казани была опубликована в типографии И.Н.Харитоновой (1859-?) отдельной книгой. Ее второе издание увидело свет в 1912 г. Далее она была помещена в книге «Сборник произведений Габдуллы Тукая», составленной литературоведом Джамалом Валиди (1887–1932) и изданной в 1914 г. в Казани издательством «Магариф», в третьем томе произведений поэта, опубликованным «Яналиф» (1931), в четвертом томе (1977) и в четвертом (1985) томе пятитомного собрания произведений поэта, подготовленных и изданных литературоведом Рашатом Гайнановым.

Что касается самого билета, то в нем типографическим способом на арабской графике написано: «Билет номер 36 для входа в “Восточный клуб” слушать лекцию 10 копеек».

О том, что эта лекция, как и другие культурные мероприятия, проводимые в «Восточном клубе», была платной, об-

наруживается еще в одном объявлении в газете «Йулдуз» от 15 апреля 1910 г.: «Сегодня, в четверг, 15 апреля, 9 часов вечера в “Восточном клубе” Габдулла эфенди Тукаев будет читать лекцию о народной литературе. Цена билета от тридцати до пятнадцати копеек».

Известно, что поэт и раньше выступал в «Восточном клубе». Например, в воспоминаниях Давлета Сафина можно обнаружить такие сведения: «В 1908 г. было объявлено, что поэт в “Восточном клубе” будет читать свое стихотворение “На нас напраслину возводят”. Со мной пришли многие шакирды “Мухаммадии”. Народ с нетерпением встретил выступление поэта. После объявления выступления Г.Тукая поэт вышел робко. Держа в руке бумагу со стихом, то посматривая на нее, то наизусть, прочитал очень громким голосом».

«Восточный клуб», основанный в конце 1906 г., сначала помещался в 20, 22 номерах известной гостиницы «Булгар». Одним из его организаторов и первым председателем правления был педагог Ибрагим Терегулов (1852–1921). Джалал Мажитов так описывает этот культурный центр городской татарской молодежи: «После открытия “Восточного клуба” вся прогрессивная молодежь: представители торговли, учащиеся, учителя, образованные люди, писатели – начали ходить с каким-то свеобразным воодушевлением. В клубе каждую неделю проводились литературные, семейные вечера, читались лекции на разные темы, ставились концерты струнных инструментов».

Среди активных посетителей клуба были Гафур Кулахметов, Фатых Амирхан, Галиасгар Камал, Наджип Камалетдинов, Рахимджан Даминев, Шигаб Ахмеров, Вали Ахмадуллин, мясник Миргазиз Хусаинев, Вафа Сафин, Габдулла Килдишев и другие... ».

В 1907 г. в клубе Вали Апанев (1889–1922) организовал ансамбль народных инструментов и драмкружок.

1 ноября 1908 г. клуб переезжает в верхний дом купца Хайруллы Сабитов-

ва на улице Приозерной (ныне Комсомольская) в Казани. На основе решения правления от 24 октября 1910 г. свою деятельность с 1 ноября он временно продолжает в доме Кузнецова на улице Проломной (ныне Баумана).

23 ноября 1911 года «Восточный клуб» перезжает в трехэтажный дом Марьямбану Апанаевой на улице Евангелистовской (ныне Татарстан, дом № 8). Там были библиотека, читальные и зрительные залы. Он также служил стационарной базой для труппы «Сайяр». В связи с этим снова обратимся к воспоминаниям Джалала Мажитова: «...построили сцену, труппа “Сайяр” начала работать всесезонно. После начала работы “Сайяр” наш струнный ансамбль был усилен и начал работать в “Восточном клубе” на постоянной основе. Руководителем ансамбля был Исмагил Галиакберов (этого человека также называли как тубетейщик красная голова Исмагил) (на венской гармошке), Загидулла Яруллин (пианино), Султан Рахманкулов (мандолина), Джа-

лал Маджитов (мандолина), Мухаммет Яушев (мандолина), Галиулла (это человек был мелкотогровцем) (скрипка), Ибни (гитара), Минлебай (мандул). Оркестр состоял из этих людей».

В 1915 г. здание клуба было отдано под военный госпиталь, и его деятельность совсем прекратилась.

Как видно, Г.Тукай свою известную лекцию прочитал когда «Восточный клуб» находился в доме Хайруллы Сабитова на Приозерной, а не в здании на улице Евангелистовской, как об этом ошибочно писали и пишут во многих источниках.

Таким образом, этот билет является одним из дополнительных ценных документов в изучении жизни и деятельности народного поэта.

Считаю необходимым выразить благодарность кандидату исторических наук, доценту Казанского (Приволжского) федерального университета Завдату Миннуллину за его помощь в решении отдельных вопросов при написании этой статьи.

Аннотация

В данной статье рассказывается об истории билета на лекцию Габдуллы Тукая «Народная литература», прочитанной им 15 апреля 1910 г. в «Восточном клубе».

Ключевые слова: Тукай, «Восточный клуб», билет, лекция.

Summary

This article tells us the history of the ticket to the lecture by G. Tukay «Folk Literature» delivered to them in the «Eastern club» on 15 April 1910.

Keywords: Tukay «Eastern Club», ticket, lecture.

1960), Ибрагим Биккулов (1884–1938) и другие. Они с ноября 1905 г. до начала 1907 г. гектографическим способом нелегально издавали газету «Ал-Ислах».

Комитет в качестве представителя шакирдов Казани направил Ф.Амирхана на II съезд Всероссийских мусульман, который тайно проходил в Петербурге 12–23 января 1906 г., а 10–15 мая того же года, 1–6 мая 1907 г. в Казани также тайно прошли съезды прогрессивных татарских шакирдов. В них приняли участие представители Оренбурга, Касимова, Троицка, Чистополя, Симбирска, Самары и других городов, были устанавливлены тесные связи с шакирдами на местах.

Газета «Ал-Ислах» как печатный орган татарской демократической молодежи и передовых шакирдов официально начала издаваться с 3 октября 1907 года. Если ее действительным редактором являлся В.Бахтияров, то основную работу вел Ф.Амирхан. В ней также работали Кабир Бакер (1885–1944), Ибрагим Амирхан (1889–1938), Г.Тукай, Закария Бахтияров (?–?), Тагир Махмудов (1889–?) и другие.

Вот как вспоминает выход в свет первого номера газеты тогда еще шакирд медресе «Мухаммадия» Т.Махмудов: «Поскольку я имел связи с комитетом «Ислах», меня попросили прийти помочь в отправке завтра выходящей газеты по адресатам. Мы с одним товарищем вдвоем ранним утром, когда все еще спали, втихоря собрались и пришли в редакцию «Ал-Ислах», расположенную в одном из номеров «Булгар». Когда мы вошли, уже на столе лежали стопки газет. Чтобы встретить газету, Фатых Амирхан и Вафа Бахтияр, оказывается, провели ночь в редакции. Ход выполнения нами работ по загибанию газет, приклеиванию на них бумаг с адресами напоминал деятельность муравейника».

Необходимо сказать, что первый рассказ «Изгнание Заки шакирда из медресе» классика татарской литературы, известного государственного и общественного деятеля Галимджана Ибраги-

мова (1887–1938) увидел свет в номере от 10 октября того же года этого издания.

Как говорится в воспоминаниях Т.Махмудова, редакция газеты сначала находилась в номерах знаменитой гостиницы «Булгар». 2 марта 1908 г. редакция переезжает в дом среднего купца Габделшакура Муртазаевича Апакова (1860–1923) на улице Екатерининской (ныне Тукая) (к сожалению, дом этот в 1990 г. был полностью разобран и на его месте в 2004 г. было начато строительство какого-то другого помещения).

По этому поводу в воспоминаниях Фатымы Апаковой (1876–1919) (ее мать Марьямбану (1876–1919) является родной сестрой Мухамметзарифа (1853–1921) хазрата, отца Ф.Амирхана) о Г.Тукае приводится такая интересная информация: «Кажется, осенью этого года (1908 – Р.И.), редакция «Ислах» переехала в наш дом на улице Тукая (автор указывает название улицы соответственно времени написания воспоминаний – Р.И.). Отец мой выделил им большой зал, обращенный на улицу... Комнату разделили по одному окну, в маленькую комнату поставили стол (рабочий стол Фатых-абый) и кушетку. После работы собираются вместе, играют в карты, шумят, занимаются своими делами, а Г.Тукаев иногда оставался там и переночевать. Потому что, когда Фатых-абый уходил к себе домой, кушетка освобождалась. Ему составлял компанию иногда или Бахтияров, или другой кто-нибудь. Г.Тукаев и днем, когда кушетка была свободна по причине отсутствия Фатых-абый, ложился там и что-то пел про себя». При этом следует отметить, что автор воспоминаний допускает некоторую неточность в указании времен года.

Как известно, из-за материальных трудностей, издание газеты прекращается 22 июля 1909 года.

Вот еще одно воспоминание Т. Махмудова. Он пишет: «Мы: Тукай, я, наборщик типографии в возрасте 14–15 лет Габдулла, когда сидели за беседой, в редакцию вошел учащийся реального училища в Ростове Гани Абыз со своим фотоаппаратом. Он нас троих при-

гласил на улице и сфотографировал на фоне окон с вывеской «Ал-Ислах». Тукай, не считая нас за мальчишек, свободно стоял среди нас».

Это было в середине лета 1908 г., улица Тукая, дом № 63.

На фотографии запечатлены справа налево: Т.Махмудов, Г.Тукай, Габдулла. Третий человек, по-видимому, Габдулла Гимадетдинов, которого можно видеть и на другой фотокарточке, где он находится среди сотрудников газеты «Ал-Ислах», отдыхающих в лесу около озера Кабан в конце мая 1908 г.

Что касается ношения Г.Тукаем кепки (на фотографии он именно в ней), то об этом упоминается и в других воспо-

минаниях, наблюдается и на других фотографиях.

Человек, который запечатлел этот исторический эпизод — Гани Шахвалиевич Абызов (1890 — после 1940). Он был членом общества «Татар учагы», организованного в 1915 г. в Санкт-Петербурге татарскими студентами, при советской власти работал экономистом в госплане ТАССР, бухгалтером в санатории «Васильево». Но другой информации о нем пока не имеется.

Таким образом, это наше небольшое исследование поможет дополнить имеющиеся знания о жизни и деятельности Г.Тукая.

Аннотация

В данной статье на основе воспоминаний современников Г.Тукая доказывается запечатление поэта на одной широкоизвестной фотографии.

Ключевые слова: Тукай, «Ал-Ислах», «Булгар», фотография.

Summary

On the basis of the memories of Tukay's contemporaries the imprinting of the poet on one widely known photograph is proved in the article.

Keywords: Tukay, «Al-Islah», «Bulgar», photo.

УДК 321; 323

ЕВРАЗИЯ: ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО* (отрывки)

Р.С. Хакимов, академик, доктор исторических наук

«Знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство».

Лев Гумилев

«Зов крови»

Сегодняшнее состояние этнологии в России таково, что многие позиции необходимо формулировать заново. Ряд авторов занимается этнополитикой. Сам термин «этнополитика» указывает на то, что этничность просто ограничивается областью политики. Одним из горячих сторонников такого подхода выступил директор Института этнологии и антропологии Российской академии наук В.А.Тишков. Концептуальным выражением его подходов является конструктивизм. В.А.Тишков пишет: «Этничность возможно рассматривать в системе социальных диспозиций и ситуативной зависимости на разных уровнях и контекстуальных горизонтах: транснациональном уровне мировых культурных систем и диаспорных связей, в рамках наций-государств с точки зрения доктрины меньшинств, «внутреннего колониализма» или «структурного насилия», межгрупповом уровне в контексте теории культурной границы и внутригрупповом в рамках психологических теорий реактивной, символической и демонстративной этничности и стигматизированных идентичностей»¹. Как видим, научный аппарат автора взят из арсенала прикладной социологии и служит политике. Для В.А.Тишкова нация — это семантико-

метафорическая категория, которая «обрела в современной истории эмоциональную и политическую легитимность, но не стала и не может быть научной дефиницией»², а потому «она должна быть устранена из языка науки и политики»³. В.А.Тишков с сожалением констатировал: «Российская перепись населения 2002 г. не выполнила свою основную миссию — создать народ для государства»⁴. Получается, что народы (в понимании автора это этнические общности) сами по себе не существуют, но история говорит об обратном, государство — это естественный этап на пути этнического развития, т.е. одна из форм жизнедеятельности народов, независимая от манипуляций со стороны властных и иных структур.

Конструктивизм не имеет отношения к этнологии. Поскольку для него все народы и государства являются изобретением политиков, идеологов, постольку он исходит из социологического описания существующих явлений и конструирования новых отношений. Конструктивизм опирается на зыбкую почву предположений о возможности безграничного влияния на социальные процессы. Опыт формирования «советского народа» убедительно опровергает возможность искусственного создания новых общностей. Об опасности конс-

* Продолжение. Начало см.: Научный Татарстан. — 2011, №№ 1, 2, 3.

труктивизма говорит также трагический пример с «югославским народом», в рамках которого политики пытались ассимилировать близкие по языку и культуре этнические группы, а в результате довели ситуацию до вооруженного конфликта.

Другие исследователи во главе с Л.М.Дробижевой⁵ занимаются этносоциологией и развили целую школу, которая разносторонне и системно представила состояние межнациональных и межрелигиозных отношений в стране. Их преимущество заключается в том, что они изучают межэтнические отношения в увязке с социальной практикой, при этом считают важными различные подходы. Л.М.Дробижева пишет: «Очевидно – многообразие общества, различные способы теоретического конструирования и факты социальной реальности ориентируют исследователей на то, чтобы необъяснимое с точки зрения одной концепции попытаться понять с иных позиций»⁶. Несмотря на глубину и безусловный профессионализм их работ, они в большей степени касаются политической стороны жизни общества и их трудно отнести к собственно этнологии.

Интересная работа проделана сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН на примере взаимодействия различных этнических групп в регионе Урало-Поволжья⁷. В частности, в исследованных деревнях Башкортостана удмурты и марийцы, несмотря на то, что полностью переходят на татарский язык, не забывают свое происхождение и объясняют это так: «У нас уж другая кровь, удмуртская». Автор статьи Е.С.Данилко поясняет: «Вообще мотив другой крови, физического отличия от других – один из основных при самоопределении. Местные жители отмечают, что их антропологический тип не такой, как у других татар, они более светлые, скуластые, среди них много рыжеволосых»⁸. В качестве доказательства «удмуртского» происхождения жители приводят исторические и генеалогические предания. «На примере д.

Гарибашево, – пишет Е.В.Попова, – прослеживается практически полная идентификация удмуртов с татарами и башкирами, утрата языка, традиционных представлений и культов, этнически окрашенных элементов материальной культуры, а информация об удмуртских корнях сохраняется и поддерживается на уровне коллективной памяти, но оставаясь актуальной для жителей этой конкретной деревни»⁹. Следовательно, смена языка и даже культуры не ведет к изменению самосознания, которое строится на весьма расплывчатых представлениях о происхождении.

Аналогично ведут себя марийцы, которых называют татарами, но они сами себя позиционируют как приверженцев «марийской веры». При этом сохранность элементов традиционной марийской культуры в целом невысока, но это не отразилось на их идентичности. «Таким образом, – заключает Е.С.Данилко, – смена вербального кода, затронувшая и религиозную сферу марийцев Нарат-Чукура, не повлекла за собой существенной трансформации их религиозной системы... Языковой фактор оказался вторичным, практически не повлияв на уровень этнического и религиозного самосознания местных марийцев»¹⁰. Эти случаи показывают довольно любопытную ситуацию, когда смена языка, отчасти культуры и даже религии, сохраняет живые следы о своем происхождении. Важно отметить, что и татары помнят о происхождении удмуртов и марийцев, т.е. отсутствие языкового барьера не влечет за собой слияния ментальности татар и бывших удмуртов, марийцев, ставших по всем признакам татарами. К этому можно добавить другие примеры. В Татарстане живет небольшая группа мордвы-каратаи, которая говорит на татарском, но считает себя мокшей. В Башкортостане немало башкир, говорящих на литературном татарском языке (без признаков говора), но сохранивших свою идентичность. Все вышеназванные случаи не укладываются в существующие концепции этноса.

В научном мире нет единого мнения по вопросу критериев определения этноса. Разброс точек зрения слишком велик, чтобы пытаться каким-то образом их свести к одной дефиниции. Вместе с тем сложились общие представления, которые можно рассматривать как некое рабочее определение, без претензии на завершенность. Известный норвежский исследователь Фредрик Барт под этнической группой понимает народонаселение, которое в значительной степени биологически самовоспроизводимо; разделяет фундаментальные культурные ценности, реализованные во внешнем единстве культурных форм; образует поле коммуникации и взаимодействия; характеризуется общей идентичностью, определяемой его происхождением и социокультурным фоном¹¹. Такое описательное определение позволяет оттолкнуться от некоторых явлений, наблюдаемых в жизни, и попытаться проанализировать механизмы объединения людей в общность.

Любая теория должна объяснять все случаи жизни без исключения. Частичное объяснение тоже полезно, но только как ступенька к более общей теории. Современная этнология далеко не все явления этнической жизни может объяснить удовлетворительным образом. В большинстве трудов в качестве этнических признаков фигурируют язык, религия, культура. Однако немало случаев, не укладывающихся в предлагаемые критерии. Например, существует большая группа польско-литовских и белорусских татар, которые отделились от основного массива татар более 600 лет назад, расселились на территории нынешней Польши, Литвы и Белоруссии. Они участвовали в Грюнвальдской битве, за что в Гданьске поставили памятник татарскому воину. Эти татары говорят на польском, отчасти на литовском и русском языках, при этом они мусульмане. Можно было бы сказать, что ислам стал фактором, объединяющим их с другими татарами. Но этот аргумент не работает, ведь среди татар есть православные кряшены и нагайба-

ки, которые являются носителями татарского языка и культуры.

К сказанному следует добавить, что жизнь постоянно сталкивает со случаями «неэффективности» языковой ассимиляции. Татары, перешедшие на русский язык, в своем большинстве остаются татарами, и это наблюдается по всей России. Татары, перешедшие на узбекский язык, сохраняют свою идентичность, хотя среди них есть даже известные узбекские писатели. И даже татарская махалля (приход) в Ташкенте отличается от узбекской. Сами узбеки татар считают «европейцами». При отсутствии внешних признаков у татар в Узбекистане сохраняется идентичность. Этносоциология может только зафиксировать сам факт, но не может объяснить такой феномен, как отличие татарской и узбекской махалли при очевидной общности языка и религии.

Аналогичная ситуация складывается и у других народов. Ирландцы говорят на английском языке, при этом их «национализм» достаточно ярко выражен. Американцы, австралийцы, новозеландцы также англоязычные, но не стали британцами. Франкофоны в Квебеке или в Швейцарии не стали французами, австрийцы, пишущие по-немецки, сохранили свою идентичность. Евреи в разных странах говорят на самых разных языках и только незначительная их часть знает иврит или идиш. Примеры можно продолжить.

Этнологи традиционно ссылаются на культуру как важный признак этничности. Опираясь на него, казалось бы, можно объединить польско-литовских, астраханских, сибирских татар, а также кряшен и нагайбаков под «общей крышей», но дело в том, что культура не может быть признаком этничности, она результат ее развития. Культура неоднородна. Профессора Казанского университета, будь то татары или русские, могут иметь больше общего, нежели профессор-татарин и фермер-татарин.

Все эти случаи подвергают сомнению существующие концепции этноса. «Нет ни одного реального признака для

определения этноса, применимого ко всем известным нам случаям, — пишет Л. Гумилев. — Язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда — нет. Вынести за скобку мы можем только одно — признание каждой особью «мы такие-то, а все прочие другие»¹². Однако дихотомия «мы/другие» также требует объяснения, хотя как факт она хорошо фиксируется.

Прежде чем перейти к объяснению механизмов возникновения сознания «мы/другие», следует рассмотреть один из самых принципиальных вопросов, которые многое определяют в прошлой, настоящей жизни этноса, а также непосредственно связаны с его будущностью, а именно закрытость и открытость этноса к восприятию культуры других народов.

Открытость этноса vs «резервация»

Этнические границы определяют водораздел между «мы» и «другие», поэтому они требуют к себе особого внимания. Различие не означает конфронтации, но и не является простым отличием одного от другого. Граница больше, чем простое различие, она отделяет один мир от другого. Фридрих Юнгер по этому поводу пишет: «Там, где исчезают границы, возникает страх; страх — это не что иное, как потеря границ, потеря дистанции. *В то же время страх — это отчуждение*»¹³. В наличии границы, кроме различения, содержится смысл собственной защиты, определенной безопасности и возможности самореализации.

Отчуждение, как писал Карл Маркс, наступает в силу развития рыночных отношений. Человек становится всего лишь трудовым ресурсом, он перестает быть личностью, у него утрачивается смысл жизни. Хотя современные социологи отвергают понятие «отчуждения», заменяя его социологическим термином неудовлетворенности жизнью, тем не менее сам феномен превращения людей в товар, овеществления

социальных отношений существует. Если в древности человек боялся демонов леса, воды, земли, то сегодня для него они, казалось бы, не существуют, они согнаны со своих прежних мест, но оказывается, что демоны не уничтожены, они поселились в экономической и политической системе. Благодаря техническим и коммуникационным системам наше общество рационально организовано, но для отдельного человека оно выглядит столь же иррационально, как лешие и домовые.

Как это ни странно, но рационализм усиливает в обществе стремление к мифологии, таинственным явлениям, мистике, повышает интерес к астрологии, предсказаниям, гаданиям, экстрасенсам, инопланетянам и т.д. Мировые религии торжествуют, а предрассудков меньше не становится. Реформация очистила христианство от наиболее кричащих язв, как-то: инквизиция, индульгенция, всевластие папства и т.д., но вместе с этим ушли из жизни многие таинства жизни, которые оказались нужны человеку. Доминирование рыночных отношений, нормативность религий, всеобщая стандартизация лишили человека образов, которые придавали осмысленность его существованию. Поэтому человек ищет общество, в котором можно было бы вновь обрести смысл существования, будь то монастырь или же этничность. Человеку необходимы идеи, которые помогают отыскать свое место во Вселенной, ведь он способен преодолеть любые трудности, если убежден, что это имеет смысл. Но человек терпит крах, если сверх прочих несчастий вынужден признать, что играет роль винтика в конструкции чьей-то рациональной машины. В ряду важнейших факторов жизнедеятельности человека находятся этнические символы, которые исключительно значимы, а это приводит к усилению значения границ между различными сообществами.

Существует два принципиально разных пути, которые выбирает этнос для своего существования. Один из

них путь «резервации», когда создается пространство, защищенное от внешнего влияния и позволяющее сохранить этнографические признаки. Аргументом для такого подхода служит факт исчезновения многих малочисленных народов под воздействием глобализации или политики отдельных государств. Наиболее ярко политика изоляционизма воплотилась в создании резерваций для индейцев в США. Однако существуют сомнения в эффективности такого механизма. Если даже отвлечься от способа существования этих резерваций (казино и прочее), то сама консервация не лучший способ сохранения этноса. Замкнутый в себе этнос не создает перспектив для подрастающего поколения и является способом ухода от современного рационального общества в мир символов, мифов, более «человечной» веры. Среди индейцев немало людей вполне образованных и достигших значительных социальных высот, тем не менее покидающих американское общество и переезжающих в резервацию. Это напоминает уход людей в монастырь. Кстати, в Раифском монастыре, недалеко от Казани, живут не только обездоленные, но и вполне состоявшиеся в миру люди.

В татарской истории существовало целое направление сторонников сохранения традиционной культуры без обновления норм и ценностей. Это так называемое течение «кадимистов» — вариант закрытого общества. Кадимисты именно изоляцию и замкнутость, следование средневековым традициям считали способом сохранения народа. Эта же идеологема звучит из уст нынешних священнослужителей, выучившихся в исламских странах. Они религию ставят выше народов, считая всех мусульман одной нацией, но в результате привносят чуждые этнические традиции в татарскую среду.

Противоположное направление — джадидизм — считало, что открытость, заимствование достижений европейской культуры, включая русскую, реформирование традиционного ислама дадут

возможность развиваться нации. Время показало их правоту, они создали базу всей современной татарской культуры, а от кадимизма в наследство ничего не осталось. Изоляция не может быть способом сохранения этноса. Это пребывание в инфантильности, создающее иллюзию этнического существования.

Существенно ответить на вопрос, каким образом при динамизме жизни, заимствовании этносом самых передовых идей и технологий сохраняются границы этничности? Фредрик Барт весьма обстоятельно рассмотрел роль этнических границ, которые фиксируются набором маркеров: язык; быт; исторический, экологический опыт и др. Он пишет: «Существование этнических различий не предполагает взаимонеприятия и отсутствия социального взаимодействия, но, напротив, нередко становится тем фундаментом, на котором возводятся все социальные системы»¹⁴. Существуют устойчивые, долговременные и жизненно важные социальные отношения поверх границ, которые не разрушают дихотомию «мы/другие». Как показывают исследования и подтверждает практика, границы между этническими группами сохраняются, несмотря на открытость культуры. Мобильность, наличие контактов и обмен информацией не враг этничности. Фредрик Барт делает заключение: «Культурные различия могут сохраняться вопреки межэтническим контактам и взаимосвязям». Иначе говоря, процессы потери этнической идентичности не связаны с открытостью этноса и, как мы показали выше, даже ассимиляция не ведет к исчезновению этнического самосознания. Конечно, из истории хорошо известны примеры перехода татарских родов в православие и последующее их обрусение. Такие фамилии, как Державин, Тургенев, Кутузов и т.д., слишком яркие примеры, чтобы оставлять их без внимания. Но это предмет исторического анализа. У процесса ассимиляции иной механизм, не связанный с открытостью или закрытостью этноса.

Полевые исследования нам демонстрируют факты сохранения этничности при открытости этноса. Идентичность, рассматриваемая как статус, оказывается выше других статусов индивида. Она выступает как императив, накладывающий ограничения на поведение человека и выбор партнеров, с которыми он может вступать в контакт. Несмотря на обстоятельства, оказывающие давление на индивида, этническое поведение отвергает ряд ролей как неподобающее их идентичности. Подобно тому, как в некоторых обществах распространена дихотомия мужского и женского труда, так и существование базовых этнических признаков является фактором, способствующим распространению культурных различий. Иначе говоря, межэтнические контакты не могут идти в ущерб этничности.

Если теперь перейти от этнологии к истории, то мы обнаружим, что человечество развивается благодаря открытости культуры, готовности меняться. Это происходит через преодоление архаичных норм. Если бы было иначе, тогда начался бы регресс, возврат к инфантильности, а в худшем случае к дикости. Преодоление старых форм жизнедеятельности происходит в ходе кризисов, после чего наступает трансформация в новое качество. Однако преодоление не означает полного отторжения, старые нормы не исчезают полностью, но становятся неактуальными, они сохраняются в латентной форме, готовые дать о себе знать при снятии с них табу.

Переход от одной ступени развития к следующей идет через сохранение некоторых характерных черт поведения. Л. Гумилев довольно категорично заявлял, что «единственным надежным критерием для отличия суперэтносов, так же, как и этносов, служит не язык, не религия, а стереотип поведения»¹⁵. В другой работе он поясняет: «Эти стереотипы человек усваивает в первые годы жизни от родителей и сверстников, а затем использует их всю жизнь, чаще всего не осознавая стереотипности своего поведения. В этносе, в отличие

от общества, работают не сознательные решения, а ощущения и условные рефлексы»¹⁶. Карл Юнг называет это архетипом, который сочетает в себе биологическое и социальное. «Здесь я должен пояснить разницу между архетипами и инстинктами, — пишет он. — То, что мы называем инстинктами, является физиологическим побуждением и постигается органами чувств. Но в то же самое время инстинкты проявляют себя в фантазиях и часто обнаруживают свое присутствие только посредством символических образов. Эти проявления я и назвал архетипами. Они не имеют определенного происхождения; они воспроизводят себя в любое время и в любой части света, — даже там, где прямая передача или “перекрестное оплодотворение” посредством миграции полностью исключены»¹⁷.

Архетипы не являются застывшими структурами, они представляют собой динамичные факторы, охватывающие поведение не отдельных людей, а значительных масс. Они одновременно образы и эмоции, и выражаются через мифы, религии, философские школы, именно поэтому способны воздействовать на поведение народа в целом. Эмоциональная заряженность архетипов определяет их динамичность и специфическую энергию. «Переживание архетипа, — пишет Карл Юнг, — это не одно только впечатление, оно охватывает и овладевает всей личностью и, естественно, является продуктом (результатом) веры»¹⁸. Как показывает жизнь, какими бы влиятельными ни были монотеистические религии, они несут в себе остатки первобытных верований. В еще большей степени древние пласты обнаруживаются в традиционной культуре народов.

Архетип имеет осознанную составляющую, поэтому претерпевает изменения под влиянием того индивидуального сознания, на поверхности которого оно возникает. Но любое индивидуальное оказывается частью всеобъемлющей этнической души, а потому даже самые современные идеи имеют свои

исторические прообразы, восходящие к каким-то архетипам, которые когда-то были не мыслями, а образными восприятиями, по существу, откровениями.

Если брать основную массу населения, то люди предпочитают жить в соответствии с традициями, привычками, ближайшими интересами, не задумываясь о вещах философских и тем более рациональной организации своей жизни. Один из самых авторитетных современных историков Фернан Бродель пишет: «Исходным моментом для меня была повседневность — та сторона жизни, в которую мы оказываемся вовлечены, даже не отдавая в том себе отчета, — привычка, или даже рутин, эти тысячи действий, протекающих и заканчивающихся как бы сами собой, выполнение которых не требует ничего решения и которые происходят, по правде говоря, почти не затрагивая нашего сознания. Я полагаю, что человечество более чем наполовину погружено в такого рода повседневность»¹⁹. Несмотря на успехи науки влияние СМИ, деятельность партий и разного рода идеологов для основной людской массы даже мировоззренческие темы могут выглядеть как разговоры об НЛО, жизни на других планетах, а конкретная жизнь связана с ценами на продукты и видами на урожай. Даже цены на нефть, которые каждые полчаса старательно сообщают по телевидению, интересуют всего несколько тысяч человек, хотя бюджет страны зависит от рыночной конъюнктуры на сырье. Большинство людей предпочитает жить не современным, а глубоко традиционным сознанием (чтобы не сказать первобытным). В самых современных ресторанах или супермаркетах вам предложат изделия по старым рецептам, а следование традициям является хорошим тоном, чем успешно пользуются туристические фирмы. Понимание необходимости трансформации общества — удел немногих, причем не конструктивистов и интеллектуалов, а тех, кто понимает, что «сегодня» есть всего лишь связующее звено между «вчера» и «завтра». Но

в этом «сегодня», то, что мы гордо называем современностью, основная доля состоит из «вчера» и лишь небольшие штрихи оказываются из того, что можно назвать «завтра».

Из сказанного следует сделать один важный вывод: насколько бы выдающимися ни были формы общественного развития, они со временем изнашиваются и требуют своего переосмысления, перехода к новому порядку вещей. В моменты своего триумфа этнос должен быть готов к переменам, он в принципе не может останавливаться на достигнутом, ибо всегда сохраняется опасность торжества привычки или обычая — любая идея, даже религия, со временем имеет склонность к деградации, общество легко впадает в духовную инерцию и бездумное подражательство, что со временем ведет к регрессу. В таком случае традиции становятся пустой формальностью, энтузиазм заменяется автоматизмом, вера утрачивает свое влияние, в ней не остается живой силы, наши убеждения оказываются бесцветными банальностями, а идеалы превращаются в чопорные привычки.

Диалектику исторического развития исследователи различных специальностей изложили примерно в похожих словах и имели в виду один и тот же смысл. Виднейший историк Ле Гофф считает: «Все значимые исторические события подчиняются одной и той же логике, которую можно определить двумя словами: преемственность и переменны. Кроме того, это и есть два условия успешного развития. При отсутствии преемственности вас ждет поражение. При отсутствии перемен — смерть на медленном огне». В свое время Никколло Макиавелли это хорошо выразил на политическом языке: «Тот, кто хочет пользоваться постоянным успехом, должен изменять свое поведение в соответствии с веянием времени»²⁰. Пожалуй, больше всего о переменных, инновациях и т.д. говорят экономисты. Не случайно один из самых успешных менеджеров XX в. Ли Якокка утверждает: «Единственный шанс выжить со-

стоит в том, чтобы не упустить момент начала перемен на рынке»²¹. Но такой признанный экономист, как Ф.Хайек, предупреждает: «Всякий прогресс должен основываться на традиции»²². Тот же Макиавелли считал: «Следует принимать во внимание, что нет ничего более труднодостижимого, более сомнительного для успеха, более опасного в обращении, чем начинать новый порядок вещей». Здесь сталкиваются два подхода — готовность к переменам и следование традициям, которые по существу не противоречат друг другу. Изменения должны быть даже в моменты триумфа, но они не могут быть бессчетными, они — всего лишь вариации определенных типических событий, ограниченных по своему числу.

Будущее всего лишь вариация прошлого. В обществе должны сохраняться символы, отражающие привычные архетипы, они со временем приобретают новое содержание, поднимая духовность общества на следующую ступень, но их корни в прошлом. Открытость и готовность к трансформации культуры этноса не ведут к отказу от традиций — определенные нормы, элементы из предыдущего периода жизни остаются неизменными, как базовые, а их новое наполнение позволяет народу уйти от рока этнографической «резервации». Устойчивость этнических границ обеспечивается не путем изоляции, а благодаря сохранению обновленных базовых структур. При этом маркеры границ, фиксируемые социологами, не являются теми ценностями, которые объединяют этническую группу, они только сигналы. Следовательно, надо определиться с факторами, которые обеспечивают целостность сообщества. Какие же «обручи» стягивают людей в единое сообщество?

Иерархия «оболочек»

Язык, культура, религия, экологическая и экономическая ниши суть составные элементы этничности, но они ни в отдельности, ни в совокупности не создают системы. Среди них

нет интегрирующего элемента. То, что структурирует все составные части в целостность — нечто иное, которое надо искать на границе сознательного и бессознательного.

Этносоциология предоставляет материал в виде различных идентичностей. Можно говорить о различном характере норм, ценностей и принципов, которые не столько регулируют, сколько ставят границы поведению человека. Если исходить из имеющихся данных по России, полученных за последние 20 лет²³, и немного упростить саму схему, то мы получим иерархию идентичностей, которые, как «оболочки», выстраиваются одна над другой.

Самую верхнюю «оболочку» составляет космополитическое сознание, которое когда-то было характерно только для крупного, транснационального капитала, а сегодня благодаря развитию систем коммуникации и прозрачности границ становится также частью сознания активной части населения. В этом сознании есть своя положительная составляющая — то, что население планеты объединяет общими интересами, но есть и негативная часть. К первой следует отнести более широкий взгляд на мир, заимствование опыта других народов, независимо от расстояний и границ, понимание многообразия мира и взаимозависимости людей различных частей планеты друг от друга. К явно негативной составляющей относится денационализация капитала, появление международных корпораций, стоящих вне и над народами и государствами. Пренебрежение к своим корням проявляется уже у крупных бизнесменов — «долларовых миллионеров», поклонников «Золотого тельца», а крупные игроки на мировых рынках ставят свои интересы выше международных, вмешиваясь в дела отдельных государств. Впрочем, и транснациональные корпорации неоднородны, среди них существуют те, кто намеренно денационализирует собственную структуру, но есть и такие, кто опирается на национальные традиции страны пребывания.

Негативные последствия глобализации в виде нивелирования различий и стандартизации мира неизменно компенсируются усилением культурного, регионального многообразия мира.

За космополитическим сознанием находится гражданская идентичность, которая существует в любом государстве и в западной терминологии совпадает с понятием нации. Гражданство, как правило, не включает религиозную и этническую принадлежность, оно зависит от государственных структур, а само сознание формируется благодаря просвещению и системе образования. В отличие от имперского подхода, нация строилась на волне Французской революции на идеях равенства, братства и свободы, что стало мощным интегрирующим фактором. Конечно, в основе любой нации лежит доминирующий этнос, чей язык и культура становятся официальными, но современное государство может строиться также на принципе «единства многообразия», сочетая интересы различных этнических и религиозных групп.

Религия в прошлые века во многом предопределяла характер стран, но в новейшее время государственное устройство, как правило, строится на принципе «Богу — богово, кесарю — кесарево», официальная приверженность к той или иной конфессии является скорее исключением, нежели правилом. В любом случае гражданственность в качестве идентичности не тождественна этнической или религиозной принадлежности.

Гражданственность опять-таки можно оценивать с «позитивной» и «негативной» точек зрения, т.е. государство может быть прогрессивным, предоставляя свободу человеку и народам или, наоборот, выступать как Левиафан. Такая дихотомия характерна для всех «оболочек».

На следующем уровне иерархии располагается религиозная принадлежность, которая не совпадает с этничностью. Среди швейцарцев есть кальвинисты, лютеране, католики, а в последние

годы появились мусульмане. Точно так же среди татар существуют две религиозные группы — мусульмане и православные. Этничность не существует без сакральности, но под религиозностью сегодня имеется в виду принадлежность к одной из мировых религий с развитой догматикой, ритуалами и нормами. Порой священнослужители настаивают на наднациональном характере религии, что ставит их вне основного вектора развития человечества и не наблюдается в жизни.

Этничность пронизана сакральностью, что привнесено не мировыми религиями, а существовало изначально. Не случайно во многих легендах татары происхождения своих героев и народа в целом выводят к Ною, пророкам, а порой к дивам, пэри, т.е. демоническим персонажам. Все это осуждается священниками как язычество. Заведомо предполагается, что ислам лучше тенгрианства, поскольку сам Коран осуждает язычников. Но ведь у арабских племен Аравии была другая история и другие боги. Например, сегодня в Республике Алтай живут тенгрианцы, они берегут природу, горы, диких зверей, живут исключительно мирно, а своими бедами делятся с деревьями, подвешивая ленточки. В это же время приезжие туристы — православные и мусульмане — с удовольствием засоряют окружающую среду, не оставляя денег на охрану территории и животного мира. Они ведут себя хуже дикарей.

А что мы наблюдаем в исламском мире? В 2011 г. весь арабский мир погрузился в пучины братоубийственных сражений. С криком «Алла акбар» и автоматами Калашникова они ожесточенно убивали друг друга в священный месяц Рамадан. И с той и с другой стороны выступали правоверные, но ведь Коран запрещает убивать мусульманина, а критерий правоверности очень простой, он заключен в формуле шахадата — достаточно произнести «нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник его», чтобы считаться мусульманином. В этой ситуации ис-

тинными мусульманами оказываются только беженцы. Так в чем же преимущество арабских мусульман перед алтайскими язычниками? Чем лучше ислам или православие по сравнению с «марийской верой», если язычество ведет к добру? Ни в чем. В историческом плане мировые религии выглядят более развитыми, а в конкретных случаях они могут оказаться проявлением дикости в результате отступления от принципов добра, они становятся демоническими, т.е. приобретают форму одержимого фанатизма. Можно все списать на происки дьявола, но это очень примитивное мышление, которое не может устроить этнологию.

Для религиозности также характерна дихотомия в виде, с одной стороны, духовности, веры в добро, придании осмысленности человеческому существованию, но, с другой стороны, верующим нередко присущ фанатизм или подмена веры интересами касты священнослужителей. О различии добра и зла говорят в течение тысячелетий. Все это выражено в заповедях, моральных нормах, философских трактатах, романах и т.д. Если брать самый общий критерий, то творить добро означает предпочитать коллективные интересы личным желаниям и интересам, сдерживать свои инстинкты в пользу общественных целей. Только тогда человек становится угоден Господу, будь он христианин, мусульманин, иудей или язычник, и даже атеист.

Наконец, на следующей «оболочке» мы обнаруживаем собственно этническую идентичность, которая располагается глубже остальных «этажей». Ее базисная роль особенно ярко высвечивается в ходе революций или идеологических кризисов, когда верхние «оболочки» начинают дискредитироваться и «отпадать». Революция 1917 г., взорвавшая старую имперскую идеологию, привела к подъему самосознания народов и появлению целого ряда государственных образований. Распад СССР и кризис советской идеологии опять-таки привел к активизации рели-

гиозной и этнической идентичностей. В современной России гражданская идентичность, не подкрепленная новыми ценностями, оказалась расколотой на региональную и общероссийскую, а доминирующей стала именно этничность. Естественно, этническая идентичность может выступать в двух ипостасях, т.е. приобретать форму шовинизма, расизма по схеме «свой/чужие» вместо «мы/другие», или же быть признанием многообразия мира.

Этническая культура формируется в борьбе с первобытными, архаичными инстинктами, человек преодолевает животное состояние и вырабатывает «табу», которое постепенно осознается в виде мифов, норм поведения, пантеона богов, указывающих как вести себя, затем появляются религия, идеология, философия, политика, государственность. Все это ступени цивилизации. Каждая «оболочка» становится сдерживающим фактором каких-то человеческих страстей. Но это не значит, что каждая новая ступень, безусловно, лучше предыдущей, или совершенно отвергает нижний уровень. Любая ступень вверх это усложнение, совершенствование, но в каждой из них существуют элементы «божественные» и «демонические». Если положительное не может взять верх, то будет доминировать негативное, будь то жажда наживы или жажда власти, необузданный национализм или фанатизм. Внешняя респектабельность не исключает дикой одержимости, характерной для первобытного человека. Особенно опасны времена реформ, революций, войн, массовых выступлений, когда разрушается иерархия ценностей без возникновения альтернативных норм. Тогда в силу вступают более архаичные формы поведения, а в крайнем случае, просыпаются первобытные страсти, человек сталкивается с древней проблемой необузданности и жестокости. Чудовищный зверь вырывается на свободу и деморализует общество. Источник фанатизма следует искать в этом процессе «снятия» высших ценностей и возврате к первобытности

или инфантильности. В стихотворении Сергея Есенина «Возвращение на родину» есть такие строки:

*Вчера иконы выбросили с полки,
На церкви комиссар снял крест.
Теперь и Богу негде помолиться.
Уж я хожу украдкой нынче в лес,
Молюсь осинам...
Может, пригодится...*

Запрет на православие после революции 1917 г. вернул к жизни культ дерева, о чем пишет С.Есенин. Подобный возврат к первичным архетипам происходит ввиду снятия определенных запретов, что наблюдалось в ходе самой революции, а затем бунтов, гражданской войны, голода, доходившего до каннибализма, и т.д. При этом человек отвергал устоявшиеся нормы и давал о себе знать «феномен одержимости». Такое же может случиться, например, в уличной толпе, среди спортивных фанатов, на религиозных сборищах, где высвобождается коллективное бессознательное и просыпаются демоны, дремлющие до поры до

времени в каждом из нас. В толпе человек бессознательно нисходит на низший моральный и интеллектуальный уровень, тот уровень, который всегда лежит за порогом сознания, готовый прорваться наружу, если в обществе ослабляются нормативные обручи.

Здесь представлена упрощенная схема, которая привязана к нынешнему состоянию дел в России. Эту схему нельзя обобщать на все случаи жизни, в ней следует учесть также сложность взаимоотношений религиозной, этнической, гражданской идентичностей. Вся эта иерархия идентичностей обнаруживается в ходе социологических исследований, однако самый нижний, собственно этнический слой, в свою очередь, строится на неких представлениях, образах, символах, порой относящихся к бессознательному, и по своей природе является наиболее архаичным. Его условно можно назвать «коконом», в котором надо искать корневые мотивы этнического поведения.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В.А. Тишков. Этнология и политика. — М., 2001. — С. 233.

² Там же. — С. 240.

³ В.А.Тишков. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. — М., 2003. — С.151.

⁴ Там же. — С. 226.

⁵ Историографию вопроса см.: Л.М.Дробижева. Методологические проблемы этносоциологических исследований // Научный Татарстан. — 2011. — № 2. Обобщенные результаты исследований за последние 20 лет даны в работе: Л.М.Дробижева. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. — М., 2003; Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. — М., 2002; Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. — Саппоро, 2003; Современные этносоциологические исследования в Республике Татарстан. — Казань, 2008; Г.И.Макарова. Идентичности татар и русских в контексте этнокультурной политики Российской Федерации и Республики Татарстан. — Казань, 2010.

⁶ Л.М. Дробижева. Методологические проблемы... — С. 26.

⁷ См.: Этническое обозрение. — 2010. — № 6. Статьи А.Д. Коростелева, Е.С. Данилко, Е.В. Поповой.

⁸ Е.С. Данилко. Татары в этнически смешанных поселениях Урало-Поволжья: особенности межкультурных взаимодействий// Этническое обозрение. — 2010. — № 6. — С. 57.

⁹ Е.В. Попова. Удмурты в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья// Этническое обозрение... — С. 70.

¹⁰ Е.С. Данилко. Татары в этнически... — С.58.

¹¹ См.: Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Фредрика Барта. — М., 2006. — С.9.

¹² Л. Гумилев. Ритмы Евразии... — С.164.

¹³ Фридрих Георг Юнгер. Язык и мышление. — С. 66.

¹⁴ См.: Этнические группы и социальные границы... — С.15.

¹⁵ Л. Гумилев. Ритмы Евразии... — С. 166.

¹⁶ Там же. — С. 178.

¹⁷ К.Г. Юнг. Архетип и символ... — С.42. Следует отметить критическое отношение Клода Леви-Стросса к понятию архетипа: «По Юнгу, значение связано с определенными мифологическими темами, которые он назвал архетипами. Это рассуждение напоминает известное заблуждение философов, занимавшихся языком. Они долгое время считали, что различные звуки благодаря внутренне присущим им свойствам передают то или иное значение: так, “текучие” полугласные якобы должны вызвать представление о соответствующем состоянии материи, открытые гласные по преимуществу включаются в состав имен, обозначающих предметы большие, громоздкие, тяжелые или звонкие и т.д.». (См.: Клод Леви-Стросс. Структурная антропология... — С.216.) Отвечая своим критикам, Карл Юнг пишет в статье «Значение снов»: «Мои взгляды на “архаические остатки”, которые я назвал “архетипами”, или “первобытными образами”, постоянно критиковались людьми, которые не обладали достаточными знаниями психологии сновидений или мифологии. Термин “архетип” зачастую истолковывается неверно, как некоторый вполне определенный мифологический образ или мотив. Но последние являются не более чем сомнительными репрезентациями; было бы абсурдным утверждать, что такие переменные образы могли бы унаследоваться». И далее: «Мои критики неверно полагают, что я имею дело с “унаследованными представлениями”, и на этом основании отвергают идею архетипа как простое суеверие. Они не принимают во внимание тот факт, что если бы архетипы были представлениями, имеющими свое происхождение в нашем сознании (или были бы приобретены сознанием), мы бы с уверенностью их воспринимали, а не поражались и не удивлялись бы при их возникновении в сознании. В сущности, архетипы являются инстинктивным вектором, направленным трендом, точно таким же, как импульс у птиц вить гнезда, а у муравьев строить муравейники».

¹⁸ Карл Густав Юнг. Символы трансформации... — С. 383.

¹⁹ Фернан Бродель. Динамика капитализма. — М., 1993. — С. 4.

²⁰ См.: Скиннер Квентин. Макиавелли. Очень краткое введение. — М., 2009.

²¹ Ли Якокка. Карьера менеджера. — Минск, 2007. — С. 276.

²² Ф.А. Хайек. Общество свободных... — С. 245.

²³ См.: Ю.В.Арутюнян, Л.М.Дробижина, А.А.Сусоколов. Этносоциология. — М., 1999; Л.М.Дробижина. Социальные проблемы межнациональных отношений...; Социальное неравенство этнических групп...; Этносоциологические исследования в Татарстане. Вып. IV. — Казань, 2010; и др.

Аннотация

В данной статье дана попытка осмыслить состояние идейных течений в постперестроечные времена. Показан идеологический вакуум, ставший результатом дискредитации идей коммунизма и падения интереса в общественном мнении к либерализму. Рассматривается классическое евразийство с точки зрения сегодняшних событий, анализируются его историческое значение, недостатки и возможности использовать для интеграции стран в рамках СНГ. Отмечается, что история в современной политической обстановке используется как заменитель полноценной идеологии.

Ключевые слова: Российская империя, государственность, перестройка, распад СССР, СНГ, евразийство, история.

Summary

The attempt to understand the state of ideological tendencies in the post reformatory period is given in the article. Ideological vacuum is shown and it became the result of the discredit of the communism ideas and decrease of interest to liberalism. Classical eurasianism is considered from the point of view of present events, its historical significance is analyzed as well as disadvantages and the possibility to apply for the integration of countries in the context of CIS. History in modern political conditions is used as denominator of valuable ideology.

Key words: Russian Empire, statehood, reformation, disintegration of USSR, CIS, eurasianism, history.

УДК 342:352

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (на примере Республики Татарстан)*

Ф.В. Зарипов, кандидат юридических наук,
И.Г. Никитенко, кандидат юридических наук

Одной из ключевых проблем, связанных со становлением и развитием местного самоуправления в Российской Федерации, является проблема взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти.

Статья 12 Конституции Российской Федерации закрепила организационную обособленность органов местного самоуправления от органов государственной власти, но на практике невозможно эффективное управление в любой сфере жизни общества без четко отлаженного механизма их взаимодействия. В связи с этим, если этот механизм взаимодействия дает сбой, то это непосредственно отражается на политической и социально-экономической ситуации в стране.

Значимую роль в становлении и развитии местного самоуправления играют органы государственной власти субъектов Российской Федерации. Взаимодействие последних с органами местного самоуправления в значительной степени определяет эффективность осуществления региональной политики — решения экономических, политических и социальных проблем развития муниципального образования и субъекта в целом. С другой стороны, такое взаимодействие обеспечивает результативность муниципальной политики, способствуя через решение вопросов местного значения реализации государственных задач: укрепление основ народовластия, про-

ведение мероприятий по социальной защите населения, стабилизация политической системы, подготовка кадров для муниципальных органов¹.

В субъектах Российской Федерации сформировалась законодательная база, касающаяся регулирования организации местного самоуправления. Теперь попытаемся более подробно сосредоточиться на конкретных вопросах в части взаимодействия органов исполнительной власти и органов местного самоуправления на примере ряда субъектов Российской Федерации.

В Республике Татарстан общие правила и порядок взаимодействия органов исполнительной власти Республики Татарстан, их территориальных органов (далее — органы исполнительной власти) и органов местного самоуправления установлены Регламентом взаимодействия органов исполнительной власти Республики Татарстан и органов местного самоуправления, утвержденным Указом Президента Республики Татарстан от 8 августа 2006 г. № УП-290². Аналогичные регламенты взаимодействия также приняты, например, в Республике Дагестан, Республике Коми, Калининградской области и других субъектах РФ.

Согласно указанному Регламенту осуществление исполнительно-распорядительных и контрольных полномочий органами исполнительной власти в отношении органов местного

* Статья публикуется в рамках проекта РГНФ 10-03-29304а/В.

самоуправления допускается только в случаях и в порядке, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами и законами Республики Татарстан.

Взаимодействие органов исполнительной власти с органами местного самоуправления осуществляется на основе принципов содействия органов исполнительной власти развитию местного самоуправления на территории Республики Татарстан, самостоятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления по вопросам их компетенции, невмешательства в компетенцию друг друга, неподконтрольности органов местного самоуправления органам исполнительной власти, за исключением случаев, установленных федеральными законами и законами Республики Татарстан.

Такое взаимодействие осуществляется в следующих основных формах:

- оказание в пределах компетенции необходимого содействия при осуществлении органами местного самоуправления своих полномочий;

- принятие органами исполнительной власти решений, затрагивающих интересы муниципальных образований, с учетом мнения органов местного самоуправления соответствующих муниципальных образований;

- участие органов местного самоуправления в реализации федеральных и республиканских программ, планов и отдельных мероприятий, направленных на социально-экономическое развитие муниципальных образований;

- осуществление органами исполнительной власти контроля за реализацией переданных на основании законов Республики Татарстан отдельных государственных полномочий, а также за использованием предоставленных на эти цели материальных ресурсов и финансовых средств в случаях, установленных законодательством;

- создание совместных постоянных либо временных координационных,

консультативных, совещательных и иных рабочих органов, участие в их работе при условии соблюдения принципа добровольного исполнения принимаемых ими решений;

- проведение органами исполнительной власти и органами местного самоуправления согласованной кадровой политики при назначении на должности руководителей территориальных органов исполнительной власти Республики Татарстан, действующих на территории соответствующих муниципальных образований, и руководителей отраслевых (функциональных) органов исполнительных комитетов муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан;

- планирование и осуществление совместных мероприятий органов исполнительной власти и органов местного самоуправления;

- обеспечение соответствия принятых муниципальных правовых актов Конституции Российской Федерации, федеральным законам и иным нормативно-правовым актам Российской Федерации, Конституции Республики Татарстан, законам и иным нормативно-правовым актам Республики Татарстан, подготовка предложений по совершенствованию законодательства Российской Федерации и Республики Татарстан, муниципальных правовых актов;

- оказание органами исполнительной власти информационно-методической, консультативной, организационной поддержки органам местного самоуправления;

- принятие соответствующих мер по обращениям органов местного самоуправления;

- заключение договоров (соглашений) о взаимодействии, в том числе для решения общих задач, непосредственно связанных с вопросами местного значения;

- в иных формах, установленных законодательством Российской Федерации и Республики Татарстан.

В соответствии с областным законом Свердловской области от 4 ноября

1995 г. № 31-ОЗ «О правительстве Свердловской области» (в редакции от 17 июля 2006 г.)³ Правительство Свердловской области осуществляет взаимодействие с органами местного самоуправления муниципальных образований и в этих целях:

1) рассматривает предложения, поступившие от органов местного самоуправления муниципальных образований;

2) заключает в соответствии с федеральным законодательством с органами местного самоуправления муниципальных образований договоры и соглашения;

3) организует взаимодействие областных и территориальных исполнительных органов государственной власти Свердловской области с органами местного самоуправления муниципальных образований;

4) осуществляет контроль за выполнением органами местного самоуправления муниципальных образований отдельных государственных полномочий, которыми они наделяются законами Свердловской области.

Взаимодействие органов исполнительной власти с органами местного самоуправления в Республике Коми, например, осуществляется в следующих формах:

а) подготовка совместных предложений по совершенствованию законодательства Российской Федерации и законодательства Республики Коми по вопросам местного самоуправления;

б) обмен информацией, необходимой для реализации органами исполнительной власти и органами местного самоуправления своих полномочий;

в) планирование и реализация в установленном порядке совместных мероприятий;

г) создание в установленном порядке совместных постоянных либо временных координационных, совещательных и иных рабочих органов по вопросам, затрагивающим интересы муниципальных образований⁴.

В целях организации взаимодействия органов исполнительной власти

с органами местного самоуправления Президент Республики Татарстан вправе:

– проводить совместные совещания, создавать совместные координационные и совещательные органы с участием или привлечением к их работе представителей органов местного самоуправления, а также предлагать конкретные кандидатуры для включения в состав совместных координационных и совещательных органов;

– определять ответственных лиц по организации взаимодействия органов исполнительной власти и органов местного самоуправления в рамках реализации конкретных полномочий;

– определять параметры оценки эффективности взаимодействия органов исполнительной власти и органов местного самоуправления;

– выносить отдельные вопросы на обсуждение и рассмотрение совместных координационных и совещательных органов.

В рамках Регламента органы исполнительной власти и органы местного самоуправления:

– направляют своих представителей для участия в работе совместных координационных и совещательных органов;

– приглашают для участия в работе коллегий, совещаний, комиссий, рабочих групп руководителей либо представителей соответственно органов местного самоуправления или органов исполнительной власти;

– вносят Президенту Республики Татарстан предложения по совершенствованию взаимодействия;

– рассматривают взаимные обращения и информируют о принятых решениях;

– запрашивают и получают друг от друга в установленном порядке необходимые информационно-аналитические материалы, экономико-статистические данные и иную информацию, необходимую для выполнения задач и принятия решений в соответствии с установленной компетенцией.

При необходимости, а также в целях осуществления более тесного взаимодействия между конкретным органом исполнительной власти и органом местного самоуправления может быть заключен договор (соглашение) о взаимодействии, в котором устанавливается перечень полномочий органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, осуществляемых сторонами по договору (соглашению), определяются условия и порядок осуществления этих полномочий, конкретные права и обязанности сторон, ответственность сторон, срок действия договора (соглашения) и порядок продления данного срока, основания и порядок досрочного расторжения договора (соглашения), иные вопросы, связанные с исполнением положений договора (соглашения).

Подготовка проекта договора (соглашения) осуществляется органом исполнительной власти и органом местного самоуправления, являющимися сторонами договора (соглашения).

Договор (соглашение) подписывается руководителем органа исполнительной власти и главой муниципального образования.

Руководители органов исполнительной власти Республики Татарстан до решения вопроса о кандидате на должность руководителя территориального органа исполнительной власти Республики Татарстан согласовывают кандидатуру с главой муниципального образования, на территории которого действует соответствующий территориальный орган.

В случае отказа в согласовании кандидатуры на должность руководителя территориального органа руководитель органа исполнительной власти Республики Татарстан вновь предлагает кандидатуру на указанную должность.

В случае повторного отказа в согласовании кандидатуры руководитель органа исполнительной власти Республики Татарстан принимает решение о назначении руководителя территориального органа исполнительной власти

Республики Татарстан либо о представлении его к назначению в установленном порядке.

О несогласовании кандидатуры руководителя органа исполнительной власти Республики Татарстан одновременно с принятием вышеуказанного решения информирует Президента Республики Татарстан и Премьер-министра Республики Татарстан (Кабинет Министров Республики Татарстан).

В целях осуществления согласованного взаимодействия органов исполнительной власти и органов местного самоуправления в конкретных сферах деятельности (отраслях) органы местного самоуправления вправе определить (определяют) аналогичный порядок предварительного согласования кандидатур на должности руководителей отраслевых (функциональных) органов исполнительных комитетов муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан с руководителями органов исполнительной власти соответствующей отраслевой компетенции.

Проекты решений органов исполнительной власти, затрагивающих интересы муниципальных образований, направляются руководителем органа исполнительной власти главам соответствующих муниципальных образований.

Главы указанных муниципальных образований вправе в месячный либо в иной установленный срок со дня получения проекта решения внести к нему свои предложения и замечания, которые подлежат обязательному рассмотрению соответствующим органом исполнительной власти.

В случае несогласия с внесенными предложениями и замечаниями по проекту решения о возникших разногласиях руководитель органа исполнительной власти информирует соответственно Президента Республики Татарстан или Кабинет Министров Республики Татарстан.

Органы исполнительной власти вправе привлекать по согласованию

представителей органов местного самоуправления для участия в работе создаваемых ими рабочих групп, комиссий и экспертных советов по подготовке проектов законов и иных нормативно-правовых актов Республики Татарстан.

Органы исполнительной власти о принятых ими решениях информируют органы местного самоуправления путем направления им копий соответствующих правовых актов в установленном порядке.

Органам местного самоуправления рекомендуется по вопросам, требующим согласованных действий или взаимодействия с органами исполнительной власти, информировать их о подготовке соответствующих решений и направлять им копии принятых решений в установленном порядке.

В случаях, когда для решения вопросов местного значения необходимо получение информации, заключений, экспертиз (далее – информация) от органов исполнительной власти, заинтересованный орган местного самоуправления обращается с запросом в соответствующий орган исполнительной власти. Срок получения необходимой информации указывается в запросе.

В случаях, когда запрашиваемая информация не может быть предоставлена в срок, указанный в запросе, орган исполнительной власти, получивший запрос, в 5-дневный срок с даты получения запроса согласовывает с органом местного самоуправления, направившим запрос, срок предоставления информации.

В предоставлении информации может быть отказано только в случаях, установленных законом.

Совместные координационные и совещательные органы образуются заинтересованными органами исполнительной власти и органами местного самоуправления, а также по решению Президента Республики Татарстан для предварительного рассмотрения вопросов и подготовки по ним предложений, носящих рекомендательный характер, обеспечения согласованных действий

при решении определенного круга задач. Совместные координационные и совещательные органы могут создаваться при главах муниципальных районов или городских округов Республики Татарстан.

В состав координационных и совещательных органов в зависимости от вопросов, для решения которых они образуются, включаются представители соответствующих органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, а также территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (по согласованию). В их состав также могут включаться депутаты Государственного Совета Республики Татарстан, представительных органов муниципальных образований, научных организаций, общественных объединений, которые имеют право совещательного голоса при принятии решений.

Организационно-техническое обеспечение деятельности координационных и совещательных органов осуществляет исполнительный орган государственной власти, орган местного самоуправления, должностное лицо которого является председателем соответствующего координационного и совещательного органа.

Об образовании, реорганизации и упразднении, а также о годовых итогах деятельности координационных и совещательных органов их председатели информируют Президента Республики Татарстан и Кабинет Министров Республики Татарстан.

Обращения органов местного самоуправления к органам исполнительной власти подлежат рассмотрению в установленные законодательством сроки.

О принятых мерах по обращениям органов местного самоуправления руководитель органа исполнительной власти в письменной форме уведомляет орган местного самоуправления, направивший обращение.

В случае наделения в установленном порядке органов местного самоуправления отдельными государственными

полномочиями Республики Татарстан органы исполнительной власти в соответствии с законом и в пределах своей компетенции вправе издавать по вопросам осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий Республики Татарстан обязательные для исполнения нормативно-правовые акты и осуществлять контроль за их исполнением, а также контроль за осуществлением органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий Республики Татарстан, за использованием предоставленных на эти цели материальных ресурсов и финансовых средств.

Порядок осуществления органами исполнительной власти контроля за осуществлением органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий Республики Татарстан определяется законодательством.

При необходимости могут разрабатываться регламенты взаимодействия органов исполнительной власти с органами местного самоуправления при осуществлении ими согласованных действий в определенной сфере деятельности, в том числе по отдельным вопросам государственного управления, включая образование совместных координационных и совещательных органов, которые по согласованию с органами местного самоуправления утверждаются нормативно-правовыми актами Кабинета Министров Республики Татарстан.

Особо важные вопросы осуществления взаимодействия в рамках Регламента, в том числе разногласия, возникшие в процессе взаимодействия, по которым органами исполнительной власти и органами местного самоуправления не достигнуто согласия, рассматриваются Советом глав муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Васильев А.А.* Взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления: принципы, направления и формы // Консультант плюс.

² См.: Ведомости Государственного Совета Татарстана. — 2006. — № 8–9 (II часть).

³ См.: Собрание законодательства Свердловской области. — 2006. — № 5.

⁴ См: Указ Главы Республики Коми от 22.11.2008 г. № 101 «Об утверждении регламента взаимодействия органов исполнительной власти Республики Коми с органами местного самоуправления Республики Коми».

Аннотация

Статья посвящена обзору нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы взаимодействия органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, на примере Республики Татарстан. Авторами рассматриваются формы такого взаимодействия. Кроме того, в статье анализируется опыт Республики Татарстан в регулировании вопросов взаимодействия органов исполнительной власти и органов местного самоуправления.

Ключевые слова: органы исполнительной власти, органы местного самоуправления, регламент, контроль, передача отдельных государственных полномочий, Совет глав муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан.

Summary

Article is devoted to the review of regulations governing the interaction of executive authorities and local self-government on the example of the Republic of Tatarstan. The authors consider the forms of such cooperation. In addition, the article examines the experience of the Republic of Tatarstan in the regulation of questions of the interaction of executive bodies and local authorities.

Key words: executive authorities, local self-government, control, transfer of certain state powers, Council of heads of municipalities and urban districts of the Republic of Tatarstan.

УДК 930:314

ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕТА НАСЕЛЕНИЯ В МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Л.Ф. Абзалов, кандидат исторических наук

Рассмотрение вопроса организации учета населения в Монгольской империи позволяет более полно уяснить и охарактеризовать структуру государственного управления этой могущественной державой. Известно, что организация системы управления в Монгольской империи предполагала проведение учета населения в финансово-фискальных, а также военно-мобилизационных целях, что свидетельствует о высоком уровне организации управленческой деятельности, особой политической идеологии, позволяющей за столь короткий промежуток времени внедрить такие сложные, с организационной точки зрения, механизмы государственного управления. Данный факт с очевидностью свидетельствует об уникальности созданной Чингисханом политической системы, но в то же время может указывать на недостаточную изученность начальных этапов становления Монгольского государства.

Основной целью данной статьи является рассмотрение процесса организации учета населения в Монгольской империи.

Несмотря на то что имеющиеся в нашем распоряжении источники дают отрывочные сведения, они все же позволяют, в некоторой степени, воссоздать целостную картину процесса организации учета населения. Источниковую основу нашего исследования составляют сочинения современников рассматриваемых событий, среди которых: «Тайная история монголов», отчеты южносибирских послов и западноевропейских дипломатов и миссионеров (Пэн Дая, Сюй Тин, Иоанн де Плано

Карпини и др.), данные персидских и армянских авторов (Ата-Малик Джувайни и др.), а также материалы более позднего происхождения («Джами аттаварих», «Юань-ши», русские погодные записи)¹.

Главная задача учета кочевого населения была, прежде всего, связана с военными нуждами. Для успешного ведения военных кампаний требовалась информация о наличных ресурсах, находившихся в распоряжении правителя или полководца². Очевидно, в кочевой среде данные о численности военнообязанного населения не находили своей письменной фиксации, что представляется вполне естественным, если учесть тот факт, что до определенного времени у монголов отсутствовала письменность.

Военно-политическая организация центральноазиатских кочевников предполагала разделение населения на подразделения, основанные на десятичной системе, что было характерно и для монгольского общества. Эти традиции нашли свое дальнейшее развитие и более строгое закрепление в ходе реформ Чингисхана³. Ата-Малик Джувайни и Абу-л-Фарадж пишут о существовании закона (ясы), закрепляющего положение того или иного человека в соответствующей военной единице и запрещающего ему своевольный переход из приписанного подразделения⁴. Персидский автор с похвалой и назиданием отмечает: «Смотр и учет войска ведутся так, что пропала необходимость записывать результаты проверки и содержать специальных людей и их помощников. Ибо все разделены на десятки, и

из каждого один человек назначен начальником над другими девятью»⁵.

В соответствии с реформами Чингисхана в степи каждый воин должен был знать свою принадлежность к тому или иному военному подразделению. Такая ситуация была характерна, прежде всего, для периода существования т.н. кочевых империй, в том числе и Монгольской⁶. Очевидно, общая, но часто приблизительная численность войска определялась количеством соответствующих должностей в военнополитической иерархии империи, то есть исходя из количества тысячников или темников. Чингисхан, вероятно, знал приблизительную, насколько это необходимо и возможно, численность своей армии. Например, на курултае 1206 г. помимо всего прочего речь шла о 95 тысячниках. Но в то же время следует помнить о том, что в рассматриваемую эпоху числа воспринимались не так строго определенно, как в наше время, по крайней мере, величины, обозначающие большое количество⁷. Поэтому в распоряжении тысячника не всегда была тысяча воинов, их могло быть больше или меньше⁸.

Учеты населения были практикуемы монголами не только для комплектования своих войск, но и для распределения захваченной добычи⁹. Чжао Хун по этому поводу пишет: «Во всех случаях, когда [татары] разбивают оборону города и захватывают добычу, то распределяют ее пропорционально. Каждый раз все от высшего до низшего независимо от количества [добычи] оставляют одну часть для преподнесения императору Чингису, а остальное раздается повсюду [чиновникам] в зависимости от рангов. Получают свою долю также министры и другие [лица], которые находятся в Северной пустыне и [даже] не приезжают на войну»¹⁰. Если Джамал ад-Дин Абу-Абдаллах Мухаммад ибн-Салем и Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Фазлаллах пишут о разделении захваченного имущества и доходов с завоеванных земель на три части¹¹, то ал-Муфаддал ибн Абу-л-Фадаил, вероятно опираясь на

соответствующую мусульманскую традицию, говорит о разделении на пять частей, которые в свою очередь распределяются на три неравные части¹².

Практически все источники, описывающие монгольские завоевания, говорят о проведении монголами учета покоренного населения городов, в том числе и для доукомплектования своих отрядов и, очевидно, комплектования новых¹³. Помимо постоянного пополнения своих войск, военные действия предполагали их частую перегруппировку и выделение известной их части на приоритетные направления монгольской экспансии: «Определили, чтобы из всех дружин Чингисхана, которые поделили между сыновьями, братьями и племянниками [его], на каждые десять человек выделили бы по два человека, не вошедших в счет, и передали в качестве инджу¹⁴ Хулагу-хану, чтобы они отправились вместе с ним и служили бы здесь. В силу этого все, назначив [людей] из своих сыновей, родичей и нукеров, отправили их вместе с войском на службу Хулагу-хану»¹⁵.

Монголы также установили порядок, в соответствии с которым подчинившиеся горожане должны были выделять десятую часть всего движимого имущества, а также людей, проживающих в этом населенном пункте, что в свою очередь также предполагало проведение учета. Об этом пишет Иоанн де Плано Карпини: «Но когда они уже стоят против укрепления, то ласково говорят с его жителями и много обещают им с той целью, чтобы те сдались в их руки; а если те сдадутся им, то говорят: «Выйдите, чтобы сосчитать вас согласно нашему обычаю» [...] И вот чего Татары требуют от них: чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно, и чтобы они давали им десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества. Именно они отсчитывают десять отроков и берут одного и точно так же поступают и с девушками; они отвозят их в свою страну и держат в качестве рабов. Остальных они считают и распределяют согласно своему обычаю»¹⁶.

Из массы подчиненного населения, как мы видим, выделялись различные категории и группы. Если мужское население пополняло армию и в значительной мере выполняло функции хашара¹⁷ (большей частью это были жители малых населенных пунктов и сел)¹⁸, то женское превращалось в наложниц и слуг монгольских воинов (как известно, значительную часть работы в кочевом хозяйстве выполняла женщина). Также выделялись ремесленники¹⁹ и образованные люди²⁰. В сочинении Ата-Малика Джувайни можно встретить немало упоминаний об этом: «Крепость [Зарнука] сравнивали с землей; людей сосчитали по головам, отобрали из них юношей и молодых мужчин для нападения на Бухару, остальных же отпустили по домам»²¹. Даже во время больших погромов умерщвлялись не все; уцелевшие, как правило, подвергались учету и перераспределению: «На следующий день после того, как город и крепость [Самарканда] сравнялись друг с другом в разрушении и разорении и множество эмиров, солдат и горожан испили из чаши гибели, когда [...] огненный лик солнца загорелся на круглом подносе небес, были сосчитаны люди, уцелевшие под ударами сабель; тридцать тысяч были отобраны за их мастерство, и их Чингисхан поделил между своими сыновьями и родичами, и такое же число было отобрано из молодых и отважных, для того чтобы составить невольничье войско»²².

Возможно, и в деле организации массовых казней практиковалась доказавшая свою эффективность десятиричная система. Иоанн де Плано Карпини пишет: «Назначенных на убиение они разделяют между сотниками, чтобы они умерщвляли их обоюдоострою секирою; те же после этого разделяют пленников и дают каждому рабу для умерщвления десять человек или больше, или меньше, сообразно с тем, как угодно начальствующим»²³. Эти сведения можно сравнить с данными Ата-Малика Джувайни: «Чингисхан приказал согнать жителей Балха, больших и малых. Муж-

чин и женщин, на поле и поделить их по обычаю на сотни и тысячи и предать мечу»²⁴. Но при этом следует заметить, что достоверность сообщаемой автором информации относительно постигшей жителей Балха трагедии, исследователями подвергается обоснованному сомнению²⁵.

Практика учета населения применялась и во время последующих завоеваний монголо-татарской армии: «Он [Хулагу] отправил Китбука-нойона с тридцатью тысячами всадников, чтобы отразить их. Когда Китбука-нойон подошел близко, он вызвал [к себе] Хусам-ад-дина: «Поход-де на Багдад решен твердо и есть нужда в твоём совете». Хусам-ад-дин явился без раздумья и промедления. Китбука взял его под стражу и сказал: «Ежели хочешь спастись и быть постоянно хакимом этих крепостей, то выведи всех из крепостей: своих жен, детей, приверженцев и войска, дабы я их пересчитал и наложил на них налог и копчур»²⁶. Хусам-ад-дин не нашелся, как помочь себе, и всех представил»²⁷ и далее: «Он [Хулагу] [...] промолвил халифу: «Скажи, чтобы жители города сложили оружие и вышли, дабы мы произвели им счет»²⁸. О подобной практике пишет и армянский автор Магакия: «После того они взяли Иконию и всю страну с ее великими селами и монастырями; пошли на Севастию, овладели ею посредством орудий, но не умертвили людей. Они ограничились тем, что отняли их имущества, переписали всех жителей и наложили на них подати по своему обыкновению, мал и тагар»²⁹.

Таким образом, жители всех подчиненных монголам городов подвергались учету, прежде всего, с целью перераспределения захваченной добычи или доли доходов, в соответствии с принятыми нормами, что являлось эффективным механизмом противодействия возможным конфликтам между представителями монгольского командования. Известно, что так называемые «денежные» или «имущественные» вопросы вызывают наибольшую напряженность во взаимоотношениях в рам-

ках всякого общества. Помимо этого данные, в том числе и по численности населения, полученные в процессе завоевательных походов, могли быть использованы для установления военно-политического контроля, а также в ходе дальнейшей экспансии.

После завершения военных кампаний в том или ином регионе монгольские власти назначали своих наместников, в задачу которых входил контроль над покоренным населением, в первую очередь за деятельностью местной администрации: «Летом (май—начало августа 1223 г.) [Чингисхан] скрывается от жары у реки Парван. Царевичи Джучи, Чагатай и Угэдэй соединились с войсками Бала-[нойона]. Вследствие чего установили порядок в разных городах Западного края и поставили там даругачи надзирать за ними»³⁰. В дальнейшем, с укреплением своих позиций и развитием имперских институтов власти, монголы приступали к организации учета населения, что мы можем наблюдать во всех вновь завоеванных землях с оседло-земледельческим населением.

Очевидно, до эпохи правления Угэдэя в Монгольском государстве не проводилось систематизированного учета оседло-земледельческого населения. Но следует заметить, что еще в 1206 г. Чингисхан дает поручение Шиги-Хутуху по распределению улусов среди представителей правящего рода и монгольской аристократии. Эти сведения фиксировались в особом реестре — «Синей книге»³¹. Исходя из этого мы можем говорить о том, что практика письменной фиксации, некоторой особо важной информации, связанной с перераспределением улусов в Монгольском государстве, находила свое применение уже в годы правления Чингисхана. В последующем эта практика должна была найти свое дальнейшее развитие.

По данным «Юань ши», на курултае 1229 г. принимается решение об организации учета ханского населения в провинции Хэбэй, а также в землях Западного края (т.е. Туркестане и Мавераннахре)³². В биографии Елюй Чу-

чая говорится о том, что он сумел уже к 1231/1232 гг. организовать сбор налогов в ряде провинций Северного Китая³³. Осенью 1233 г. последовало очередное распоряжение: «Провести внесение в реестр дворов в округах Срединной [равнины], куда было внесено более 730 000 дворов»³⁴. Здесь следует отметить, что вышеприведенная цифра отражает лишь часть податного населения. По предположению Т. Олсена, все население Северного Китая было разделено на три категории: гражданское, военнообязанное и население уделов, принадлежащих представителям правящего класса³⁵.

А в 1234 г. уже рассматривался вопрос об учете населения во вновь завоеванных китайских провинциях, во время обсуждения которого предлагалось подушное обложение налогами, но по обоснованию Елюй Чуцая было решено сохранить здесь традиционную подворную единицу обложения³⁶. Летом 1236 г. было проведено новое исчисление населения в тех областях Северного Китая, которые находились в подчинении монголов³⁷.

В дальнейшем с завоеванием Хорасана проводится учет населения и в этих землях. Вероятно, еще при монгольских наместниках Чормагуне и Чин-Тимуре были произведены некоторые подсчеты населения с целью взимания налогов и сборов с местного населения. Об этом может свидетельствовать тот факт, что Куркуз просит Чинкая не отстранять Шараф ад-Дина от должности везира, мотивируя это тем, что ему необходим помощник, знающий реестровые книги прошлых лет: «Коргуз, с одобрения Чинкая, воспротивился этому решению на том основании, что без Шараф ад-Дина невозможно было разобраться со счетами за столько прошлых лет»³⁸. Но в то же время, очевидно, отсутствовал надлежащий контроль за доходами, подлежащими уплате в ханскую казну. С назначением Куркуза на должность наместника Хорасана и Мазендарана здесь был организован повторный и более масштабный учет населения: «Коргуз привел в порядок дела Хорасана и Мазендарана и

обеспечил защиту имущества жителей. [...] Он провел новую перепись и пересмотрел размер налогов»³⁹.

Постоянное расширение империи требовало уточнения старых и получения новых данных, поэтому учет населения производился в течение всего правления очередного хана. Как и другие важные вопросы государственной политики, решение о проведении учета населения, очевидно, принималось на курултаях. Поэтому вполне возможно, что во время курултая 1246 г. рассматривался и этот вопрос. Сохранились сведения о проведении учета населения и в годы правления Гуюка. В «Юань ши» говорится: «Зимой, в двенадцатой луне (29 декабря 1247 г. — 27 января 1248 г.) было внесение податных дворов в реестр»⁴⁰. Учет населения был произведен и в западных частях Монгольской империи. Об этом пишет Киракос Гандзакечи: «Хан Гиуг, став великим государем войска татарского в их стране, тотчас послал сборщиков податей в свои войска, расположенные в покоренных ими различных краях и областях, собрать в них десятую долю добычи войска всякого рода и подать с гаваров и государств, которые были завоеваны ими: с персов, мусульман, тюрок, армян, грузин, агван и всех народов, подвластных им»⁴¹.

После завершения Западного похода монголо-татарской армии на Руси, в Булгаре и Крыму должны были появиться имперские численники. Вероятно, что с восшествием на престол Гуюка в русские города направляются имперские чиновники для проведения учета населения. Каких-либо оснований для противодействия этим мероприятиям у Бату не было, он продолжал проявлять свою лояльность к Гуюку. Возможно, именно об этом событии, опираясь на сведения своих русских информаторов, пишет Иоанн де Плано Карпини: «А когда они получают полную власть над ними, то, если что и обещали им, не исполняют ничего, но пытаются повредить им всевозможными способами, какие только соответственно

могут найти против них. Например, в бытность нашу в Руссии, был прислан туда один Саррацин, как говорили, из партии Куйюк-кана и Бату, и этот наместник у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного, как нам говорили впоследствии; вместе с тем он уводил всех мужчин, не имевших жен, и точно так же поступал с женщинами, не имевшими законных мужей, а равным образом выселял он и бедных, которые снискивали себе пропитание нищенством. Остальных же, согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или богатый, платил такую дань [...]»⁴².

Надо полагать, практика учета населения должна была распространиться и на другие южнорусские города. Г.В. Вернадский, правда, без ссылок на источник, пишет: «Первую перепись в Западной Руси провели еще в 1245 г.; тогда были обложены налогом: Киевская земля, Подолия и, возможно, Переяславская и Черниговская земли»⁴³. Действительно, можно предположить, что учет населения, помимо Киева, был произведен и в других городах. Вполне возможно, что прибытие Даниила Галицкого к Бату (1246 г.) каким-то образом было связано с появлением в Киеве каанского представителя (откупщика?), о котором пишет Иоанн де Плано Карпини. Но каких-либо конкретных сведений о проведении подобного рода мероприятий в других городах Южной Руси мы не имеем⁴⁴.

В соответствии с принятой традицией, имперских чиновников сопровождали представители различных ветвей династии Чингисидов, прежде всего, той ее ветви, в сфере влияния которой находился тот или иной населенный пункт, или же представители великого хана, в случае если речь шла об имперских наместниках⁴⁵. В приведенном выше фрагменте Иоанн де Плано Карпини пишет и о представителе Бату, который, вероятно, защищал интересы своего господина.

Но все же, надо полагать, тотального учета оседло-земледельческого населения Улуса Джучи произведено не было. Тому имелись свои причины, которые были связаны как с трудностями организации этого сложного дела, так и с краткостью правления великого хана Гуюка.

Очевидно, на великом курултае 1251 г., наряду с другими важными решениями, было принято постановление о проведении нового учета населения империи. После разрешения некоторых политических проблем⁴⁶ власти, вероятно, приступили к намеченному делу. В «Юань ши», в трактате «Войска», имеются сведения о том, что в 1252 г. был составлен первый общий реестр, в котором были зафиксированы все подлежащие призыву военные дворы/кибитки (т.е. как из кочевого населения, так и из оседлого)⁴⁷. В 1253 г. состоялась «регистрация дворов простого народа» в ханьских землях⁴⁸, а также в Иране, Ираке и Закавказье.

Ата-Малик Джувайни пишет об аудиенции наместника Хорасана и Мазендарана Аргун-аги у великого хана и утверждении его на прежний пост, что в свою очередь предполагало проведение учета населения и в этих землях. Вернувшись в Хорасан Аргун-ага приступает к организации этого важного дела. Ата-Малик Джувайни, по известным причинам, достаточно подробно освещает деятельность Аргун-ага в этом направлении: «Когда эмир Аргун прибыл в Хорасан, явились все министры и садры⁴⁹, и он велел зачитать ярлыки и растолковал ясы Менгу-каана чиновникам по сбору налогов и мутасаррифам⁵⁰. И с каждого он взял письменное обещание, что он не нарушит их положения и не будет относиться с пренебрежением к тому, что изложено в них; и что тот, кто совершит что-то противное им и допустит притеснение жителей, тем самым становится преступником и подвергает себя наказанию. И в соответствии с королевским указом он назначил эмиров и секретарей, которые несколько дней вместе размышляли о том, каким дол-

жен быть копчур, который было приказано ввести. Наконец, было решено, что после проведения переписи его размер должен составить 70 рукнийских динаров в год с десяти человек, которые должны выплачиваться ежегодно. После этого он назначил эмиров и секретарей, которые должны были организовать проведение переписи и сбор копчура. В Хорасан и Мазендаран он назначил двух или трех монгольских эмиров, которые прибыли как представители принцев, а также Наку, своего собственного родственника, Ходжу Фахр ад-Дина Бихишти, улуг-битикчи, и министра Изз ад-дина Тахира, [своего] полномочного заместителя. В Ирак и Йезд он отправил Найматая и моего отца, сахиб-дивана»⁵¹.

Эмир Аргун, сделав соответствующие назначения, направляется в орду Бату для решения некоторых вопросов, среди которых, надо полагать, не последнее место имели вопросы, связанные с учетом населения в Закавказье. Как полагает В.П. Костюков, Бату не разрешил имперским чиновникам проведение учета не только в русских землях, но и в Закавказье, поэтому к разрешению проблемы был спешно подключен эмир Аргун⁵². Все же, мы полагаем, что Бату не стал противиться решению курултая о проведении учета населения в рамках всей Монгольской империи. По мнению Т. Олсена, Аргун-ага прибывает к Бату для консультации по вопросам организации учета населения⁵³. При этом, учитывая статус Бату в имперской иерархии Чингисидов, Мункэ было необходимо заручиться его согласием, как это, впрочем, практиковалось и прежде.

Это согласие представляется еще более очевидным по той причине, что Бату просил у великого хана причитающейся ему доли доходов, вероятно, исходя из того, что он сам исправно выполнял свои обязательства: «Чжуван Бату прислал с визитом Тобчака, просить [разрешения] приобрести жемчуг и серебро на 10 000 дин⁵⁴. Дали ему 1000 дин. Вследствие этого был издан высочайший указ для него [Бату], гла-

сящий: «Богатсва Тайцзу и Тай-цзуна подобным образом были израсходованы, как можно одарить чжувана таким пожалованием! Вану следует хорошеньковникнуть в это. Серебро, что [ему] выдали, это только то количество, которое разрешено к пожалованиям на нынешний и будущий год»⁵⁵.

Скорее всего, Бату дал такое согласие, так как после их встречи Аргун-ага направляется в Закавказье и приступает к учету населения: «Затем он отправился через Дербент в Грузию, Арран и Азербайджан и завершил работу по проведению переписи, введению купчура и оценке величины налогов, после чего выехал в Ирак»⁵⁶. У армянских авторов по этому поводу имеется существенное дополнение. Киракос Гандзакеци пишет о представителе Бату сопровождавшего эмира Аргуна в его поездке в Закавказье: «Итак, в 703 (1254) году армянского летосчисления Мангу-хан и великий военачальник Батый послали востикана по имени Аргун (получившего еще повелением Гиуг-хана должность главного сборщика царских податей в покоренных странах) и еще одного начальника из рода Батыя, которого звали Тора-ага, с множеством сопровождающих их лиц провести перепись всех племен, находившихся под их властью»⁵⁷. Такого же представителя мы могли видеть и у Иоанна де Плано Карпини (см. выше). Получается, что и в годы правления Гуюка, и в годы правления Мункэ Бату действовал в рамках общепринятых норм, которые, вероятно, были установлены еще при Угэдэе.

Очевидно, что Бату не имел формальных оснований для запрета проведения учета населения в русских землях. Улус Джучи в середине XIII в., как известно, являлся составной частью единой Монгольской империи. Следует помнить, что и сам Чингисхан понимал, что управлять огромными территориями из одного центра будет практически невозможно⁵⁸, поэтому и разделил государство между своими сыновьями. Но в то же время он позаботился о механизмах сохранения госу-

дарственного единства, что нашло свое выражение в установлении контроля за деятельностью улусных правителей со стороны своих ставленников. К каждому из сыновей Чингисхан назначил своих приближенных, которые должны были принимать участие в управлении улусом⁵⁹. Впрочем, и здесь сохранялся монархический принцип вертикали власти, поэтому ханские представители находились в подчинении у главы улуса. Но даже назначение представителей центральной власти не обеспечивало полной гарантии сохранения единства государства, так как определенные Чингисханом лица постепенно формировали высшую элиту улуса, интересы которых должны были переплетаться с интересами правящей в улусе династии. Поэтому требовалось принятие более действенных мер, направленных на сохранение Великого Монгольского государства, в том числе и идеологического характера, такие меры были предприняты в годы правления великого хана Угэдэя⁶⁰.

Все же источники позволяют говорить о большей обособленности Джучидов, по сравнению с остальными ветвями династии Чингисидов, от коренного юрта. Вероятнее всего это объясняется удаленностью территорий Улуса Джучи, но нельзя исключать и влияния субъективных факторов, связанных с раздорами между старшими сыновьями Чингисхана, а также имперскими амбициями Угэдэидов, а затем и Толуидов. Очевидно, что Джучиды не проявляли при этом желания к полному отделению своего улуса из состава Монгольской империи, в этом, надо полагать, не было особой надобности, при всем этом у них отсутствовал необходимый для этого потенциал. Трудно представить, чтобы Джучиды начали открытый конфликт с Каракорумом, не закрепившись прочно во вновь завоеванных землях.

Джучиды в связи со сложившейся ситуацией были, прежде всего, обеспокоены своим положением в имперской иерархии, так как Угэдэй в союзе с Чагатаем стремился расширить свою

власть в ущерб интересам Джучидов⁶¹, что должно было вызвать соответствующую реакцию со стороны последних. Но все же стремление Джучидов расширить свою власть и влияние не должны, на наш взгляд, сразу же увязываться со стремлениями к отделению от коренного юрта. В то же время каждая из сторон обращалась к авторитету Чингисхана, что свидетельствовало об отсутствии четко выраженных устремлений к независимости у Джучидов. Ни Орда, ни Бату и ни один из сыновей Джучи и даже их первых преемников не предпринимали открытых и четко выраженных действий, направленных на обретение пресловутой независимости.

Но все же, несмотря на противодействия со стороны центра, обстоятельства складывались в пользу укрепления власти Джучидов. Успешное завершение Западного похода 1236—1242 гг. и включение в состав империи новых территорий должны были повлечь за собой организацию контроля над этими территориями со стороны имперской власти, как это практиковалось прежде (при завоевании империи Цзинь и Государства Хорезмшахов). Еще в эпоху правления Чингисхана появляются особые наместники, управлявшие вновь завоеванными территориями от имени великого хана (в источниках можно встретить различные наименования этих должностей: даруги, баскаки, шихнэ⁶²). Свое дальнейшее развитие и окончательное оформление институт имперских наместников, вероятно, находит при каане Угэдэе.

Понятно, что для организации института имперских наместников в Улусе Джучи требовалось определенное время, но в связи с начавшимся междоусобицей этот процесс, надо полагать, затягивался. В то время как непосредственное управление обширными пространствами Улуса Джучи находилось в руках Джучидов.

Вероятно, оседло-земледельческие центры были подведомственны имперской администрации⁶³, которая и занималась организацией учета населения в этих землях. Доходы с них соответству-

ющим образом распределялись между представителями золотого рода⁶⁴. И именно для справедливого распределения нужно было знать предполагаемую общую сумму сборов⁶⁵.

Наряду с городами, находившимися в подчинении Каракорума, были города, передававшиеся в инджу для обеспечения монгольских царевичей необходимыми товарами оседло-земледельческих центров. Возможно, что для Джучидов таковым городом был Ургенч в Хорезме. И не случайно Ата-Малик Джувайни пишет о баскаке Хорезма, назначенном самим Джучи⁶⁶. Здесь также уместно обратиться к данным ан-Насави, который пишет: «Немного спустя в Мавераннахр явился Души-хан со своими воинами. Он послал к ним (жителям Хорезма) людей, предупреждая их и предостерегая, и обещал им пошадую, если они сдадут его (Хорезм) без боя, и сказал, что Чингиз-хан подарил [город] ему и что он воздержится от его разрушения и намерен сохранить [город] для себя. Об этом будто бы свидетельствует то, что за время своего пребывания вблизи от него (Хорезма) это войско не предпринимало набегов на его сельские местности, отличая Хорезм от других областей большей заботой и большей милостью, опасаясь за него, чтобы он не стал жертвой судьбы ущерба и чтобы его не достигла рука уничтожения»⁶⁷.

В то время как остальные города к западу от Яика вплоть до тех пределов, куда доходили «копыта монгольских коней», находились в ведении Каракорума. В свою очередь, различные ветви Чингисидов имели в своем личном распоряжении степные пространства, необходимые для кочевания их собственных улусов. Возможно, это является одной из причин того, почему Бату строит новую столицу в своих степных владениях, а не задерживается в Булгаре. Царевичи, надо полагать, не имели права свободного распоряжения доходами городов, по крайней мере, не только они претендовали на эти доходы.

Такая организация власти обеспечивала единство Монгольской импе-

рии, так как в улусе каждого Чингисида были владения представителей других ветвей золотого рода⁶⁸, что создавало дополнительную связь между улусными правителями: «Когда в старину Чингиз-хан производил раздел между четырьмя сыновьями, он каждому сыну назначил собственность во владениях другого сына, чтобы из-за этого между ними постоянно ездили послы»⁶⁹. Мы можем видеть владения Джучидов в Северном Китае⁷⁰, Мавераннахре⁷¹, Хорасане и Мазендаране⁷². Следует отметить, что речь в данном случае не идет о полном контроле, а лишь о получении части доходов с определенных земель⁷³. Возможно, что первоначально эти представители царствующего рода назначали своих чиновников-даругачи и битикчи для взимания налогов и сборов, но в дальнейшем с укреплением центральной власти эта практика была прекращена: «Елюй Чуцай доложил [Угэдэю] о неправильности [этого], поэтому последовало повеление: прекратить титулованным особам ставить [своих] даругачи, а податные поступления с вышеуказанных дворов им будут выдавать чиновники, назначенные двором каана; и без получения высочайшего указа — не смей [самим] набирать солдат и собирать подати»⁷⁴. Между тем в западных владениях эта практика сохранялась еще в течение некоторого времени. Исходя из этого можно говорить о наиболее ярком признаке процесса обособления улусов Монгольской империи, который проявлялся в погромах и убийствах представителей той или иной ветви Чингисидов в городах, находящихся на подведомственной территории, принадлежавшей другому представителю династии⁷⁵.

Если исходить из того факта, что подобные владения были и в других улусах, то и в улусе Джучи, являвшемся частью единой империи, должна была применяться подобная практика. Возможно, что в ведении Каракорума находились города Хорезма, Булгарии, Руси, Северного Кавказа и Крыма. Еще А.Н. Насонов выдвинул гипотезу

относительно подчиненности русских городов имперскому центру⁷⁶. Такого рода сведения имеются и в отношении города Судак в Крыму. Ал-Муфаддал пишет: «Пошлины и другие доходы с Судака делились между четырьмя татарскими царями. Одним из них был этот Токтай»⁷⁷. А по данным Муин ад-Дина Натанзи, Чагатай получал доходы с Кята и Хивы, хорезмийских городов, входивших во владения Джучи⁷⁸. Шариф ад-Дин Йезди пишет о каанском квартале Ургенча, доходы с которого должны были передаваться Чагатаидам⁷⁹. Рашид ад-Дин также пишет о доле Тулуя в Дашт-и Кыпчаке⁸⁰.

В 1253 г. в «Юань ши» писали о проведении учета населения в русских княжествах: «Битикчи Берке внес в реестр количество дворов и населения русских»⁸¹. Но для реализации намеченных планов имелись определенные трудности, в связи с которыми учет населения на Руси начался лишь в 1257 г.⁸² Значительные временные рамки между направлением имперских численников из Монголии (1253 г.) и их появлением на Руси (1257 г.), по мнению Т. Олсена, были обусловлены рядом факторов, но при этом они не были связаны с противодействием Джучидов. Среди причин, способствовавших затягиванию процесса учета населения в Улусе Джучи (по сравнению с другими улусами здесь учет населения проводился дольше всех), можно назвать смерть Бату, Сартака и Улагчи. Другая причина заключалась в том, что территории Улуса Джучи значительно отличались от Китая и Ирана, с их развитыми чиновничье-бюрократическими традициями, где при наличии необходимого количества квалифицированных кадров можно было провести учет населения за сравнительно короткие сроки, в то время как на огромных просторах Улуса Джучи подобная практика вовсе отсутствовала⁸³.

Очевидно, в Булгарии, Крыму⁸⁴ и на Кавказе в конце 40–50-х гг. XIII в. был проведен учет населения. Т. Олсен со ссылкой на грузинскую хронику от-

мечает, что такого рода мероприятия в указанное время также были проведены в Хазарии (Крыму), Осетии (Алании), Дашт-и Кыпчаке и «странах мрака», куда входили Булгар и Сибирь. Дополняя эти данные сведениями из «Юань ши», Т. Олсен пишет об организации учета населения в 1254 г. в Алании⁸⁵.

По предположению Т. Олсена, процесс учета населения монголами мог обозначаться термином *togha* или *to'a* (*to'o*) в значении «цифра, число»⁸⁶. В этом же значении применяется обозначение рассматриваемого процесса в русских летописях («число») и персидских сочинениях (*shumārah* (шумаре))⁸⁷. В дополнение к этому следует привести тюркский эквивалент этого термина, который как в древности⁸⁸, так и на современном этапе передается словом «сан». В словаре «Мукаддима́т ал-Адаб» также приводятся слова и выражения, связанные со счетоводством и учетом. Например, по-монгольски выражение «включил его в счет» передается следующим образом: «*töndu bariba tüni*», по-тюркски — «*sanarğa tuttî añi*»⁸⁹. Т. Олсеном было также подмечено, что полученные в результате регистрации населения данные должны были фиксироваться на нескольких языках. Одна копия писалась на местном языке (например, на китайском в Китае), другая на монгольском или на уйгурском языке, для имперского секретариата⁹⁰.

Проведение учета на местах организовывалось даругачи при непосредственной поддержке и содействии местных властей. Так, Киракос Гандзакечи пишет: «Даже князья — владельцы областей ради своей выгоды стали их сообщниками в притеснениях и требованиях»⁹¹. Русский летописец еще более ярко характеризует рассматриваемый аспект: «Тои же зимы приехаша окаянны сыродцы, внуци Агарины робы Авраамля, Берка и Касачик и с женами своими, и иных много; и бысть мятеж велик в Новгороде, и по волости много зла учиниша, беруще туску окаянным Татарам. И нача окаянные бояться смерти, рече Александру: «Даи нам сто-

рожь, дашь нас не избийють»⁹². Т. Олсен полагает, что во время пребывания Андрея и Александра Ярославовичей у великого хана также мог обсуждаться вопрос об организации учета населения в русских землях. В итоге Андрей Ярославович должен был обеспечить проведение учета в Северо-Восточной Руси, а Александр Невский был ответствен за Новгородские земли⁹³.

Делом непосредственного учета населения занимались битикчи, в силу того, что это входило в их обязанности⁹⁴. Очевидно, что в тот или иной город направлялась группа лиц, которую возглавлял назначенный центром битикчи. Такой вывод можно сделать на основе сведений, содержащихся в «Джами аттаварих»: «[Государь] повелел, чтобы в каждую область отправился расторопный битикчи, подробно, деревня за деревней, описал всю область [...] Поэтому мы отправили во все владения битикчиев, чтобы они подробно переписали каждую область, уезд и деревню и так установили бы денежный налог и подати, чтобы весь народ успокоился, благодарил и был этим доволен»⁹⁵.

Сведения о технике сбора информации по учету городского населения можно обнаружить в Новгородской первой летописи: «И почаша ездити окаянные по улицам, пиущие дома крестьянские»⁹⁶. В данные учета, надо полагать, вносили все мужское население в возрасте от 15 лет. Впрочем, средневековые авторы приводят неодинаковые возрастные рамки. Например, армянский автор Киракос Гандзакечи пишет: «Начиная с десяти лет и старше всех, кроме женщин, записали в списки»⁹⁷. Другой армянский автор, инок Магакия, в своей «Истории народа стрелков» отмечает, что считали людей в возрасте от 15 до 60 лет⁹⁸. В «Юань ши» речь идет о 15-летних юношах, при этом следует заметить, что здесь говорится о военнообязанных. Но в то же время здесь же сообщается, что и подростки, не достигшие указанного возраста, также заносятся в реестры: «Их [т.е. войск империи] организация

[такова]: мужчины в семье, старше 15 и меньше 70 [лет], все сколько ни есть — зарегистрированы в призывном реестре как воины [...] [Когда они] на коне — готовы сражаться, а когда без коней — то собираются, чтобы пасти и выращивать скот. Ребята, которые еще не взрослые, все равно вписываются в этот [призывной] реестр и называются “корпус подрастающих”»⁹⁹.

Фискальный учет предполагал включение в реестры (дефтеры) различных категорий населения, в том числе земледельцев и ремесленников, а также представителей купечества: «Но этим они (мугал-татары) не довольствовались; всех ремесленников, будь то в городах или селах, они обложили податью. И рыбаков, промысляющих рыбной ловлей на морях и озерах, и рудокопов, и кузнецов, и красильщиков — [всех обложили податью]. Да нужно ли мне подробно рассказывать? Были закрыты людям все пути к получению доходов, и лишь сами они получали доходы. Все соляные копи как в Кохбе, так и самых разных местах были отняты. Нажились они и на торговцах и собрали огромное богатство — золото, и серебро, и драгоценные камни. И так, обобрав всех, повергнув страну в горе и бедствие, они оставили злых востиканов [т.е. наместников] в тех странах, чтобы они взыскивали то же самое ежегодно по тем же спискам и указам»¹⁰⁰. У Ата-Малика Джувайни читаем: «И поскольку постоянным занятием купцов было получение прибыли, каждый из них должен платить свою часть налогов в том месте, в котором он числится по переписи [курсив мой. — Л.А.], на основании равенства с остальными»¹⁰¹.

Из массы населения, подвергавшегося учету, исключались представители духовенства, старики, женщины, а также некоторые члены отдельных аристократических семей, имевших определенные заслуги перед монгольскими властями: «Но с духовенства не взыскивали никаких податей ибо не было у них на то приказа от хана. Точно так же и с сыновей Саравана: Шнорхавора

и Мкртыча — людей богатых и знатных»¹⁰². Русские летописи также пишут об исключении духовенства из числа вносимых в дефтеры: «Тое же зимы бысть число и изочтоша всю землю Русскую *только не чтоша кто служит у церкви* [курсив мой. — Л.А.]»¹⁰³. Первоначально, а именно до 1240 г., не учитывали и рабов царевичей и представителей высшей аристократии: «Были записаны в податный народ [те] мужчины и женщины, которые держались в плену всеми царевичами и высшими сановниками»¹⁰⁴.

Всю полученную информацию фиксировали в особых книгах, реестрах, так называемых дефтерах, которые, вероятно, направлялись в Каракорум через орду улусного правителя (в дальнейшем с обретением независимости подобная информация могла концентрироваться в орде правителя Улуса Джучи¹⁰⁵). В Каракоруме эти данные фиксировались и передавались на хранение. Учитывая то, что монголы тщательно оберегали всевозможную информацию о своей численности и численности своей армии, и тому подобные сведения, можно с уверенностью говорить о том, что и сведения о численности населения носили конфиденциальный характер.

В заключение особо следует отметить, что необходимость организации учета населения, закономерно определялась экспансионистской политикой имперского механизма управления, нормальное функционирование которого требовало использования соответствующей информации, создания некой базы данных, на основе которой принимались управленческие решения.

Итак, завершая нашу статью, можно сделать следующие выводы:

- Чингисхан внедрил в структуру государственного управления, традиционную для кочевников, десятиричную систему учета военнообязанного кочевого, позднее и оседло-земледельческого населения;

- начало учету населения было положено в годы правления Чингисхана,

но систематический характер они приняли во время правления Угэдэя;

- проведение учета населения городов, в ходе масштабных завоевательных походов, было связано с необходимостью установления военно-мобилизационных резервов, а также в целом для военно-стратегических и тактических задач;

- учет населения был также необходим для перераспределения захваченной добычи в соответствии с принятыми нормами, прежде всего, для предотвращения конфликтов среди представителей правящей верхушки;

- организация учета населения в ходе завоевательных кампаний свидетельствует о стратегической продуманности военных операций монголов,

командование которых опиралось на принцип целесообразности, так как понимало необходимость ресурсного обеспечения широкомасштабных военных действий;

- во всех вновь присоединенных землях власти приступали к организации учета населения, учету подлежало все мужское население империи, достигшее определенного возраста, за исключением некоторых категорий;

- инициирование учета населения происходило на курултаях, его организацией занимались имперские наместники, при содействии местной администрации, а непосредственным его осуществлением — битикчи, которые вели особые реестры — «дефтеры».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ссылки на соответствующие издания см. ниже.

² В «Тайной истории монголов» не раз говорится о проведении переучета армии по приказу Чингисхана, см.: *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol-un niiuča tobčijan*. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборонок. — М.; Л., 1941. — С. 133, 144, 189; См. также: *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей / Пер. с перс. *Л.А.Хетагурова*; ред. и прим. *А.А.Семенова*. — Т. I. — Кн. 2. — М.; Л., 1960. — С. 126.

³ См. подробнее: *Кычанов Е.И.* Военно-административная система и управление государства Чингизидов // *История татар*. — Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. — Казань, 2009. — С. 96; *Усманов М.А.* Реформы и Йаса Чингиз-хана // Там же. — С. 102–103.

⁴ *Джувейни Ата-Мелик*. Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни / Пер. с перс. *Дж.Э.Бойла*. Предислов. и библиография *Д.О.Моргана*. Пер. с англ. на рус. *Е.Е.Харитоновой*. — М., 2004. — С. 24; *Вернадский Г.В.* О составе Великой Ясы Чингисхана // *Исследования и материалы по истории России и Востока*. — Вып. I. — Брюссель, 1939. — С. 55; Ср. с данными: Юань ши // *Золотая Орда в источниках*. — Т. III. Китайские и монгольские источники / Пер. с кит. яз., введ. ст. и комм. *Р.П.Храпачевского*. — М., 2009. — С. 169.

⁵ *Джувейни Ата-Мелик*. Чингисхан... — С. 23.

⁶ Г.М. Давлетшин обратил внимание на древние корни бытующих в современном татарском языке фразеологизмов типа «сансыз кеше», «санга сугу», «санга санамау» и т.д., в буквальном переводе означающих «не имеющего числа человека», «(не) ставить в число», «не брать в число» в значении «не считаться, не принимать во внимание», см.: *Дәүләтшин Г.М.* Төрки-татар рухи мәдәниятә тарихы. — Казан, 1999. — Б. 181.

⁷ *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. — М., 1986. — С. 138; *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. — М., 1984. — С. 69.

⁸ См. например: *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей / Пер. с перс. *Л.А.Хетагурова*; ред. и прим. *А.А.Семенова*. — Т. I. — Кн. 1. — М.; Л., 1960. — С. 144.

⁹ Известно, что еще в 1182 г., во время организации похода против татар, Чингисхан отдает приказ, в соответствии с которым добычу следовало делить только после окончательного разгрома противника.

¹⁰ *Мэн-да бэй-лу* («Полное описание монголо-татар»). — Пер. с кит. *И.Ц.Мункуева*. — М., 1975. — С. 67–68.

¹¹ *Ибн Салем (Ибн Васил)* // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — Т. I. Извлечения из арабских сочинений, собранные *В.Г.Тизенгаузеном* / Подгот. к нов. изд., введ., доп. и комм. *Б.Е.Кумекова, А.К.Мунинова*. — Алматы, 2005. — С. 83; *Шихаб*

ад-Дин Абдаллах ибн Фазлаллах (Вассаф-и хазрат) // История Казахстана в персидских источниках. — Т. IV. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Воиным / Отв. ред. М.Х. Абушеитова. Перераб. и доп. — Алматы, 2006. — С. 165.

¹² *Ал-Муфаддал* // СМИЗО. — Т. I. — Алматы, 2005. — С. 147. См. также: *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. — М., 1972. — С. 32–33.

¹³ См. например: Письмо брата Юлиана о жизни татар // Образование Золотой Орды. Улус Джучи Великой Монгольской империи (1207–1266). Источники по истории Золотой Орды: от выделения удела Джучи до начала правления первого суверенного хана / Сост., вступ. ст., комм., указ., подбор илл. и карт М.С. Гатина, Л.Ф. Абзалова, А.Г. Юрченко. — Казань, 2008. — С. 240.

¹⁴ Инджу — доход, собственность, личный удел, удовлетворяющий потребности двора и войска монгольского царевича (*Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. — Т. V. — М., 1968. — С. 146).

¹⁵ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. с перс. А.К.Арендса, отв. ред. В.В.Струве. — Т. III. — М.; Л., 1946. — С. 23.

¹⁶ История монгалов / *Дж. дель Плано Карпини.* — Путешествие в Восточные страны / *Г. де Рубрук.* — Книга Марко Поло / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. — М., 1997. — С. 58. Ср. с данными Киракоса Гандзакеци (*Киракос Гандзакеци* // Образование Золотой Орды... — С. 151). См. также: *Петрушевский И.П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV вв. — М.; Л., 1960. — С. 350.

¹⁷ Хашар (*ар.*) — население завоевываемой области, использовавшееся на тяжелых вспомогательных работах, чаще всего осадных.

¹⁸ См. подробнее: *Петрушевский И.П.* Земледелие и аграрные отношения... — С. 32–33; *Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингисхана. — М., 2004. — С. 241–242.

¹⁹ Например, в «Джами ат-таварих» читаем: «7 числа месяца раби-ал-ахыра подошли к городу Туну и, установив каменеты, сразились. 19 числа заняли шахристан, перебили всех, кроме ремесленников [здесь и далее курсив мой. — Л.А.], и с победой и славою явились на служение к Хулагу-хану и направились к Тусу [...] Город Мавсиль был завоеван. Уцелевших горожан предали мечу, а часть ремесленников увели в полон, так что в Мавсиле никого не осталось» (*Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. — Т. III. — С. 28). Иоанн де Плано Карпини пишет: «А когда те [горожане] выйдут к ним, то Татары спрашивают, кто из них ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают топором», см.: *Джованни дель Плано Карпини.* История монгалов. — С. 57.

²⁰ Абу-л-Фарадж пишет, что в соответствии с Ясой Чингисхана: «Должно возвеличивать и уважать чистых, невинных, праведных, грамотеев и мудрецов какого бы то ни было племени, а злых и неправедных презирать», см.: *Вернадский Г.В.* О составе Великой Ясы Чингисхана // Исследования и материалы по истории России и Востока. — Вып. I. — Брюссель, 1939. — С. 54.

²¹ *Джувейни Ата-Мелик.* Чингисхан... — С. 67.

²² Там же. — С. 82.

²³ *Джованни дель Плано Карпини.* История монгалов. — С. 57.

²⁴ *Джувейни Ата-Мелик.* Чингисхан... — С. 89.

²⁵ См.: *Юрченко А.Г.* Книга Мрако Поло: записки путешественника или имперская космография. — СПб., 2007. — С. 86–95.

²⁶ Копчур (*монг.*) — в источниках XIII в. копчур встречается в трех разных значениях: налог вообще; налог с пасущихся стад в размере 1% и подушный налог с оседлого населения.

²⁷ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. — Т. III. — С. 39.

²⁸ Там же. — С. 44.

²⁹ История монголов инока Магакии, XIII в. / Пер. и объяснения *К.П.Патканова.* — СПб., 1871. — С. 18.

³⁰ Юань ши... — С. 159.

³¹ *Allsen T.* Mongol imperialism. The policies of the grand qan Мцнгке in China, Russia, and the Islamic lands 1251–1259. — Berkeley; Los Angeles; London, 1987. — P. 116–117.

³² Юань ши... — С. 164.

³³ *Мункуев И.Ц.* Китайский источник... — С. 190.

³⁴ Юань ши... — С. 168.

³⁵ *Allsen T.* Mongol imperialism... — P. 129. Вероятно, также обстояли дела и в других владениях Чингисидов. Например, в русских источниках можно обнаружить так называемых

численных людей, под которыми, как пишет Л.В. Черепнин, понимали население, обложенное данью, предназначенной, главным образом, для татарских надобностей, см.: *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. – Ч. I. – М.; Л., 1948. – С. 19.

³⁶ *Мункуев И.Ц.* Китайский источник... – С. 193.

³⁷ Юань ши... – С. 171

³⁸ *Джувейни Ата-Мелик.* Чингисхан... – С. 357.

³⁹ Там же. – С. 352.

⁴⁰ Юань ши... – С. 179.

⁴¹ *Киракос Гандзакец.* История Армении // Образование Золотой Орды... – С. 151.

⁴² *Джованни дель Плано Карпини.* История монгалов. – С. 58.

⁴³ *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь / Пер. с англ. *Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана, О.В. Строгановой.* – Тверь; М., 1997. – С. 147.

⁴⁴ В Ипатьевской летописи отсутствуют какие-либо упоминания об этом мероприятии в южно-русских городах, а поездка Даниила Романовича к Бату здесь датируется 1250 г., см.: Ипатьевская летопись // ПСРЛ. – Т. II. – М., 1998. – Ст. 806. Следует помнить, что еще Н.М. Карамзин отмечал, что хронология второй, интересующей нас части Ипатьевской летописи «во всех известных случаях неправильны и отмечены переписчиком гадательно», см.: ПСРЛ. – Т. II. – СПб., 1843. – С. IX. В Софийской летописи под 1245 г. имеется сообщение о прибытии послов Бату в Киев. Но здесь трудно сказать что-либо определенно об учете населения Киева, см.: Софийская первая летопись // ПСРЛ. – Т. V. – Л., 1925. – С. 231.

⁴⁵ *Джувейни Ата-Мелик.* Чингисхан... – С. 370.

⁴⁶ См. подробнее: *Почекаев Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. – М.; СПб., 2006. – С. 242–249.

⁴⁷ Юань ши... – С. 278.

⁴⁸ Там же. – С. 190.

⁴⁹ Садр (*араб.*) – глава, старейшина, начальник, почетное звание ученого.

⁵⁰ Термином «мутасарриф» в этот период могли обозначать как назначенного правителя, так и местного наследственного владельца, имевшего право на сбор ренты и налога.

⁵¹ *Джувейни Ата-Мелик.* Чингисхан... – С. 371.

⁵² *Костюков В.П.* Иранский поход Хулагу: предыстория // Золотоордынская цивилизация. – Вып. 2. – Казань, 2009. – С. 78–79.

⁵³ *Allsen T.* Mongol imperialism... – P. 136.

⁵⁴ Дин (*кит.* «слиток») – денежная единица, 50 лян (лян – 37,3 г) серебра.

⁵⁵ Юань ши... – С. 191.

⁵⁶ *Джувейни Ата-Мелик.* Чингисхан... – С. 373.

⁵⁷ *Киракос Гандзакец.* История Армении // Образование Золотой Орды... – С. 156–157.

⁵⁸ Это подтверждается фактом выделения улусов своим сыновьям. Первое выделение, как известно, произошло после похода Джучи на «лесные народы» 1207–1208 гг. В дальнейшем это находит свое выражение в словах, приписываемых самому Чингисхану, сказанных во время спора, возникшего между Чагатаем и Джучи: «А ты, Чжочи, что скажешь?». Чжочи, говорит: «Чаадай уж сказал. Будем служить парой с Чаадаем. Высказываемся за Огодая!» – «К чему же, – говорит Чингисхан, – к чему же непременно парой? Мать-земля велика. Много на ней рек и вод. Скажите лучше – будем отдельно друг от друга править иноземными народами, широко раздвинув отдельные кочевья», см.: *Козин С.А.* Сокровенное сказание... – С. 186. Но при этом следует заметить, что здесь прослеживается ретроспективный характер повествования.

⁵⁹ Там же. – С. 176.

⁶⁰ См. подробнее: *Костюков В.П.* Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2007. – № 1. – С. 169–207.

⁶¹ *Почекаев Р.Ю.* Батый... – С. 66–67.

⁶² Шихнэ (*ар.* гарнизон) – должность, соответствующая коменданту города, стоявшему во главе гарнизона. Лицо, занимавшее эту должность, несло ответственность за безопасность и порядок в городе, см.: *Пириев В.З.* О некоторых вопросах государственного устройства при хулагуидах и джаларидах (по материалам «Дастур ал-катиб фи тайин ал-маратиб» Мухаммада ибн Хиндушаха Нахчивани) // СВ: проблемы и перспективы. – М., 1988. – С. 200.

⁶³ Например, Мавераннахр входил в состав владений Чагатая, в то время как городами этого региона управлял имперский наместник, сначала Махмуд Ялавач, в дальнейшем его сын Масуд-бек.

⁶⁴ Г.А. Федоров-Давыдов, комментируя приказ Чингисхана, относительно распределения населения, данный Шиги-Хутуху, пишет, что: «Чингисхан имел, вероятно, в виду различные формы эксплуатации кочевого и оседлого населения. Кочевников дают в удел кочевой аристократии, оседлых «разверстывают по районам», то есть закрепляется часть поступлений с оседлых районов в пользу того или иного правящего дома» (*Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй...* — С. 31 (прим. 30)).

⁶⁵ См. также: *Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй...* — С. 32.

⁶⁶ *Джувейни Ата-Мелик. Чингисхан...* — С. 343.

⁶⁷ *Шихаб ад-дин ан-Насави. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны.* — М., 1996. — С. 133.

⁶⁸ Например, Вильгельм де Рубрук в своих «Путевых заметках» пишет о некоем замке аланов на Северном Кавказе, который принадлежал Мункэ (*Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны.* — С. 181–182). Очевидно, здесь речь идет о г. Магасе, в завоевании которого принимал участие будущий великий хан (Юань ши... — С. 175).

⁶⁹ История Казахстана в персидских источниках. — Т. IV. — С. 353 (прим. 40).

⁷⁰ В «Юань ши» говорится: «Пожаловать двory простого народа из всех округов Срединной равнины различным князьям [из рода Чингисхана] и прочим родственникам и членам орды, выделив [их следующим образом]: для Бату — в округе Пиньянфу; для Чагатая — в округе Тайюаньфу; для Гуюка — в округе Даминфу...», см.: Юань ши... — С. 172. Под 1252 г. в «Юань ши» также говорится о выделении уделов чжуванам: «Каждому в [следующих] местах: Кодану — в землях Бешбалыка; Мелику — [в землях] у реки Иртыш; Хайду — в землях Каялыга; Берке — в Грузии», см.: Юань ши... — С. 187–188. См. также: *Почекаев Р.Ю. Сведения о Золотой Орде в «Книге о великом хане // ТС.* — 2006. — М., 2007. — С. 260–273.

⁷¹ Например, Джучиды получали доходы с Бухары, Самарканда и Термеза. См. подробнее: *Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом.* — М.; СПб., 2006. — С. 67.

⁷² Здесь уместно вспомнить везира Шараф ад-Дина, представителя Бату в Иране, который контролировал сбор налогов в пользу Джучидов, см.: *Джувейни Ата-Мелик. Чингисхан...* — С. 362–363. В «Насировых разрядах» Джузджани пишет, что «в каждой иранской области, подпавшей под власть монголов, ему (Бату) принадлежала определенная часть ее, и над тем округом, который составлял его удел, были поставлены его управители», см.: История Казахстана в персидских источниках. — Т. IV. — С. 41. О доле доходов с иранских земель также сообщает ал-Умари, см.: *Ал-Умари // СМАЗО.* — Т. I. — Алматы, 2005. — С. 177–178.

⁷³ *Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды.* — М., 1972. — С. 31.

⁷⁴ Юань ши... — С. 173.

⁷⁵ См.: *Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Фазлаллах (Вассаф-и хазрат) // История Казахстана в персидских источниках.* — Т. IV. — С. 164–165; *Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с перс. Ю.П.Верховского; прим. Ю.П.Верховского и Б.Н.Панкратова.* — Т. II. — М.; Л., 1960. — С. 163.

⁷⁶ *Насонов А.Н. Монголы и Русь (История татарской политики на Руси).* — М.; Л., 1940. — С. 30, 50.

⁷⁷ *Ал-Муфаддал // СМАЗО.* — Т. I. — Алматы, 2005. — С. 153.

⁷⁸ История Казахстана в персидских источниках. — Т. IV. — С. 353.

⁷⁹ *Шараф ад-Дин Йезди // История Казахстана в персидских источниках.* — Т. IV. — С. 303.

⁸⁰ *Рашид ад-Дин. Сборник летописей.* — Т. II. — С. 108.

⁸¹ Юань ши... — С. 190. Подробнее о проведении учета населения на Руси см.: *Allsen T. Mongol imperialism...* — P. 134–143.

⁸² По данным Воскресенской летописи (конец XVI в.), под 1255 г. говорится: «Тое же зимы приехаша численницы из Татар, и сочтоша всю землю Русскую, и поставиша десятиники и сотники, толико не чтоша игуменов, и попов и чренцов», см.: Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. — Т. VII. — СПб., 1856. — С. 161.

⁸³ *Allsen T. Mongol imperialism...* — P. 141.

⁸⁴ Об учете населения Судак см. также: *Джанов А.В. Политический статус и администрация Сугдеи в XIII — первой половине XIV в. // Сугдея, Сурож, Солдаия в истории Руси-Украины. Материалы научной конференции.* — Киев — Судак, 2002. — С. 96; *Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В., Шапошников А. К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени.* — Симферополь, 2009. — С. 282.

⁸⁵ *Allsen T. Mongol imperialism...* — P. 139.

⁸⁶ См. также: *Кручкин Ю.* Большой современный русско-монгольский и монгольско-русский словарь. — М., 2006. — С. 574, см. также. — С. 320.

⁸⁷ *Allsen T.* Mongol imperialism... — P. 135. См. также: Персидско-Русский словарь / Под ред. Ю.А.Рубинчика. — Т. II. — С. 36.

⁸⁸ ДТС. — Л., 1969. — С. 483.

⁸⁹ *Ponne H.H.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб. — Ч. 1–2. — М.; Л., 1938. — С. 352. См. также: *Codex Cumanicus*. — Edited by G.Kuun with the prolegomena to the *Codex Cumanicus* by L.Ligetti. — Budapest, 1981. — P. 39.

⁹⁰ *Allsen T.* Mongol imperialism... — P.119.

⁹¹ *Киракос Гандзакеци.* История Армении // Образование Золотой Орды... — С. 157.

⁹² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.; Л., 1950. — С. 310.

⁹³ *Allsen T.* Mongol imperialism... — P. 138.

⁹⁴ По данным Мухаммада Хиндушаха Нахчивани, в хулагуидской администрации существовало особое ведомство «Диван-и битикчи», которое занималось сбором налогов и их учетом. См.: *Хатиби С.* Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII–XIV вв. — Ашхабад, 1985. — С. 37.

⁹⁵ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. — Т. III. — С. 253, 257.

⁹⁶ Новгородская первая летопись... — С. 311.

⁹⁷ *Киракос Гандзакеци.* История Армении // Образование Золотой Орды... — С. 157.

⁹⁸ История монголов инока Магакии, XIII в. / Пер. и объяснения *К.П.Патканова.* — СПб, 1871. — С. 25.

⁹⁹ Юань ши... — С. 211–212.

¹⁰⁰ *Киракос Гандзакеци.* История Армении // Образование Золотой Орды... — С. 157.

¹⁰¹ *Джувейни Ата-Мелик.* Чингисхан... — С. 439.

¹⁰² *Киракос Гандзакеци.* История Армении // Образование Золотой Орды... — С. 157.

¹⁰³ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. — Т. I. — М., 2001. — С. 524. См. также ханские ярлыки русским митрополитам.

¹⁰⁴ Юань ши... — С. 176.

¹⁰⁵ Известно, что в хулагуидском Иране подобная информация также направлялась в орду: «Честно и справедливо исправив счетоводство прежних лет, [следует] прислать в Большую Орду полные дафтары и общие реестры, чтобы мы были вполне осведомлены и понимали доходы и расходы городов и деревень, которые расположены в той стороне в горах и на равнине», см.: *Рашид ад-Дин.* Переписка. — М., 1971. — С. 223–224.

Аннотация

В статье рассматривается процесс организации учета населения в Монгольской империи. В рамках представленного материала разбираются следующие вопросы: когда, каким образом и с какой целью проводился учет населения в Монгольской империи? На основе анализа известных источников автор делает вывод о том, что необходимость организации учета населения закономерно определялась возникшими имперскими институтами управления, нормальное функционирование которых требовало использования соответствующей информации, на основе которой принимались управленческие решения.

Ключевые слова: Монгольская империя, учет населения, десятичная система, имперские наместники, битикчи, дефтеры.

Summary

The article deals with the analysis of population census in the Mongol empire. In frames of the presented material the main questions of this article are: when, how and for what purpose was the population census held in the Mongol empire? Based on the analysis of well-known sources the author concludes that the necessity of population census was naturally determined by imperial institutions of management and on this basis management decisions were taken.

Key words: The Mongol Empire, population census, decimal system, imperial governors, bitikchi, defters.

УДК 297

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К ТРАКТАТУ
ЗЫЯЭТДИНА КАМАЛИ «ФИЛОСОФИЯ ВЕРОУБЕЖДЕНИЯ»
ИЗ СЕРИИ «ФИЛОСОФИЯ ИСЛАМА»

Л.И. Алмазова, кандидат философских наук

«Философия ислама» («*Фалсафа исламийа*») – это фундаментальный труд Зыяэтдина Камали, издававшийся с 1909 по 1911 годы. Сочинение состоит из нескольких книг: двух томов, под общим названием «Философия веры» («*Фалсафа игътикадийа*»), двух томов под названием «Философия поклонения» («*Фалсафа-и гыйбадат*») и приложения к первому тому «Справедливость Аллаха» («*Allah гадэлэте*»). Замысел автора включал в себя публикацию еще одной части по философии *фикха*¹, которая в силу ряда причин так и не вышла в свет.

В данной книге вниманию читателя представлен перевод первого тома серии «Философия ислама» – «Философия веры», труд, во многом программный по своему содержанию. Здесь автор рассматривает круг тем, связанных с вопросами исламской акиды²: сущность веры и неверия (*куфр*), вера в Аллаха и его атрибуты (*ас-сифат*), вера в писания и пророков, вопросы предопределения, свободы воли, добра и зла, воздаяния и пр. Однако подходы к освящению всех этих проблем у Зыяэтдина Камали существенно отличаются от тех, что приняты в сочинениях подобного жанра мусульманской литературы³. Кроме того, в первом томе ученый также отвечает на наиболее актуальные вопросы, которые задавала противоречивая эпоха начала XX века исламу и российским мусульманам.

Своеобразие стиля философа и избрание им тех или иных тем во многом определяли обстоятельства, в которых

жил и работал З.Камали. Так, ученый сознательно шел на упрощение своего философского языка, что нередко приводило к примитивности стиля. Он делал это для того чтобы донести свои идеи до максимального количества читателей: «Она написана на простом тюркском языке, понятном каждому человеку. Только [хотелось бы заметить], что, поскольку подобное сочинение писалось на тюркском впервые, недочетов в нем еще немало. И подобно тому, как все в мире стремится к совершенству, и эта книга, если пожелает Аллах, будет совершенствоваться в данном направлении», – писал Зыяэтдин во введении к первому тому.

Кроме того, существовало несколько идеологических направлений с мнением которых неизменно приходилось считаться философу. Прежде всего, нельзя забывать о том, что российские мусульмане, в частности татары, жили в православном государстве.

Характерным при этом является вовсе не то, что З.Камали был вынужден отстаивать преимущества ислама, по сравнению с христианством. Мусульмане издавна решили для себя эту проблему, признав христианство богооткровенной религией, посчитав, однако, некоторые ее положения (в частности, представления об Иисусе, как о божестве и др.) искажением истинной веры, ниспосланной Богом через Иисуса (Ису). То есть мусульмане (в данном случае российские) придерживались дружественного нейтралитета с христианами и не стремились полемизиро-

вать с ними на догматические темы, в каком-то смысле испытывая чувство превосходства за свою чистую и не подверженную искажениям религию. Однако подобное мирное, со стороны ислама⁴, сосуществование с христианством не снимало проблем, связанных с политикой Российского государства в отношении «инородцев», поэтому З.Камали при обсуждении многих вопросов в своих книгах апеллирует к темам, связанным с российской властью. При этом его позиция достаточно миролюбива и лояльна по отношению к государственным учреждениям. Кроме того, в тексте встречаются реплики, свидетельствующие о весьма уважительном отношении к правившему на тот момент времени Николаю II.

Подобная терпимость была связана с тем, что З.Камали не стремился обвинять русских в угнетенном положении мусульман, ибо он считал, что последние сами виновны в своем поражении: «Жизнь государства и царства строится на основе соответствия законам природы и мировому порядку, и лишь живя в согласии с ними, государство и может существовать. Если государство не подчиняется этим законам, то оно неизбежно падет (даже если хозяева этого государства будут исповедовать самую истинную веру). А раз так, то если некий безгрешный народ будет уничтожен другим народом — угнетателем, то это представляет собой чистую справедливость, ибо сие является наказанием уничтоженному народу за его забвение жизни, согласно законам природы и мировому порядку. А победа того народа, который живет в согласии с законами природы (пусть он будет исповедовать любую религию), это совершенная справедливость»⁵.

Итак, если на вызов, связанный с проживанием мусульман в границах православного государства, З.Камали отвечал, опираясь на умеренно-либеральную мировоззренческую платформу, то второй момент, серьезно определявший настрой работ З.Камали — сильные позиции религиозного традиционализма, требо-

вал уже большего внимания со стороны автора.

Главным принципом традиционализма являлся так называемый *так-лид*⁶ — практика следования религиозным авторитетам мусульманской древности во всех вопросах религии⁷. А если учесть, что в исламе нет четкого разграничения на религиозную и светскую сферы, то все вопросы решались по тем схемам, что были разработаны до XII века, когда «двери *иджтихада*⁸ были закрыты». Естественно, что с наступлением более динамичной эпохи капитализма вышеупомянутая процедура принятия решений стала весьма ощутимым тормозом на пути к прогрессу. Поэтому З.Камали и многие другие мусульманские реформаторы (М.Бигиев, Р.Фахретдинов, К.Тарджемани) выступали за *иджтихад* и за всестороннее обновление жизни общества.

Явление традиционализма, еще не достаточно изученное в науке, нельзя считать однозначно реакционным направлением в исламской мысли. С одной стороны, традиционалистами были те, кто в изменившихся общественных условиях предпочитал оставаться прежним и неизбежно чувствовал, что отстает от жизни. При этом подобные индивидуумы пытались отстаивать привычное и не допускать новое. С другой стороны, это течение представляло собой охранительную реакцию мусульман, еще со времен завоевания Казанского ханства генетически сохранивших страх ко всему новому, ибо оно неизбежно ассоциировалось с угрозой насильственной христианизации. Между тем методы, которыми традиционалисты пользовались для защиты своих убеждений (доносы, письма официальным властям), в результате чего в домах прогрессивно мыслящей интеллигенции и в джаидских медресе проводились обыски и полицейские облавы, не внушают доверия к чистоте их помыслов. Так или иначе, в сочинениях многих прогрессивных мыслителей начала XX в. можно встретить более или менее ярко выраженную полемику с ортодоксами от религии и

критику в адрес традиционалистов, которых реформаторы обвиняли в забвении принципов ислама, в искажении учения, и в прочих ошибках, приведших мусульман к угнетенному и неравному положению.

И последней, существенной, силой, повлиявшей на тематику сочинения З.Камали, был атеизм в лице его предшественников, как их называл автор, материалистов (*матдиюнлар*). Спецификой книги философа являлся полемический характер изложения, выражавшийся в том, что после обоснования тех или иных идей З.Камали приводил ряд возможных возражений оппонентов и собственные ответы на них. Многие вопросы имели явный атеистический характер. Например: если так уж совершенен Аллах, то почему он не создал одну совершенную религию на все времена, а вместо этого, раз за разом, посылает посланников, которые проповедуют разные религии; или вопрос о том, что, возможно, религии создаются не столько Богом, сколько определенными людьми, осознавшими необходимость общественных преобразований; либо, что, возможно, мир не был сотворен Аллахом, а возник в результате случайного соединения частиц, и ряд подобных же вопросов.

Итак, концепция нового понимания ислама З.Камали рождалась в оппозиции воззрениям атеистов, которые говорили, что религия — это выдумка человека, в ней много суеверий, необоснованных догм, ограничений и элементарной лжи, и в противостоянии позиции ортодоксов, учение которых действительно несло на себе груз исламской традиции, превращавший ислам в тяжкую повинность и препятствовавший гармоничному вхождению мусульманской религиозной общности — *уммы* — в мировую цивилизацию.

Помимо полемического характера работы З.Камали его философскую позицию определяли ряд принципов. Во-первых, он использовал салафитский⁹ прием обращения непосредственно к Корану, Сунне и первым векам ислама,

минуя все последующие наработки, сделанные учеными исламской религиозной традиции¹⁰. На протяжении всего тома не встречается ни одной ссылки на какой-либо авторитет древности, в то время как события из жизни Мухаммеда занимают центральное место при доказательстве тех или иных положений.

Характерно при этом, что З.Камали часто обращается к наследию европейских философов и ученых. На страницах книги нередко встречаются имена Сократа, Платона, Аристотеля, Н.Кузанского, Ньютона, Вольтера, Сен-Симона, Л.Толстого и многих других. Причем З.Камали не только апеллирует к их мнению для подтверждения собственных тезисов, но и критикует концепции некоторых авторов (в частности, он не соглашается с пантеизмом Николая Кузанского или с учением Льва Толстого о душе).

Во-вторых, З.Камали, получивший естественнонаучное образование в Турции, сведущий в основных научных открытиях своего времени, весьма часто апеллирует к новым научным разработкам, сопоставляет их с кораническими аятами, обосновывая тем самым свой тезис о том, что ислам находится в полной гармонии со знанием. Несколько позже, в середине 20-х годов, З.Камали пишет ряд статей, публиковавшихся в журнале «Ислам маджаласе» («Исламский журнал»), где, предвосхищая книги современного турецкого автора Харуна Яхьи¹¹, сопоставляет приведенные в Коране факты с естественнонаучными открытиями своего времени. Он делает тот же самый вывод, что и турецкий ученый-теолог, о том, что в Коране, датированном VII веком, встречаются сведения, которые стали известны науке лишь совсем недавно. От современного научного языка эти коранические свидетельства отличает лишь иносказательность, связанная с чрезвычайно сложной задачей — изложить научные сведения в имевшейся на то время неразвитой терминологии.

И, в-третьих, З.Камали, подобно мутазилитам¹², свято верил в силу цело-

веческого разума, считая, что все положения мусульманской религии могут и должны быть осознаны с помощью деятельности человеческого ума. При этом философ весьма скептически относился к суфиям, активно использующим гносеологический прием интуитивно-мистического постижения, практически исключая его из арсенала своих методов познания.

Тематику первого тома условно можно разделить на три части:

В первой – философ объясняет роль и функции, которые исполняет религия в жизни человечества, рассматривает вопросы преемственности религий, разъясняет основные ценности ислама и излагает свои соображения относительно причин отставания мусульман от более развитой Западной цивилизации.

Во второй части З.Камали отвечает на наиболее часто высказываемые в адрес ислама обвинительные реплики, в частности, о воинственности исламской религии (часть «ислам и война»), об оправдании рабовладельческих отношений (ислам и рабство), о жестокости исламского права (ислам и возмездие), о принижении роли женщины (ислам и проблема семейно-брачных отношений).

Наконец, последняя часть посвящается самым сложным вопросам, связанным с постижением Аллаха, Его справедливости и Его свободы.

Итак, в чем же заключались основные положения концепции Зыяэтдина Камали согласно программному первому тому «Философии ислама»? Свои рассуждения автор начинает с того, что религиозность – это неотъемлемое, от рождения присущее человеку чувство (*фитра*). Это заложенный в человеке Богом механизм, который предохраняет его от причинения вреда самому себе, ближним и всему миру природы. Создавая земной мир, Бог предусмотрел сохранность и целостность видов минералов, растений и животных таким образом, что одни не мешают другим, ограничив при этом чрезмерное запол-

нение земного существования одним из видов. Человек же – это единственное создание, которое не имеет физиологически обусловленного механизма, ограничивающего его воздействие на столь совершенно созданный мир. Однако, поскольку человек – это венец творенья, то для него предусмотрены иные – духовные средства, – позволяющие ему гармонично сосуществовать со всем мирским многообразием. Религия – это и есть тот самый духовный способ регулирования, данный Богом людям.

В дополнение к внутренне присущему человеческой природе религиозному чувству, Он проявляет заботу о людях, посылая пророков, чтобы они разъяснили им законы существования, которые и составляют основу религий. Поскольку человечество проходит разные стадии своего развития, постольку и религии, появившиеся в те или иные эпохи, хоть и являют в своей основе единство, в то же время не повторяют друг друга, а представляют собой новую ступень и глубину постижения законов мира.

З.Камали в некоторых случаях, связанных с несколько рискованными, с точки зрения представлений своего времени, идеями применяет весьма своеобразный прием. Он стройно и логично излагает цепочку тезисов своих размышлений, но когда до определенного вывода остается всего один шаг, автор обрывает текст, заключая его словами о том, что разумный человек сам сделает надлежащие выводы. Так он поступает и в вопросе об изменениях в религии, З.Камали пишет, что даже последняя по времени возникновения религия – ислам – демонстрирует разные подходы к решению одних и тех же проблем. Так, в Мекке были одни суры, а в Медине ниспосылались суры несколько иного содержания. То есть З.Камали говорит о том, что даже ислам на протяжении жизни пророка не был неизменен. Следовательно, если ислам изменялся на протяжении 23 лет, то насколько иным он мог бы стать за 1400 лет своего существования? Философ употребляет

понятие *насах* — отмена, или замена. Если обратиться к истории этого термина, то он относится к доктрине отмены (*ан-насах ва-л-мансах*). В ее основе лежит идея о том, что определенные заповеди в Коране предназначались только для временного использования, и при изменении обстоятельств они отменялись или заменялись другими. Однако, будучи словом Божьим, эти заповеди продолжали читаться как часть Корана¹³. З.Камали применяет этот термин несколько в ином контексте. Он говорит о том, что *насах* — это закон жизни. В самом же Коране нет ни одного примера *насах*, поскольку разные решения одних и тех же вопросов говорят лишь о том, что каждая ситуация уникальна и решение для каждого случая, с учетом всех деталей и обстоятельств дела, не может быть одинаковым. Термин *насах* философ интерпретирует в духе Гераклита как ежесекундные изменения, происходящие в мире, в котором метаморфозы происходят каждое мгновение. Соответственно мыслитель делает вывод о том, что если мир постоянно изменяется, то любая длительная фиксация представлений об этом мире является тормозом и препятствием для динамичного развития человеческого сообщества. Здесь необходимо сделать уточнение о том, что существуют неизменные законы Аллаха и существует мир, который развивается согласно этим законам. Религии сообщают людям как сами законы, так и решения, которые были сделаны на основании этих законов. Сами законы Аллаха вечны, и они составляют сущность всех богооткровенных религий (*дин*), а решения, сделанные на основе этих законов составляют религиозные кодексы (*шариат*), сущностью которых является постоянное развитие. Поэтому можно сделать вывод о том, что обращаться к Корану для понимания современных ситуаций нет смысла, скорее решения необходимо принимать каждый раз новые, в то же время ислам должен задавать тон всем умозаключениям.

Содержание вечных законов Аллаха З.Камали приводит в кратком варианте

собственной *акиды*¹⁴. Как известно, основные мусульманские догматы насчитывают шесть пунктов: вера в Аллаха и Его атрибуты, вера в Его ангелов, в Его Писания, в Его пророков, в предопределение, с его добром и злом, и вера в Судный день. З.Камали предлагает следующую версию: «Существует Аллах, Создатель этого мира, Всевышний Аллах лишь один, Он вечен, бесконечен, бессмертен, у него нет начала и нет конца, Он превыше всех миров, Он является безгранично великой Истиной, Он обладает всеми вечными и бесконечными совершенствами. Люди должны благодарить одного лишь Аллаха, люди свободны в своих деяниях, вера и неверие избираются людьми по их собственной воле. Все книги, ниспосланные Всевышним Аллахом, являются истинными, все посланники, пророки признаются истинными. Почтенный Коран, ниспосланный Всевышним Аллахом, является божественным сводом законов, Мухаммед, да благословит его Аллах и приветствует, является самым последним истинным пророком. Этот мир предназначен для обретения совершенства, благодаря которому достигается вечное счастье, этот мир конечен во времени, после этого наступит иная, новая жизнь для тех, кто совершил добро — хорошее воздаяние, те, кто творил злое — получит тяжкое возмездие, каждый, кто верует в единого Всевышнего Аллаха или ищет Его, сможет достичь вечного счастья. Вот таковыми представляются вкратце столпы веры в исламской религии»¹⁵.

З.Камали пишет, что как бы ни развивались науки, данная *акида* всегда будет истинна. При внимательном рассмотрении в приведенном варианте исламской догматики пропущен пункт о вере в ангелов. И это не случайно, поскольку в другом своем сочинении «Религиозные устройства» («*Дини тәдбирләр*») Камали предлагает расширительное толкование представлений о существовании ангелов, в котором последние — не столько привычные религиозному сознанию светоносные существа с крыльями,

сколько невидимые энергии, которые, как лучи, пронизывают пространство и, несомненно, выполняют некую, не познанную пока наукой, роль. Муса Бигиев в своей работе «Жалкие мысли о великих проблемах» (*«Боек маузугларда уфак фикерлер»*) раскритиковал данную идею своего оппонента, настаивая на прежнем толковании представлений об ангелах.

Еще одно интересное пояснение З.Камали предлагает по поводу такой темы, как загробное воздаяние. Из догматов ислама можно сделать вывод о том, что по итогам Судного дня некоторые будут осуждены на пребывание в аду, а другие, преимущественно праведники, попадут в рай. Философ избегает на страницах своего сочинения тем, касающихся ада ирая, полагая, что лишь два момента в религии находятся выше сферы разума: «Ни один разум не способен с определенностью и окончательно познать сущность (*zam*) Всевышнего Аллаха, Его истину. Также за пределы разумного постижения выходят состояния в потустороннем мире, истинность и облик присущих ему состояний счастья или несчастья. Ибо пути и средства постижения этого разумом закрыты»¹⁶. Поэтому в отличие от традиционалистов, зачастую увлекавшихся живописанием картин ада и весьма преуспевавших в красочной передаче леденящих кровь образов, философ просто ограничивается тем, что говорит о хорошем воздаянии и вечном счастье для тех, кто творил добро и о тяжком возмездии для тех, кто сеял вокруг себя зло. Данный тезис коррелирует с концепциями современных мусульманских реформаторов, в частности с точкой зрения Тауфика Ибрагима: «Абсолютна только вера в Бога и в загробное воздаяние. Больше ничего абсолютного в религиозной догматике нет. Все остальное относительно. Представления мусульман о рае и аде во времена Пророка были одни, а сегодня они другие. Каждая эпоха должна по-своему понимать мысли, изложенные в Коране»¹⁷. Таким образом, в данном варианте *акиды* З.Камали полностью при-

держивается рациональности, лишает ее фантастических образов потустороннего мира. Если Тертуллиан говорил: «Верю, ибо абсурдно», то здесь можно сказать наоборот: «Верю, ибо принимаю разумом».

Еще один момент, на который обращает внимание З.Камали говоря о неизменных основах ислама, — это указание на господство в мире причинно-следственных связей. Об этом свидетельствуют фразы: «этот мир предназначен для обретения совершенства, благодаря которому достигается вечное счастье», и «для тех, кто совершал добро, — хорошее воздаяние, те, кто творил злое, — получит тяжкое возмездие». Можно правда трактовать их в контексте загробной расплаты, однако З.Камали полагает, что данный закон распространяется и на этот мир, ибо весь Коран полон упоминаниями о народах, которые предавали забвению принцип причинности и всеобщей обусловленности, вследствие чего строй жизни этих народов нарушался, и они гибли в результате собственной беспечности.

Итак, ислам демонстрирует людям принцип, согласно которому активная деятельность и усердие приносят свои неизменные плоды. Еще одно предписание ислама — «йасируу» (облегчайте свою жизнь) также свидетельствует о том, что если человек хочет добиться успеха, то он должен постоянно производить ревизию во всех сферах своей жизни — в духовных приоритетах, ценностях, общественных установлениях, законах, регламентирующих межличностные отношения, ибо время, имея постоянную тенденцию к перемене, требует такого же движения в сфере человеческого сознания, влекущего изменения в физическом, материальном мире. Если люди забывают о законах перемен, то безнадежно отстают и становятся добычей в руках более предприимчивых сообществ. З.Камали объясняет угнетенное положение современных ему мусульман утратой самой сути ислама, ибо современники З.Камали, истово исполнявшие обряды и противив-

шиеся всему новому, следовали лишь внешним обрядам, забывая о главном содержании веры.

Для того чтобы мусульмане могли двигаться по дороге прогресса, в самом исламе предусмотрены соответствующие принципы, позволяющие выводить новые решения исходя из его сути — предпочтения пользы и блага. Эти принципы — *иджма* (согласное мнение правоведов по какому-либо вопросу) и *кийас* (метод аналогии, позволяющий выводить решения из имевшихся ранее прецедентов). Помимо данных процедур вынесения решений ислам указывает и на самый главный двигатель прогресса, развивая который человечество приближается к своей истинной цели. Этим двигателем являются взаимосвязанные институты знания и образования. А главной целью человечества, согласно исламу, является распространение любви в масштабах всего человечества. Ибо, согласно концепции З.Камали, Аллах сотворил эту Вселенную своей совершенной любовью, и люди в процессе своего длительного исторического развития должны постичь эти законы любви и сформировать жизнь человеческого общества на основе познанного. Вот та великая цель, которую поставил ислам перед человечеством.

Однако З.Камали прекрасно отдавал себе отчет в том, что достижение поставленной исламом цели — это процесс длительный и постепенный. Чудо Корана, по мнению философа, состоит в том, что он задает направление решению многих серьезных задач и ведет к тому, чтобы максимально безболезненно разрешать веками накапливавшиеся проблемы. Для того чтобы наглядно проиллюстрировать данный тезис, а также чтобы снять претензии оппонентов, которые обвиняли ислам во многих прегрешениях, философ пишет вторую часть своей работы, которая называется «Очень важные вопросы второго уровня, которые задает исламской религии век двадцатый».

Среди этих вопросов, как уже упоминалось, были обвинения ислама

в воинственности, в легитимизации рабства, в жестокости наказаний за преступления и в унижении женщины.

З.Камали обращает внимание на то, что по сравнению с более древними законоуложениями (Ветхим и Новым заветами, особенно в этом преуспела древняя часть Библии), ислам более миролюбив, ибо допускает лишь защиту от нападения на исламскую веру со стороны агрессивно настроенных мекканских язычников. Как известно, Коран действительно содержит некоторое количество аятов, призывающих к воинственным действиям¹⁸, которые очень трудно интерпретировать в миролюбивом духе. Вместе с тем встречается намного больше аятов, которые говорят о терпимом отношении к инакомыслящим как к обладателям Писаний (иудеям и христианам), так и к язычникам¹⁹. Кроме того, в большинстве тех случаев, когда говорится о вооруженных конфликтах, имеется предписание вести лишь оборонительные действия в ответ на агрессию. Все отрывки, содержащие сведения о военных действиях, в качестве цели походов имели защиту ислама от тех, кто пытался его уничтожить. И нигде не встречается призыв к военным действиям по другим соображениям, как-то: стремление к наживе, к обладанию пленниками или к захвату новых земель. Поэтому философ обращает внимание на общую интенцию Корана в отношении войны и делает заключение об исключительной миролюбивости исламской религии. Данный тезис созвучен с современными тенденциями в освещении вышеизложенной тематики: «Итак, не тотальная война за распространение веры, как это утверждают милитантисты, а лишь вынужденная война в защиту веры или во имя свободы веры — такова подлинная заповедь Священного Писания мусульман. Коран выступает посланием мира, толерантности и сотрудничества, решительно отвергая любые попытки навязать другим свою идеологию и свои ценности»²⁰.

Относительно рабства З. Камали весьма доказательно повествует о том,

что ислам не мог сразу и навсегда отменить этот институт, укоренившийся задолго до возникновения новой религии, поэтому Мухаммад предложил механизм постепенной отмены рабства, что являлось весьма прогрессивным законодательным положением на тот момент времени.

В вопросе о наказаниях философ пишет, что ислам достаточно гибко подошел к проблеме смертной казни, предложив весь спектр решений: от равноценного возмездия до прощения, включая (как вариант) и уплату денег за пролитую кровь в тех случаях, когда это более соответствует благу, нежели другие формы наказания или прощение. Другие формы наказаний так же нельзя назвать чрезмерно жестокими, поскольку соответствуют природным механизмам защиты от нежелательных, пагубно влияющих на общество явлений, таких как клевета, пьянство, прелюбодеяние и пр.

Несколько более своеобразными выглядят тезисы З.Камали по женской проблематике. С одной стороны, он достаточно убедителен, когда говорит о том, что вопиющие факты женского бесправия — это проявления человеческого фактора, а не законодательно закрепленного исламом унижения слабой половины общества. В частности *хиджаб* — как полное сокрытие женских лиц и тел под покрывалом — это всего лишь этнические обычаи древних обществ, а не законы ислама. Ислам предписывал полный хиджаб лишь для жен пророка, а не для всех женщин. Правда, о причинах такого предписания З.Камали не распространяется, полагая, что, поскольку на большинство женщин подобное правило не распространяется, то проблема снимается сама собой. Далее мыслитель говорит о том, что ислам изначально взял направление на ликвидацию полигамии. В качестве доказательства он приводит аят из суры «Женщины», в котором предлагается одинаково относиться ко всем женам, что в принципе невозможно по отношению к разным людям. Вторым дока-

зательством служит биография пророка Мухаммеда, который по версии З.Камали, любил на протяжении своей жизни всего двух женщин — Хадиджу, а после ее смерти — Айшу. Остальные девять жен стали ими исключительно из милосердия Мухаммеда, а иногда к жалости примешивались и политические соображения. Одна из жен была пленной царевной, женитьба на которой спасла людей ее племени от рабства и способствовала увеличению числа мусульман. Другие — Хафиза, две женщины по имени Зайнаб, Хинд, Рамла, Суфийа, Маймуна, Марьям, пленная рабыня, — были либо вдовами, либо разведенными женщинами, как правило, уже преклонного возраста, с многочисленными детьми. Из-за тягот жизни и многочисленных войн многие оставались без покровительства, поэтому Пророк просто стремился защитить как можно большее количество обездоленных: «Своей женой на многих женах Пророк хотел продемонстрировать законы счастья для всего человечества. Для того чтобы привить культуру, ему пришлось идти на жертвы. Он завещал такие великие истины, как братство, любовь, товарищество, свобода, уважение, соблюдение прав жен, вовсе не руководствуясь плотскими желаниями»²¹.

Таким образом, З.Камали поначалу весьма аргументированно и последовательно утверждает, что ислам рекомендует придерживаться моногамии. Однако несколькими строками ниже философ с большим пылом отдается доказательству природной целесообразности многоженства. Мыслитель начинает с того, что полигамия чрезвычайно полезна для здоровья мужчин. Кроме того, пишет З.Камали, согласно статистике, женщин рождается больше, а мужчины умирают чаще. В качестве еще одного аргумента З.Камали приводит аналогию с миром животных, когда, например, множество кур вполне удовлетворяются присутствием одного петуха. Согласно З.Камали сила желания у женщин во много раз уступает мужской. Он приводит в пример поведение

самок животных, которые непосредственно после оплодотворения успокаиваются, и вплоть до рождения потомства влечения у них не возникает. Поэтому возникает впечатление, что философ больше склоняется к полигамии, нежели к моногамии. И в целом некоторое пренебрежение к женщинам, проявляющееся в его заявлениях о том, что женщины уступают мужчинам в духовном и физическом плане, что мужчины более терпеливы и мудры, несколько расходится с самим исламским учением, в котором нет никаких указаний на то, что женщины в духовном отношении одарены менее, чем мужчины. Однако это, пожалуй, один из немногих эпизодов в работе З.Камали, с которыми трудно согласиться.

Последний раздел первого тома «Богословие» (*Илаһият*) разъясняет вопросы, связанные с постижением Аллаха. Выше уже говорилось, что, по мнению философа, сущность Аллаха — это одна из двух неподвластных разуму тем: «Лишь сущность и истина Всевышнего Аллаха выше сферы разума. Ни один разум не способен с определенностью и окончательно познать сущность (*зат*) Всевышнего Аллаха, Его истину... Ибо пути и средства постижения этого разума и средства постижения этого разума закрыты»²². Однако это вовсе не означает, что человеку не следует обращаться к исследованию этих вопросов. Речь идет лишь о невозможности окончательного познания, о бесконечности данного процесса. З.Камали отвергает мнение богословов, считавших, что об Аллахе необходимо говорить лишь в терминологии Корана. Философ отрицает значимость божественных атрибутов в качестве ценного источника познания Аллаха. Он сравнивает попытки постичь сущность Бога таким образом с «деятельностью человека, стремящегося измерить глубину моря с помощью рукоятки от топора, ибо ни одно из имен не будет отражать божественной сути, так как ни один язык не в состоянии передать совершенство Аллаха»²³.

Для объяснения того, что собой представляет Аллах, он использует раз-

личные сравнения, неизменно упоминая при этом, что все они лишь отдаленно передают его сущность.

Исходной точкой для философа является заявление о том, что Аллах — это Ничто мира²⁴. Посредством энергии Аллаха своей мощью охватывает весь мир, воздействуя на него и изменяя²⁵. По сути, анализ других сравнений говорит о том, что они именно сравнения, а представление об Аллахе как об энергии для З.Камали является определяющим. Вот те аналогии, которые использует философ:

1. Аллах — это свет. Однако не в значении зримого луча солнца или луны, а скорее свет разума, пронизывающий всю Вселенную.

2. Дух Вселенной. Если у человека есть тело и есть душа, которая управляет телом, то в данном случае Вселенная выступает в роли тела, а Аллах в роли души, определяющей вселенские процессы.

3. Закон всемирного притяжения, открытый Ньютоном. Для объяснения данного тезиса ученый приводит в качестве примера магнитное поле, возникающее между железным предметом и магнитом. Подобно тому как возникает энергетическое поле между ними, только во много раз сильнее и разнообразнее, этот закон проявляет себя в мире.

4. Зеркало. Аллах столь же неизменен, как неизменно само зеркало, хотя в нем непрерывной чередой отражаются сотни тысяч картин, судеб и сюжетов.

5. Законы природы — вечные и неизменные, как сам Аллах.

По мнению З.Камали, представление об Аллахе как энергии, охватывающей весь мир, находится в полном согласии с научным знанием, и в будущем, с развитием науки, образованное человечество обнаружит еще большую глубину коранических аятов, свидетельствующих о Божестве.

Одной из самых дискутируемых и неоднозначных концепций, сформировавшихся на основе Корана, являлось пантеистическое объяснение сущности Аллаха, которую развивали многие ара-

бо-мусульманские философы средневековья²⁶, вдохновляясь следующими аятами: «*А когда спросят тебя рабы Мои обо Мне, то ведь Я – близок, отвечаю призыву зовущего, когда он позовет Меня*»²⁷, «*Мы ближе к нему [человеку], чем его шейная артерия*»²⁸, «*Куда бы вы не обратились, там лик Аллаха*»²⁹. Если философские направления мусульманской мысли отстаивали пантеистическую концепцию Аллаха, то ортодоксальной теологии был присущ последовательный теизм. Точка зрения З.Камали на этот вопрос достаточно противоречива и двойственна. С одной стороны, его попытки объяснить взаимоотношения Бога и мира пронизаны пантеизмом: «Всевышний Аллах объемлет всю Вселенную своей сущностью. Он бесконечно громаден и велик. Он является всеобщей, всепобеждающей силой, держащей всю всеохватную Вселенную»³⁰. С другой стороны, он, критикуя представителей пантеистической ориентации, пишет: «...Господь Бог является совершенно отдельным от природы и Вселенной. Он является абсолютным властелином, который со стороны или извне управляет и распоряжается Вселенной»³¹. Видимо пантеистический тезис о присутствии Аллаха в мире пугал З.Камали потенциальной возможностью обожествления объектов тварного мира, поэтому он столь определенно высказывается против. Между тем данное противоречие может быть снято, если отрешиться от категорий пространства и времени в отношении Аллаха. В этом случае Аллах действительно присутствует в мире, но не локализуется где-то в определенном месте вне мира, а находится везде и одновременно нигде.

В вопросах возникновения мира З.Камали стоял на позициях креационизма. Он полагал, что мир был создан вместе со временем, и первым творением, ставшим основой всего мира, был как раз закон всемирного притяжения, так как без него Вселенная просто не в состоянии была бы существовать. Философ реалистично смотрит на тот факт, что ему лично не удастся решить все

загадки творения. Поначалу он повторяет те истины, которые известны ему по канонам мусульманского предания. По мнению философа, мир появился в результате реализации Божественной любви, и с тех пор именно она является основой всех мировых процессов³². Воплотившись в мире творения в реальность, любовь превратилась в энергию. Весьма примечательно, что З.Камали в своей концепции творения пытается объединить креационную идею ислама и теорию Канта-Лапласа по проблеме происхождения Солнечной системы³³. Причем упомянутая теория и в наши дни по-прежнему признается в научных кругах³⁴.

Еще один существенный вопрос, который рассматривает философ на страницах своей книги – это проблема, связанная с наличием в мире зла. Данной теме философ посвятил приложение к первому тому «Философии ислама» «Справедливость Аллаха», о чем речь несколько ниже. В разделе «Богословие» первого тома «Философии ислама» З.Камали лишь частично касается этой темы. Если христианская и мусульманская традиции в целом решали вопросы теодицеи в перспективе эсхатологии, то З.Камали исходит из идеи, согласно которой в мире вообще не существует зла. Если люди сталкиваются с фрагментами бытия, не устраивающими их по тем или иным параметрам, то это лишь в силу того, что знание людей ограничено, поскольку зло, согласно З.Камали, проявляется в двух случаях. Во-первых, если нарушаются законы этого мира, что влечет за собой возникновение ограничивающего эти нарушения охранительного механизма в виде неблагоприятных обстоятельств. Знание законов, действующих в мире, которым учат религии, следование им, осознанное и бдительное существование имеет следствием благоприятную, лишённую сильных потрясений и страданий жизнь. И второй случай – это неблагоприятные обстоятельства, причины которых не кроются в нарушениях законов мироздания. З.Камали считает, что люди

не в силах окинуть взором всю картину бытия. Если это было бы возможно, то они заметили бы, что все имеет свою скрытую благоприятную сторону. Таким образом, зло — это либо наказание за нарушение людьми вселенских законов, либо скрытое благо, милость Всевышнего.

С проблемой существования справедливости в мире тесно связана другая проблема — проблема свободы. З.Камали весьма своеобразно интерпретирует мусульманский догмат о предопределении. Так, согласно общепринятому мнению, исламской религии в целом присущ фатализм, что якобы зафиксировано в самой исламской акиде в виде пункта о вере «в предопределение с его добром и злом». З.Камали предлагает новое прочтение данного правила, позволяющее вполне логично обосновать принцип свободы воли. Он пишет, что почти каждый век мусульмане заново задаются вопросом: как совместить то предание, что Аллах все, что есть, и все, что будет, записал на Вечной Скрижали, и «чернила уже высохли», с тем, что несмотря на это человек обязан отвечать за свои дела перед Всевышним? З.Камали очень образно сравнивает это противоречие с тем, как если бы некто, приготовив ядовитый отвар, дал выпить его человеку. После того как тот осушил чашу, этот некто стал бы кричать: «Зачем выпил? Не пей!». Подобным образом философ утрирует абсурдность ситуации, дабы опровергнуть идеи фатализма, столь присущие религиозным представлениям своего времени. Выказывание об уже высохших чернилах на Вечной Скрижали философ толкует весьма оригинально. Он утверждает, что на ней записана вовсе не судьба человека: «...на Священной Скрижали отображен лишь вечный Божественный Закон, гласящий, что человек волен выбирать между своей верой и безверием, счастьем и бедой, добром и злом и получить за этот выбор то, что он благодаря ему сам заслужил»³⁵. То есть вера в предопределение с его добром и злом означает всего лишь предопределенность

того, что, совершая выбор, человек предопределяет результат. Данный тезис напоминает рассказ о пророке, которого Али попросил объяснить тезис о существовании предопределения. На этот вопрос пророк предложил Али поднять одну ногу. Когда Али поднял правую ногу, пророк попросил его: «А теперь подними левую ногу», — чего будущий халиф совершить, стоя на одной ноге и не опустив правую, уже не смог. Смысл истории состоял в том, что, сделав один выбор, человек предопределяет последующий ход развития ситуации, который изменить уже не в силах.

Таким образом, свобода человека ограничена законами мироздания. Однако в отличие от других существ человек достаточно свободен в рамках определенной заданности, познать которую он может благодаря заложенным в него Богом способностям и посылаемым Им религиям. В этой связи возникает вопрос: если в мире правят неизменные законы, то может ли Бог произвольно менять свои установления? То есть, если понятно, что человек свободен лишь относительно, то насколько абсолютно свободен Бог?

З.Камали считает, что свобода Бога — это свобода высшего порядка. Все, что имеет тенденцию к изменению, не свободно, как мир или как человек, который не властен в выборе момента своего рождения или смерти, старости или молодости. Бог, полностью лишенный телесности, вечен, беспределен и неизменен в своем совершенстве, поэтому Он обладает полной свободой, постичь сущность которой человек сможет только после того, как еще больше расширит горизонт своих знаний. Человек, согласно З.Камали, тоже имеет отдаленный опыт подобной свободы, которая возможна лишь в свободе духа: «только душа, эта неизменная человеческая истина, подлинно свободна и не связана ничем. А коль так, то настоящая свобода, свобода выбора и воли, не подвержены действиям внешних объектов и потому они сводимы к сущности и истине, которые не знают никаких изменений.

Так что Господь не подвержен воздействию никаких условий и состояний и не изменяется в силу каких-либо перемен. Скорее, Он, благодаря своему постоянному сущностному совершенству, остается совершенным существом, чистым от любых перемен и изменений. Придут времена, знание и просвещение будут развиваться, мышление станет широким. И тогда люди постесняются задавать философские вопросы, подобные этому: «как же может быть свободным Аллах, если он не изменяется?»³⁶.

Таким образом, З.Камали считает, что истинная свобода — это свобода от любого внешнего воздействия, и у человека такая свобода может проявляться лишь в свободе духа. Данный тезис имеет параллели с концепцией Н.Бердяева, пришедшего к тому же выводу в своей работе «Философия свободного духа». Дух неизменен, как неизменен Бог, и эта неизменность, неподверженность влияниям и порождает свободу. Кроме того, свободу порождает качество вечности, присущее как духу, так и Богу. Необходимо заметить, однако, что З.Камали не сопрягает дух человека с Богом, считая, что первый — сотворен, а второй извечен. Дух человека имеет сходство с Божественной сущностью лишь благодаря его способности к Знанию, дарованной Богом (И научил Он

Адама всем именам. 2:29/31). Таким образом, З.Камали считает, что лишь Бог истинно свободен, однако природу этой свободы человек может себе представить себе лишь отдаленно, поскольку человек и Бог по масштабам абсолютно несопоставимы.

Завершая анализ концепции З.Камали, хотелось бы заметить, что в истории татарской философской мысли это был первый опыт создания целостной мировоззренческой картины, вписанной в рамки исламской парадигмы. Представляя ислам как систему развивающихся знаний, З.Камали предлагает принципиально новую концепцию, разрушающую прежнее представление о неизблемости мусульманской традиции. Такой ислам открывал широкие горизонты для самостоятельного поиска, смелых решений и динамичного развития, и вместе с тем требовал зрелой читательской аудитории с развитым сознанием, широкой эрудицией и мудрым сердцем.

Сочинение философа можно считать одним из наиболее ярких событий в истории татарской философской мысли. Не случайно у современных авторов, осмысливающих ислам с реформаторской точки зрения, много общего с идеями З.Камали. Работа мыслителя является фундаментом для дальнейшей эволюции исламских концепций среди татар.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Фикх* (глубокое понимание, знание) — исламская доктрина о правилах поведения мусульман (юриспруденция), исламский комплекс социальных норм (мусульманское право в широком смысле).

² *Акида* — убеждение, воззрение, символ веры, кредо, а также особый род мусульманской богословской литературы. Может представлять собой как краткое перечисление основных пунктов догматики, так и развернутое изложение и обоснование догматических представлений, правовых, ритуальных, этических норм и правил. Эти своды, согласно традиции, называются *акида* или *и'тикад*.

³ Можно сравнить с Акидой ан-Насафи или с комментарием на нее Ш.Марджани. См.: Марджани Ш. Зрелая мудрость в разъяснении догматов ан-Насафи / пер., введ. и прим. Д.Шагавиева. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2008.

⁴ Чего, увы, нельзя было сказать о христианских православных деятелях, которые со всем пылом своих «праведных» душ стремились утвердить православие, если уж не среди татар, то хотя бы среди других российских этносов, которые склонны были принимать ислам вместо своих языческих верований.

⁵ *Камали З.* Аллах гадэләте. — 54 б.

⁶ *Таклид* (следование, подражание) — следование авторитету муджтахидов (ученый-богослов, имеющий право выносить самостоятельные решения по важным вопросам фикха)

какого-либо мазхаба (юридико-правовая школа в исламе) в разработке частных вопросов фикха.

⁷ Раскрывая содержание основных для формирования мировоззрения понятий — Бог, мир и человек, ортодоксальные теологи исходили из концепции теизма. В соответствии с ним Бог представлялся в виде противостоящего миру иррационального и непостижимого существа. Мир наполнялся фантастическими ангелами и демонами, чудесами и святыми, таинственными явлениями, вселявшими в души мусульман чувства страха, трепета и неуверенности. Человек предстал слабым и беспомощным существом, спасение которого могло произойти после смерти лишь в случае неукоснительного следования религиозным предписаниям. Соответственно, единственно необходимым знанием для человека было знание религиозное. Его вершину венчали такие проблемы, перешедшие в татарский традиционализм из позднего схоластического калама, как сотворенность или несотворенность Корана во времени, вопросы, связанные с Божественными атрибутами и т.п. Увлеченность подобными темами отвлекала внимание наиболее образованных богословов от решения насущных проблем. Возвращаясь к религиозному знанию, необходимо заметить, что его целью было формирование этического поведения определенного типа. При истолковании человеческого совершенства основным критерием выступало исполнение культовых норм исламского вероучения и приобретение нравственных качеств аскета, что являлось влиянием внешней стороны суфийского учения, лишенного философского содержания.

⁸ *Иджтихад* (усердствование, большое старание) — деятельность богослова в изучении и решении вопросов богословско-правового комплекса.

⁹ *Салафийа* (от салаф — предки, предшественники) — *салафиты*, общее название мусульманских религиозных деятелей, которые в различные периоды истории ислама выступали с призывами ориентироваться на образ жизни и веру ранней мусульманской общины праведных предков (*салаф*), квалифицируя как *бид'а* (недопустимое нововведение) все позднейшие включения в указанных сферах.

¹⁰ Различия между реформаторской концепцией Камали и салафизмом состояло в том, что реформаторы предлагали, отталкиваясь от принципов, заложенных Мухаммедом, двигаться вперед, а салафиты предпочитали вернуться назад, полагая, что исламское общество времен Мухаммеда — идеал для их современников.

¹¹ Яхья Харун — псевдоним остающегося анонимным современного турецкого популяризатора ислама, автора десятков книг, а также видео- и CD продукции. Возможно, речь идет о группе ученых. Эмиссары Х.Яхья посещают многие страны с целью распространения издаваемых им книг на языках народов этих государств. В данный момент книги Х.Яхья переведены на 54 языка. В качестве примера см.: *Харун Яхья. Для людей размышляющих.* — Стамбул: Kultur, 2001. — С. 272.

¹² *Мутазилиты* (обособившиеся) — представители первого крупного направления в каламе (религиозно-философском учении ислама), выступавшие за рациональные методы в области религиозных наук.

¹³ *Белл Р., Уотт У.М.* Коранистика: введение. — СПб.: «Издательство ДИЛЯ», 2005. — С. 106.

¹⁴ *Акида* — убеждение, воззрение, «символ веры», кредо.

¹⁵ *Камали З.* Фәлсәфә игътикадийа. Фәлсәфә исламийәдән 1 кис. — С. 109–110.

¹⁶ *Камали З.* Фәлсәфә игътикадийа. Фәлсәфә исламийәдән 1 кис. — С. 107.

¹⁷ *Ибрагим Т.* Нам нужна великая реформа // Мекка. 2005. — № 10(13), декабрь. — С. 10.

¹⁸ См.: Коран, сура «Покаяние»: 5, 29.

¹⁹ См.: Коран, сура «Корова»: 256; сура «Испытуемая»: 8; сура «Покаяние»: 128–129.

²⁰ *Ибрагим Т.* Нет принуждения в религии. www.islamica.ru

²¹ *Камали З.* Фәлсәфә игътикадийа. Фәлсәфә исламийәдән 1-нче кис. — 254 б.

²² *Камали З.* Фәлсәфә игътикадийа. Фәлсәфә исламийәдән 1 кис. — 107 б.

²³ Там же, с. 300.

²⁴ Концепция Бога как «Ничто мира» представлена в мистической философии Николая Кузанского. Одним из следствий этого понимания является представление о Боге как о вселенском законе, определяющем мировые процессы. Бог представлен в мире, но лишь в виде этого закона, пронизывающего все существование. Подробнее об этом в статье А.В.Смирнова «Философия Николая Кузанского и Ибн Араби: Два способа рационализа-

ции мистицизма»//Бог, человек, общество в традиционных культурах Востока. — М.: Наука, 1993. — С. 156–175.

²⁵ Там же, с. 316.

²⁶ Это равно относится к мутакаллимам, к представителям восточного перипатетизма и к суфиям (Ibragim T., Sagadeev A. *Classical Islamic Philosophy*. — Moscow: Progress Publishers, 1990. — 351 p). Кроме того, одна из наиболее философски разработанных пантеистических концепций (*ал-вахдат ал-вуждуд*) принадлежит Ибн Араби. Подробнее об этом в работе А.В.Смирнова «Великий шейх суфизма: опыт парадигмального анализа философии Ибн Араби». — М.: Наука, 1993. — С. 326.

²⁷ Коран, 2:182/186.

²⁸ Коран, 50:15/16.

²⁹ Коран, 2:109/115.

³⁰ Камали З. Фэлсэфэ игътикадийа. Фэлсэфэ исламийэдэн 1 кис. — 299 б.

³¹ Там же, с. 310.

³² Камали З. Фэлсэфэ игътикадийа. Фэлсэфэ исламийэдэн 1 кис. — 19 б.

³³ Камали З. Ислам диненэ фэнни хакыйкатлэрең муафэкате//Ислам мәжмугасы. — 1926. — № 5–6, 7–9.

³⁴ Iberal A., Wilkinson D., White D. *Foundations for Social and Biological Evolution*. — Laguna Hills: Cri de Couer Press, 1993. — P.179.

³⁵ Камали З. Фэлсэфэ игътикадийа. Фэлсэфэ исламийэдэн 1 кис. — 318 б.

³⁶ Камали З. Фэлсэфэ игътикадийа. Фэлсэфэ исламийэдэн 1 кис. — 307 б.

Аннотация

В статье раскрываются особенности одного из богословских трудов татарского ученого начала XX в. Зыяэтдина Камали, его тематика, факторы, повлиявшие на тематику и стиль произведения. Проводится анализ концепции автора этого сочинения в отношении основных вопросов исламской догматики и дается краткая оценка этому фундаментальному труду в контексте истории татарской философской мысли.

Ключевые слова: философия, ислам, догматика, богословская мысль, Камали.

Summary

The article deals with the peculiarities of the theological work of the Tatar scientist of beginning of XX century Zyyaetdin Kamali, his subjects, the factors that influenced the theme and style of the work. The analysis of the concept of the author of this work is made concerning the basic issues of Islamic dogmatics and a brief assessment of this fundamental work in the context of the history of the Tatar philosophy is provided.

Keywords: philosophy, Islam, dogmatics, theological thought, Kamali.

УДК 336.741.221

МОНЕТЫ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ КАК ВАЖНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ТОРГОВЛИ (к 1100-летию болгарского чекана)

Р.М. Валеев, доктор исторических наук

Рост внутренней, внешней торговли и быстрый рост хозяйственных связей требовали удобных для обращения средств. «По мере того как обмен товаров разрывает свои узколокальные границы и поэтому товарная стоимость вырастает в материализацию человеческого труда вообще, форма денег переходит к тем товарам, которые по самой своей природе особенно пригодны для выполнения общественной функции всеобщего эквивалента, а именно к благородным металлам»¹. Монетная система как исторически сложившаяся форма и практика организации обращения монет формируется в Среднем Поволжье и Приуралье в раннем средневековье. Она определялась правилами и законодательными актами, или традиционными условностями, а также потребностями рынка. В основе денежной системы лежал определенный товар, являвшийся всеобщим эквивалентом. Его фиксированный вес равнялся металлическому содержанию денежной единицы государств Волжской Булгарии и Золотой Орды, в рамках которых происходило развитие товарно-денежных отношений. Монетное обращение — процесс обмена на рынке, обеспечиваемый любой принимаемой звонкой чеканной монетой.

В экономике и в такой важной ее сфере, как торговля, монеты играли весьма важную роль. Они не ограничивались только сферой внутреннего обмена, а выполняли роль посредника в международной торговле. При этом в момент перехода из одной экономи-

ческой среды в другую они обретали свойства товара, а в новой среде либо в полной мере возвращались к роли денег — товара товаров, либо использовались как один из видов сырья. Стихийный характер развития товарно-денежных отношений может вызывать развитие отдельных функций металлических денег. Так, функция накопления на ранних этапах развития денежного обращения, когда внутренний рынок находится в зачаточном состоянии и внутренняя торговля только зарождается, может заметно опережать и подавлять другие. Поэтому интенсивное образование сокровищ рассматривается как закономерность².

Монетная масса, которая формируется на рассматриваемой территории, является важным количественным показателем монетного обращения, представляющего собой совокупный объем обращающейся на рынке монеты.

Клады монет и отдельные находки этого периода в Поволжье, Прикамье и Приуралье как нельзя лучше иллюстрируют объемы и масштабы торговли, потребность болгарской в металлических средствах платежа, в увеличении количества серебра и меди. К тому же объемы денежного обращения отличаются не только масштабами (одно дело — в период раннего средневековья, в IX—XI вв., другое — в позднее средневековье, во второй половине XIII — первой трети XV вв.), но и взаимосвязями с другими государствами, степенью вовлеченности в международную торговлю. В результате этого в массовом порядке

появлялись и использовались в денежном обращении иноземные монеты, являющиеся весьма важным источником не только внешнеторговых связей, но и развития товарно-денежных отношений и внутренней торговли.

Чеканка монет на этой территории начинается лишь с появлением политических предпосылок. Если последние к VIII–IX вв. в Среднем Поволжье складываются, то о политических предпосылках, главной из которых было образование государства, говорить было еще рано. К. Маркс писал, что «...деньги вообще первоначально развиваются при обмене продуктов между различными общинами. Поэтому торговля деньгами, торговля денежным товаром развивается прежде всего из международных сношений»³. Удобное положение Булгарии на одном из важных торговых путей привело к созданию экономических предпосылок и к проникновению на ее территорию серебряных иноземных монет. Источники подтверждают, что одновременно с появлением металлических монет зарождается и купечество. Ибн Фадлан пишет, что у булгар много купцов⁴. Он же приводит много данных, свидетельствующих о наличии чеканной монеты: «Когда же мы были от него на (расстоянии) двух фарсахов, он встретил нас сам... В рукаве у него были дирхемы, и он рассыпал их на нас... Когда же я окончил его (чтение), спутники его рассыпали на него многочисленные дирхемы... Когда же я облек ее (в почетный халат) (жену булгарского царя) женщины рассыпали на нее дирхемы, и мы удалились»⁵.

Любопытным является следующее сообщение Ибн Фадлана: «Однажды я спросил его и сказал ему: «Государство твое обширно, (денежные) средства твои изобильны и доход твой многочислен, так почему же ты просил государя, чтобы он построил крепость на (доставленные) от него деньги, которым нет числа?» Он же сказал: «Я полагал, что Держава Ислама приносит счастье, и их (денежные) средства берутся из дозволенных (религиозным законом) источ-

ников. По этой причине я и обратился с просьбой об этом. Право же, если бы я захотел построить крепость на свои средства, на серебро или золото, то, конечно, для меня в этом не было бы никакой трудности»⁶.

У булгар в качестве средств обращения использовались 4 основные группы иноземных монет и монеты собственно булгарского чекана.

Сасанидские монеты. Определенную группу монет составляют сасанидские драхмы. Они чеканились в двух весовых стандартах: раннем (их средний вес колеблется в пределах 3,55–3,88 г) и несколько более позднем, приравненным к так называемой аттической драхме в 4,25 г. Вес этих монет колеблется в пределах 4,10–4,30 г, приближаясь к 4,26 г⁷. На территории Булгарии были известны монеты только второго типа. Прием этих монет местным населением исходил из веса 4,26 г. В дальнейшем вес в 4,26 г стал основной весовой системой на этой территории. Многие ученые считают, что сасанидские монеты появились на территории Прикамья еще в VI в., а уже отсюда вместе с куфическими дирхемами (в последней четверти VIII в.) проникли на Русь и в Западную Европу⁸. Находок сасанидских монет на территории Булгарии известно много⁹. Часто встречаются сасанидские монеты в могильниках булгар и венгров, датированных VIII–IX вв.¹⁰ В Национальном музее РТ имеется 69 сасанидских монет, найденных на территории Республики Татарстан. К сожалению, места находок не указаны, что затрудняет работу по более полному их изучению. Вес этих монет составляет 4,0–4,2 г.

Хорезмийские (туранские) монеты. Небольшую группу монет, найденных большей частью в Прикамье и Поволжье, составляют хорезмийские, или, как называют их нумизматы, туранские монеты III–VIII вв. Они найдены в Больше-Тарханском могильнике (Татарстан), Бартымском и Неволинском могильниках (Пермская область), Благодатском I городище (Удмуртская Республика) и ряде других памятников¹¹.

С.П. Толстов, осуществивший классификацию хорезмийских монет и их историческую интерпретацию, писал, что они позволяют считать установленными древние экономические связи Хорезма и Поволжья¹². Этапы возникновения и становления монетной чеканки подкреплены новыми находками и классификацией¹³. В последние годы А.Г. Мухамадиевым дана совершенно новая трактовка надписей на таких монетах¹⁴.

Куфические монеты. Наиболее многочисленную группу составляют куфические серебряные дирхемы. Их проникновение на территорию Восточной Европы начинается в 70–80-е гг. VIII в. Эти годы вовсе не случайны. В этот период на территорию Средней Волги пришли болгарские племена. Вероятно, с их приходом проникновение монет в Восточную Европу усилилось, ибо болгары были более развитыми, у них уже был опыт создания государства и они стали промежуточным звеном в связях Востока с Западом. В.Л. Янин и И.Г. Спасский считают, что с конца VIII до начала XI вв. единственными воротами, через которые шла торговля Руси с Востоком и через которые проходил основной поток куфических дирхемов, был Булгар¹⁵. Но роль Булгарии этим не ограничивается. Дело в том, что подражания саманидским дирхемам и монеты собственной чеканки вливались в общий поток куфических дирхемов и удовлетворяли все более растущую потребность Восточной и Северной Европы в металлических серебряных монетах.

Обращение куфических монет на территории Волжской Булгарии засвидетельствовано и письменными сообщениями, и топографией находок куфических дирхемов. Так, Ибн Русте сообщает, что дирхемы привозят из мусульманских стран, об этом же сообщает и ал-Гардизи¹⁶, подчеркивая при этом, что куфические дирхемы через Булгарию поступали на Русь.

Куфические монеты, участвовавшие в товарно-денежном обращении бул-

гар, условно можно разделить на два типа: арабские монеты, обращавшиеся в основном в конце VIII–IX вв., и саманидские монеты, обращение которых зафиксировано в X в.

В.Л. Янин, основываясь на данных Р.Р.Фасмера, предлагает следующую периодизацию обращения восточных монет в Восточной Европе:

I этап – конец VIII – первая треть IX вв.;

II этап – 833 – 900 гг.;

III этап – 900 – 938 гг.;

IV этап – 938 г. – конец X в.¹⁷

В отношении Булгарии данная периодизация также правильна, но ввиду того, что кладов и отдельных находок монет здесь найдено меньше (по сравнению с Восточной Европой), представляется более целесообразным объединить первый и второй этапы в единый, когда преобладали аббасидские монеты (конец VIII – конец IX вв.). Этот период связан с раннебулгарским периодом истории страны и представлен такими могильниками, как Кайбельский, Больше-Тарханский, Танкеевский, Тетюшский, Больше-Тиганский. Начало функционирования этих могильников относится к концу VIII–IX вв. В них найдены как сасанидские, так и арабские монеты, а в Больше-Тарханском – и хорезмийские¹⁸.

По династиям, хронологически и по весовой норме арабские монеты делятся на две группы:

1. **Омейядские монеты.** Чеканились в период правления династии Омейядов (661–750 гг.). По-видимому, на территории Булгарии омейядские дирхемы были в обращении вместе с аббасидскими монетами. Свидетельством тому являются клады, где омейядские дирхемы встречаются вместе с аббасидскими монетами. Так, в 1853 г. близ Билярска найден омейядский дирхем 121 г.х. (738–739 гг.) и 11 аббасидских дирхемов 146–263 г.х. (763–877 гг.)¹⁹. То же самое наблюдается на всей территории Восточной Европы. Не исключено, что омейядские дирхемы могли поступать и раньше, но в кладах они, как правило,

находятся вместе с аббасидскими. Весовая норма омейядских монет отмечается в пределах 2,7–2,9 г.²⁰

2. Аббасидские монеты. Начали чеканиться после прихода к власти Аббасидов. В этот период усиливается приток куфических монет. Весовая норма аббасидских монет заключена в пределах 2,8–2,9 г.²¹ И так, в весовой норме омейядских и аббасидских дирхемов особой разницы не было, что, естественно, вело к одновременному их обращению на территории Булгарии.

Одним из наиболее древних кладов, найденных на территории Булгарии, является клад у с. Альметьево, в 20 км от Билярска. В нем было найдено 150 дирхемов VIII–IX вв.²², а также три клада на территории Приуралья. Клады, относящихся к IX в., больше не найдено, но отдельные находки монет этого периода встречаются²³.

Часть куфических монет конца VIII–IX вв. населением Булгарии использовалась как украшения и обладала особой потребительной стоимостью. Найденные в Больше-Тарханском, Танкеевском, Больше-Тиганском могильниках монеты с отверстием или ушком подтверждают, что использование монетного серебра в эстетических целях имело место. Но о массовом характере этого явления говорить не приходится. По всей видимости, в конце IX в. куфические монеты начинают использоваться в качестве средства обращения. Об этом говорит и Альметьевский клад, найденный недалеко от Билярска.

Саманидские монеты. В X в. наиболее сильным государством в Средней Азии становится Саманидское государство. Оно оказывало серьезное влияние на болгар. Некоторые ученые, в частности, А.П. Смирнов, С.А. Янина и Е.А. Халикова, считают, что саму идею ислама следует связывать с активным влиянием Саманидского Хорасана²⁴. Этот вывод подкрепляется тем, что основную массу дирхемов составляли саманидские. Преобладание этих монет характерно для второго периода денежного обращения (3 и 4 этапы). Принятие ислама,

сближение с культурой Арабского Востока и Средней Азии привели к резкому увеличению количества монет. Ко второму периоду относятся более 20 кладов и 10 отдельных находок монет²⁵.

По весовой норме саманидские монеты несколько отличаются от монет аббасидских. В их чекане наблюдается все более усиливающаяся небрежность, и это выражается в расширении амплитуды весовых колебаний. Так, дирхемы периода правления Исмаила имеют в среднем вес от 2,7 до 3,1 г. Небрежность чеканки саманидских монет несколько усиливается во времена правления Ахмеда ибн Исмаила (907–914 гг.). Вес монет, чеканенных от его имени, колеблется в пределах 2,7–3,2 г.²⁶

Саманидские дирхемы четко показывают время, когда Волжская Булгария становится определяющим звеном в торговле между исламским Востоком и Европой. В VIII–IX вв. дирхемы ввозились в Северную Европу с Ближнего Востока через Хазарию, и этот период американский нумизмат Т. Нунан называет хазарской фазой. Саманидские же дирхемы появились в самом начале X в. К 910 г. аббасидские монеты почти полностью исчезают из обращения и клады преимущественно состоят из саманидских дирхемов (от 76 до 100% в некоторых кладах). По сути, с 900 г. большая часть торговли с исламским миром перешла к Волжской Булгарии и наступила болгарская фаза²⁷. Огромную роль в этом сыграли Хорезм и караванный маршрут из Хорезма в Волжскую Булгарию, благодаря чему болгары стали получать огромные прибыли от торговли со Средней Азией²⁸.

Ибн Фадлан так сообщает нам о торговле серебряными дирхемами в отношении русов в Среднем Поволжье: «А что касается их женщин, то на каждой их груди прикреплен коробочка или из железа, или из серебра, или из меди, или из золота, или из дерева в соответствии с размерами (денежных) средств их мужей... На шеях у них мониста из золота и серебра, так что если человек владеет десятью тысячами дирхемов,

то он справляет своей жене один (ряд) монист, а если владеет двадцатью тысячами, то справляет ей два (ряда) мониста, и таким образом каждые десять тысяч, которые он прибавляет к ним (дирхемам), прибавляют (ряд) монист его жене, так что на шее иной из них бывает много (рядов) монист»²⁹.

Торговля саманидскими дирхемами через Волжскую Булгарию была связана с огромной потребностью населения Европы в серебре из Средней Азии и Афганистана. Там находились значительные по объемам рудники Панджера, Джарьяна, Шама, Кухи Сима (Лашкерека, Канимансура или Канджола), Джеркамара и Шельджи³⁰. Саманидские серебряные дирхемы были одновременно и товаром, и средством платежа. Ими хорезмские купцы обеспечивали Волжскую Булгарию, а через них — население Восточной и Северной Европы. Серебро, по подсчетам Т. Нунана — более 125 млн. исламских серебряных дирхемов, было импортировано в Европу из Средней Азии и до тех пор, пока во второй половине X — начале XI вв. не были открыты немецкие серебряные рудники в Гарце, Раммельсберге³¹, исламский мир владел монополией на серебро. Его использовали для вербовки и найма сторонников правителей, купечества, наемников, для торговли, а также для переплавки и изготовления серебряных предметов, украшений, изделий для конской сбруи³².

Американский нумизмат Т. Нунан на основе анализа кладов саманидских дирхемов X века и учета их утери выделяет 4 периода в торговле Саманидов с Волжской Булгарией:

1 период — 900—910 гг., когда около 29 млн. дирхемов было импортировано в Европу;

2 период — 910—930 гг., когда соответственно этим 3 десятилетиям 18,9 млн., 12,6 млн. и 17 млн., или 48 млн. дирхемов в общем было импортировано в Европу. Именно в 900—940 гг. торговля Саманидского государства с Волжской Булгарией достигла наивысшей активности.

3 период — 940—970 гг., когда объем торговли составлял лишь 63% от того количества, которое было раньше.

4 период — 980—990 гг., когда с исчезновением Саманидского государства прекратилась и торговля. Торговля составляла лишь 5,4% от общего объема торговли за все столетие и в 980-е гг. составляла 57,3 % от объема 970-х гг. В количественном отношении число дирхемов уменьшилось с 11,2 млн. до 6,4 млн. В 990-е гг. объем упал до мизерной цифры — 375 тысяч монет. При этом 75% импорта дирхемов приходится на первую половину X в., а всю вторую половину столетия он составлял немногим более 25%³³.

Для нас очень важен вывод, который делает Т. Нунан: «Нужно признать, что торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. была гигантской (отчерк наш. — *P.B.*). Эта коммерция была, возможно, самой большой из всех в Западной Евразии X в. ... Ежегодно миллион или более серебряных дирхемов перевозилось на Север для уплаты за товары, которыми снабжалась Средняя Азия. Количество серебра было таким большим, что в Средней Азии уже в середине X в. начался его кризис, так как богатые серебряные рудники интенсивно эксплуатировались для того, чтобы оплатить ту огромную массу товаров, которые поступали из Северной Европы. Волжская Булгария тоже стала исключительно богатой в этот же период и превратилась из хазарского придатка в одно из самых больших государств Европейской России»³⁴.

В X в. наряду с саманидскими в обращении были и монеты других династий, такие как Зияриды, Джуландиды, Салларидаы, Аббасиды, что достаточно ясно видно из состава кладов. Во второй половине X в. выделяется такая группа, как монеты Бувейхидов. Известно 6 кладов с монетами Бувейхидов³⁵. В XI в. появляются монеты Караханидов. Особую группу в кладах второго периода составляют так называемые подражания куфическим дирхемам. Эти подра-

жания восполняли нехватку в металлических монетах. Они свидетельствуют о достижении булгарами значительного развития внутреннего товарно-денежного обращения.

Весовые нормы монет двух периодов, в том числе и подражаний куфическим дирхемам, на территории Болгарии составляли 2,97 и 2,82 г. В основе чеканки этих монет лежал вес иракского ратля в 409,512 г. На территории Волжской Болгарии он получил местное название кадак, мискаль в 4,26 г, или 1/96 часть кадака.

Западноевропейские денарии. Значительно меньше на территории Болгарии использовались западноевропейские монеты. Это связано с тем, что в начале XI в. прекращается поступление куфических дирхемов в Восточную и Северную Европу. Однако потребность населения в монетах продолжала существовать. До последнего времени считалось, что западноевропейские денарии в Болгарии не использовались, тогда как на территории Руси со второй половины XI в. дирхем полностью устраняется из обращения и определяющая роль переходит к денарию³⁶. На территории Болгарии находок западноевропейских монет не было. Лишь в последнее время при раскопках болгарских поселений X–XI вв. найдено несколько таких монет 1037–1060 и 1027–1054 г. (по определению А.С. Белякова), на Семеновском селище найдена византийская монета, на Муромском городище (Жигули) – западноевропейский денарий. Эти монеты поступали, очевидно, посредством транзитной торговли через Русь. На территорию Болгарии западноевропейские монеты могли проникать и через Белоозеро. По Сухоно-Вычегодскому пути они проникали к Вычегодский край и Прикамье, здесь они встречаются чаще, а уже оттуда – в Среднее Поволжье³⁷.

Уменьшение поступления куфического дирхема в страну привело к широкому распространению в качестве средства обращения слитков. На Измерском, Старокуйбышевском сели-

щах, датирующихся X–XII вв., они уже встречаются. При этом на Старокуйбышевском селище второй половины домонгольского времени найдены только куски серебра, а на Измерском, Алексеевском селищах (конец X – первая половина XI вв.) вместе с ними найдены обломки дирхемов и западноевропейские денарии.

О присутствии в обращении западноевропейских монет говорит и тот факт, что на Болгарском Ага-Базаре вместе с подъемным материалом в 1980 г. было найдено низкопробное серебряное подражание западноевропейскому денарию³⁸. Видимо, были попытки осуществить чеканку подражаний западноевропейским денариям. Это предположение возникает из факта применявшейся в X в. практики чекана подражаний куфическим, преимущественно саманидским монетам. Не исключается и возможность попадания подражаний западноевропейскому денарию посредством торговли с Русью.

Болгарские монеты и подражания. Исследователей, занимающихся изучением торговых связей Восточной Европы с Востоком, давно интересовали монеты, чеканенные булгарами в X в. Академик Х.Д. Френ в своей работе «Три монеты волжских болгар X века» специально выделяет эту группу монет: «...со всей возможной в куфическом шрифте ясностью, и к моему великому удивлению, прочитал на ней, что этот дирхем отчеканен в Булгаре в году 976»³⁹.

Имея на практике обращение куфических монет и чеканя подражания саманидским дирхемам, болгары были вполне готовы к началу чеканки собственных монет. Этому способствовали быстро идущий процесс феодализации болгарского общества и образование государства, когда, по выражению К. Маркса, «как и установление масштаба цен, чеканка монет попадает в руки государства»⁴⁰. Появление нового государства могло быть передано и через монеты, потому что «...в мусульманском мире монета играла двойную роль, будучи не только средством денежного

обращения, но и средством политической агитации»⁴¹. Г.А. Федоров-Давыдов также подчеркивает, что собственный чекан болгар преследовал в основном престижные, политические цели⁴². Монеты от имени болгарских эмиров свидетельствовали о появлении нового государства. Наряду с политическими причинами нельзя забывать и об экономической цели чеканки монет. Того количества куфических монет, которое было в товарно-денежном обращении Булгарии, явно не хватало, иначе не было бы необходимости в чеканке подражаний дирхемам.

Вопрос о подражаниях куфическим дирхемам является одним из наиболее интересных, но малоизученных в области товарно-денежного обращения Восточной Европы в целом и Волжской Булгарии, в частности. До сих пор не установлено, кто занимался чеканкой этих монет. Это затрудняется тем обстоятельством, что «...провести определенную границу между дирхемами варварского чекана и плохого саманидского очень трудно, именно ввиду того, что степень совершенства чеканки в разных саманидских городах была различна»⁴³. Х.Д. Френ, В.В. Григорьев, А.К. Марков, П.С. Савельев, Р.Р. Фасмер, Б.А. Романов, В.Л. Янин считали, что чеканкой таких монет занимались болгары⁴⁴. Э. Цамбур, Т.И. Арне, В.В. Кропоткин, А.А. Быков относят эти подражания к чекану хазар⁴⁵.

Состав кладов, находимых на территории Булгарии, убедительно свидетельствует о большом количестве «варварских» подражаний. Из 52 дирхемов Чистопольского клада 1885 г. — 2 брактеата, на 167 монет Старо-Альметьевского клада — 8 подражаний. В 1890 г. был найден клад около деревни Кокрять, который, по словам нашедшего, состоял из 300 монет. Сорок монет этого клада были рассмотрены В.Г. Тизенгаузеном, все оказались подражаниями; такими же были 10 других, приобретенные Л.Ф. Лихачевым. Впоследствии А.К. Маркову было показано еще 14 дирхемов из этого клада, из них

подражаниями оказались 12. В кладе, найденном в 1858 г. близ Билярска, из состава которого в руки исследователей попала 31 монета, находилось 6 подражаний. В кладе, найденном у с. Булгар в 1895 г., 9 дирхемов из 70 оказались подражаниями, а 6 «брактеатами», т. е. тоже подражаниями. В Даниловском кладе 1902 г. из 137 дирхемов 117 монет было чеканено только с одной стороны. В Булгарах в 1900 г. были найдены 3 подражания куфическим дирхемам, в 1890 г. в Спасском уезде нашли 5 дирхемов, среди которых было одно подражание. В кладе, найденном в 1907 г. в д. Татарский Толкиш, из 957 экземпляров было 21 подражание. В 1957 г. на территории Булгарского городища было найдено 8 куфических монет и среди них одно болгарское подражание. В 1972 г. на территории Суварского городища найдено 20 серебряных дирхемов, в т.ч. 2 подражания⁴⁶. В 1974 г. на Суварском городище найден клад серебряных монет, в т.ч. 2 подражания. На Семеновском селище вместе с куфическими монетами часто встречаются и подражания⁴⁷.

На болгарское происхождение этих монет указывает место находки латунного штемпеля, служившего для чеканки «варварских» подражаний дирхемам Мансура ибн Нуха. Этот штемпель, несомненно, варварский, но все-таки довольно хорошей работы⁴⁸. Причем интересно, что над первой строкой надписи штемпеля имеется знак V, который встречается на всех известных дирхемах болгарского царя Мумина ибн ал-Хасана. И этот знак имеется на керамических изделиях Билярского городища⁴⁹. Существование вышеупомянутого штемпеля с именем Мансура доказывает, что болгары продолжали чеканить подражания саманидским дирхемам даже после того, как они приступили к выпуску монет с именем своего государя⁵⁰.

Находки подражаний куфическим дирхемам, чеканенных булгарами, отмечаются на территории Руси, Финляндии, Швеции, Дании и на острове Готланд⁵¹. Интересно, что рост количества подражаний в Восточной Европе

приходится на X в.⁵² Не свидетельствует ли это в пользу того, что болгары чеканили подражания куфическим дирхемам, восполняя ту нехватку ввозимой монеты, которая появилась с начала второй четверти IX в. и изготавливалась по мере роста потребности в монете⁵³.

Вопрос о дате начала чеканки монет болгарскими спорен. Спор возник в связи с недостаточным изучением этих монет. «Первые болгарские монеты относятся к 918 г. (отчерк наш. — *P.B.*), выполнены неискусно и подражают саманидским»⁵⁴. А.П. Ковалевский считает, что с того времени, когда царь болгар признал над собой власть повелителя правоверных, стало возможным помещать на монетах рядом с именем соответствующего халифа имя местного правителя⁵⁵. Однако каких-либо нумизматических данных, подтверждающих начало чеканки или помещения на монетах имен местных правителей, после 922 г. не имеется⁵⁶. В. В. Кропоткин самой ранней болгарской монетой, включенной в свою топографию, называет монету, чеканенную в 306 г.х. = 918/919 гг.⁵⁷

Во втором Неревском кладе куфических монет X в., найденном в 1956 г. в Новгороде, содержались 4 монеты волжских болгар⁵⁸. Наиболее интересным в кладе является обломок дирхема с именем Джафар ибн Абдаллаха, то есть с мусульманским именем первого царя Булгарии Алмуша, сына Шилки. По мнению С.А. Яниной, эта монета представляет наиболее ранний тип болгарской чеканки и относится к 902–908 гг.⁵⁹ Известно несколько монет, чеканенных в период правления Джафара ибн Абдаллаха. Р.Р. Фасмер, С.А. Янина к раннему этапу болгарского чекана относили также подражательные монеты с полностью пока не установленным титулом Барман (Барсал) и с неясным именем одного из сыновей Джафара⁶⁰. Монеты Микаила ибн Джафара знаменуют дальнейшее развитие чеканки монет у болгар. В кладах они составляют наибольшее количество. Они тоже подражают саманидским дирхемам, но более удачны. Некоторые из них имеют

название Булгар, а остальные чеканены с названиями наиболее крупных городов саманидского государства⁶¹. Последующее развитие чеканки монет волжских болгар прослеживается на монетах Абдаллаха ибн Микаила, чеканенных в Булгаре в 336 г.х. (947–948 гг.), Талиба ибн Ахмеда, чеканенных в Суваре в 337 г.х. (948–949 гг.) и 347 г.х. (958–959 гг.), Мумина ибн Ахмеда, чеканенных в Суваре в 366 г.х. (976–977 гг.), Мумина ибн ал-Хасана, чеканенных в 366 г.х. (976–977 гг.) и одной монете, чеканенной в 980 г. в Булгаре⁶². Монет, чеканенных после 376 г.х. (986–987 гг.), мы пока не имеем.

Топография находок монет болгарской чеканки свидетельствует о тесных торговых связях Среднего Поволжья с другими областями Восточной Европы и отчасти Западной Европы. Булгарские дирхемы прочно и безболезненно влились в ту массу куфических дирхемов, которая была в обращении на территории Восточной и Северной Европы в X в. Это подтверждается тем, что отдельных кладов болгарских монет не найдено. Они встречаются вместе с куфическими, главным образом, саманидскими. И даже по весовым нормам болгарские монеты особо не отличаются от саманидских.

Из 30 монет, находящихся в фондах Государственного исторического музея, целыми являются 20. При этом вес 11 монет колеблется в пределах 2,7–2,9 г, приближаясь к весу дирхема в 2,82 и 2,97 г. У остальных 9 монет норма чеканки выше и составляет 3,0–3,2 г, что, вероятно, связано с небрежностью их чеканки⁶³.

Булгарские дирхемы, включившись в X в. в общий поток куфических дирхемов, участвовали в товарно-денежном обращении на территории Восточной и Западной Европы. Они обменивались на различные продукты. В этих условиях монеты теряли свойство денег и сами превращались в товар, являясь предметом купли-продажи.

На самой территории Булгарии монеты болгарской чеканки обнаружены

в двух кладах куфических монет. Один из кладов был найден в с. Ст. Альметьево (ныне Чистопольский район РТ) в 1906 г. и содержал 167 монет, из них два дирхема Волжской Булгарии с именем Мумина ибн ал-Хасана. Младшая монета 984–985 гг. Второй клад найден у деревни Татарский Толкиш (Чистопольский район РТ) в 1907 г. и содержал 957 монет, из них 3 монеты волжских булгар⁶⁴.

Монеты болгарской чеканки были в обращении и у населения Руси, Прибалтики и Западной Европы не только с куфическими, но и с западноевропейскими и византийскими монетами⁶⁵. При этом необходимо подчеркнуть, что болгарские монеты были в обращении в XI в. и даже в XII в. Об этом пишет автор середины XI в. ал-Гардизи: «Эти дирхемы они ломают, и каждый кусок (употребляют в дело). Потом они те дирхемы отдают русам и славянам, так как те люди не продают товара иначе, как за чеканенные дирхемы»⁶⁶. В связи с нехваткой денег в XI–XII вв. население Волжской Булгарии стало использовать обломки денег, имевшие в то время самостоятельное значение. На первом Измерском селище, относящемся к концу X — первой половине XI вв., монетные обломки встречаются в значительном количестве.

В XI–XII вв. наступил так называемый в нумизматической литературе «безмонетный» период, хотя сасанидские, куфические и болгарские монеты, обращавшиеся в X в., подражания, появившиеся на смену им в XI–XII вв., в ограниченном количестве дирхемы караханидов и хорезмшахов из Средней Азии, а также западноевропейские монеты из Германии и Англии продолжали использоваться в качестве средства обращения. Но они не могли в полной мере покрыть потребность населения Волжской Булгарии в серебряной монете. На смену им приходят денежные слитки-сумы (сомы), которые являются темой отдельного исследования. Необходимо только заметить, что обращение на всем огромном экономическом про-

странстве Евразии — в Скандинавии, древнерусских княжествах, Волжской Булгарии — серебряных слитков в тех или иных объемах было закономерным. Затем их обращение, но в более больших объемах, продолжается в рамках Золотой Орды вплоть до XV в.

«Безмонетным» этот период назван потому, что в Булгарии в XI–XII вв. не было собственного чекана. Эта тенденция была характерна и для Руси в XII–XIV вв. С социально-экономическим развитием Булгарского государства в IX–XII вв. чеканка монет в г. Булгаре возобновилась в конце XII–XIII вв. Они чеканились в годы правления и от имени арабского халифа Насир лид-Дина (1180–1225 гг.)⁶⁷.

Итак, в раннебулгарский и главным образом в домонгольский периоды в развитии внешней и внутренней торговли монеты разного типа заняли достаточно важное место и во многом определяли процессы развития торговли и товарно-денежных отношений в Волжской Булгарии. Монетное обращение Волжской Булгарии в рассматриваемый период включало, во-первых, помимо монет болгарской чеканки и так называемых «варварских» подражаний значительное разнообразие иноземных денег. Наиболее распространенными из них были куфические дирхемы, омейядские, аббасидские, саманидские и несколько меньше других мусульманских династий. В обращения были также сасанидские драхмы, и реже западноевропейские денарии. Во-вторых, важной характеристикой торговли было широкое использование неметаллических «монет», т.е. товаров, которые имели устойчивую рыночную цену и выполняли роль монет в розничной торговле, куда включались и ремесленные изделия (скот «мал», серебряные украшения, бусы, шиферные пряслица, раковины-каури и др.). Однако именно монеты являются наиболее убедительным и ярким источником по развитию торговли, по сути ее важным инструментом в раннесредневековой истории Волжской Булгарии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1, кн. 1. Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. — М., 1960. — Т. 23. — С. 99.

² *Спасский И.Г.* Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. — Л.: Аврора, 1970. — С. 12.

³ *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 3, кн. 3. Процесс капиталистического производства, взятый в целом // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. — М., 1961. — Т. 25. — С. 348.

⁴ *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. — Харьков: Изд-во Харьков. ун-та, 1956. — С. 138.

⁵ Там же. — С. 131–132.

⁶ Там же. — С. 141.

⁷ *Луконин В.Г.* Культура Сасанидского Ирана. — М.: Наука, 1969. — С. 153–154.

⁸ *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. — С. 85; *Фасмер Р.Р.* Завалишинский клад куфических монет VIII–IX вв. // Изв. Гос. акад. истории материальной культуры. — Л., 1931. — Т. 7, вып. 2. — С. 12, 19.

⁹ *Марков А.К.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). — СПб.: [Б.и.], 1910. — С. 8, № 42; с. 29, № 163; с. 30, №№ 167, 170; с. 136, №№ 21, 22; *Старостин П.Н.* Работы на Троицко-Урайском 1 городище в 1973 году // Древности Волго-Камья. — Казань, 1977. — С. 37.

¹⁰ *Казиков Е.П.* Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопр. этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. — Казань, 1971. — С. 145; *Халикова Е.А.* Мусульманские могильники Волжской Булгарии X — начала XIII вв. как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1976. — С. 164; *Федоров-Давыдов Г.А.* Новые находки восточных монет VIII–XIII вв. на территории Восточной Европы // Эпиграфика Востока. — Л.: Наука, 1985. — Вып. 23. — С. 45, № 20.

¹¹ *Мухамадиев А.Г.* Древние монеты Поволжья. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. — С. 37; *Мухамадиев А.Г.* Древние монеты Казани. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. — С. 17.

¹² *Толстов С.П.* Монеты шахов Древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит // Вестн. древней истории. — 1938. — № 4. — С. 173.

¹³ *Вайнберг Б.И.* Монеты Древнего Хорезма. — М.: Наука, 1977. — С. 193.

¹⁴ *Мухамадиев А.Г.* Древние монеты Казани. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. — С. 16–48.

¹⁵ *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. — С. 105; *Спасский И.Г.* Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. — Л.: Аврора, 1970. — С. 40.

¹⁶ *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. — М.: Наука, 1967. — С. 34.

¹⁷ *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. — С. 86–136.

¹⁸ *Халикова Е.А.* Мусульманские могильники Волжской Булгарии X — начала XIII вв. как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1976. — С. 177; *Халикова Е.А.* Больше-Тиганский могильник / Е.А. Халикова // Сов. археология. — 1976а. — № 2. — С. 9; *Казиков Е.П.* Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопр. этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. — Казань, 1971. — С. 145.

¹⁹ *Марков А.К.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). — СПб.: [Б.и.], 1910. — № 62. — С. 10.

²⁰ *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. — С. 96.

²¹ Там же. — С. 94.

²² Материалы по истории Татарии, 1948. — С. 133; *Фасмер Р.Р.* Завалишинский клад куфических монет VIII–IX вв. // Изв. Гос. акад. истории материальной культуры. — Л., 1931. — Т. 7, вып. 2. № 17, № 41; *Кропоткин В.В.* Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. — М., 1971. — Т. 9. — № 123. — С. 88.

²³ *Валеев Р.М.* Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII вв. – Казань: Фест, 1995, табл. 9.

²⁴ *Янина С.А.* Общий обзор джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах (1946–1958 гг.) // Матер. и исслед. по археологии СССР. – 1962. – № 111. – С. 184–185; *Халикова Е.А.* Больше-Тиганский могильник // Сов. археология. – 1976. – № 2. – С. 14–15.

²⁵ *Валеев Р.М.* Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII вв. – Казань: Фест, 1995, табл. 10; *Мухаметшин И.Д.* Нумизматический материал Болгарской округи // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV вв.: тр. Междунар. нумизматической конф. – М., 2008. – С. 20.

²⁶ *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. – С. 122–123.

²⁷ *Нунан Т.* Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // Археология, история, нумизматика Восточной Европы. – СПб., 2004. – С. 260–261, табл. 1–2.

²⁸ Там же. – С. 268.

²⁹ *Ковалевский А.П.* Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн Фадлана. – Чебоксары: [Б.и.], 1954. – С. 141.

³⁰ *Максимов М.М.* Очерк о серебре. – М.: Недра, 1981. – С. 41–47.

³¹ Там же. – С. 48–54.

³² *Нунан Т.* Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // Археология, история, нумизматика Восточной Европы. – СПб., 2004. – С. 288.

³³ Там же. – С. 299–304.

³⁴ Там же. – С. 299.

³⁵ *Валеев Р.М.* Волжская Булгария и денежно-весовые системы IX – начала XIII вв. – Казань: Фест, 1995, табл. 10.

³⁶ *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. – С. 155.

³⁷ *Голубева Л.А.* Вещь и славяне на Белом озере X–XIII вв.. – М.: Наука, 1973. – С. 178.

³⁸ *Город Болгар: Очерки истории и культуры.* – М.: Наука, 1987. – С. 160.

³⁹ *Fraehn Ch.D.* Drei Munzen der Wolga-Bulgaren aus dem X Jahrhundert // Memoires de l'Academie Imper, des sciences. – VI ser. – SPb., 1830. – Т.1.

⁴⁰ *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1, кн. 1. Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – М., 1960. – Т. 23. – С. 135.

⁴¹ *Янина С.А.* Новые данные о монетном чекане Волжской Булгарии // Матер. и исслед. по археологии СССР. – 1962. – № 111. – С. 185.

⁴² *Федоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М., 1987. – С. 158.

⁴³ *Фасмер Р.Р.* О монетах волжских болгар X века // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. – Казань, 1925. – Т. 3, вып. 1. – С. 39–40.

⁴⁴ Там же. – С. 44–45; *Марков А.К.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). – СПб.: [Б.и.], 1910. – С. 10, № 52; с. 11, № 59; с. 21, № 121; с. 24, № 137; с. 38, № 212; *Савельев П.С.* Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. – СПб.: [Б.и.], 1846. – С. 118; *Романов Б.А.* Деньги и денежное обращение // История культуры Древней Руси (домонгольский период). – М.; Л., 1948. – Т.1. – С. 383; *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. – С. 116–117.

⁴⁵ *Кропоткин В.В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н. э. – М.: Наука, 1967. – С. 118–123; *Быков А.А.* Из истории денежного обращения Хазарии в VIII–IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. – М., 1974. – Вып. 3. – С. 26–69.

⁴⁶ *Марков А.К.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). – СПб.: [Б.и.], 1910. – С. 10, № 52; с. 11, № 59; с. 137, № 10; *Кропоткин В.В.* Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. – М., 1971. – Т. 9. – С. 87, № 118, 120; с. 88, № 122; *Фасмер Р.Р.* О монетах волжских болгар X века // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. – Казань, 1925. – Т. 3, вып. 1. – С. 46–47; *Фасмер Р.Р.* Список монетных находок, зарегистрированных секцией нумизмати-

ки и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920 – 1925 гг. // Сообщ. Гос. акад. истории материальной культуры. – 1926. – Т. 1. – С. 289, № 7, № 11; Отчет археологической комиссии за 1900 год // Отчет Императорской Археологической комиссии. – СПб., 1902. – С. 140; Отчет археологической комиссии за 1906 год // Отчет Императорской Археологической комиссии. – СПб., 1909. – С. 130; Янина С.А. Куфические серебряные монеты с Болгарского городища / С.А. Янина // Матер. и исслед. по археологии СССР. – 1960. – № 80. – С. 224; Хлебникова Т.А. Отчет о раскопках на городище Сувар в 1974 году // Архив Ин-та археологии АН СССР, ф. Р-1, д. 5311.

⁴⁷ Федоров-Давыдов Г.А. Новые находки восточных монет VIII–XIII вв. на территории Восточной Европы // Эпиграфика Востока. – Л.: Наука, 1985. – Вып. 23. – С. 45–46.

⁴⁸ Фасмер Р.Р. О монетах волжских болгар X века // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. – Казань, 1925. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 40–45.

⁴⁹ Исследования Великого города. – М.: Наука, 1976. – С. 191–192, рис. 91 (15,19,20).

⁵⁰ Быков А.А., 1974, с. 26–69; Кротошкин В.В., 1967, с. 118–223.

⁵¹ Корзухина Г.Ф., 1954, с. 85, 103; Марков А.К., 1910, с. 3, №15; с. 20, №115; с. 24, №137; с. 34–35, №194; с. 38, №212; с. 46, №260; с. 56, №306; с. 75, №120, 126; с. 81, №170; с. 87, №225; с. 94, №61; с. 103, №12 и др.

⁵² Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. – С. 122.

⁵³ Там же. – С. 116.

⁵⁴ Материалы по истории Татарии. – Казань, 1948. – С. 134.

⁵⁵ Ковалевский А.П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн Фадлана. – Чебоксары: [Б.и.], 1954. – С. 47.

⁵⁶ Фасмер Р.Р. О монетах волжских болгар X в. // Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Каз. ун-те. – Казань, 1925. – Т.3. – Вып. 1. – С. 29–39.

⁵⁷ Кротошкин В.В. Болгарские монеты X века на территории Древней Руси и Прибалтики // Волжская Булгария и Русь. – Казань, 1986. – С. 40.

⁵⁸ Янина С.А. II Неревский клад куфических монет X века // Матер. и исслед. по археологии СССР. – 1963. – № 117. – С. 291–292.

⁵⁹ Янина С.А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии // Матер. и исслед. по археологии СССР. – 1962. – № 111. – С. 179–205.

⁶⁰ Фасмер Р.Р. О монетах волжских болгар X века / Р.Р. Фасмер // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. – Казань, 1925. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 53–56; Янина С.А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии // Матер. и исслед. по археологии СССР. – 1962. – № 111. – С. 186–189.

⁶¹ Фасмер Р.Р. О монетах волжских болгар X века // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. – Казань, 1925. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 41–44.

⁶² Янина С.А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии // Матер. и исслед. по археологии СССР. – 1962. – № 111. – С. 189–193.

⁶³ Там же. – С. 201–204, табл. 6.

⁶⁴ Кротошкин В.В. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. – М., 1971. – Т. 9. – С. 87, № 120; с. 88, № 122.

⁶⁵ Кротошкин В.В. Болгарские монеты X века на территории Древней Руси и Прибалтики // Волжская Булгария и Русь. – Казань, 1986. – С. 40–57.

⁶⁶ Захoder Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. – М.: Наука, 1967. – С. 34–35.

⁶⁷ Мухамдиев А.Г. Древние монеты Казани. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – С. 99.

Аннотация

Рассмотрено монетное обращение в раннебулгарский и домонгольский периоды развития Волжской Булгарии, основные группы иноземных и болгарских монет, подражаний в VIII–XI вв., а также особенности в «безмонетный» период XI–XII вв. Монетные средства платежа являются свидетельством уровня и объема торговли в Булгарии, важным ее инструментом, динамизма роста внутренней и внешней торговли.

Ключевые слова: сасанидские, хорезмийские (туранские), куфические болгарские монеты, подражания, омейядские, аббасидские, саманидские дирхемы, западноевропейские денарии, инструменты торговли.

Summary

The article deals with the monetary circulation in the early Bulgar and pre-Mongol periods of the development of Volga Bulgaria, the main groups of foreign and Bulgar coins, imitations in the VIII-XI centuries, and also the peculiarities of a «coinless» period in the XI-XII centuries. Coin-operated means of payment are the evidence of the level and volume of trade in Bulgaria, its important instrument, the dynamism of growth of domestic and foreign trade.

Key words: Sasanid, Khorezm (Turan), Kufic Bulgar coins, imitation, Umayyad, Abbasid, Samanid dirhams, Western European denarius, instruments of trade.

УДК 338:93

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ (вторая половина XIX в.)

М.З. Гибадуллин, кандидат экономических наук

Становление полноценной, динамично развивающейся рыночной экономики требует создания в нашей стране достаточно устойчивого, социально-ответственного предпринимательского корпуса. Решение этой задачи должно стать не только объектом научных изысканий, но и одной из стратегических целей государственной экономической политики. В этой связи изучение хозяйственной и общественно-благотворительной деятельности предпринимателей дореволюционной России представляется нам чрезвычайно важным направлением исследований современной отечественной экономической и исторической науки.

Предпринимательство в России имеет давнее и в то же время весьма непростое прошлое. Как и во многих других странах, начальные этапы его становления были тесно связаны с протекционистской политикой государственной власти. Система административно-правовых ограничений, монополии и откупа являлась типичным инструментарием экономической политики петровской эпохи.

Во второй пол. XVIII – нач. XIX вв., по мере углубления капиталистических отношений и формирования единого общенационального рынка, царским правительством были приняты меры по созданию институционально-правовой базы для более свободного осуществления торгово-промышленной деятельности. Издаются целый ряд законодательных актов, призванных оживить предпринимательскую инициативу, расширить социальную базу

предпринимательства, упорядочить взаимоотношения администрации и деловых кругов. В частности, в 1757 г. был введен закон об отмене внутренних таможенных пошлин, в 1762 г. – закон об отмене торгово-промышленных монополий, в 1775 г. реорганизуется купеческое сословие, открываются первые кредитные учреждения и т.д.

Новым явлением в экономической политике самодержавия екатерининской эпохи в сфере частного предпринимательства стало распространение практики общегражданского права на нерусские и нехристианские народы России. Например, в 1763 г. специальными Указами Правительствующего Сената за казанскими служилыми татарами были подтверждены права на беспрепятственную торговлю по всей империи, включая столицу. Этими же документами властям на местах запрещалось чинить торгующему люду (из числа инородцев) препятствия на осуществление предпринимательской деятельности (опечатавать лавки, конфисковывать товары и т.п.).

В первой половине XIX в. законодательная база, регламентирующая предпринимательскую деятельность, пополнилась новыми нормативными документами (Устав о банкротстве 1800 г., Устав о торговом судопроизводстве 1832 г. и др.). Кардинальное изменение институционально-правовой среды предпринимательской деятельности произошло в эпоху «Великих реформ», когда был принят целый комплекс узаконений как в рамках предпринимательского, так и в рамках

общегражданского права, позволивших России перейти к рыночным отношениям.

В целом мероприятия царского правительства способствовали оживлению деловой активности в стране, пополнению предпринимательского корпуса за счет притока в него представителей различных социальных групп населения, в особенности из среды крестьян.

О количественном и качественном росте предпринимательского класса в первые пореформенные десятилетия свидетельствует динамика пополнения рядов гильдейского купечества. В него записывались, как правило, наиболее состоятельные представители торгового капитала. Так, если в 1861 г. в Казанской губернии было объявлено 392 купеческих капитала на сумму 1353 тыс. руб.¹, то в 1869 г. уже 998 купеческих капиталов на сумму 5735,5 тыс. руб.² Как видно, всего за восемь лет, последовавших после отмены крепостного права, численный состав купеческого сословия края увеличился в 2,5 раза, а стоимость их имущества в 4,3 раза, что свидетельствует об усилении в провинции процесса капиталистического накопления капитала.

1 января 1863 г. было утверждено «Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов», которое несколько позже законом от 9 февраля 1865 г. было дополнено и уточнено и в таком виде просуществовало практически без изменений двадцать лет. По существу, этот закон стал первым пореформенным документом, упорядочивающим предпринимательскую деятель-

ность. Согласно ему, за осуществление оной заинтересованные лица должны были уплачивать пошлину, которая взималась через выдачу специального купеческого либо промыслового свидетельства. Купеческое свидетельство, помимо торговых прав, предоставляло его обладателю личные купеческие неимущественные привилегии, т.е. поддерживало социальный статус предпринимателя, в то время как промысловые свидетельства распространялись только на экономическую деятельность и социального статуса лица не затрагивали. Но важно то, что приобретатель купеческого свидетельства должен был дополнительно брать к нему еще как минимум один билет на содержание торгового или промышленного заведения³. Таким образом, было установлено препятствие, ограничивающее возможность попадания в ряды именитого купечества торговой и промышленной мелкоты. Подспудно из купеческого сословия вымывались также лица, не связанные с предпринимательской деятельностью.

Предусмотренный Положением 1865 г. порядок налогообложения предпринимательской деятельности сохранялся до 1885 г. и при всем своем несовершенстве позволял хотя бы приблизительно дать обобщенную количественную и качественную оценку состава предпринимательского корпуса края.

Как видно из табл. 1, с 70-х по первую половину 80-х гг. XIX столетия численный состав предпринимательского класса Казанской губернии вы-

Таблица 1

Выдача свидетельств на право торговли и промыслов по Казанской губернии⁴

Годы	1 гильдии	2 гильдии	Мелочный торг	Итого	
				число	в % к уровню 1871 г.
1871	69	1147	3749	4965	100
1874	68	1321	3477	4866	97,9
1877	87	1310	3822	5219	106
1880	77	1337	4571	5985	120,4
1884	77	1346	4584	6007	122,4

рос на 22,4% (с 4965 до 6007 субъектов предпринимательской деятельности). Активнее всего пополнялся численный состав мелких предпринимателей. Это было связано прежде всего с тем, что расширение практики общегражданского права позволило включиться в предпринимательскую деятельность широким слоям населения и владельцам незначительных состояний. Число крупных первогильдейских торговцев также возросло, но только на 15 % (с 69 до 77 субъектов).

Среди предпринимателей края преобладали представители мелкого торгово-промышленного капитала (более 75%). Несмотря на это, основная масса торгово-промышленного оборота была сосредоточена в руках крупных капиталистов. Они контролировали значительные объемы отраслевых продаж и доминировали на рынке труда. Хотя монопольной властью над рынком не обладал ни один из предпринимателей.

К сожалению, более или менее полные сведения о размерах торговли в Казанском Поволжье за первые два пореформенных десятилетия имеются только за 1875 г. Из этих цифр можно сделать вполне однозначный вывод о том, что предпринимательские ресурсы края сосредоточились в губернском

центре, коммерческие обороты которого намного превосходили обороты всех других городов, вместе взятых (более 73%). На втором месте по объемам продаж находился Чистополь (около 15% торгового оборота), ему уступал Мамадыш (более 5%). Незначительные торговые обороты имели Свияжск, Ядрин, Царевококшайск.

Следует отметить, что такая ситуация была не совсем типична для Поволжско-Уральского региона, поскольку здесь практически в каждой губернии имелись уездные города, конкурировавшие с губернскими центрами в торгово-промышленном отношении. Так, Саратову соперничество составлял Царицын, Ярославлю – Рыбинск, Симбирску – Алатырь и Сенгилей, Вятке – Котельнич и Елабуга. В Казанской губернии Казань доминировала не только над уездными городами, но и над многими губернскими, являя собой в первые пореформенные десятилетия крупнейший экономический центр Поволжья и Приуралья.

Распределение торговых капиталов по видам торговли показано в табл. 3. Из нее видно, что наибольший объем товарооборота коммерсантов края приходился на хлебную торговлю (около 24 млн.руб., или 46%), на торговлю чаем и

Таблица 2

Распределение торгового оборота по городам Казанской губернии в 1875 г.⁵

Города губернии	В рублях	В %
Казань	39103500	73,8
Козьмодемьянск	200000	0,4
Лаишев	153000	0,3
Мамадыш	2707000	5,1
Свияжск	16500	Менее 0,1
Спасск	621500	1,2
Тетюши	548900	1,0
Царевококшайск	66900	0,1
Цивильск	222600	0,4
Чебоксары	592400	1,1
Чистополь	7799600	14,7
Ядрин	57430	0,1
Итого	53477830	100

Распределение торговых оборотов по родам торговли в 1875 г.⁶

Род торговли	Удельный вес, %
Хлебная торговля	46
Торговля чаем и сахаром	14,6
Торговля мануфактурным товаром	8,4
Торговля бакалейным товаром	6,0
Торговля колониальным и москательным товаром	5,6
Торговля вином	4,6
Торговля лесом и дровами	2,8
Прочее	12,0

сахаром (7,6 млн. руб., или около 15%) и на торговлю мануфактурными товарами (4,4 млн. руб. — более 8%). Значительные капиталы были заняты также в бакалейной и колониальной торговле, торговле вином, лесом. Таким образом, в 70-х гг. XIX столетия в структуре товарооборота края преобладали сельскохозяйственное сырье и товары широкого потребления.

В 1885 г. система промыслового обложения была дополнена введением раскладочного и 3-процентного сбора. Последний взимался с предприятий, обязанных публичной отчетностью (акционерных обществ, банков, за исключением железнодорожных и страховых обществ). За налогооблагаемую базу у

них брался размер прибыли. Все прочие предприятия подлежали обложению раскладочным сбором. Налогооблагаемой базой для них являлся размер годового оборота⁷. Такая система налогообложения, при всех своих недостатках, имела определенное преимущество. Она позволяла более полно учитывать размеры функционирующего предпринимательского капитала в торговле и промышленности.

В табл. 4 приведены сведения о размерах стационарной торговли в пределах Казанской губернии за 1885 г. Из цифр, представленных в указанной таблице, нетрудно сделать заключение о том, что Казань, как и прежде, занимала доминирующую роль в экономичес-

Таблица 4

Распределение торговых оборотов по уездам Казанской губернии в 1885 г.

Уезды	В рублях	В %
Казанский	29545100	61,5
Козьмодемьянский	844400	1,7
Лаишевский	1520100	3,2
Мамадышский	1334000	2,7
Свияжский	729500	1,5
Спасский	1629500	3,3
Тетюшский	2023800	4,2
Царевококшайский	210300	0,4
Цивильский	513000	1,0
Чебоксарский	2195700	4,6
Чистопольский	7352500	15,2
Ядринский	134100	0,3
Итого	48032000	100

кой жизни региона. Хотя за десятилетие ее торговые обороты как в абсолютных цифрах, так и в относительных показателях существенно снизились. Торговое значение Чистополя сохранилось практически без изменений. Значение Мамадыша как крупного торгового центра заметно ослабло. Зато торговая жизнь других уездных городов находилась на подъеме. Особенно заметно оживление в Чебоксарах и Тетюшах. Территориальная диверсификация торговли свидетельствует о расширении пространственного ареала капиталистической экономики, разрушении хозяйственной замкнутости провинциальной глубинки, втягивании ее в механизм рыночных отношений.

Появление на карте губернии новых торговых центров было связано с ростом товарности сельскохозяйственного производства края и прежде всего производства ржи – главной экспортной культуры Казанского Поволжья, а города Чистополь, Тетюши, Спасск и Чебоксары стали главными поставщиками зерновых продуктов на российские рынки с территории губернии. Активно участвовали в организации хлебных поставок местные коммерсанты. Так, в навигацию 1877 г. на Чебоксарской пристани местным купцом А.П.Астраханцевым было подготовлено для отправки в крупные зерноперерабатывающие центры России 29,9 тыс.

кулей разного рода хлеба (23,2% всего подготовленного в городе к отправке хлеба), М.Е.Ефремовым – 48,5 тыс.кулей (37,6%)⁸. В Тетюшах местные предприниматели в 1879 г. заготовили для отправки 98,3 тыс.четвертей (44% всего предназначенного к продаже хлеба). Наиболее крупные партии подготовили купцы А.М.Колсанов (32,7 тыс.четв., или 14,6%), В.Г.Серебряков(24,9 тыс. четв., или 11,0%) и Ф.А.Крупин (17,9 тыс.четв., или 8,0%)⁹. В навигацию 1885 г. на городской пристани было заготовлено для отправки уже 248 тыс. четв. Хлеба, в том числе А.М.Колсановым 38 тыс.четв. (15%), Ф.А.Крупиным 29 тыс. четв. (12%), И.В.Серебряковым 21,5 тыс.четв. (9%)¹⁰.

В Спасске к навигации 1885 г. подготовлено для отправки 275 тыс. четв. различного рода хлебов, в том числе местными коммерсантами 143,6 тыс. четв. (52%): купцом М.И.Платоновым подготовлена партия в 39,6 тыс. четв. (14%), П.Е.Курзаевым – 39,5 тыс. четв. (14%)¹¹.

Отраслевая структура торгового капитала, сложившаяся в Казанской губернии к середине 80-х гг. XIX в., показана в табл. 5. Из таблицы следует, что хлебная торговля по-прежнему оставалась наиболее привлекательной сферой приложения капиталов местных предпринимателей (общий оборот отрасли составил более 16 млн.руб., или около

Таблица 5

Распределение торговых оборотов по родам торговли в 1885 г.

Род торговли	Удельный вес в %
Хлебная торговля	33,9
Торговля кожаными и шорными изделиями	5,2
Торговля мануфактурным товаром	8,9
Торговля бакалейным и колониальным товаром	10,4
Торговля химическим, москательным и аптекарским товаром	1,3
Торговля галантерейным товаром	2,3
Торговля лесом и дровами	2,7
Торговля железом	2,4
Торговля вином	6,3
Прочее	26,6

34%). Однако эти цифры значительно меньше, чем в 1875 г. На хлебном рынке Поволжского региона масштабами своих коммерческих операций выделялись торгово-промышленные фирмы казанских купцов И.И. Окопишников, Ф.Я.Шамова, М.М.Тихомирновой, чистопольских купцов Чельшева и Чукашева.

Некоторые из хлеботорговцев края участвовали не только в местной, но и в межрегиональной торговле. В отдельные годы казанским коммерсантам удавалось даже брать под контроль крупные сбытовые хлебные рынки Поволжья. Например, в 1870 г. на Балаковской пристани казанские предприниматели закупили для переработки и перепродажи 803,4 тыс.пуд. пшеницы (30% всего товара, подготовленного в этот год к реализации). Самые крупные партии приобрели купчиха Фомина (300 тыс.пуд.), Романова (203,9 тыс.пуд.), купец Васильев (140 тыс. пуд.)¹².

В 1886 г. казанский купец И.И. Окопишников закупил на Ровенской пристани 130 тыс. пуд. пшеницы¹³, еще свыше 12 тыс. мешков пшеницы восьми-пудового веса он запас на Балаковской пристани¹⁴, и это не считая более мелких партий на других волжских пристанях.

Торговый дом «М.М.Тихомирновой с с-ми» в том же году заготовил на Березовской пристани для отправки в различные губернии страны 25,5 тысячи кулей зернового хлеба¹⁵. Чистопольский купец И.Д.Кожевников подготовил для продажи на пристанях р.Уфы 41,7 тыс. кулей пшеницы, ржи и овса¹⁶, а В.Л.Чельшев на Рыбинской пристани запас 32 тыс.кулей зерна для продажи в следующем 1887 г.¹⁷.

Наиболее оборотистые и энергичные коммерсанты уездных городов губернии также стремились расширить сферу своей деятельности и выйти на межрегиональные хлебные рынки. Так, в 1877 г. чебоксарский купец А.П. Астраханцев на Рунгинской пристани подготовил для отправки 20 тыс. кулей

зерна (29,5%), С.Т.Забродин 5,7 тыс. кулей, а П.П.Курбатов 36, 6 тыс.кулей (54%)¹⁸.

Капиталов более чем на 5 млн.руб. было задействовано в торговле бакалейными и колониальными товарами, что составило свыше 10% товарооборота (в 1875 г. таких товаров продавалось только на 3,2 млн. руб.). Обороты кожевенной, винной и лесной торговли существенно увеличились.

В торговле сырьем преуспели татарские предприниматели. Так, казанский купец В.Б.Тойкич имел в городе собственный склад и торговое предприятие по продаже разного рода сырья с оборотом 600 тыс.руб.; купец М.С. Аитов торговал сырыми кожами из собственного склада, имея оборот 50 тыс. руб., М.Х.Субаев специализировался на продаже меха и пушнины (оборот 40 тыс. руб.).

В 80-х гг. XIX в. в связи с интенсивным градостроительством для предпринимателей открылись новые отрасли прибыльного инвестирования, например, производство и продажа строительных материалов. На этом рынке выделялись семейные фирмы: торговый дом «Ф.Булыгин и сын», имевший в Казани склад строительных материалов с оборотом 100 тыс. руб. и лесопильный завод, торговая фирма Л.М.Матвеевского (оборот 400 тыс. руб.).

Весьма значительные торговые капиталы обращались в чайной торговле. Крупно-оптовые партии чая и сахара реализовывал через свой магазин и контору на Лево́й Набережной Булака купец Д.М.Лаврентьев (оборот 875 тыс. руб.), Я.А.Немчинов (оборот 300 тыс. руб.), А.Я.Сайдашев (оборот 110 тыс. руб.), М.-Г.И.Утямышев (оборот 80 тыс. руб.). Конкуренцию им составляли крупные чайные магнаты: кяхтинский купец А.В.Швецов (имел в Казани оптовый чайный магазин с оборотом 300 тыс.руб.), столичный коммерсант Я.А.Немчинов (капитал в обороте 300 тыс. руб.), ташкентская купчиха Я.Ибрагимова (капитал в обороте 100 тыс. руб.)¹⁹.

Изменение структуры товарооборота региона Казанского Поволжья свидетельствует о том, что в ней произошли изменения в сторону увеличения доли высококачественных товаров и товаров длительного пользования. На местных рынках стали пользоваться спросом элегантные, модные кожаные, парфюмерные товары, импортные вина. Расширился рынок товаров, предназначенных для строительства (кровельное железо, строевой лес, кирпич, краски и т.п.).

Следует отметить, что в конце 1870-х гг. в Казанской губернии открылись даже две специализированные крупные ярмарки для продажи строевого леса и железа. Первая размещалась под Козьмодемьянском и получила название Лесная ярмарка, вторая дислоцировалась близ Лаишева и была известна как Караванная.

Караванная ярмарка под Лаишевым официально была учреждена в 1869 г., но де-факто съезд торговых людей здесь собирался еще за два десятка лет до ее юридического оформления. Ярмарка открывалась 1 июня и продолжалась в течение месяца, а иногда и более. Ежегодно сюда свозилось более одного миллиона пудов листового и сортового железа, стали, чугуна и изделий из них, всегда необходимых в народном быту, таких как гвозди, ведра, сохи, топоры, пилы, чугунные сковороды и др. посуда, всего на сумму около двух миллионов рублей, а в отдельные годы привоз составлял более четырех миллионов рублей. Поставщиками выступали металлургические и железоделательные заводы Урала, Вятской, Уфимской и Пермской губерний. Грузенные металлами барки сплавлялись по водным системам рек Чусовой, Белой, Вятке и Камы до городской пристани. Здесь товар перегружался на суда торговцев-посредников и шел дальше по Каме и Волге в другие губернии России. Основными скупщиками являлись ярославские купцы И.И. Постухов и А.П. Руковишников, астраханский купец П.В. Шаров и казанские предпри-

ниматели. Всего же на Караванную ярмарку съезжалось около сотни предпринимателей со всего Поволжья.

Лесная ярмарка открывалась 5 июня и продолжалась в течение десяти дней. Основным предметом торга на ней являлись стройматериалы из дерева (бревна, брусья, подтоварник, рейки, дрова и прочее), отчего ярмарка и получила свое название. Заготовка товара осуществлялась предпринимателями в Костромском, Макарьевском и Ветлужском уездах Нижегородской губернии и в Яранском уезде Вятской губернии. Продавцами являлись крестьяне (49%), купцы (24%), дворяне (18%) и мещане (9%).

По притокам Волги – Ветлуга, Большая и Малая Кокшага, Илеть, Кудыш и Юшут – подготовленный к реализации материал сплавлялся к уездному городу Козьмодемьянску. Здесь товар уже поджидали лесопромышленники из различных губерний страны. Они, либо их комиссионеры и приказчики, проводили тщательный осмотр доставленного леса и формировали оптовые партии для закупки и последующей перепродажи.

Самым ходовым товаром на Лесной ярмарке являлась деловая древесина (до 90% всего объема продаж). Общий оборот ярмарки в 80-х гг. XIX в. составлял более 1 млн. руб.

Помимо ярмарок, важную роль в обслуживании товарного обращения края играла местная биржа. Биржа в Казани открыла свои действия в ноябре 1867 г., хотя вопрос о необходимости иметь в городе учреждение подобного рода возбуждался прозорливой частью купечества перед местными властями уже давно. Еще в 1830 г. купец М.М. Сеитов подал в органы местного представительства заявление с предложением учредить в Казани биржу. Однако тогда эта идея коммерсанта не нашла поддержки ни у властей, ни у самого купечества. Позже, уже в 60-х гг. XIX в., мысль об устройстве в Казани биржи попытался реанимировать местный предприниматель, купец хлеботорговец и судовладелец

И.Н.Соболев. На этот раз полезное для торгового общества и городских властей предприятие получило поддержку и было доведено до логического завершения. 11 ноября 1866 г. был утвержден Устав биржи, а еще через год состоялось официальное открытие самой биржи²⁰.

Зона экономических действий Казанской биржи распространялась за пределы Казанской губернии. Маклеры биржи совершали сделки на Мензелинской, Симбирской и Нижегородской ярмарках. Так, в 1871–1872 операционном году ими было заключено сделок по продаже товаров в Казани на сумму 2,6 млн.руб., на Мензелинской ярмарке на 412,2 тыс.руб., на Симбирской ярмарке на 174,5 тыс.руб., кроме того, было заключено договоров на поставку товаров в Казани на 458 тыс.руб., и на Симбирской ярмарке на 72,2 тыс.руб., всего на общую сумму 37561,1 тыс.руб. Еще внушительнее выглядели масштабы торговых оборотов, совершаемых через Казанскую биржу в 1881–1882 операционном году на сумму 8,1 млн.руб. Затем масштабы торговых сделок на бирже стали сокращаться.

В 90-х гг. XIX столетия масштабы торговых операций на Казанской бирже находились на уровне 3–4 млн.руб. Так, в 1892/93 отчетном году маклерами было совершено сделок по продаже товаров в Казани на 2298,6 тыс.руб., на Мензелинской ярмарке на 271,2 тыс.руб., на Нижегородской на 92,4 тыс.руб., сделок по поставкам было заключено в Казани на 461,6 тыс.руб., на Мензелинской ярмарке на 78,3 тыс.руб., на Симбирской ярмарке на 45,1 тыс.руб., а на Нижегородской на 99,8 тыс.руб., всего было заключено товарных сделок на сумму 3347,3 тыс.руб. Кроме того, на бирже были заключены договоры на аренду пароходов и барж на сумму 51470 руб.²¹.

Через Казанскую биржу сделки осуществляли как местные, так и иногородние предприниматели. Например, 8 января 1890 г. бирский купец С.М.Билаев и елабужский купец А.Ф.Гоголев через маклера биржи

И.И.Сказкина заключили с елабужским купцом А.П.Земляновым контракт на поставку с пристани Казанцевской (на р.Белой) до Рыбинска разного рода хлеба 13500 пуд. на 4335 руб. и 99 тыс. пуд. на 5610 тыс. соответственно. Через несколько дней васьилсурский купец М.Я.Кожебаткин заключил с тем же А.П.Земляновым контракт на поставку 198 тыс.пуд. разного хлеба с Камского Устья до Рыбинска на сумму 176 тыс. рублей.

Сам А.П.Землянов при посредничестве того же маклера И.И.Сказкина 8 января 1890 г. заключил с бирским купцом В.А.Макаровым контракт на поставку различных лесных товаров (липового теса, обруча, колов, дров и др.) до Астрахани на сумму до 10 тыс.руб. На следующий день аналогичный контракт он заключил с другим бирским купцом С.М.Беловым на сумму до 3200 руб. Лес должен был быть отправлен с Бирской и Ельдянской пристаней до Астрахани.

Основными предметами сделок на Казанской бирже являлись хлеб, нефтепродукты, строевой лес и дрова. Так, маклером И.И.Сказкиным в 1890 г. была заключена 21 биржевая сделка. Из этого числа 13 (62%) по доставке и покупке хлебных грузов, 3 (14%) сделки по доставке леса, 1 (5%) сделка по доставке нефти и 4 (19%) сделки по аренде пароходов и барж. Пять сделок (34%) было совершено по заказам елабужских предпринимателей, по две сделки заказали бирские, чистопольские и московские коммерсанты. Помимо частных предпринимателей в деятельности биржи участвовали юридические лица. В течение 1890г. они инициировали заключение шести (26%) сделок (торговый дом «Н.Журавлева сыновья», торговый дом «В.Карякин и Г.Рахманов» и торговый дом «Н.Дедюхина сыновья»)²².

Помимо торговли предприниматели края все активнее вкладывали средства в промышленную деятельность. К середине столетия в руках местной буржуазии были накоплены значительные капиталы, позволявшие ей открывать заводы и фабрики. Если в год отмены

крепостного права в крае действовало 361 заведение, из которых большая часть представляла из себя небольшие ремесленные мастерские с одним-двумя работниками, и производилось продукции на 4726,8 тыс.руб.²³, то в 1874 г. было зарегистрировано 380 предприятий, сумма производства которых составила уже 10297,9 тыс.руб.²⁴, т.е. произошел рост более чем в два раза. Еще через десять лет, как указано в известном справочнике П.А.Орлова «Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского», промышленных предприятий в Казанской губернии значилось 296 заведений, с суммой производства 17,5 млн. руб.²⁵. Хотя сбор сведений для упомянутого Указателя совпал с периодом промышленного подъема в стране, тем не менее очевидно, что рост промышленных оборотов в крае был весьма впечатляющим.

Распределение предприятий по родам производств видно из таблицы 6. Основными отраслями промышленности края являлись пищевая, легкая и химическая. Местная буржуазия предпочитала вкладывать капиталы в легкую и пищевую отрасли. Среди предприятий пищевой промышленности выделялись паровая крупчатая мельница Журавлевых, на которой действовало три паровые машины в 130 сил, работало более 200 человек и производилось крупчатой муки до 120 тыс.

пудов на сумму 1,1 млн.руб.; в легкой промышленности крупнейшим предприятием являлся кожевенный завод И.И.Алафузова, оснащенного паровой машиной в 40 сил. Производительность предприятия составляла более 130 тыс. кож на сумму 1 млн.руб. Ему же принадлежала льноткацкая фабрика производительностью 600 тыс. руб. в год.

Самые значительные предприятия располагались в Казани и Казанском уезде. На губернский центр приходилось более 70% производства фабрично-заводской промышленности и около 60% численности рабочих края.

Большинство предприятий принадлежало русским капиталистам. Но несколько крупных предприятий находилось в руках татарской буржуазии. Самым значительным из них являлась старейшая в крае китаечная фабрика М.М.Азимова. В 1884 г. на ней производилось бязи, молескину, кретона и других тканей на сумму 238 тыс.руб. На фабрике трудилось 259 рабочих. Крупной бумагопрядильной фабрикой в Чистополе владел торговый дом «Г.Субаев и Рахматуллин». Это предприятие было оснащено паровой машиной в 40 сил, имело 11 прядильных машин и другое оборудование. Фабрика размещалась в одном каменном и одном деревянном корпусах. Здесь производилось бязи и пряжи на 227 тыс.руб., а число рабочих составляло 300 человек. Продук-

Таблица 6

Распределение промышленных предприятий Казанской губернии по отраслям производств²⁵

Отрасли промышленности	Число предприятий, %.	Сумма производства, %
Пищевая	72 24,0	7359219 52,0%
Легкая	112 37,0	2816997 20,0
Химическая	15 5,0	2733455 19,5
Деревообрабатывающая	7 2,0	146000 1,0
Стекольная	4 1,0	202665 1,5
Механическая	12 4,0	339190 2,0
Прочие	27	4,0

* При составлении «Указателя...» его разработчики учитывали только предприятия с годовым оборотом не менее 2000 рублей.

ция сбывалась на месте и за пределами Казанской губернии. Однако в целом удельный вес татарской буржуазии в промышленном производстве края был невелик — от 4 до 6 процентов. Слабая вовлеченность предпринимателей-татар в сферу промышленного предпринимательства была связана, прежде всего, с недостатком собственных средств для открытия современных хорошо оснащенных и, следовательно, конкурентоспособных предприятий. Определенное негативное влияние на становление национального предпринимательского корпуса оказала этно-конфессиональная замкнутость татарской общины края. Лишь те из предпринимателей-татар сумели удержаться в бизнесе и из небольшого предприятия вырасти до фирм с солидными оборотами, кто проявил восприимчивость к инновациям, внедрял у себя передовые технологии, развивал кооперационное сотрудничество с предпринимателями других национальностей и другими регионами. Ярким примером в этом отношении является предпринимательское семейство казанских купцов Утямышевых. Об этих предпринимателях стоит рассказать подробнее.

Основателем семейного бизнеса стал Мухаммед-Гариф Ибрагимович Утямышев. В 60-х гг. XIX в. он имел Китаечную фабрику в с.Нурма Казанского уезда²⁶. Известно также, что в 80-х гг. XIX в. он вел чайную торговлю в Казани, арендуя для этих целей лавку и склад на Татарской ул. в доме Шамсутдинова и еще одну лавку на той же улице, но уже в доме Юнусова. Торговый оборот обоих предприятий составлял 80 тыс.руб. 13 октября 1888 г. группой предпринимателей — казанскими купцами Мухаммад-Гарифом Ибрагимовичем Утямышевым, Мухаммад-Юсупом Абдулхаковичем Усмановым и арским купцом Гумером Хасановичем Якуповым учреждается торговый дом в образе товарищества на вере «Товарищество Казанской мануфактуры Утямышева и К». Главой фирмы, полным товарищем стал Утямышев, а Усманов

и Якупов состояли вкладчиками. Целью создания товарищества было объявлено производство мануфактурных товаров и торговля ими на территории страны. Открытие действий предприятия по времени совпало с очередным экономическим кризисом в стране. Он усугублялся еще и тем, что спрос на китайку стал резко падать. На рынке появились новые более качественные товары. Сохранить и приумножить капитал можно было, только перестроив производство под новые веяния спроса. Многие предприниматели не сумели этого сделать. И лишь наиболее дальновидные предприниматели нашли выход из создавшегося положения. К их числу принадлежали М.-Г.И.Утямышев и его партнеры. На фабрике приступили к выпуску новых видов товаров — бязи, ваты, молескина и др. Был также установлен паровой двигатель в 6 сил. В 1890 г. здесь работало 35 человек и производилось товарной продукции на сумму свыше 100 тыс. руб. в год²⁷.

Но 3 февраля 1893 г. М.-Г.И. Утямышев скоропостижно скончался, не успев оставить духовного завещания своим наследникам и не указав преемника в торгово-промышленных делах. Поэтому 15 апреля все представители рода Утямышевых (вдова купца, его дочь и два сына), а также купцы М.-Ю.А.Усманов и Г.Х.Якупов приняли единодушное решение об избрании главой фирмы его сына Исмагила, которому на тот момент исполнилось 30 лет²⁸. В том же году Исмагил Гарифович записался в купеческое сословие и четверть века удерживал за собой этот почетный для деловых людей России статус.

Став распорядителем компании и являясь представителем нового поколения отечественной бизнес-элиты, хорошо понимавшим значение инноваций в развитии фирмы и владевшим современными технологиями управления производством, молодой предприниматель уделял большое внимание совершенствованию производства. Он приступил к модернизации фабрики

и расширению профиля деятельности фирмы. Уже в середине 1890-х гг. на мануфактурной фабрике был установлен новый, более мощный (в 20 сил) паровой двигатель, нанято дополнительное число рабочих. В этот период предприятие стабильно работало круглый год по 12 часов в сутки. Одновременно принимается важное решение об открытии еще одного предприятия товарищества — мыловаренного завода на Поперечно-Симбирской улице. На нем в 1900 г. трудилось 5 человек и вырабатывалось около 15 тысяч пудов мыла.

Начало нового столетия «Товарищество Утямышева» продолжало динамично развиваться. Правда, в 1905 г. оно столкнулось с некоторыми организационными трудностями. Практически одновременно скончались основатели торгового дома — купцы М.-Ю.А.Усманов и Г.Х.Якупов. Наследники последнего пожелали выйти из дела. Капитал фирмы пришлось уменьшить до 245 тыс. руб., о чем И.Г. Утямышев известил Казанскую городскую управу 22 ноября 1905 г. Обычно такое развитие событий вело к последующей ликвидации фирмы. Но И.Г.Утямышев был твердо нацелен на развитие бизнеса и достижение коммерческого успеха. В 1905—1906 гг. фирма имела самые лучшие за весь период своего существования показатели экономической деятельности. Ее годовой оборот превысил сумму 400 тыс. руб., а полученная прибыль перевалила за 20 тыс. руб. К тому же, кроме промышленных предприятий, у фирмы появилась сеть торговых заведений. Магазины и лавки торгового дома были расположены на Сенной улице, на устье и на Нижегородской ярмарке²⁹.

С началом Первой мировой войны «Товарищество Утямышева» продолжало завоевывать рынок. Но в связи с изменением рыночной конъюнктуры пришлось корректировать производственные планы. В военные годы резко возрос спрос на мыло и с 1916 г. мыловаренный завод становится главным

предприятием компании. В 1917 г. торговым домом было произведено продукции на 1,5 млн.руб., а полученная прибыль составила 194,5 тыс.руб.³⁰. Еще 129 тыс.руб. прибыли было получено от торгово-посреднических операций. Фирма Утямышевых имела один из самых высоких показателей доходности в Казанской губернии.

Законом 1863 г. административные ограничения на предпринимательскую деятельность были сняты с евреев. Поэтому в пореформенный период на местном рынке появилась целая плеяда энергичных и удачливых предпринимателей, представлявших эту нацию. (С.Аппак с 1870 г. владел табачной фабрикой; В.З. Персон торговал различными продуктами с 80-х гг. XIX в.; братья Шершевские торговали игольно-галантерейными товарами с 1890-х гг.; С.Эрман торговал сырьем с 1890-х гг.; Н.Гутман торговал фарфором, хрусталем с 1890-х гг., Ш.Гернштейн открыл аптекарский магазин и др.).

Помимо местных предпринимателей инвестиции в промышленность края осуществляли представители иногороднего купечества и иностранцы. Еще в 1853 г. столичные предприниматели Крестовниковы основали в Казани стеариновый и мыловаренный завод. Это было современное, прекрасно оснащенное предприятие. В 1871 г. оно выпустило 140 тыс.пуд. стеариновых свеч, 170 тыс.пуд. маргаринового мыла, 18 тыс.пуд. олеина, 5 тыс.пуд. глицерина, всего 348 тыс.пуд. на 2 с лишним миллиона руб. На заводе работало 539 человек. По данным за 1883 г., на заводе Крестовниковых работало уже свыше 1 тыс. человек, а производительность достигла 2,5 млн. руб.³¹.

Пароходное акционерное общество «Кавказ и Меркурий» в Спасском затоне обустроило механический завод по ремонту судов и производству запасных частей к ним. Этот завод также был оснащен паровыми двигателями и современным оборудованием. Аналогичное заведение в Звениговском затоне организовало общество «Дужина».

Нижегородские купцы братья Блиновы в Спасском уезде выстроили пятиэтажную каменную мельницу для перемола крупы. На ней имела паровая машина в 80 сил, работало более 100 человек, а производительность достигала 969 тыс. руб.³².

Слободские купцы Петр и Иван Ивановичи Александровы в 1893 г. учредили в Казани торговый дом для производства и реализации винно-водочных изделий с капиталом 700 тыс.руб. под фирмой «Н-ки коммерции советника И.В.Александрова».

Рязанские купцы из татар М. Девишев и братья Костровы основали в Мамадышском уезде мерлушечные фабрики. На фабрике М.Девишева в 1883 г. перерабатывалось более 100 тыс. штук овчин и мерлушек на 60 тыс.руб.; на фабрике Костровых 235 тыс. штук на 112 тыс. руб.³³. К 1896 г. на предприятиях купцов производились уже не только полуфабрикаты, но и готовые изделия: полушубки, тулупы, рукавицы. Фабрика М.Девишева выпустила продукции на 80 тыс.руб., Костровых – на 210 тыс.руб.³⁴.

Предприятия в Казани имели также московский купец И.И.Мохов (рессорная фабрика производительностью 14 тыс.руб.), саратовские купцы Аносовы (винокуренный завод и кулеткацкая фабрика в Чистопольском уезде. производительностью 198,8 тыс.руб. и 19,6 тыс.руб.) и др.

Среди иностранцев можно выделить прусских подданных Ф.И.Дизе (механический завод), Э.Э.Петцольд и О.Э.Петцольд (пивомедоваренный завод), Г. Локке (бондарная фабрика), австрийского подданного Ф.Х.Грахе (аптекарьское заведение и завод искусственных минеральных вод).

Кроме торгово-промышленной сферы, в пореформенный период предпринимательские капиталы вкладываются в транспорт. Губернии Поволжья, имевшие выход к речным магистралям Волжского бассейна, имели важное конкурентное преимущество по сравнению с губерниями, располагавшимися во внутренних областях. Это преимуще-

ство стало особенно заметно, когда по рекам стали курсировать пароходы. Использование паровой силы способствовало оживлению волжской торговли и деловой жизни в тех городках, которые имели удобные пристани и гавани.

Еще накануне реформ в пароходном деле заявили о себе акционерные компании «Общество по Волге», «Самолет», «Польза», «Кавказ и Меркурий». В последующие годы за учредительство пароходных компаний берутся индивидуальные предприниматели. Одновременно расширилась зона охвата торговым и пассажирским судоходством бассейна Волги и ее притоков. Но неурожай и кризис 1870 г. подорвали поступательное развитие волжского судоходства. Ряд компаний прекратил деятельность, другие оказались в состоянии депрессии. И только к середине десятилетия позиции волжских судопромышленников стали восстанавливаться.

В списке пароходовладельцев середины 1870-х гг. числилось 6 казанских и 4 свияжских купца. По одному судовладельцу представляло Чебоксарское, Чистопольское, Спасское и Мамадышское купечество. Большинство из них имело один или два парохода, и только казанский купец Никитин располагал тремя буксирными пароходами общей мощностью 360 сил и казанские купцы братья Четверговы, в распоряжении которых находилось 4 буксирных парохода общей мощностью 265 сил³⁵.

Помимо торговли, промышленности и транспорта – традиционных сфер приложения капитала, в пореформенный период появились возможности вкладывать средства в финансовую деятельность. До реформ 60-х гг. XIX в. российская хозяйственная практика практически не знала такого типа кредитных учреждений, как коммерческий банк. Первый банк подобного рода открылся в Санкт-Петербурге только в 1864 г. Причем до 1870-х гг. процесс учреждения коммерческих банков шел очень медленно. Лишь 31 мая 1872 г. был принят специальный закон, вводящий общие основания предпри-

нимательской деятельности на рынке кредитных ресурсов. В соответствии с ним был установлен минимальный размер уставного капитала акционерного банка (не менее 500 тыс.руб.); облегчена процедура учреждения небольших коммерческих банков, капитал коих не превышал 1 млн. руб.; определен размер максимальной суммы обязательств банка; установлен потолок величины бланкового кредита, который банк мог выдавать своим клиентам, и т.п.³⁶. Вскоре акционерный коммерческий банк краткосрочного кредита под названием «Казанский купеческий банк» появился и в Казани. Его устав был подписан министром финансов 26 января 1873 г. Учредителями новой финансовой структуры выступили именитые и богатейшие местные купцы – А.С.Александров, Д.И.Вараксин, Л.Н.Урванцев, М.И.Попов, Н.Н. Урванцев, а также мензелинский купец Потомственный Почетный гражданин М.Л.Мешкевич. «Купеческий банк» обслуживал интересы крупной региональной торгово-промышленной буржуазии. Вместе с тем в нем были представлены интересы связанных с нашим городом столичных деловых кругов. Среди акционеров были Санкт-петербургский купец М.Н.Полежаев и известные столичные предприниматели – братья Елисеевы.

Одновременно с коммерческими банками появились кредитные учреждения, действовавшие на принципах кооперации и называвшиеся обществом взаимного краткосрочного кредита. Устав Казанского общества взаимного кредита был Высочайше учрежден 28 апреля 1870 г. К этому времени в стране действовало только 13 учреждений подобного рода. Для того чтобы стать членом ОВК, соискатель должен был подать в Правление прошение с просьбой принять его в состав общества и указанием размера кредита, который он рассчитывает получить. В год открытия Казанского общества взаимного кредита самые значительные суммы в формирование его собственного ка-

питала внесли купцы И.И.Алафузов, В.Н. и Е.Н. Унженины, К.И.Романов, А.Н.Свешников, И.Н.Журавлев и И.Н.Соболев (каждый по 30 тыс.руб.), Г.Субаев (10 тыс.руб.), А.Рахматуллин (10 тыс.руб.), Г. Утямышев (5 тыс.руб.). Все они являлись крупными местными предпринимателями.

Общества взаимного кредита осуществляли практически все виды банковских операций: принимали вклады от населения, учитывали векселя, выдавали ссуды. Однако следует указать на характерную для них особенность. Некоторые виды банковских операций они проводили только со своими членами. Так, Казанское общество взаимного кредита предоставляло учредителям возможность открытия текущих счетов, выдавало им краткосрочные ссуды под залог процентных бумаг.

Хотя между акционерными банками и обществами взаимного кредита имелась существенная разница, оба типа кредитных учреждений можно назвать коммерческими предпринимательскими структурами³⁷.

Итак, во второй половине XIX в. в России предпринимательство оформилось как феномен экономической жизни общества. Представители бизнеса освоили все возможные ниши экономической деятельности: торговлю, промышленность, транспорт, связь, кредит, сферу услуг. Причем предпринимательство в банковской сфере услуг оформилось только в пореформенный период. Предпринимательские капиталы концентрировались преимущественно в губернском центре. Казань как крупнейший город Поволжья в экономическом отношении доминировала над обширным регионом, втягивая в орбиту своих интересов не только уездные города своей губернии, но и соседних. В то же время практика капиталистического предпринимательства постепенно распространяется на уездные города, такие как Спасск, Чебоксары, Тетюши.

Экономическая жизнь края была сосредоточена в руках представителей крупного бизнеса.

Предпринимательский корпус края был многонациональным по своему составу. Большая его часть представляла русскую буржуазию. Заметно было влияние, особенно в торговле, татарской буржуазии. В конце XIX в. предпринимательский корпус пополнился представителями других народов, проживавших в регионе. В экономике Казанской губернии велико было представительство иногороднего и иностранного капитала.

Местные предприниматели предпочитали вкладывать капиталы в традиционные отрасли торговли и промышленности. Инновационные импульсы в экономике края исходили в основном от иногородних предпринимателей. Рутинный способ ведения предпринимательской деятельности и консервативные методы управления в целом негативно отражались на позициях местных предпринимателей как на внутреннем, так и внешних рынках.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ НА РТ, ф.114, оп.1, д.3532 (подсчет наш).

² НА РТ, ф.114., оп.1, д.29. (подсчет наш).

³ Положение о пошлинах за право торговли и промыслов со всеми к нему изменениями, дополнениями и разъяснениями правительственных мест и лиц и решениями Правительствующего Сената по 1 января 1872 года / Сост. А.В. Залесов. — СПб., 1872. — С.21–42.

⁴ Таблица 1 составлена по: НА РТ, ф.359, оп.1, д.29 (сведения за 1869–1873 гг.); НА РТ, ф.359, оп.1, д.44 (сведения за 1874–1878 гг.).

⁵ Таблица 2 составлена по: Отчет о деятельности Казанского губернского статистического комитета за 1875 год. — Казань: Типография губернского правления, 1876. — С.26–27 (подсчет наш).

⁶ Таблица 3 составлена по: Отчет о деятельности Казанского губернского статистического комитета за 1875 год. — Казань, Типография губернского правления, 1876. — С.26–27 (подсчет наш).

⁷ Подробнее о системе промыслового обложения см.: *Рудченко И.Н.* Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России. — СПб, 1893; *Галахов В.В.* Статистические материалы промыслового обложения как исторический источник // Некоторые вопросы историографии и источниковедения истории СССР. Сб. ст. — М., 1977. — С.114–124; он же. Некоторые вопросы изучения статистических материалов промыслового обложения. 1885–1898 // Исторические записки. — М., 1983. — Т.109. — С.238–261.

⁸ Казанский биржевой листок, 17.04.1877.

⁹ Казанский биржевой листок, 06.04.1880.

¹⁰ Казанский биржевой листок, 21.04.1885.

¹¹ Казанский биржевой листок, 24.03.1885.

¹² Казанский биржевой листок, 15.10.1870.

¹³ Казанский биржевой листок, 13.11.1886.

¹⁴ Казанский биржевой листок, 10.04.1886.

¹⁵ Казанский биржевой листок, 09.04.1886.

¹⁶ Казанский биржевой листок, 26.05.1886.

¹⁷ Казанский биржевой листок, 01.11.1886.

¹⁸ Казанский биржевой листок, 17.04.1877.

¹⁹ НА РТ, ф.3, оп. 1, д.812, л. 14–18.

²⁰ История Казани в документах и материалах. XIX в.: Промышленность, торговля, финансы / Под ред. И.К.Загидуллина. — Казань, 2005. — С.253–254.

²¹ Там же. — С.266–267.

²² НА РТ, ф.96, оп.1, д.33, л.л.1–2, 4.

²³ Памятная книжка Казанской губернии на 1863г. — Казань, 1862. — 128–129.

²⁴ Отчет о деятельности Казанского губернского статистического комитета за 1875. — Казань, 1876. — С.11.

²⁵ Таблица 6 составлена по: *Орлов П.А.* Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. Материалы для фабрично-заводской промышленности. Изд. 2-е. — СПб., 1887.

²⁶ НА РТ, ф.2, оп.1., д.39, л.л. 107, 110,111.

²⁷ Указатель фабрик и заводов Европейской России: Материалы для фабрично-заводской промышленности / Под ред. П.А.Орлова, С.Г.Будагова. – СПб., 1894. – С.94.

²⁸ НА РТ, ф.98., оп.3, д.680, л.л.30–32.

²⁹ НА РТ, ф.685, оп.1, д.54, л.л.135–137.

³⁰ НА РТ, ф.757, оп.1, д.49, л.34.

³¹ НА РТ, ф.2, оп.3, д.39, л.145–146 (св. за 1871г.), Отчет о действиях Казанского губернского статистического комитета за 1883. Казань, 1884, табл.11 (св. за 1883 г.).

³² НА РТ, ф. 2, оп.3, д.912, л.116, 51, 114.

³³ НА РТ, ф.2, оп.3, д.912, л.91–94.

³⁴ НА РТ, ф.359, оп.1, д.259, л.108, 105.

³⁵ Статистический сборник Министерства путей сообщения. Ч.11. – СПб., 1877. – С.14, 18, 21, 27–28, 30–31, 34,36.

³⁶ *Гурьев А.* Очерк развития кредитных учреждений в России. – СПб., 1904. – С.65.

³⁷ Подробнее о деятельности казанского купеческого банка и казанского общества взаимного кредита см.: *Гибадуллин М.З.* Коммерческие банки Казани во второй пол. XIX века // Вестник ТГГПУ. – 2007. – № 8. – С.28–35.

Аннотация

В статье рассматривается пореформенный этап развития предпринимательства на территории Казанской губернии, дается характеристика территориальной и отраслевой структуре распределения предпринимательского капитала края, анализируются количественные и качественные характеристики состава предпринимательского корпуса региона.

Ключевые слова: предпринимательство, капитализм, торговый капитал, кредитные учреждения, татарская буржуазия, ярмарка.

Summary

The article deals with the post-reform stage of the development of business in the territory of the Kazan Province, describes the territorial and sectoral structure of the distribution of the region's entrepreneurial capital and analyzes quantitative and qualitative characteristics of the structure of business corps in the region.

Key words: business, capitalism, trading capital, credit agencies, the Tatar bourgeoisie, trade-fair.

УДК 347.961

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСНОВ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРАВА
ПРОФЕССОРОМ КАЗАНСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА МИРЗОЙ АЛЕКСАНДРОМ КАЗЕМ-БЕКОВ
В ТРУДЕ «МЮХТЕСЕРЮЛЬ-ВИКГАЕТЬ
ИЛИ СОКРАЩЕННЫЙ КУРС ВИКГАЕТЬ;
КУРС МУСУЛЬМАНСКОГО ЗАКОНОВЕДЕНИЯ
ПО ШКОЛЕ ХАНЕФИДОВ» (1845 г.)

А.Г. Нуриев, кандидат юридических наук

Казанский университет в силу своей исторической миссии и географическому положению в императорской России занимал лидирующее положение в освещении и исследовании вопросов мусульманской культуры. Как отмечает А.Н. Кононов, представители казанской школы в своих работах рассматривали различные аспекты функционирования ислама, его место в жизни общества, различные идейно-богословские течения в мусульманской религии. Они впервые познакомили общественность России с основными положениями мусульманского вероучения, с религиозной ситуацией на мусульманском Востоке¹.

Изучение ислама и мусульманского Востока, с точки зрения научного подхода, во многом стало возможно благодаря трудам востоковедов, которые, затрагивая вопросы словесности, косвенно освещали и вопросы мусульманского права.

Глубокий, содержательный и одновременно объективный анализ основ мусульманского права был дан выдающимся ученым, ординарным профессором турецко-татарской словесности императорского Казанского университета Мирзой Александром Казем-Бек² в труде «Мюхтесерюль-викгаеть или сокращенный курс викгаеть; курс мусульманского законовещения по шко-

ле ханефидов», изданном в типографии Казанского университета в 1845 г.³.

Как отмечает профессор Казем-Бек, важность данного труда может быть понятна для всякого, в особенности ныне, когда в Европе начали исследовать мусульманскую юриспруденцию. В самом начале автор прямо оговаривает структуру научного труда следующим образом: 1) о ходе образования мусульманского законовещения и о настоящем положении этой науки; 2) о мусульманских «законоведцах» и о их правах; 3) об авторе Мюхтесера; 4) о самом сочинении и его достоинствах; 5) о цели его издания и о системе, принятой при ее издании.

Как отмечает автор в своем труде, мусульманские ученые все науки разделяют на три главных отделения: 1) арабская словесность; 2) науки веры и законов; 3) науки философские. Науки веры и законов в свою очередь подразделяются: 1) науки толкования Корана; 2) учение о преданиях; 3) наука практического богословия, т.е. законовещение; 4) учение схоластического богословия; 5) учение специальных законов о разделении имущества умершего; 6) ученые основы законовещения.

Научный труд «Мюхтесерюль-викгаеть или сокращенный курс викгаеть; курс мусульманского законовещения по школе ханефидов» посвящен исследо-

ванию законовещения. Аксиомы, выделенные автором: 1) мусульмане считают источником законовещения Бога, который для избранного им народа открыл путь к блаженству; 2) Коран и сунна как первостепенные источники ахкама (правил шариата), со времени их появления, составляют предмет учения: первый образовал науку – толкование Корана; второй – учение о преданиях; 3) все правила шариата относятся к деянию «мукеллефов» (человек, которому предлагается или на которого возлагается что-нибудь сделать, говоря современным языком дееспособный – прим. профессор Казем-Бек) или к их верованию. Первые составляют предмет практического богословия или чистого законовещения; последние образуют элементы схоластики; 4) раздел имени умершего составляет особую и специальную отрасль; 5) Коран и сунна – главные источники, из которых исчерпаны правила шариата.

Профессор Казем-Бек, освещая развитие мусульманского права в ретроспективе, отмечает, что «наука законовещения» в первый век ислама еще не имела никакой системы, однако уже в то время появляются отличные знатоки своего предмета, которые знали наизусть и толковали Коран, сунну. Они пользовались правом муджтахидов, т.е. правом безусловного авторитета, и решали дела по собственному разумению. Во втором столетии ислама (примечательный период просвещения Востока – прим. профессор Казем-Бек) началось составление систематических сочинений по части толкования Корана, сунны и законовещения основоположниками различных школ мусульманского права (маликиты, шафииты, ханбалиты, ханифиты и т.д.).

Как определяет автор, все имамы первооснователи обладали громадными запасами знаний в шариатских науках и не вступали в полемику друг с другом. Последователи различных правовых школ в случае необходимости могли руководствоваться правилами ближайших правовых школ. При этом

законовещение каждой школы обработано чрезвычайно хорошо благодаря усовершенствованию школы каждого имама его учениками и учениками его учеников⁴.

Таким образом, законопроизводство оставалось в руках одних законовещцев, которые решали дела, предлагаемые им мусульманами, и из которых халифы также избирали главных судей. Эти законовещцы получали свои знания от своих учителей, от которых они добивались благословения на будущую деятельность на поприще законовещения; они совершенно следовали мнениям своих наставников во всех отношениях до тех пор, пока сами не приобретали самостоятельности или авторитета. Эта самостоятельность именуется иджтихадом.

Автор приводит несколько аксиом, извлеченных из основ мусульманского законовещения: 1) все правила шариата относятся к мукеллефам; 2) всякий мукеллеф обязан знать эти правила, для того, чтобы руководствоваться ими в своей жизни; 3) исследование правил шариата есть предмет высшей степени значительный, успехи в этом деле могут быть только следствием особого дара Божия; 4) законовещцы, исследовавшие правила шариата в первом веке ислама, достигли этой степени избранничества; 5) всякий приверженец учения высшего исследователя обязан руководствоваться, в исполнении своих обязанностей, правилами, им установленными, вследствие своих глубоких разысканий; б) исследование законов дозволяется всем последователям, которые, однако, занимают различные степени: никто не может присвоить себе права действовать мимо главных законоучредителей, толковать начала шариата по своему мнению и выводить новые понятия, исключения допускаются в том случае, когда последователь своею строгою жизнью, своими познаниями достигнет степени иджтихада.

Далее профессор Казем-Бек переходит к анализу различных степеней иджтихада. Степень самостоятельнос-

ти и авторитета именуется иджтихадом (сильное старание, стремление). Иджтихад в мусульманской юриспруденции — достижение степени авторитета в исследовании элементов законов муджтахидами. Иджтихад имеет три главные степени: 1) самостоятельность в законоучреждении (авторитет совершенный); 2) самостоятельность в школе, или в системе законоучредителя (авторитет относительный); 3) самостоятельность в производстве решений при наличии пробела строго в рамках системы законоучредителя (авторитет специальный).

Характеризуя первую степень иджтихада, автор отмечает, что достижение степени совершенного иджтихада зависит от многих условий: 1) знание Корана во всех отношениях; основательное знание всех правил шариата, их соотношение между собой и их связи с правилами, изложенными в сунне Пророка; совершенное знание Корана наизусть; 2) совершенное знание всех преданий, или, по крайней мере, трех тысяч из них; глубокое знание их содержания; знание историй преданий, т.е. почему они были произнесены Пророком; как дошли до уст Пророка и через каких людей; знание их соотношения с правилами Корана; 3) строгая жизнь и благочестие; 4) совершенное знание всех наук шариата.

Кроме того, профессор Казем-Бек подмечает, что сверх вышесказанного требуется еще совершенное знание каждой из систем четырех имамов. Для исключения противоречий философы-юристы заложили следующие принципы: во-первых, доходя до первой степени иджтихада, муджтахид должен сбросить с себя личину таклида (подражания), т.е. обязанности последователя, и совершать свои обязанности, сообразуясь с законами и собственным разумением; во-вторых, улемы должны удостовериться, исполнены ли помогающим степени иджтихада все условия, необходимые для достижения цели, т.е. необходимость общественного признания новой школы.

Право первостепенного муджтахиды состояло в том, что он в исследовании элементов закона считал себя между шариатом и своими последователями посредником, который для их руководства учредил систему законопроизводства и никто не имел права сделать ему возражение в основах законоведения. Так, если последователи считали, что имеется противоречие между решением Корана или сунны и решением имама, то следовало руководствоваться решением имама, так как он имел право понимать правила поведения, изложенные в Коране и сунне, лучше остальных.

Вторая степень иджтихада признана за теми учениками шести имамов, которые своими многолетними трудами обработали системы своих наставников-имамов. В силу того, что большинство трудов имамов было изложено устно (особенно школа ханифитов), ученики излагали их письменно и для дальнейшего руководства обрабатывали их. Ученики во многих ветвях и отраслях закона соглашались с мнением своих учителей, а иногда, если не соглашались, то действовали по собственному разумению. Чтобы пояснить это, автор обращается к элементам законоведения.

Самым первым и важным элементом юриспруденции является Коран, ниспосланный Богом предвечным законодателем. Вторым элементом является собрание преданий — сунна. Оба этих элемента образовали юриспруденцию самого первого века ислама. По прошествии времени и с появлением новых затруднительных случаев, ответы на которых нельзя было найти в Коране и сунне, муджтахиды, руководствуясь правом представленной несколькими статьями сунны, проводили свои соборы (иджма), где решали такие затруднительные вопросы, и решения таких соборов в последующих веках ислама сделались третьим элементом юриспруденции. В то же время некоторые муджтахиды, основываясь на известных местах Корана (16-я сура, стих 91), отмечали, что всякое дело, относящееся

к людям и их деяниям, должно найти место в Коране. Следовательно, они думали, что если нет прямого ответа в Коране или сунне относительно деяний людских, то, по крайней мере, можно найти что-то подобное, столь же явное. Исходя из этого принципа муджтахиды в первых веках ислама установили четвертый, дополнительный элемент юриспруденции – кийас – сравнение или сравнительное приложение. Это называется наличием сходных случаев или следование примеру.

У муджтахидов встречаются противоречия и в исследовании 4-х элементов юриспруденции, в особенности сунны и кийаса. Эти разногласия в основах закона, который составляет право муджтахидов первого разряда, однако разногласия в ветвях и отраслях юриспруденции относятся уже к результатам наследований муджтахидов первого разряда. Это не что иное, как различные мнения первых последователей одной и той же школы, которые признали совершенным авторитетом основателя школы, его исследования элементов юриспруденции, обрабатывали его учения, но иногда не соглашались с ним в некоторых обстоятельствах, выведенных из его же исследований. В подобных обстоятельствах, которые считаются ветвями и отраслями юриспруденции, могли противоречить муджтахидам первого разряда только муджтахиды второго достоинства.

Вторая степень иджтихада представлялась только лучшим из сподвижников и ученикам шести муджтахидов, тем, которые обработали школы своих имамов и многолетними трудами своими оказали важные услуги. В ветвях юриспруденции они считаются также несомненными авторитетами, так, кади (судья) в законопроизводстве имеет право держаться их мнения, хотя бы оно было противно мнению самого основателя школы. Это противоречие может быть только в отраслях юриспруденции.

Самостоятельность в законоведении или авторитет в собственных решениях

составляет третью степень иджтихада. Домогающиеся этой степени должны приобрести совершенное знание юриспруденции по всем школам и во всех отраслях этой науки. Они должны быть готовы к немедленному решению всякого вопроса из закона, указывая на главные аргументы, на которых основывали свои решения и выводы различные мнения муджтахидов первого и второго разрядов, относительно этого вопроса.

Права муджтахидов третьей степени иджтихада заключались в следующем: хотя они не могли противоречить учредителям школ ни в основах, ни в ветвях юриспруденции, но им было предоставлено право решать, по собственным своим исследованиям, такие вопросы, которые не были еще решены законоучредителями или их учениками; однако их решение непременно должно быть основано на положениях, служивших руководством первым законоучредителям в их исследованиях главных элементов юриспруденции, т.е. на правилах, по которым каждый из них основывал свою систему. Поэтому это отделение авторитетов называется муджтахидами в нерешенных вопросах.

Из анализа предыдущих степеней иджтихада, отмечает автор, можно сделать вывод, что мусульмане, не имеющие никакой степени иджтихада, должны занять место на поприще строго исламизма. Было отмечено, что каждый мюкеллаф обязан знать правила шариата, или по собственным исследованиям, или по учениям других исследователей, и всякий последователь учения высшего исследователя именуется мюккелидом – подражателем, последователем, от слова «таклид» – подражание, последование. В классах таклида рассматривается два главных сословия, а именно: избранные, просвещенные, и чернь.

Исследование закона или созерцание юриспруденции дозволяется мюккелидам; иначе не было бы середины между муджтахидами и чернью. Поэтому исследователи юриспруденции, не

достигшие высших степеней авторитета, разделяются на три главные степени авторитета и на три главных сословия законовещения: 1) сословие, выводящее ясные приговоры из решений темноизложенных или двусмысленных; 2) сословие предпочитающих из одинаковых решений одни другими; 3) сословие мюккелидов, могущих различать сильнейшие доводы от сильных и сильные от слабых и проч.

А) Первое сословие занимает первое место в кругу избранных мюккелидов. Будучи признаны своими современниками первостепенными законовещателями, знающими законы своей школы в надлежащем совершенстве, они позволяли наследовать устав законоучредителя, труды муджтахидов второго и третьего разряда и изъяснять темноизложенные приговоры — двусмысленные места в законе, и выводить из них, по собственному разумению, не отходя от системы, принятой законоучредителями и обработанной его учениками — муджтахидами, — ясные и несомненные приговоры.

Б) Сословие предпочитателей составляет второстепенный авторитет в кругу избранных. Они, руководствуясь уложениями муджтахидов и ученых первого сословия (А), писали руководительные книги, с той целью, чтобы указать, при пояснениях, на сильнейшие и удобнейшие и лучшие решения, относительно спорных пунктов в законе.

В) Сословие мюккелидов занимает третье место. Они исследовали, только по части юриспруденции, руководительные книги, оставленные первыми сословиями избранных, из них составляли третьеклассные сочинения, где излагали вкратце, иногда с объяснениями, по избранному ими плану, содержания этих книг, не прибавляя ничего своего, а ссылаясь на мнения первых двух сословий, откуда по возможности

избирали решения лучшие, удобные и предпочтительные.

Анализируя все вышеизложенное, профессор Казем-Бек мусульманских законовещателей разделяет на шесть классов: 1) муджтахиды первого разряда; 2) муджтахиды второго разряда; 3) муджтахиды третьего разряда; 4) сословие тахриджа; 5) сословие тарджиха; 6) сословие мюккелидов.

Судьи назначались на должность из числа всех шести классов. Судьи первых пяти классов разрешали дела на основе иджтихада, или иджтихадом при таклиде, или таклидом при тахридже и тарджихе. Судьи же последнего класса решали дела одним только таклидом по правилам, установленным законами, и руководству, оставленному им законовещателями.

Содержание работы «Мюхтесрюль-викгаеть или сокращенный курс викгаеть; курс мусульманского законовещения по школе ханефидов» направлено на объективное изложение начал мусульманского права, без стереотипности в рассуждениях относительно замкнутости и невозможности к дальнейшему развитию мусульманского права.

К сожалению, в советский период развития российского общества, определявший религию как «опиум для народа», юридическая наука обходила стороной вопросы мусульманского права. Однако интерес российского общества и государства к странам мусульманского мира не утрачен, о чем свидетельствует подписанный 21 декабря 2009 г. в Каире меморандум между Российской Федерацией и Лигой арабских государств об учреждении Российско-арабского форума сотрудничества. Соответственно вызовам современности и потребностям современного общества в исследовании мусульманского права должна отвечать российская юридическая наука, опирающаяся на вековые традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кононов А.Н. Некоторые вопросы изучения истории отечественного востоковедения / А.Н. Кононов. – М., 1960. – С. 3.

² Один из основоположников российского востоковедения. 31 октября 1826 г. назначен в Казанский университет на должность лектора (старшего преподавателя) арабского и персидского языков. В 1828 г. в Казанском университете была учреждена (преобразована из лектуры) кафедра турецко-татарского языка, которую возглавил Казем-Бек. В 1836 г. был произведен в экстраординарные профессора Казанского университета, в 1837 г. избран ординарным профессором по кафедре турецко-татарского языка. 31 октября 1845 г. М. Казем-Бек был избран деканом первого отделения философского факультета Казанского университета. 26 августа 1848 г. переведен в Санкт-Петербургский университет, на освободившееся место заведующего кафедрой персидской словесности. В дальнейшем, первый декан факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета (ныне Восточный факультет СПбГУ) / [Электронный ресурс] // Сайт Википедия – свободная энциклопедия – http://ru.wikipedia.org/wiki#cite_note-0 Режим доступа: свободный. Проверено: 06.03.2011 г.

³ См.: Мирза Александр Казем-Бек «Мюхтесерюль-викгаеть или сокращенный курс викгаеть; курс мусульманского законоведения по школе ханефидов» / Мирза Александр Казем-Бек. – Казань: Типография Казанского императорского университета, 1845. – 92 с.

⁴ Очень важное положение сделал профессор Казем-Бек: все предписания фикха можно разделить на духовно-обрядные и гражданские или политические. В состав первых входят все правила, относящиеся к наружным формам религии. В состав второй – все правила, отнесенные к гражданскому быту.

Источники

1. Сайт Википедия – свободная энциклопедия – http://ru.wikipedia.org/wiki#cite_note-0 Режим доступа: свободный. Проверено: 06.03.2011 г.

Литература

1. *Мирза Александр Казем-Бек.* «Мюхтесерюль-викгаеть или сокращенный курс викгаеть; курс мусульманского законоведения по школе ханефидов» / Мирза Александр Казем-Бек. – Казань: Типография Казанского императорского университета, 1845. – 92 с.

Аннотация

В представленной работе раскрываются основные положения и выводы, сделанные учеными Казанского университета в исследовании отдельных институтов мусульманского права. Анализ охватывает собой труды профессора Мирзы Александра Казем-Бека «Мюхтесерюль-викгаеть или сокращенный курс викгаеть; курс мусульманского законоведения по школе ханефидов» (1845 г.).

Ключевые слова: мусульманское право, Казанский университет, иджтихад, фикх, правовые школы, страны мусульманского мира.

Summary

This article deals with the main points and conclusions made by the scientists of Kazan University in the study of certain institutions of Islamic law. The research includes the analysis of Professor Mirza Alexander Kazem-Bek's work «Myuhteseryul-vikgaet or reduced course vikgaet; the course of Muslim law studies in hanefids school» (1845)

Key words: Islamic law, Kazan University, ijthad, fiqh, law schools, the Muslim world.

УДК 21.009:008

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО РЕЛИГИОЗНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ У ТАТАР

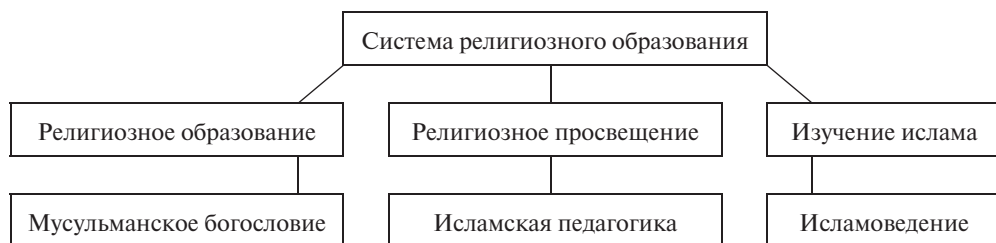
Р.Р. Сафиуллина-Аль Анси, кандидат исторических наук

Если до начала XX века религиозное образование у татар способствовало сохранению этнической идентичности, то в советский период эта роль была перенесена на узкую обрядовую сферу религиозной жизни татар-мусульман и в определенной степени на национальное образование, или образование на родном языке. После крупных трансформационных процессов в социально-экономической и общественно-политической жизни бывшего СССР, нового витка процесса переоценки старых позиций консолидации и поляризации как мусульманской уммы, так и татарского сообщества в свете последних тенденций национальной политики в сфере образования в федеральном масштабе мы являемся свидетелями актуализации вопросов религиозного просвещения и образования. Наряду с повышением национального и религиозного самосознания наблюдается политизация религиозного фактора. И мы видим, что многие задачи и инструментарий (целеполагающие и методологические вопросы) национального образования вновь переходят к сфере религиозного образования.

Образование представляет собой передачу системных знаний о последо-

вательной смене способов добывания знаний и ценностных ориентаций. Любое образование подразумевает организацию, или систему, которая имеет структуру – некую внутреннюю среду, состоящую из контекстных подсистем, каждая из которых в свою очередь обладает набором характеристик, отражающих особенности содержания деятельности организации, и структурных характеристик. Система религиозного просвещения и образования (а именно на такой неразрывной связке образования и просвещения мы настаиваем, хотя на практике наблюдаем разделенность этих компонентов и отсутствие взаимосвязи между ними) структурно нами видится следующим образом (см. схему).

Существующее религиозное образование построено на догмах (утверждениях, которые представляются основополагающими, неизменными и необсуждаемыми), что особенно проявляется в изложении основ вероучения. Это связано с тем, что, как и для всех авраамических религий небесного откровения, для ислама в его ортодоксальной форме наряду с иудаизмом и христианством, в основе которых лежат

Священные писания (Танах, Ветхий и Новый Завет, Коран), характерна высокая степень догматизации учения и социальной организации. Они хотя и базируются на личном религиозном опыте основателей, но не считают его воспроизведение единственным и важнейшим путем к спасению. Тот личный религиозный опыт, который послужил для них фундаментом, остается исключительной прерогативой их основателей (пророков), психотехнический, трансперсональный опыт которых обычно рассматривается как харизма. Эти религии не ориентированы на развитие психотехники и воспроизведение личных религиозных переживаний — это удел особых сообществ или личностей (монашеств, мистических братств и орденов, отшельников и т.д.)¹. Наблюдаемая в последнее время тенденция укрепления позиций суфизма в Татарстане не является панацеей преодоления догматизации. Напротив, столкновение идеологий суфизма и салафизма чревато опасными последствиями, как это имело место на Северном Кавказе.

В связи с этим изучение религиозного педагогического и богословского наследия татар с последующей опорой на этот опыт при выстраивании современного состояния приобретает особую актуальность. Мусульманское богословское, духовное наследие татар представляет собой уникальную ценность как для всего мусульманского мира, так и для всего многонационального народа Российской Федерации, так как оно является неотъемлемой частью мирового культурного наследия и духовного потенциала. В свое время ряд идей татарских мусульманских интеллектуалов начала XX века, не имея возможности найти свое воплощение в условиях России, оказался востребованным в других частях мусульманского мира². Этот опыт чрезвычайно важен для успешного решения стоящих перед нацией задач культурного строительства, равно как и для обеспечения в стране развития конструктивного межконфессионального диалога и со-

трудничества, особенно в условиях, когда мусульманам России предлагаются, а иногда и навязываются извне иные модели культурного и социального строительства, часто являющиеся продуктом существования мусульман в монорелигиозных государственных образованиях, совсем не подходящие для ситуации в России. Иногда эти модели ориентированы на противопоставление исламской идеологии и мусульманского уклада жизни, с одной стороны, и достижений прогресса и цивилизации — с другой, что может крайне отрицательно сказаться на судьбе новых поколений мусульман и объективно подрывает основание для диалога и сотрудничества между представителями различных религий.

История изучения и преподавания дисциплин, объектом которых выступает мусульманская религия, свидетельствует о том, что данная сфера развивается, как правило, в пределах трех методологических позиций. Либо изнутри, когда ислам исследуют и религии обучают сами приверженцы данной конфессии (из местных авторов это — Х. Фаизханов, Ш. Марджани, М. Рамзи, М. Бигиев, Дж. Валиди, И. Гаспралы, Р. Фахретдин, К. Насыри, З. Камали, Г. Буби, Г. Баязитов, Г. Губайдуллин, Г. Баруди, Ю. Акчурра, С. Максуди, А. Максуди, Х. Забири, З. Кадири, Р. Атнабаев, С. Бикбулатов, Х. Атласи и др. в прошлом, и Г. Исхаков, Р. Мухаметшин, Р. Батров, М. Муртазин, Р. Гайнетдин, Д. Мухетдинов, А.-Х. Абдуллаев, И. Бердиев, Ш. Пшихачев, Т. Таджуддин и др. в наши дни). При господстве этой позиции главной задачей изучения является распространение и упрочение позиций ислама, чем и обусловлена характерная ей апологетика.

Противоположностью этого подхода является, когда с позиции априорной критики преследуется задача подавления ислама как религии и пропаганды иных конфессий или идеологий, и в этом случае так называемые научные разработки представляют собой со-

ставную часть либо миссионерского (Н.И. Ашмарин, П.В. Знаменский, Н.И. Ильминский, Я.Д. Коблов, Е.А. Малов, М.А. Машанов, А.В. Можаровский, Н.П. Остроумов, Н.А. Фирсов и др.), либо атеистического востоковедения (Г. Ибрагимов, З. Музаффаров, Б. Ишемгулов, А. Аршаруни, Х. Габидуллин, Л.Климович).

Когда же ислам становится объектом исследования как феномен культуры и его изучение вписывается в рамки академического востоковедения, целью исследования становятся знания как фундаментального, так и прикладного характера, используемые, в частности, для облегчения межкультурного диалога и развития межэтнических контактов и связей (К.Ф. Фасеев, Р.И. Нафигов, Я.Г.Абдуллин, Р.М. Амирханов, М.И. Махмудов, Г.Р. Балтанова, Ф.Г. Ислаев, Д.М. Исхаков, Р.Ф. Мухаметдинов, Р.А. Набиев, А.И. Ногманов, Л.В. Сагитова, Ф.М. Султанов, А.Н. Юзеев, Р.Н. Валеев, В.О. Бобровников, С.А.Мельков, М.М.Омарова, О.Г.Шапиева, А.А.Ярлыкапов, А.Мец, А.Мюллер, В.В.Бартольд, А.Е. Бертельса, Ф.Роузентал, А. Беннигсен, Ш. Кельеже, Ф. Жоржон, Т. Заркон, С. Дюдуаньон, Э. Лаззерины, М. Кемпер, А. Рорлих, Я. Рои и др.).

В настоящее время есть попытки формирования принципиально новой модели изучения ислама в системе университетского образования, существенным образом отличающейся как от классического научного исламоведения, так и от традиционной исламской системы трансляции знаний. В настоящее время в Волго-Уральском регионе изучение и преподавание ислама осуществляются с различных идеологических позиций: происходит возрождение собственно конфессионального мусульманского образования, восстанавливаются традиции отечественного классического востоковедения и вновь заговорило о себе миссионерское направление в изучении ислама с позиций православия. Между тем необходимо отметить и совершенно новую тенденцию в россий-

ском образовательном пространстве. Современные властные структуры непосредственно осуществляют финансирование исламской образовательной сферы, что, очевидно, продиктовано назревшей необходимостью установления государственного контроля над исламскими религиозными институтами.

Это новшество широко обсуждается в самом мусульманском сообществе. Мнения при этом высказываются самые разные. Одни полагают, что исламская система образования в России изначально формировалась как независимая от властей, и именно благодаря этому она на протяжении столетий способствовала сохранению этнической и религиозной идентичности мусульман. Поэтому вмешательство российских властей в эту сферу они воспринимают с осторожностью. Другие считают, что российские власти чутко улавливают конъюнктуру, учитывая нарастание процесса исламизации в международном масштабе, и проявляют дальновидность, делая ставку на подготовку собственных специалистов, способных отстаивать государственные интересы и достойно представлять Россию в мусульманском мире³.

При этом и сами мусульмане, как свидетельствует наблюдаемая практика, проявляют неимоверный прагматизм и предприимчивость в процессе осваивания финансовых средств, выдвигаемых федеральным центром или местными структурами, а также различными фондами, частными меценатами и спонсорами и пожертвователями на нужды религиозного образования.

В связи с наблюдаемым в постсоветский период возрождением религиозного образования появился ряд работ, посвященных анализу процесса формирования профессионального знания об исламе как светского, так и религиозного, в современных постсоветских обществах.

Для большинства исследований, относящихся к одному из вышеназванных подходов, характерны свои недостатки: специфические для определенного

подхода, характерные для определенного временного периода и недостатки общего характера. Некоторые самые характерные и типичные из них – это:

- чрезмерная апологетика, либо априорная критика,

- отсутствие сопоставительного анализа с другими конфессиями и другими регионами исламского мира,

- преобладание репрезентативного характера освещения аспектов истории и современности,

- спекуляция идеями взаимодействия культур, интернационализма, толерантности и пр.,

- вынужденная спекуляция темой ваххабитской и салафитской угрозы, и самое главное:

- ограничение понятия «религиозное образование» только профессиональными исламскими религиозными учебными заведениями, и в результате – отсутствие равного внимания ко всем уровням и составляющим религиозного образования, и особенно к самому важному, основополагающему начальному звену на уровне курсов при мечетях, мусульманских центрах и пр.

При рассмотрении широкого круга тем, касающихся специфики аккумуляции и передачи знаний об исламе в нашем регионе, можно сформулировать ряд узловых вопросов, актуальных как для постперестроечной России, так и для мусульманского сообщества в целом.

Каковы механизмы, с помощью которых светские и религиозные ученые транслируют свои представления об исламе как об идеологической системе и как о значимом факторе в жизни российского общества и, если взять шире, «евразийских» обществ? В какой степени и как именно динамичные процессы, происходящие в этих обществах (как в преимущественно мусульманских, так и в тех, где мусульмане составляют влиятельное меньшинство), воздействуют на академический и экспертный дискурс, и какое отражение это находит в университетских образовательных моделях? Какого рода знание об исламе

является востребованным на постсоветском пространстве, и каким конкретным задачам оно отвечает? Каким требованиям должна соответствовать квалификация его носителей – дипломированных специалистов, и как они реагируют на вызовы современности?

Исследовательская рефлексия по отношению к перечисленным (и им подобным) вопросам, с одной стороны, позволяет конкретизировать проблемное поле дальнейших исследований такого рода. С другой стороны, она дает возможность вычлнить основные векторы развития современных исламоведческих штудий в российских условиях и очертить контуры формирующейся многоуровневой системы обучения исламу, отличительной чертой которой является масштабное задействование опыта научного исламоведения в процессе возрождения (а скорее нового обретения) собственно исламского религиозного образования⁴. Для выстраивания, отлаживания и использования целостной, эффективной и долговременной системы исламского образования может оказаться нелишним всесторонний интеллектуальный штурм данной проблемы.

Если рассматривать религиозное образование как динамическую систему со своими законами роста, развития и самоорганизации, исходной позицией для всех исследований в этой области является подход к рассматриваемому объекту, именно как к системе, и адекватное описание ее состояния и развития на разных уровнях, возникающих в результате сложного взаимодействия частей. При этом особое внимание фокусируется на тех ситуациях, в которых поведение системы качественно изменяется при изменении условий среды. Система начинает создавать специфические структуры, то есть вступает в процесс неравновесного упорядочения – процесс самоорганизации. В этой связи концепция самоорганизации видится одним из перспективных путей осмысления процессов, протекающих как в обществе в переломные моменты

его развития, так и в системе образования, и религиозного образования, в частности. Она позволит выявить максимальное число релевантных факторов (группа управляемых и неуправляемых характеристик, которые могут повлиять на прогноз) как внутренних, так и внешних, оказывающих влияние на всю систему целиком, на ее компоненты, на взаимоотношение между ними, и между системой и средой.

Компоненты системы исламского образования в плане выявления ее возможных пользователей, ее качественных параметров, содержания, программного обеспечения и организации иллюстрируют системный характер самого этого понятия, его комплексный многоуровневый состав, который включает в себя множество элементов, а каждый такой элемент тесно взаимодействует со множеством других. При этом вся система в целом также вынуждена взаимодействовать с определенной исторически сложившейся культурно-религиозной средой, в рамках которой она обречена функционировать.

На сегодняшний день имеют место разработанные действенные методологии создания и эффективного развития института местных религиозных организаций мусульман и религиозного образования на местах. Есть регионы, где выработанные методы успешно проверены на практике⁵.

После центробежных тенденций начала и середины девяностых, раздробивших российскую умму на множество Духовных Управлений мусульман со своими собственными учебными заведениями, теперь уже чаще стали звучать мнения о воссоздании целостной системы образования, которая представляла бы собой полноценную структуру, в которую органично вплетаются все виды обучения: начальные и воскресные школы, средние и средние профессиональные медресе и учреждения высшего профессионального образования вплоть до магистратуры и аспирантуры, а также научно-исследовательские подразделения.

По мнению ряда религиозных деятелей, в последние годы активно участвующих в создании системы религиозного мусульманского образования, создание единого учебного пространства должно идти в двух направлениях: выработке единых учебных программ и пособий, с одной стороны, и выстраивании в единую сеть разрозненных ныне учебных заведений, с другой. Последние должны представлять собой трехступенчатую систему. Первый уровень — это мектебы, воскресные школы при мечетях, где за 2 года обучения прихожане изучают основы ислама. Второй уровень — это медресе, в котором за 2–3 года готовятся имамы низшего уровня и преподаватели мектебов. И, наконец, третий уровень — высшие учебные заведения, подготавливающие богословов и имам-хатыбов высшего уровня⁶. «Единая система мусульманского образования должна быть такой, — отмечает А.Садриев, — чтобы мусульманин, начав образование у себя дома, смог бы беспрепятственно завершить его в любом другом городе России»⁷. При этом образовательные уровни многоступенчатой системы исламского образования, обеспечивающей поэтапное получение образования от начального до послевузовского, должны быть тесно взаимосвязаны, а само исламское образовательное поле должно быть единым.

Дамир-хазрат Мухетдинов предлагал завершить ее логически и осуществить не только вертикальную градацию, но и распределить по регионам специализацию учебных заведений второго уровня, разбив их на те, которые готовят имамов, преподавателей, куран-хафизов и т.д., а вместо множества исламских вузов сосредоточить силы на нескольких центрах, оставив, например, в Казани общероссийский университет и создав, например, в Москве — общероссийскую аспирантуру.

В Уфе ведутся разговоры о строительстве Академии исламских наук в Уфе под эгидой Центрального духовного управления мусульман и последующем переходе к трехзвенной системе

образования: медресе — исламский университет — исламская академия⁸.

К сожалению, на сегодняшний день не выработано четкой концепции мусульманского образования, с которой были бы согласны все участники исламского образовательного процесса в России. Нет единого координационного центра или единого департамента образования с конкретными полномочиями и финансированием, который бы смог выработать единую концепцию и программу, организовал бы написание единых учебных пособий, вел бы работу с регионами.

Бурный прирост мусульманской уммы на сегодняшний день не обеспечен полноценными неискаженными, непротиворечивыми источниками знаний об исламе. Существующие религиозные учебные заведения, занятия при мечетях не в состоянии обеспечить информационное поле и не в состоянии восполнить этот недостаток знаний для населения.

В настоящий момент в России наряду с отсутствием сформированной системы мусульманского религиозного образования нет ее выработанной целостной концепции, нет постоянно воспроизводимой, структурированной исламской картины мира. И это, кстати, характерно не только для России, но и для многих, практически большинства, мусульманских стран. Как свидетельствует практика, пока религиозное образование в России развивается на стыке двух векторов развития исламского сообщества: агрессивно-политического возрождения и культурно-просветительского реформаторства на фоне пассивного бездействия традиционалистов, до последнего времени представлявших большинство мусульманского духовенства.

В идеологических столкновениях между радикальной частью сторонников салафитской и ваххабитской идеологии и сторонниками традиционных представлений последние зачастую терпят поражение. Первые при отстаивании своей позиции опираются на четко

выстроенную систему аргументации и при этом не считают зазорным использовать фальсифицированные аргументы в виде хадисов со слабым иснадом (цепочкой передатчиков), вырванные из контекста аяты Корана или применение метода «насих-мансух» (отмененный-отменяющий) относительно аятов Корана и хадисов и пр. Другая сторона вместо призыва к познанию, опираясь на аргументы и доводы, апеллирует к ценности традиции, необходимости следовать по пути предков, что зачастую не всегда находит отклик у молодежи, и существует реальная проблема непонимания мусульманской молодежью ценностей курса на ханафитизацию. Звучащие на различных форумах и встречах с высоких трибун заявления религиозных лидеров о важности и безальтернативности для татарской нации ханафитского мазхаба молодежь зачастую воспринимает по меньшей мере с недоумением, а в некоторых случаях в штыки. Многим ханафитская апологетика видится в свете очередных происков спецслужб, которые хотят рассорить мусульман между собой.

Исключительная важность возрождения традиционных для России мазхабов несомненна. Но многие деятели от ислама ошибочно полагают, что для этого возрождения достаточно переориентировать муфтиев и имамов на ханафизм и издать побольше литературы. Между тем основное поле работы — молодежь, которую в отличие от сотрудников духовных управлений нужно аргументированно убеждать, снабжать знаниями, создавать ей условия для овладения мусульманской научной культурой и научной методологией, а не переманивать с одного идеологического курса на другой новыми, более выгодными кормушками⁹.

При всей видимой убедительности их позиций зачастую сторонники салафизма также располагают знаниями поверхностного характера. Если их оппонент при споре использует их же методику ведения дискуссии, привлекая стройную систему аргументации, как

правило, спорщик очень быстро оканчивается в тупике и ретируется, или начинает проявлять капризный фанатизм и слепое пристрастие, делать открытые популистские заявления, чтобы не потерять свой престиж среди сторонников.

Мусульманское духовенство чрезвычайно медленно осваивает ту историческую миссию, которая на него возложена на этом этапе религиозного обновления. Его абстрактно-упрощенные представления об исламе еще больше усугубляются полным невежеством в области истории ислама в России и среди татар. Оно еще не готово к тому, чтобы прогнозировать и выстраивать свою деятельность в русле формирования целостной религиозной идентичности, а всего лишь озабочено распространением общих религиозных знаний об исламе в целом. Эти представления еще не выстроены в целостную систему. Духовенство еще не готово из этой массы беспорядочных представлений об исламе вычленить главное и выстроить генеральную линию действий¹⁰.

Подтверждением этого могут служить результаты опроса, проводимого нами среди религиозных деятелей, получающих образование в Российском исламском университете на заочной форме обучения.

Больше всего нас удивило то, что из 200 человек, которым было предложено участвовать в опросе, меньше 8% предоставили свои ответы на вопросы анкеты.

На вопрос «С какой целью Вы решили получить религиозное образование?» самыми распространенными являются ответы: «ради Всевышнего Аллаха», «ради довольства Аллаха», «по воле Аллаха», «быть еще ближе к Аллаху», «для благосостояния в вечности», «очищения и успокоения души». На втором месте по частоте находятся ответы: «углубленное изучение Корана и понимание при чтении», «более детально знать свою религию», «хочу знать ислам в совершенстве», «с целью улучшенного изучения ислама», «повышать уровень обра-

зования», «для собственного развития», «довести эти знания до родственников и близких». Встречаются и ответы: «совершенствуюсь духовно», «поднимаюсь по духовной ступени», «исцеляю людей», «ислам — это моя жизнь, мне пришло просветление, я познала Аллаха и свое эго».

На вопрос, какого рода знаний об исламе, на их взгляд, им недостает, анкетированные ответили: «вероубеждения», «шариат», «фикх», «толкование сур Корана», «таухид», «суфизм», «знание арабского и татарского языков», «хадисоведение», «все то, что изучается в РИУ», «качественное преподавание методики». Некоторые оставили этот вопрос без ответа.

Вопрос «Как Вы расцениваете тему угрозы крайних экстремистских течений ислама в современном обществе» половина анкетированных оставила без ответа. Из ответивших 6 человек признали это реальной проблемой. Пути решения предлагались следующие: «знания и еще раз знания по исламским наукам», «религиозная грамотность, просвещение», «больше простого, правильного разъяснения средств массовой информации», «закрыть дорогу влиянию ваххабитов», «вести антиваххабитское воспитание населения через СМИ и через проповеди имамов». Среди ответов было и предложение «совершенствовать законы, по которым можно было бы отправить «их» в места отдаленные надолго, чтобы было у них время для размышления». Надуманной эту проблему никто не считает. Но были и мнения, что «никакой угрозы нет, это исламофобия, цель — уничтожение мусульман, компрометировать веру в Аллаха», «надо работать с приходом, а не бороться с вышеназванными», «у всех мусульман единый Аллах, Коран и сунна». Один анкетированный выбрал вариант ответа «не считаю необходимым затрагивать эту тему», так как указал, что конкретно ничего не знает об этом.

На вопрос «На Ваш взгляд, обладаете ли Вы аргументацией для противостояния воззрениям и доводам апологетов

крайних течений ислама?» большинство осталось без ответа. Среди полученных ответов были как утвердительные, так и отрицательные, а также их варианты: «да, и ответ — их нет в Коране и сунне», «выпускать грамотных имамов, знающих Коран и сунну, тогда не будет проблем в нашем регионе мазхаба Абу Ханифы», «не уверен», и один ответ был «суфизм».

На вопрос «С какими сложностями Вы сталкиваетесь в процессе обучения?» пожилые в основном жаловались на плохую память, также отмечались проблемы, связанные с арабским языком: «слабое знание арабского языка», «проблемы с арабским, желательно, чтобы были консультации», «хорошо бы на аятах Корана учить арабский язык», также отмечалась нехватка времени. Среди предложений по совершенствованию учебного процесса были следующие: «для облегчения усвоения основных предметов необходимо выбрать качественные учебники (они должны быть написаны кратко, ясно и раскрывать изучаемые вопросы), не более трех», «необходимо отходить от метода заваливания студентов литературой (основной и дополнительной)», «при сдаче экзаменов желательно отменить занятия, чтобы подготовиться к экзаменам, хотя бы один-два дня, в зависимости от сложности предмета», «желательно присутствие преподавателей более зрелого возраста с опытом жизни и знаний», «необходимо обратить внимание на изучение арабского языка, разделить на группы по уровню знаний арабского языка, давать перевод на русском языке методички по арабскому языку».

На вопрос «Как Вы намерены воспользоваться полученными знаниями? Как, на Ваш взгляд, они помогут Вам в дальнейшем в жизни?» большинство опрошиваемых ответили (первыми расположены чаще упоминаемые ответы): «довольство Аллаха», «укрепят в вере», «в преподавании», «способствуют ценностному пониманию ислама». Были и такие ответы: «довольство Аллаха реально без знания шарията».

На вопрос «С какими проблемами Вы сталкиваетесь в Вашей профессиональной деятельности?» ответы были: «нет единства между работниками в сфере духовного служения (фитна, судебные разборки)», «финансовые проблемы, недостаточное обеспечение литературой, техникой, наглядными материалами».

На вопрос «Как Вы оцениваете отношение к Вам и Вашей деятельности людей, не практикующих ислам?» ответы были разнообразные: «вполне адекватное», «нейтральное», «лояльное отношение», «какой привет, такой ответ», «по-разному, бывает и нехорошо», «нужно самому быть терпеливым и доброжелательно относиться к окружающим, ответят тем же», «нет никаких проблем, если старательно работать, а у ленивого много отговорок и виновных», «обращаются в основном по исламу, интересуются многими вопросами, моими ответами, люди в основном удовлетворены», «главное, чтобы ты и твои дела не отталкивали людей от религии», «недоброжелательное отношение людей к мусульманам и исламу — свидетельство сатанических действий средств массовой информации».

На вопрос «Чего, в большей степени, ожидают верующие от мусульманского священнослужителя?» ответы были: «грамотного ответа на задаваемые вопросы», «подобающего поведения», «искренности, порядочности, высоких нравственных качеств», «духовной поддержки».

Нынешнее мусульманское сообщество все еще испытывает дефицит религиозных деятелей и преподавателей, способных снабдить верующих и молодежь на начальном этапе базовыми знаниями по исламу, целостным пониманием религии и навыками четкой аргументации своей позиции с опорой на основные источники ислама. Под базовыми знаниями подразумевается: знание Корана (цитирование аятов с разъяснением смысла); корановедение (владение информацией об общих и специальных, украшающих и ясных,

отменяющих и отмененных аятах, причинах ниспослания); хадисоведение (терминология, слабые и достоверные хадисы, слабые и сильные стороны передатчиков); арабский язык (синтаксис, морфология, риторика); фикх и методология фикха с осведомленностью по позициям иджма и кыяс; знание сиры (жизнеописания пророка) и истории пророков.

В силу ряда причин и, в частности, идеологических ограничений большой массив данных и материалов по истории религиозного образования татар до настоящего времени оставался неопианным и недоступным для преподавателей и исследователей. Кроме причин идеологического характера, имеет место и такая специфическая причина, как некая сакрализация тематики, связанной со священной сферой знаний, такой тонкой областью, как религия. Также религиозное образование требует обращения к специфическим источникам и понятиям. Подразумевается обращение к первоисточникам и архивным материалам, переработка большого количества рукописной и печатной продукции на арабском языке и на арабской графике, тесное знакомство с татарской культурной и религиозной средой прошлого. Кроме знаний по истории ислама и религиозных учений, необходимо располагать и всем комплексом богословских дисциплин, что, наряду со светским, гуманитарным образованием, предполагает наличие и религиозного образования.

По роду своей деятельности в течение последних 15 лет нам приходилось тесно работать со старопечатными арабографичными изданиями местных книгохранилищ. Материал религиозного содержания, представленный в арабоязычных и арабографичных изданиях татар начала XX века, служит отражением содержания системы религиозного образования российских мусульман в прошлом. В этом репертуаре нас в первую очередь интересует религиозно-богословская составляющая мусульманской книжной традиции, а именно

соотношение сочинений ханафитско-матуридитской традиции относительно других религиозно-правовых течений и направлений, а также соотношение сочинений традиционно-догматической и рационалистической школ.

На настоящий момент изучена литература по теме на русском и татарском языках; проанализированы программы дореволюционных конфессиональных учебных заведений; осуществлена тщательная ревизия и определены сочинения, использовавшиеся в учебном процессе в прошлом; большинство из этих источников и учебных пособий изучено; произведен отбор книг, которые могли бы быть рекомендованы для современных религиозных учебных заведений. На данный момент мы располагаем полным набором книг на арабском языке, имевших широкое применение и распространение у татар благодаря компьютерной базе данных, создававшейся в течение многих лет. Эта база данных включает в себя более 3000 изданий и более 300 наименований. В связи с тем, что многие из этих книг использовались в учебном процессе в религиозных учебных заведениях прошлого, эта база данных служит основным справочным материалом по теме исследования.

Следует отметить, что в последние годы благодаря наличию таких проектов, как «Антология татарской богословской мысли», научно-исследовательская и текстологическая работа местных ученых, издательская деятельность общества «Иман» и др., а также в рамках Республиканской целевой программы сохранения культурного наследия «Мирас-Наследие», Федеральной целевой программы развития образования по истории и культуре ислама, заново увидели свет многие образцы мусульманского богословского и педагогического наследия. Работа в этом направлении должна оставаться приоритетной для противостояния процессу уничтожения духовного преемства и культуры.

К сожалению, и среди представителей мусульманского духовенства наблюдались пороки, с которыми полтора

столетия назад боролись наши выдающиеся улемы Ш.Марджани, Г.Курсави, Г.Утыз Имяни, Р.Фахретдинов: заскоружность и мракобесие, инертность, конформизм, приспособленчество, коррупционизм, низкий уровень интеллектуального потенциала, а также отсутствие грамотного менеджмента, определенных волевых качеств и, вместо осуществления профилактических действий и реальной комплексной работы по созданию целостной системы религиозного образования, бесконечная вынужденная спекуляция темой салафитской угрозы.

В таком положении дел невольно начинает усматриваться злой умысел и трудно не согласиться с тем, что «духовенство традиционного ислама отгородилось Кораном и обрядностью от Бога, от проблем людей и обществ, живет интересами сиюминутного своекорыстия и потому политической аналитикой глобального масштаба не занимается. Как следствие, оно не видит этого сценария как целесообразно выстраиваемой функциональной целостности; а если кто-то и видит, то сиюминутное своекорыстие для них важнее, нежели бескорыстная

работа ныне на предотвращение бедствий, потенциал которых целенаправленно создается другими на протяжении уже нескольких десятилетий»¹¹.

Пообщавшись с представителями духовного управления мусульман РТ, духовных управлений других регионов России, руководством религиозных учебных заведений, государственных структур, курирующих эту сферу, мы убедились, что единого конкретного конструктивного видения перспективы развития религиозного мусульманского образования нет. Есть различные проекты, которые, по сути, имеют локальный характер и разрабатываются с целью осваивания денежных средств, которые пока еще выделяются федеральным центром и различными фондами. Всем участникам этого процесса нельзя не признать, что все, что предпринимается на сегодняшний день без наличия цельного общего видения, является не просто тупиковым путем, а губительным.

И это тот редкий случай, когда мне как исследователю искренне хотелось бы, чтобы мои выводы оказались ошибочными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Юзмухаметов Р.Т., Хайрутдинов А.Г., Алмазова Л.И. Исламоведение. Начальный курс (с углубленным изучением истории и культуры ислама): Учеб. пособие. — Казань: Магариф, 2008. — С. 10–13.

² Частичную реализацию идей татарских мусульманских реформаторов мы можем наблюдать в модели религиозного образования, реализованной в виде системы турецких лицеев. Хотя и с большой осторожностью, можно предположить наличие взаимосвязи преломления этих идей у М.Абдо и опыта создания системы религиозного просвещения и образования в Индонезии и Малайзии. Эта тема еще ждет своего исследования.

³ Алмазова Л.И. Преподавание ислама в Волго-Уральском регионе // Изучение и преподавание ислама в Евразии. — М.: Издательский дом «Гуманитарий» Академии гуманитарных исследований, 2010. — С. 69.

⁴ Алмазова Л. Указ соч. — С. 71.

⁵ Баткаев Р. О бедной общине замолвите слово или «каждый может что-то дать»... [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://muslim-cfo.ru/analitika/obschiny-musulman/530-obednoj-obschine-zamolvite-slovo-ili-kazhdyj-mozhet-chto-to-dat>

⁶ Этой точки зрения придерживались ректор Московского исламского университета Марат Муртазин, директор воскресной школы мечети на Поклонной горе Арслан Садриев, а также директор Нижегородского исламского медресе «Махинур» Дамир-хазрат Мухетдинов.

⁷ Абдуллауф Азизов. Исламское образование — от хаоса к системе [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://muslim-cfo.ru/analitika/islamskoe-obrazovanie/502-abdurrauf-azizov-islamskoe-obrazovanie-v-rossii-ot-haosa-k-sisteme>

⁸ *Марина Гуляева. Ринат Раев: Без богословов и ученых развитие исламского образования в России невозможно* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://islam.ru/content/obshestvo/1232>

⁹ *Ахметова Д. Мечети будущего* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://idmedina.ru/books/history_culture/?2122

¹⁰ *Мухаметшин Р.М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке.* – Казань: Тат. кн. изд-во, 2005.

¹¹ Большая игра или далеко идущие планы... – Электронный ресурс: http://kruglikkont.blogspot.com/2011/02/blog-post_6567.html; Долговременная стратегия преодоления коранического ислама заправилами библейского проекта. – Электронный ресурс: <http://www.zakonvremeni.ru/vp-ussr/21-vpussrall/1059-2010-02-18-09-37-09.html>

Аннотация

В статье автор излагает свое видение системы мусульманского религиозного просвещения и образования у татар. Важное значение при этом придается принципу преемственности – использованию религиозного педагогического и богословского наследия прошлого с опорой на собственные корни в области мусульманской мысли и науки. При рассмотрении широкого круга тем, касающихся специфики аккумуляции и передачи знаний об исламе в нашем регионе, с учетом опыта основных методологических позиций изучения этой сферы, делается попытка сформулировать ряд узловых вопросов, актуальных как для постперестроечной России, так и для мусульманского сообщества в целом. Для характеристики современных процессов в сфере религиозного образования, в качестве наиболее обобщающей и наиболее эвристически плодотворной объяснительной модели предлагается синергетическая модель самоорганизации.

Ключевые слова: ислам, образование, духовное наследие, религия, управление образованием, метод, система.

Summary

The author states his vision of Muslim religious enlightenment and education of the Tatars. The principle of succession is emphasized. It is the use of religious teaching and theological heritage of the past based on own roots in the field of Islamic thought and science. When considering a wide range of topics related to the specific accumulation and transfer of knowledge about Islam in our region, taking into account the experience of the main methodological positions of study of this sphere, the attempt to formulate a number of key questions relevant for the post-perestroika Russia and the Muslim community as a whole is made. The answers to these questions could form the subsequent drafting of an overall strategy of the Russian Islamic education with the definition of its strategic frameworks, directions, structure and content, models and principles of its organization and with the incorporation of the most important, having cultural significance, elements into the school and higher education system of the country. Synergetic model of self-organization is proposed to characterize the current processes in the field of religious education as most general and most heuristically fruitful explanatory model.

Key words: Islam, education, spiritual heritage, religion, education management, method, system.

УДК 94"15/18"

ЛИКВИДАЦИЯ СИБИРСКОГО ХАНСТВА КУЧУМА И ЕГО НАСЛЕДНИКОВ

Ю.С. Худяков, доктор исторических наук

Смутное время, продолжавшееся в течение десятилетия в начале XVII в., один из самых сложных и драматичных периодов в истории российской государственности. Пресечение правящей веками династии Рюриковичей, частая смена у власти временщиков, оккупация ряда районов страны, а временами и ее столицы, иностранными, польскими и шведскими, войсками, повсеместно распространившиеся разбой и грабежи, очевидная неспособность правящей боярской элиты справиться с возникшими проблемами поставили Московское царство на грань уничтожения. Только в результате частной инициативы дворянских и мещанских слоев населения удалось собрать боеспособное ополчение, которое смогло освободить страну от иностранных войск и восстановить сословную монархическую государственность. События смутного времени, повлекшие за собой ослабление центральной власти и воинских сил, большие людские и материальные потери, несомненно, открывали определенные возможности для неславянского населения недавно присоединенных территорий побороться за свою самостоятельность или за восстановление собственной государственности, в тех случаях, где она была сравнительно недавно утрачена. Одним из таких регионов, присоединение которых было осуществлено незадолго до начала смутного времени, была Западная Сибирь. К числу важнейших в истории присоединения к Российскому государству земель Сибирского татарского ханства, после похода казачьего отря-

да Ермака, относятся события конца XVI в., после которых этот процесс стал необратимым¹. В 1586 и 1587 гг. были основаны Тюменский и Тобольский остроги, ставшие опорными пунктами российских владений в Зауралье. В 1588 г. письменный голова недавно основанного Тобольского острога, Д. Чулков, сумел заманить во время переговоров и взять в плен не признававший власти хана Кучума, татарских предводителей, князя Сейдяка, мурзу Карачу и бывшего с ними казахского султана Ураз-Мухаммеда². Пленные были вскоре отправлены в Москву. Благодаря этому захвату, те группы сибирских татар, которые возглавляли Сейдяк и Карача, остались без своих предводителей, что ослабило возможности для сохранения ими самостоятельности. Некоторые действия самого хана Кучума и его приближенных в этот период в какой-то мере способствовали переходу части татарского населения под покровительство российских властей. В 1590 г. отряд под предводительством Кучума напал на поселения ясашных татар в окрестностях Тобольского острога. Нападавшие сумели ограбить и убить нескольких местных жителей и уйти с захваченной добычей в степь, прежде чем тобольский воевода мог получить известие о его приближении. Во время следующего набега «на Каурдакскую и Салымскую волости» отряд Кучума «убил там много людей и награбил большое количество всякого добра»³. Вероятно, эти набеги были продиктованы стремлением хана наказать те группы сибирских татар, которые к этому вре-

мени признали власть московского царя. Однако вряд ли подобные действия могли способствовать популярности хана Кучума и его стремления возродить государственность сибирских татар среди тех групп татарского населения, которые подверглись нападениям с его стороны. Скорее наоборот, в глазах местного татарского населения, подвергшегося нападениям и ограблению, хан Кучум и его люди должны были выглядеть грабителями, в то время как выступавшие на их защиту российские власти — защитниками. В 1591 г. против хана Кучума во главе крупного отряда выступил воевода В. Кольцов-Масальский. В состав его войска, помимо тобольских служилых людей, было включено «большое количество татар, живших недалеко от города» Тобольска. Этот отряд настиг хана и напал на его ставку на оз. Чиликуль у р. Ишим. В ходе «короткого сражения многие бывшие с ханом были убиты, а оставшиеся бежали». В плен попали две жены и один из сыновей хана Абульхайр, «со многими другими пленными» и «богатой добычей»⁴. В 1594 г. российские власти решили соорудить еще один опорный пункт в Западной Сибири — Тару. Для того, чтобы соорудить этот острог, воеводе А. Елецкому было поручено собрать войско с разных городов. Воины были набраны из Казани и Уфы, из Тюмени и Тобольска группами, численностью от 20 до 300 человек. Примечательно, что большая часть воинов была набрана из «казанских и свияжских татар» в Поволжье, «татар тюменских, верхотурских, андреевских», «тарабаринских татар», «тобольских служилых татар» и «тобольских ясачных татар» из Западной Сибири, а также башкир, коми-зырян, военнопленных поляков, «польских казаков», черкасов-украинских казаков и «литвы»-белорусов⁵. Очевидно, что уже в конце XVI в., накануне грядущего «смутного времени», царское правительство испытывало острую нехватку людей для службы в Сибири и строительства новых городов и острогов. Для того, чтобы

обеспечить верность тобольских и тюменских татар, российские власти удерживали в Тюмени и Тобольске их родственников в качестве аманатов-заложников. Некоторыми подразделениями в составе войска воеводы А. Елецкого командовали «татарские головы» Баязет и Байбахта. Некоторая часть татар была привлечена для работы на судах и строительстве острога. Однако большая часть ясачных татар, включенных в состав этой армии, служили в кавалерии и пехоте. Они «были снабжены огнестрельным оружием», так же, как и «московские стрельцы»⁶. Одна из главных задач, которые были поставлены «при строительстве города Тары, была связана с ханом Кучумом, а именно чтобы его окончательно покорить или изгнать». В то же время российские власти, осознавая ограниченность своих военных ресурсов, предпринимали попытки «воздействовать на хана лаской и дружескими уговорами заставить его покориться русским». В качестве основного условия для примирения, предъявленного хану Кучуму, было выдвинуто требование отдать в качестве аманата «одного из своих сыновей с двумя или тремя знатными татарами», взамен которых, после доставки заложников в Москву, будут возвращены захваченные ранее один из ханских сыновей «царевич Аблгаир вместе с другими знатными татарами»⁷. Однако это условие не было принято Кучумом, поскольку ставило его в положение вассала московского царя. В это время он сумел добиться поддержки у ногайского мурзы Алея, что позволило хану увеличить свои воинские силы. Однако, чтобы получить эту поддержку, хан Кучум предоставил ногайскому правителю право сбора дани с тарских татар⁸. Предоставив право сбора дани со своих соплеменников, сибирский хан фактически сделал их подданными ногайского мурзы, что не могло не вызвать недовольства среди татарского населения. Узнав о начале строительства укреплений города Тары, хан Кучум и оставшиеся с ним его сыновья попытались увести с собой

на юг, вверх по течению Иртыша, часть местного татарского населения, аялыньских татар. На Иртыше, на острове Черном, они основали свое небольшое укрепление, городок, в котором укрепились откочевавшие аялыньские татары, возглавляемые своими князьями и есаулами⁹. Необходимо подчеркнуть, что с этого времени предводители сибирских татар, хан Кучум, а в последующие периоды и его потомки уже не пытались уничтожать российские остроги, а стали применять тактику увода в степь татарского населения. Вероятно, подобные меры не могли понравиться тем этническим группам сибирских татар, которые подвергались насильственному переселению. После неудачных попыток «замирить» хана Кучума против него и его ногайского союзника, мурзы Алея, были возобновлены военные действия. В 1595 г. было совершено два военных похода русского военного отряда под командованием Б. Доможарова в степь против сибирских татар. Сначала он взял ставку аялыньских татар, Черный городок, в котором взял в плен нескольких татарских князей. Однако самому хану Кучуму и большей части татар удалось бежать¹⁰. Затем, ранней весной того же года, отряд Б. Доможарова, в составе которого были не только казаки и стрельцы, но и служилые татары, совершил поход на лыжах в Барабинскую степь. В результате этого похода был взят и сожжен Чангульский городок. Мурзы соседних татарских племен предпочли покориться и согласились платить ясак в город Тару. Некоторые знатные татары, среди которых была мать царевича Махметкула, племянника Кучума, который ранее попал в плен и перешел на российскую службу, добровольно сдались российским властям¹¹. Роковым для хана Кучума стал разгром его ставки на р. Ирмень в Среднем Приобье в 1598 г. Российское войско под командованием А. Воейкова, набранное в Таре и Тобольске, состоявшее из 700 русских воинов и 300 служилых татар, совершило достаточно далекий поход и нанесло полное пора-

жение отряду сибирского хана. В результате этого боя «хан был совершенно разбит, потерял большую часть семьи и все свое имущество»¹². Первоначально победители предположили, что сам Кучум погиб в этом сражении. Об этом было доложено в Москву. В одной из грамот царя Михаила Федоровича отмечено, что «божью де милостью и нашим счастьем тово царя Кучюма на Обереке погромили и его убили, и жены и дети его взяли»¹³. Однако хан все-таки остался жив и с остатками своего отряда смог бежать. Ему оказали помощь чатские татары, которые снабдили его одеждой и лошадьми. Кучум и его люди ушли по долине р. Бурлы в Прииртышье¹⁴. Вероятно, хан Кучум стремился уйти как можно дальше от границ российских владений. Он ушел во владения джунгар, где «в течение некоторого времени кочевал около озера Нор-Зайсан»¹⁵. Однако через некоторое время он вновь перекочевал в долину р. Ишим, где попытался собрать оставшихся сторонников среди сибирских татар. Однако его отряд, находившийся в бедственном положении, угнал лошадей у кочевавших в этих местах джунгар, которые догнали и напали на угонщиков. Кучум снова потерпел поражение, большая часть находившихся с ним татар погибла. Однако сам хан снова уцелел и бежал к ногайцам¹⁶. В 1601 г., находясь среди ногайцев, хан Кучум погиб¹⁷. Анализ исторических событий, относящихся к противостоянию хана Кучума и его сторонников против российских властей в конце XVI в., показал, что основные усилия сибирского хана в этот период были направлены на то, чтобы сохранить под своим контролем татарское население, которое стало подданным московского царя. Поэтому Кучум пытался увести отдельные группы сибирских татар в степь, подальше от российских городов и острогов. Однако политика переселения с мест прежнего проживания и передача права сбора дани союзникам вызвали естественное недовольство татарского населения.

После гибели Кучума ханом сибирских татар провозгласил себя его старший сын Али. К этому времени сибирские татары, стремившиеся к восстановлению Сибирского ханства, уже не располагали достаточными силами, чтобы самостоятельно успешно продолжать борьбу. В этот период при ставке хана Али находилось 250 татарских и башкирских воинов. В степные районы Западной Сибири мигрировали другие тюркские и монгольские кочевники. Наследники Кучума в XVII в. пытались привлечь на свою сторону расселившихся в этих районах джунгар, казахов, ногайцев, а также телеутов, орчаков и башкир, чтобы удержать под своей властью хотя бы часть татарского населения Западной Сибири. В то же время Кучумовичи предпринимали попытки вести переговоры с российскими властями. В начале XVII в. хан Али отправил в Тобольск в качестве послов своих братьев, «царевичей» Ишима и Кубей Мурата. Однако осуществить примирение не удалось. Российские власти в Сибири не имели полномочий для заключения мирных договоренностей. Братья хана Али были задержаны и отправлены в Москву. И хотя через некоторое время родственники смогли возвратиться к хану, он попытался возобновить военные действия. В 1603 г. в ставку к хану Али прибыл отряд ногайских воинов во главе с Урус-мурзой. После этого военные силы хана Али существенно возросли. Однако к этому времени российские владения в Западной Сибири значительно расширились. В 1604 г. российское подданство принял князь эуштинских татар Тоян. На р. Томи был основан Томский острог. Проживавшие в Среднем Приобье «остяки и татары» из-за поборов и притеснений со стороны томских воевод вскоре восстали¹⁸. Вероятно, об этих событиях стало известно хану Али, из-за чего в последующие годы Кучумовичи возобновили военные действия. В эти годы был самый разгар смутного времени в Российском государстве. Известно, что после прихода к власти в 1605 г. Лжедмит-

рий I обратился к сибирским воеводам с особой грамотой, в которой утверждал свои права «на престол прародителей своих, на Московском царстве и на всех государствах Российского царствия». В своих грамотах он именовал себя «великим князем всея России, наследником великого княжества Московского, царем Казанским, царем Астраханским»¹⁹. В последующие годы смутного времени российские власти в Сибири сохраняли лояльность по отношению к московским правителям, несмотря на все политические коллизии. В своих «челобитных» и «отписках» они обращались к царю Василию Шуйскому, польскому королевичу Владиславу Жигмонтовичу, избранному боярами на царский трон и «московского государства боярам» князю Д. Трубецкому и казачьему атаману И. Заруцкому. В грамотах царя Василия Шуйского говорится о пожалованиях остяцким князьям таежных районов Западной Сибири. Сибирских воевод в большей степени беспокоило положение на южных границах российских владений в этом регионе²⁰.

Несмотря на отсутствие какой-либо реальной помощи из Москвы, российские власти в Сибири смогли не только сохранить, но и расширить российские владения в Западной Сибири. В этот период служилые люди совершали походы для сбора ясака в верховья Томи и в долину Чулыма. В отношениях с сибирскими татарами наблюдается некоторое затишье. Известен только один значительный военный эпизод в борьбе Кучумовичей за подчинение тех групп сибирских татар, которые к этому времени находились в российском подданстве.

В 1607 г. сыновья Кучума и братья хана Али, Ишим, Азим и Канучвар, во главе татарского отряда при участии джунгар совершили поход в Тюменский уезд и захватили Киньрский городок, в котором жили тюменские служилые татары, взяли в плен их жен и детей. Вероятно, этот поход был продиктован стремлением подчинить киньрских татар. Однако, когда об этом стало из-

вестно в Тюмени, там был собран отряд служилых людей, во главе которого был поставлен «татарский голова» Казарий Изъетдинов. Этот военный отряд напал на ставку хана Али, разгромил ее, освободил плененных ранее киньрских татар и взял в плен мать, жен и детей самого хана и его братьев. В 1608 г. взятые в плен родственники хана Али были отправлены в Москву²¹. Это событие свидетельствует о том, что наследники хана Кучума не располагали достаточными силами для того, чтобы увести и подчинить своей власти те группы сибирского татарского населения, которые к этому времени перешли в российское подданство. Несмотря на состояние смуты в Российском государстве и отсутствие

какой-либо помощи со стороны центральных властей, сибирским воеводам удалось сохранить под своим контролем все группы коренного населения, которые платили ясак в царскую казну. Наследники Кучума, хан Али и его братья не смогли воспользоваться смутными временами и ослаблением российской государственности для достижения своей основной цели – восстановления Сибирского ханства и переселения в свои владения всех этнических групп сибирских татар. Эти события являются свидетельством того, что часть татарского населения и родовой знати, недовольная политикой наследников Кучума, предпочла перейти на сторону российских властей в Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Окладников А.П.* Открытие Сибири. – М., 1981. – С. 5.

² *Миллер Г.Ф.* История Сибири. – М., 1999. – Т. I. – С. 270–271.

³ Там же. – С. 272.

⁴ Там же. – С. 273.

⁵ Там же. – С. 282.

⁶ Там же. – С. 282.

⁷ Там же. – С. 284–285.

⁸ Там же. – С. 286.

⁹ Там же. – С. 288.

¹⁰ Там же. – С. 289.

¹¹ Там же. – С. 290.

¹² Там же. – С. 291.

¹³ Там же. – С. 447.

¹⁴ *Уманский А.П.* Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII века. – Барнаул, 1995. – Ч. 2. – С. 11.

¹⁵ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. – С. 293.

¹⁶ Там же. – С. 293.

¹⁷ *Файзрахманов Г.Л.* История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). – Казань, 2002. – С. 207.

¹⁸ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. – С. 309.

¹⁹ *Паерле Г.* Записки Георга Паерле // Источники истории. – Рязань, 209. – С. 289, 343.

²⁰ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. – С. 407–432.

²¹ Там же. – С. 209.

Аннотация

В статье анализируется история взаимоотношений разных этнических групп сибирских татар и русских в период смутного времени в России. Излагаются исторические события, связанные с борьбой хана Кучума и его наследников за сохранение и возрождение государственности сибирских татар. Рассматриваются взаимоотношения сибирских татар с казаками, телеутами и джунгарами. Оценивается роль правящей элиты разных этнических групп сибирских татар в сохранении лояльности по отношению к российским властям в Сибири.

Ключевые слова: смутное время, Россия, Сибирское ханство, Западная Сибирь, сибирские татары, русские.

Summary

This article deals with the history of relations between different ethnic groups of Siberian Tatars and Russians in the Time of Troubles in Russia. It describes the historical events connected with the struggle of Khan Kuchum and his heirs for the preservation and revival of the state of the Siberian Tatars. It also runs about the relations of the Siberian Tatars with Kazakhs, Teleuts and Dzhungars, and evaluates the role of the ruling elites of various ethnic groups of the Siberian Tatars in maintaining loyalty to the Russian authorities in Siberia.

Key words: Time of Troubles, Russia, the Siberian Khanate, Western Siberia, the Siberian Tatars, the Russians.

УДК 811.612

КЛАССИФИКАЦИЯ СКАЗУЕМОГО В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Р.М. Абдуллаева, кандидат филологических наук, доцент

Сказуемое как один из главных членов предложения подробно изучено в тюркологии, в частности в узбекском языкознании. Как и в русском языке, сказуемое определяется как член предложения, выражающий свойство предмета, лица или явления. Сказуемое – это главный член, показывающий предикативность. Предикативность в узбекском языке выражается:

а) синтаксическим способом, когда порядок слов передает предикативность – Қиш яхши – Зима хороша;

б) морфологическим способом, когда слово или сочетание слов приобретает сказуемость при помощи аффиксов сказуемости: Талабаман и студент; при помощи предикативных слов: Олиш мумкин – Можно взять; частиц – Қўшнингми? – Это твой сосед?

в) интонацией, когда слово можно превратить в односоставное предложение – Китоб? – Книга? – Бу китоб. – Это книга.

Сказуемое в узбекском предложении обозначает следующее:

а) активный признак подлежащего – Отам институтда ишлайди. Мой отец работает в институте;

б) пассивный признак подлежащего – Курсдошим чиройли. Моя сокурсница красива;

в) активный или пассивный признак, включающий в себя и лицо носителя данного признака – Ёздик. – Мы написали; Ишладик – Мы работали;

г) признак, в котором не указан его носитель – Бўлди! Хватит! Ёзиш керак. Нужно написать и т.п.

В грамматиках узбекского языка, в специальной литературе подчеркива-

ется специфическая особенность сказуемого, по которой структура сказуемого включает в себя формальности – грамматические элементы и аффиксы, служащие средствами выражения предикативных категорий модальности, времени и лица. А.Г. Гулямов и А.Аскарлова отмечают: «Эга ва кесимнинг муносабатида предикативликни ифодалашда ҳар хил воситалар иштирок этади: махсус аффикс, ёрдамчи вазифасига кўчган сўз, тартиб (гап бўлаги ва тартиби), интонация. Демак, гапнинг бир бутун, яхлит тугал ҳолда эканлиги эга-кесим муносабати, гапдаги ҳамма қисмлар интонация ва тартибнинг бирлигидан иборат. Предикативликда тугалланган интонация зарур белгилардандир» (Фуломов, Аскарлов, 1965, с.35).

Вообще в грамматиках тюркских языков особое ударение делается на предикативность как существенное свойство сказуемого: «...Существенным свойством сказуемого в карачаево-балкарском языке является то, что оно выступает основным выразителем предикативности» (Ахматов, 1969, с.10).

Модальные значения в узбекском языке выражаются в основном следующим образом: а) изъявительным наклонением, в котором лексическое значение глагола окрашивается различными грамматическими значениями реальности действия, а именно:

а.1) глагол на – иб + аффикс сказуемости – Сиз эшитмабсиз + -да. Вы, оказывается, не слышали.

а.2) глагол на – ган + -дир – Боргандир. Возможно, он ходил.

а.3) глагол на — ар, -мас — Бугун ай-тар. Возможно, сегодня скажет.

Как видно из примеров, здесь выражены значения предположения, сомнения, неуверенности и т.д.

б) сказуемое, выраженное условным наклонением, может выражать ирреальное действие со значениями пожелания, удивления, совета и др. Бугун борса. Пошел бы сегодня.

в) сказуемое, выраженное повелительным наклонением, имеет модальное значение приказа, просьбы, совета и т.п. — Хозир олиб кел. Принеси сейчас.

Вместе с тем связи в составе сказуемого выражают модальные значения, рассмотрим некоторые из них:

а) слово «бўлмоқ» выражает значение непредвиденного действия (Кутилмаганда келиб қолди. Пришел неожиданно); риторического вопроса (Бормаса бўлар эканми? Разве можно не пойти?); объективной возможности (Айтса бўлади. Можно сказать); оттенков видимости совершения действия (У кулгандай бўлди. Он как будто рассмеялся); предположения (Гапираётган бошлиқми? Говорящий не начальник ли?) и др.;

б) форма недостаточного глагола эмоқ (его разновидности экан, эмиш, эди) может выражать значение неочевидности, иронии, пожелания — Берган экан. — Он, оказывается, отдал; Келибди эмиш. — Говорят, он пришел; Ўзингиз борсангиз эди — Пошли бы сами;

в) при употреблении в составе сказуемого слов шекилли, чоғи и вспомогательных слов кўринмоқ, ўхшатмоқ, демоқ выражаются значения предположения, видимости совершения действия — Ўзи унча берилмади шекилли (Муштум) — Кажется, сам-то он не очень поддался;

г) при употреблении слов керак, зарур в сочетании с названием действия выражает объективную необходимость, слово мумкин выражает объективную возможность — айтиш керак — нужно сказать, айтиш мумкин — можно сказать;

д) при употреблении слова узи в сказуемом с вопросительным значением может быть выражено скептическое отношение, недоумение, удивление — Унга бир гап бўлдими ўзи — Что-то случилось с ним, что ли? Қаёқдан пайдо бўлиб қолди ўзи? — Откуда он появился?

е) при употреблении частиц -ми, -ку, -у(ю), -чи, -а сказуемые могут выражать ограничение или усиление утверждения, досады, сожаления, озлобления и т.д. — Жим ўтиргани йўқ-ку? — Не сидит же он молча?

В работах, посвященных изучению сказуемого в тюркских языках, отмечается также, что сказуемое «выступает основным выразителем предикации» и что оно может выражать такие значения, как реальность/нереальность, желание, необходимость и т.д. (Ахматов, 1969, с.10).

Категория времени в узбекском языке выражается как модальность формами времени и наклонения глагола, формами вспомогательных глаголов, что отмечено лингвистами. Предикативное лицо является формой выражения грамматического субъекта, и оно проявляется в следующем:

а) в сочетании подлежащего и сказуемого — Мевалар пишди — Фрукты созрели;

б) дважды в отношениях подлежащего, выраженного личными местоимениями и другими местоимениями, и сказуемого — Мен айтдим — Я сказал;

в) личным показателем сказуемого без подлежащего предложения-Ёзмоқдаман — Я пишу. В том случае, если предикативное лицо не выражено, предложение считается безличным.

Вопрос о средствах выражения сказуемого также рассматривался во многих исследованиях языковедов-тюркологов. В основном в качестве средств выражения сказуемого выступают глаголы, имена существительные, местоимения, числительные, прилагательные, причастия в различных формах. В карачаево-балкарском языке средства выражения сказуемого делят на 2 группы: специализированные и неспециа-

лизированные. В специализированную группу входят глаголы всех наклонений. Ко второй группе относятся другие части речи, которые имеют свои основные синтаксические функции (Ахматов, 1969, с.33).

Выражение сказуемого в узбекском языке исследовано на основе деления частей речи на 2 большие группы: «Суз туркумларининг энг йирик группалари отлар ва феъллар тўдаси сифатида ажралгани каби, булар билан ифондаланадиган кесимлар хам икки турга бўлинади: феъл кесимлар ва от кесимлар.... Феъл кесимлар шахс кўрсатадиган

феъллар билан ифондаланади. От кесимлар бундан бошқа сўзлар билан ифондаланади» (Фуломов, Асқарова, 1965, с.96–97). Вместе с тем отмечается, что причастия, деепричастия и инфинитив, хотя и относятся к глагольным формам, но все же отличаются своими свойствами от глагола, и поэтому сказуемое, выраженное этими формами, также имеет отличительные признаки. По структуре сказуемые в узбекском языке делятся на простые, сложные и составные (Мирзаев, Усманов, Расулов, 1962, с.180–181). В свою очередь эти типы сказуемого по своему выражению делятся на:

а) простое	глагольное именное	Сказуемое
б) сложное	глагольное именное	Сказуемое
в) составное	глагольное именное	Сказуемое

В академической грамматике узбекского языка (1966) по материалу средств выражения сказуемые делятся на четыре группы: « 1) содда кесим, 2) составли кесим, 3) бирикмали кесим, 4) коришиқ кесим» (Ҳозирги ўзбек адабий тили, 1966, с.77).

Некоторые тюркологи делят сказуемое на три группы: именное, глагольное и сказуемое, выраженное словами «бор» и «йўқ» (Дмитриев, 1940, с.43–46; Кононов, 1956, с.244–345; 203–204; 348–352; 371). Другие ученые считают, что сказуемое может быть только именным и глагольным (Баскаков, 1960; Закиев, 1963; Тулегенов, 1955; Решетов, Гулямов, Асқаров, 1961; Иброгимов, 1945; Мирзаев, Усманов, Расулов, 1962; Убратова, 1950; Поцелуевский, 1943; Хэзирки замон туркмен дили, 1962). Есть также исследование, в котором указывается, что сказуемое выражается глаголами или другими частями речи (Казем-Бек, 1846).

В специальной литературе по узбекскому языку вместе с простыми и составными сказуемыми выделяются еще и сложносоставные и сочетательные (Амантурдиев, 1965, с.16–17). Вместе с тем дается и такая классификация, при которой именные и глагольные сказуемые делятся на простое именное, составное именное, простое глагольное и составное глагольное.

Отдельным типом выделяется сказуемое, выраженное фразеологической единицей. «Этот тип сказуемого выражает качественный признак, свойство субъекта, предмета или явления, а иногда характеризует их состояние: Бойнинг дами ичида» (Х.Гулям).

Исследуемый материал и обширная литература по его исследованию показывают, что при классификации сказуемого по структуре и выражению даются разные трактовки, они существенно не отличаются друг от друга, а лишь дополняют друг друга.

Литература

1. *Амантурдыев Дж.* Структурные типы сказуемого простого предложения в современном узбекском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ташкент, 1965. — 21 с.
2. *Ахматов И.Х.* Главные члены предложения и средства их выражения в современном карачаево-балкарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Баку, 1969. — 19 с.
3. *Фуломов А.Ф., Асқарова М.А.* Ҳозирги ўзбек адабий тили. Синтаксис. — Тошкент: Ўқитувчи, 1987. — 255 с.
4. *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. — М., 1948.
5. *Закиев М.З.* Синтаксический строй татарского языка. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1963.
6. *Тулегенов У.С.* Выражение сказуемого и его основные типы в простом личном предложении современного казахского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1955. — 20 с.

Аннотация

В статье дается анализ специальной литературы, посвященной изучению особенностей сказуемого в узбекском языке.

Ключевые слова: сказуемое, узбекский язык, особенности, обзор литературы.

Summary

This article deals with the analysis of the special literature devoted to studying the peculiarities of the predicate in the Uzbek language.

Key words: predicate, the Uzbek language, peculiarities, literature review.

УДК 821 (091)

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА*

А. фон Габен, доктор, профессор

За полукочевой культурой древнетюркских степных империй последовала эпоха городской и сельской жизни, расцвет которой продолжался примерно полтысячелетия, пока ислам не утвердился в бассейне Тарима и не вызвал коренных перемены в духовных идеалах и формах искусства. Первая из эпох оставила нам эпиграфические памятники, вторая же – рукописи. Они и являются предметом нижеследующего исследования.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕДПОСЫЛКА

Основанная в 551–552 гг. н.э. в Центральной Азии древнетюркская империя к началу VII в. распалась на две части. Верховный властитель правил в Северо-Восточной Монголии, административный центр соправителя находился, вероятно, вблизи озера Иссык. Большие рунические надписи, найденные в восточной части империи, называют ее народ «голубые тюрки» (кёк-тюрк). По распространенному в Китае и Центральной Азии представлению, макро- и микрокосм делились на четыре квадрата, которые распола-

гались по частям света. Каждому квадрату соответствовали определенные цвет, животное и т.д. При этом «голубой» был символом Востока. Мы предполагаем, что название «кёк-тюрк» относилось к восточной половине империи, а западная обозначалась «ак» – ('белая').

Уже в конце VI в. власть западных тюрков имела прочную основу и распространялась до Хорасана. Плотность населения по сравнению с коренными жителями – иранцами – нам неизвестна. Возможно, тюрки продолжали вести полукочевой образ жизни и имели лишь представителей, собиравших дань в государствах-оазисах. По мере того, как сменялись поколения, западные тюрки имели возможность наблюдать некоторые элементы иранской городской культуры, например, искусство письма и различные религии: культ огня, манихейство, буддизм, несторианское христианство.

Господство восточных тюрков-степняков сохранялось – с перерывом в два-три поколения – с VII в. до середины VIII в. и сменилось затем господством также тюркоязычных уйгуров.

* Печатается по: фон Габен, А. Древнетюркская литература / пер. с нем. Д.Д. и Е.А. Васильевых // Зарубежная тюркология. – Вып. 1. – М., 1986. – С. 294–344.

Аннемари фон Габен (Annemarie von Gabain, 1901–1993) – виднейшая представительница немецкой тюркологии, много сделавшая для изучения древнеуйгурских памятников, культуры и искусства центральноазиатских тюркских народов, автор одной из первых грамматик древнетюркского языка. Основное внимание в публикуемой статье уделено характеристике литературной значимости первых письменных памятников – орхоно-енисейских и древнеуйгурских, представляющих многие литературные жанры и стили. В этом описании раскрывается эрудиция ученого, одного из лучших знатоков древнетюркских текстов. Обширные синологические знания помогают автору обнаружить связи подлинников и их уйгурских переводов, показать творческий характер обработки древними тюркскими переводчиками и авторами известных религиозных и светских сюжетов, определить особенности языка и стиля разных древнеуйгурских текстов. (Примеч. С. Кляшторного).

Этот народ, обитавший близ северной границы каганата, уже в начале VII в. испытывал влияние буддизма. Военные и политические отношения уйгуров со Срединной империей часто были более тесными, чем у голубых тюрок. В 762 г. уйгуры оказали танскому императору военную помощь против мятежных войск Аньлушаня и отвоевали для империи обе столицы – Лоян и Чанань. Вероятно, в согдийских колониях Северного Китая уйгуры познакомились с манихейством. Вскоре после этого, как сообщают китайские летописи, уйгуры приняли манихейскую религию и сделали ее государственным культом.

Когда империя уйгуров в Монголии в 840 г. была разгромлена кыргызами, уйгуры овладели новыми территориями в Северо-Западном Китае и Восточном Туркестане. Они отказались от прежних форм степного хозяйства и по примеру китайцев и согдийцев поселились в городах и их окрестностях.

Одна часть уйгуров переселилась в Северный Китай, где они были ассимилированы местным населением.

Другая группа поселилась возле Ганьчжоу, в нынешней провинции Ганьсу, т.е. на краю степи в привычных для них условиях. Здесь уйгуры основали небольшое государство, которое на протяжении своего существования должно было отстаивать себя в борьбе с другими народами: китайцами, тангутами, киданями, саками и тибетцами, а также другими тюркскими племенами, как например, байырку, телисами, тардушами, а потом и с монголами. При этом уйгуры оказались восприимчивыми к ценностям чужих культур. В Ганьсу, этой связывающей Китай и Центральную Азию территории, отношения между отдельными народами были весьма тесными.

В Ганьчжоу, а также в Шачжоу (Дуньхуан), не принадлежавшем Уйгурскому государству, были найдены древнетюркские рукописи. Вместе с тем на фресках в Дуньхуане и других местах изображены сановники такого же

вида, как и найденные в Турфане, где эти изображения снабжены тюркскими подписями. Из этих обстоятельств можно заключить, что в Дуньхуане было тюркское население.

Большая часть разгромленных кыргызами уйгуров ушла вместе с одним из принцев правящей династии Яглакар в оазис Кочо < кит. Гаочан, нынешний Турфан, где эти уйгуры вместе с другими народами (среди которых были и тюрки, вероятно, западные) основали свое государство. Более 400 лет процветала здесь созданная ими культура. В монгольскую эпоху здесь возобладали пришедший с юго-запада ислам, а прежние религии были преданы забвению. Летней резиденцией уйгурских государей Турфана – йайла – был район Бешбалык, по северную сторону Восточного Тянь-Шаня. Название Бешбалык ('Пятиградие') не случайно совпадает по значению с названием Пенджикент в Средней Азии. Оазисы Камил (= кит. Хами, вост.-тюрк. Комул) на востоке и Кюсен (= Кюшен, Куча) на западе подчинялись государству уйгуров лишь время от времени.

В Кочо, в этом древнем городе на великом торговом пути, уйгуры познакомились с многовековой городской культурой. Население этого оазиса в прежние времена говорило, вероятно, на одном из индоевропейских языков. В окрестностях Турфана китайские историки с VII в. часто упоминают воинственные тюркские племена теле, но нигде не указывается, что они были оседлыми, возможно, они освоили близлежащие пастбища. Другая часть теле в танскую эпоху жила в Монголии. Они были кочевниками. Неизвестно, переселились ли теле в оазис. Во всяком случае, уйгуры не были, как уже говорилось, первыми тюрками, которые обосновались в Кочо, так как в найденных там рукописях прослеживаются по меньшей мере два различных и по времени независимых друг от друга диалекта. Некоторые из этих рукописей относятся к VIII в., т.е. ко времени существования на Орхоне

Уйгурской империи, которая не могла простираться до Кочо. Поэтому указанные рукописи скорее всего были созданы лицами, принадлежавшими к другим тюркским племенам. Наконец, к предположению о многослойности тюркского населения Турфана приводит следующее. На фресках в Турфане изображены многочисленные знатные мужчины и женщины, которые, поскольку надписи тюркские, определяются как тюрки. Они демонстрируют около семи различных одеяний и десяти различных головных уборов. Таким образом, их костюмы не отражают индивидуального вкуса, а являются, вероятно, типичными для различных племен и к тому же, наверное, зависят от эпохи. Различие в одежде, таким образом, указывает, что в Кочо проживало несколько тюркских племен. В Турфане найдены две почти идентичные монеты китайского типа с легендой уйгурским письмом: *türgiş han ...*¹. И наконец, в связи с этим вопросом надо упомянуть, что новый правитель Кочо принял титул Идук-кут (Идикут), т.е. титул князя племени басмыл². Поэтому мы предполагаем, что в Турфанском оазисе в доуйгурское время проживали племена тюргешей и басмылов.

Вместе с тем, однако, как свидетельствуют обнаруженные рукописи, в Кочо жили китайцы, согдийцы, саки и так называемые тохары, говорившие на тохарском Б-языке, а также сирийцы и тангуты, позднее в оазисе поселялись иногда тибетцы и монголы.

Вероятно, под влиянием живших в Кочо буддистов уйгуры и другие тюркские племена вновь обратились к религии Пробудившегося. Кроме того, в местечке Булайик (в Турфанском оазисе) имелось поселение христиан несторианского толка, которые также вели миссионерскую деятельность среди тюрков.

Цель настоящего исследования – дать не историю, а панораму древнетюркской литературы. Не углубляясь в позитивистскую филологию, т.е. в

критику текста, историю возникновения, анализ источников и т.д., мы обратим внимание на ту роль, которую различные виды литературы играли в жизни народа. К сожалению, древнетюркские произведения дошли до нас крайне фрагментарно, а их традиция была прервана исламом. Это исследование может расцениваться как первая попытка составить некоторое представление о духовной жизни древних тюрков на основании многочисленных литературных отрывков.

УСТНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Пословицы

Некоторые литературные виды, как например пословицы, слова оракулов, сказки и эпос, как правило, передаются лишь устно и таким образом ускользают, к сожалению, от нашего познания. В относительно позднее время лишь кое-что из них иногда записывалось. Если в рукописях какая-нибудь мысль преподносится как общая сентенция, значит это могла быть пословица, например: *qang qazyansar, oylı ücün temäz mi*³ ‘Разве не говорят: «Когда отец получает наследство, это не для сына»?’; возражение со стороны министра: *elig törgüg aýı barım tutar, aýı barım alqınsar, el tıǵ ndısk tutar biz* «Мы получили богатство, род и закон. Когда богатство исчерпалось, как сохранить нам род и закон?»⁴; свидетель в обычном конфликте между семьями из-за родовых интересов:

*yaǵmur yaǵsa, qapung bolsa,
yabıñu krgäk
yavız kişi yaqın kalsä, abıñu krgäk*

«Если во время дождя у тебя есть мешок, ты должен накрыться. Когда приближается злой человек, ты должен скрыться»⁵.

Заметно использование аллитерации и ритма.

Гадательные книги

В важных государственных делах, а также в случаях личных – серьезных или тривиальных – бед в различной форме обращались к оракулу. Со временем его высказывания становились руководством и записывались. Мы определяем, что по языку, шрифту, орфографии и типу бумаги древнейшими из текстов оракулов и гаданий являются те, которые имеют более благородную форму. На начальном этапе развития культуры высказываниям оракулов должно было придаваться большое значение. Высказывания передавали из уст в уста и отшлифовывали их форму до тех пор, пока они не становились абсолютно четкими и запоминающимися настолько, что хранились и последующими поколениями. Однако с появлением манихейства и буддизма духовные требования стали так многосторонни, что при восприятии мысли в конце концов формой стали пренебрегать, и вслед за этим вся сфера предсказаний попала в руки духовно мелких людей. Волшебные изречения в буддийских текстах остались в целом непереверденными. Они были – быть может вследствие культового пения и тенденции сохранения в тайне – так испорчены с точки зрения языка, что их первоначальный санскрит не может быть более восстановлен.

Самая древняя гадательная книга основывается на древнекитайской «И-цзин». По книге гадали при помощи шести сломанных или несломанных стеблей растения «пастушья сумка». В соответствии с жанром древнего эпоса и изысканной прозы наиболее важные мысли выделены средствами параллелизма и аллитерации. Таким образом, это произведение не является переводом, оно было лишь вдохновлено китайской «И-цзин». За гадательным знаком «ырк» иногда следует перевод его китайского названия и затем в стихотворной форме дается предсказание будущего, например, стк. 31:

birok šöü šölämäk atly irq kälsär,
 savin inčä ayur:
 šöü söläsär
 yer tälinür
 kisi sözläsär
 sav alqınur
 yol azsar
 äv tapmaz
 kiši yangılsar
 iş bütmöz
 öz kántügingin bk tutyıl
 ötüg savqa yarıma
 ögüz ärtgäli oyratıng, işing bütmöz
 bäg bolıyalı qilintıng»,
 yrılıyng yorımaz
 qilmış işing yayılıy
 sözlämiş savıng tüdüştüg
 yäk içkäk ägirür
 yayı yavlaq altayur
 kün tngri külünti çäringing üzä
 ay tngri badtı qutung üzä
 öz kántüngkä inanıyl
 kántü köngülügingin bäk tutyıl
 at‘özüing küsädsär sn
 kälän käyik müyüzi täg atıng
 küüing kötlürgäy

‘И если выпадает знак, который называется «выходить в поход», то он говорит своим словом: когда выступают в поход, земля разверзается. Когда говорят, слово улетает. Когда сбиваются с пути, не находят дома. Когда заблуждается, не выполняет задуманного. Держи себя твердо. Не действуй вопреки просьбе. Ты плещешься, чтобы перейти реку. Твое дело не будет осуществлено. Ты стремился стать князем; твой приказ не будет выполнен. Содеянное тобой враждебно; сказанное тобою полно неприязни. Демоны окружают тебя, враги зло обманывают тебя. Солнце смеялось над твоим войском. Луна зашла над твоим счастьем. Положись на самого себя! Не теряй самообладания! Если ты будешь осторожен, твое имя и твоя слава возвысятся подобно рогу единорога’.

Идейный мир этой гадательной книги не таков, как у мировой религии, но и не принадлежит области сознания лишь пастухов-кочевников. Не род и

семья, а космические силы, демоны и вместе с ними власть и купеческие интересы играют здесь роль. Обращает на себя внимание, что род (стк.59 и сл., 80, 90), так же как и в енисейских надписях, упоминается перед ханом. Быть может, это указание на выборность правителя? В трех случаях (стк.12, 52, 130) встречается просьба: *yirkä, tngrikä sevinč tut!* ‘Земле и небу принесите радость (радостную жертву)!’. Если это правильно понято, прежде чем о небе (небесном боге) думали о земле (богине земли) как о чем-то более действенном, что является свидетельством еще довольно примитивного мышления. Мы полагаем, что это произведение соответствует идейному миру заинтересованных в торговле городских, но все еще живущих родовым укладом тюрков.

В другом виде гадательных книг в зависимости от обстоятельств сначала приводится совсем короткий эпизод, затем суждение: «Это хорошо», «Это плохо». Такой вид гадательных книг был в ходу у манихейцев и христиан.

Одна из книг этого вида – *ırg bitig*⁷ – написана рунами и по своей форме очень древняя. Ее стиль тоже в высшей степени отшлифован. Перед каждым отрывком нарисованы три группы из одной-четырех точек, т.е. каждый раз делалось три броска продолговатой игровой костью, у которой пятая и шестая стороны никогда не выпадали вверх, так как они были меньше, чем остальные четыре, т.е. были квадратными, а остальные прямоугольными. «Четыре элемента по третьему классу» дают 64 возможности; текст имеет 65 отрывков, т.е. ожидаемое количество с одним дополнением. В соответствии с результатами каждого броска описывается одна простая сцена, затем следует предсказание. Интересы сосредоточены вокруг охоты, животноводства и домашней жизни. Женщины называются «носящие длинные юбки» – указание на оседлый образ жизни с его нарядными одеждами (например, раздел XV):

*üzä tuman turdï
asra toz turdï
quş oyli uça aztï
kiyik oyli yügürü aztï
kisi oyli yorïyu aztï
yana
tngri qutïnya
üçünç yïlta
qop äsän tükäl körüşmiş
qop ögirär säbinür
tir
inča bilinglär
ädgü ol*

Вверху висел туман,
Внизу лежала пыль.
Молодая птица сбилась с пути,
Молодой зверь сбился с пути,
Человеческое дитя сбилось с пути.
Тогда:
по милости неба,
на третий год
все увидели себя снова
в добром здравии.
Все ликуют и радуются.
Вот что это значит.
Знайτε это!
Это хорошо.

Таким же образом построена и гадательная книга, которой пользовались христиане⁸, где суждение: «Это хорошо!» находится не в конце, а в начале каждой главы. Орфография четкая, язык правильный, лишь довольно часто нарушается нормальный порядок слов, что может происходить частично вследствие эмфазы, а частично и потому, что сирийский образец передан согдийцами. Это маленькое произведение имеет скромную литературную и религиозную ценность; религиозный элемент является лишь оболочкой или дополнением.

Кроме того, существует еще большое количество гадательных книг, которые не демонстрируют никакой заботы о высокохудожественной форме и которые на основании языка и орфографии датируются более поздним временем. Содержание некоторых из них можно как-то соотнести с влияни-

ем буддизма⁹, но многие из них преследуют вполне практические цели, а именно: рекомендации для стрижки ногтей¹⁰, стрижки волос¹¹, при подергивании частей тела¹², чихании¹³, укусах мышей¹⁴, нанесении метки и т.п. Здесь не поднимаются вопросы о закономерностях взаимозависимости людских судеб и событий в космосе; эти тексты относятся к позднему периоду духовного упадка.

Песни

Как и повсюду в мире, в Центральной Азии тюркские матери пели своим детям колыбельные песни, молодые люди по весне слагали песни о любви, а воины во время маневров, охоты или в боевом походе затягивали воинственные песни. Поскольку они передавались, конечно, устно, то от них сохранилось очень мало. Одна из книг («Песни»)¹⁵, в которой строчки позднейтюркского письма идут параллельно сгибу, содержит несколько тюркских и монгольских повествований, среди которых и легенда о Нимруде, а также несколько песен. Язык их относительно поздний и в них проявляются уже черты мусульманства. Две песни, однако, кажутся древними народными, их тема – тоска по семье. Четырехстрочные строфы имеют аллитерацию, а второй и четвертый стих – конечную рифму. В каждой строке первой песни по 7–10 слогов, после четвертого слога в большинстве случаев вводится цезура. Во второй песне все строки имеют по 4+4 слога, вторая и четвертая строки заканчиваются всегда словом *ärki*, чаще даже *tärmü ärki*¹⁶:

1. *adaylarım qaçma qulun*
“atam qayda“ tärmü ärki
amraq toymış ini kâlin
“aşam qayda“ tärmü ärki
2. *beldä turıyan beş-on oylan*
“begim qayda“ tärmü ärki
bäzäkliktä qızlar qırqın
bärtärlärmü könglin ärki

3. *qatta turıyan qaç ol oylan*
“qayda begim“ tärmü ärki
qayuşuluq künin kösärp
qayyu ..... ärki?

1. Мои дети, умчавшиеся жеребята,
 Наверное, спросят:
 «Где мой отец?»
 Мои любимые младшие братья
 и невестки,
 Наверное, спросят: «Где мой
 старший брат?»
2. Пятьдесят героев, стоявших
 на моей стороне,
 Наверное, спросят:
 «Где мой князь?»
 Девушки и молодые женщины
 во всем их великолепии,
 Дадут ли они разбить
 свои сердца?
3. Много героев, бывших
 на моей стороне,
 Наверное, спросят: «Где он,
 мой князь?»
 Они ждут дня воссоединения,
 и забота ... наверное.

Таким образом, здесь певец рискнул избрать монотонность стихов равной длины, однако он по меньшей мере в двух последних строках стиха 3 (ср. с такими же строками стиха 2) при помощи инверсии осуществил акцентуацию. Мы обращаем внимание в тексте на то, что в противовес другим членам семьи дочери сами не задают вопроса (см. стих 2).

Плачи

У некоторых тюркских народов плачи считаются женским делом. Будучи импровизацией, они не могли передаваться письменно. Неизвестно, существовал ли этот вид литературы уже во времена древних тюрков. В некоторых древнетюркских рассказах бросается в глаза, что женщины, рядом со многими говорящими персонажами, почти никогда не разговаривают, даже если они описываются как красивые и впечатляющие. За исключением

случаев, когда женщина хочет обольстить мужчину, в ее уста вкладываются лишь жалобы о смерти супруга или сына. Это заставляет предположить, что рассказчику-тюрку в различных историях, заимствованных у китайцев, индийцев или других народов, плач и без указания на него кажется чем-то само собой разумеющимся. В «Сутре золотого блеска» оба родителя с воздетыми руками поют (скорбную) песнь «тагшур» (taŕŕur¹⁷), в которой две строфы, состоящие из строк по семь слогов в каждой. При этом в случае необходимости гласные в конце и в начале слова поются как единый слог:

nä ada ärdi atayim
körkläkiä ögüküm
ölmäk ämgäk näcükin
öngrä kälip ärtürdi

sintidä öngrä ölmäkig
bulayin ay künkiäm
körmäyin ärti munï tæg
uluŕ ačïŕ ämgäkig

Что это была за опасность,
мой любимый,
Самое прекрасное сердечко мое,
Как смертельная мука
Одолела и уничтожила
сначала тебя?

Если бы все же прежде тебя смерть
Нашел я, о мое солнышко!
Тогда я не испытывал бы такой
Большой, горькой боли!

За этим следует более длинный плач¹⁸ из восьми четырехстрочных строф, которые, однако, гораздо ближе к китайскому образцу¹⁹.

Плач матери²⁰ также обозначен как тагшур:

isig özümtä yigräk
///ing* Vipulačantri öz kiäm-a
turŕurmiŕŕ qangëing bo muntay irinč yrly

bult////////ol
qangëing xričantri ilig begkä
/////mäning bo munï tag
ačïŕ ämgäk ///sözlägil

О мое любимое «я»,
Вупилакантра, ты, который был
дорог мне больше жизни!
Это твой отец, тот, кто такой
достойный оплакивания
приказ

Отдал
Отцу твоему, правителю
Харикандра,
Ему расскажи об этой моей
Страшной боли!

Эпос

Героические личности древности обычно глубоко занимали воображение народа, так что отдельные их деяния пересказывались и передавались потомкам, а стихотворные формы повествования становились все более изысканными. Как нам известно из примера некоторых тюркских народов недавнего прошлого, определенная форма повествования об отдельных эпизодах передавалась сказителем его ученику и становилась авторской собственностью сказителя и его последователей. Если бы такое сказание было записано, оно превратилось бы в общую собственность рода, народа или даже чужаков, так что «авторскую собственность» сказителя невозможно было бы сохранить. Только через много поколений находится «Гомер» или иной «Lčnnrot», который уже сам не имеет никакого отношения к строгому закону наследования этого вида собственности. Среди сказаний о героях он выбирает лучшую форму, пытается заполнить пробелы новыми, соответствующими этой форме стихами, и в конце концов таким образом возникает «Илиада», «Калевала» или «Манас». Таким образом, эти произ-

* Косые линии означают число неидентифицированных знаков. (Примеч. переводчика).

ведения имеют гораздо более юный возраст, чем некоторые более древние по происхождению оригинальные сказания.

На древнем восточнотюркском языке сохранился фрагмент эпоса об Огуз-кагане, написанный уйгурским шрифтом. Своеобразие языка выдает его древний возраст. Поэтому кажется закономерным представить его здесь в рамках древнетюркской литературы²¹. Подобно двум древним гадательным книгам, этот эпос также имеет художественную форму самого возвышенного типа. Размеренная рифма, воспринимавшаяся в древности как монотонность, здесь применяется лишь иногда; параллелизм же, напротив, настолько эффективен для восприятия, что уже при простом чтении сразу ощущается мелодия. Насколько же сильнее это должно было действовать при оригинальном исполнении! Изменение нормального порядка слов часто эмфатически подчеркивает смысл. Образные обороты, обладающие сильной выразительностью, выносят изображение за рамки будничности: лицо появившегося на свет младенца-героя было прекрасно, как лик Доброго духа, оно было голубого цвета (голубой = Восток, восход солнца, утро, весна). Уже через сорок дней ноги у него были как у быка, бедра как у волка, плечи как у соболя, грудь как у медведя. Тотчас же он совершает подвиги: играючи справляется с огромным единорогом, который одолел оленя и медведя. В сияющей голубизне открывается ему образ прекрасной молодой девы, красота которой приносит счастье как сам «космос». **Короче говоря – содержание дорыцарское, оно архаично.** По мере развития событий упоминаются исторически известные государства. Это определенно более поздние дополнения или же указания на местность, не имевшую названия в более древние времена. Архаическими формами здесь, вероятно, можно считать следующие.

Иногда часть предложения ставится перед вводимым через параллелизм описанием, чтобы тем самым связать их (стк. 5):

Oşul oyulnung önglüki çirayı kök irdi
ayızı adaş qızıl irdi
közləri al
saçları qaşları qara irdilər irdi

Лицо того сына и вид его были голубыми,
его рот был огненно-красный,
его глаза были красные!
его волосы и брови были черные.

В то время, как первый и второй члены этого периода заканчиваются на irdi, в третьем члене это окончание отсутствует, он оканчивается внезапно словом al ‘красный’ (цвет южного квадранта, лето, полдень, также огонь, следовательно, здесь – огненный), так что слушатель этой цезурой оглушен так же, как и сообщением о том, что глаза были красного цвета. Чтобы затем снова успокоить умы слушателей, четвертый член звучит с игривым излишком глагольной формы irdilär irdi.

В другом месте после выделенного адвербиального определения тихое течение времени выражается тремя одинаковыми простыми глагольными формами (стк. 11):

qirıq kündin song
bädüklädi
yüridi
oynadı

После сорока дней
он стал большим,
он бегал,
он играл.

В одном случае размеренно естественный ход жизни обозначен гармоническим параллелизмом (стк. 15):

yılqılar külti turur irdi
atlarqa minä turur irdi
kik av avlaya turur irdi

Он пас скот.
Он сажился на лошадь.
Он охотился за дичью.

Сразу после этого двойным адвербиальным определением подчеркивается достижение зрелости (стк. 17):

künlärdin song
käçälärdin song
Yigit boldi

По прошествии дней,
По прошествии ночей
Стал он молодым мужчиной.

Теперь слушатель, конечно, ждет чего-то нового, скажем, начала героических деяний. Но сказитель удерживает его, применяя двойное адвербиальное определение (стк. 18):

bo çayda
bo yirdä
bir uluŷ orman bar irdi

В это время,
в этом месте
был огромный лес.

Затем он возвышает голос, агрессивно, как в маршевой песне (стк. 42):

ya birlä
oq birlä
şungqarni öltürdi

Луком,
стрелой
убил он ястреба.

Среди всей этой в высшей степени искусной и впечатляющей прозы помещен стихотворный текст – речь, которую произносит Огуз-каган, обращаясь к своим подданным. Это программа его правления (стк. 96 и сл.):

män sinlärkä boldum qayan
alalin ya taqi qalqan
tamya bizgä bolsun buyan,
kök böri bolsunŷil uran

tämür çidalar bol orman
av yirda yürüzün qulan
taqi taluy taqi muran.
kün tuŷ bolŷil kök qurŷıqan

Я стал вашим королем.
Возьмемся за лук и щит!
buyan должен быть нам
отличительным знаком,
«Голубой волк» да будет нашим
отличительным кличем.
Железные копья – густой лес.
В охотничьих угодьях
могут бегать куланы.
Через все моря, через все потоки
будь, солнце, нашим знаменем,
небо – нашим шатром!

Эти рифмующиеся двустопишия имеют по восемь слогов каждый, вероятно, можно даже сказать – по четыре подъема. Стихи, видимо, более поздние, чем художественная проза. Позднее они стали столь излюбленными, что многие из них вошли, например, в изданную сначала Е.Росси²², а затем Мухарремом Эргином²³ «Книгу деда Коркуда». Из-за немногих сохранившихся слов неясно, является ли текст о Нимруде²⁴ повестью или же эпосом.

Повести

Сказки так же, как и эпос, принадлежат к передаваемой устно, а именно к исполняемой литературе, и поэтому они не сохранились, однако до нас дошло большое количество повестей, которые иногда близки к этой категории.

Й.Прушек²⁵ считает буддизм благодатной почвой для всего богатого народного письменного творчества Китая, а именно – для повестей, романа, драмы, эпических песен и др.²⁶ Иногда ріен-вкп, т.е. буддийские повести в стихах с вкраплениями прозы, которые были найдены в рукописях из Дуньхуана, он характеризует как непосредственный источник всех более поздних форм китайского письменного народного творчества²⁷. Прушек, та-

ким образом, ищет истоки китайского народного искусства в Центральной Азии, и мы предполагаем, что они находились не только в буддийской сфере. Теория Прушека убедительна, так как известно, что в раннем средневековье в Китае были очень популярны танцы, пантомимы и некоторые мелодии – или «напевы» (?) – из Хотана, Кучи и др. Поскольку речь идет о народном искусстве, мы можем представить себе, что оно распространялось приблизительно так же, как ярмарочные представления. Они, как и сказки, являются мировым достоянием. Одни и те же трюки я видела во время ярмарки «Доминика» в Данциге в 1910 г. и на ярмарке в Пекине в 1938 г. Известно ведь, что и немецкое слово «ярмарка» употребляется в современном языке халха-монголов. Центральная Азия – страна транзитных дорог, караван-сараяв и ярмарок – должна была быть идеальной почвой для расцвета любых видов народных увеселений, в том числе и для искусства литературного исполнительства. Сказки, повести и басни передавались, переделывались и исполнялись в измененной форме с новыми идеями.

В противоположность сильно сокращенному в языковом отношении эпосу и торжественным древним гадательным книгам, повести исполнялись на живом разговорном языке. Для этого литературного жанра тюрки должны были значительно обогатить свой язык. Как будет указано далее, многие из этих повестей включены в буддийские и манихейские произведения, и именно здесь должен быть представлен разговорный язык. Авторы в соответствии с живыми ситуациями текстов учились быть выразительными: увеличивалось число падежей, посредством комбинаций со вспомогательными глаголами произошла дифференциация времен, многочисленные виды действия с этого момента начали выражаться при помощи дескриптивных глаголов, функции ограниченного числа падежей уточнены большим количеством послелогов.

Сложные синонимы теперь углубляют содержание понятия, ставший более гибким разум требует уже большего словарного запаса, и поэтому с помощью нормальных словообразовательных элементов создается множество новых, вторичных словарных основ. Таким образом, в языковом отношении деятельность рассказчиков оказала на тюрков непосредственное воспитательное воздействие. Буддийские, манихейские и христианские миссионеры не находили тюркских эквивалентов для своих теологических понятий и переводили стилистически сообразно собственному синтаксису, чуждому тюркам, употребляя заимствования для более сложных понятий. Тексты повестей, напротив, стремились воздействовать на народ, религиозные рассказчики должны были быть поняты всеми, поэтому они имели смелость даже сокровенное выражать в мирской форме, т.е. на разговорном языке; и тем самым они становились творцами языка!

БУДДИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Повести

Ученые монахи использовали храмовые праздники, чтобы собравшемуся народу легкодоступными повествованиями разъяснить сложности религиозного учения. Эти повести были уже известны и созданы в соответствии с определенной традицией – они были включены в сутры или «Vinayapitaka», однако часто их рассказывали и безо всякого обрамления. Так, санскритская «Divayavadāna» представляет собой сборник назидательных повестей. Вероятно, рассказчик был свободен в выборе развязки уже известного сюжета и мог, пользуясь этим, усилить впечатление от своего повествования. Рядом с индийскими возникали также китайские (например, «Sien-yu-king», 445 г. н.э., записан в Хотане), сакские и согдийские сборники повестей, а затем и тюркские. Некоторые повести мог-

ли быть индийского происхождения, другие же в процессе передачи были составлены из различных элементов и превращались в новые «цепочки мотивов», так же, как это происходило (см. Эберхард и Боратав²⁸) в турецкой сказке. Таким образом, бессмысленно искать «верную» или первоначальную форму какой-либо повести, ведь именно отличительные особенности отдельных народов могут быть в высшей степени интересны в социальном аспекте. В буддийском облачении повести – это джатака или авадана, т.е. изображение раннего существования одного из будд или бодисатв. Герой рассказа – человек, бог, демон-йакша или животное. Он совершает необыкновенные поступки и жертвует собой ради блага своего ближнего. Звери, как в баснях, действуют подобно людям.

Повести, пересказанные на древнетюркском, восходят большей частью к более крупным сборникам типа «Daśakarma», или «Daśakarmabuddhavādānamāla». Этот сборник считается переводом или переработкой с языка тохры (или языка Ugu-kūšān) или других, но не непосредственно из санскрита или китайского. Редактор называет себя śāstrakara ‘знаеток шастр’, а обрамляющий рассказ состоит из вопросов ученика «титси» к своему учителю «бахши», которые дают учителю повод для назидательного повествования – литературный жанр, известный также в индийской литературе. Изображение событий, в полной противоположности манихейским повестям, чрезвычайно живое, иногда даже драматичное. Оно должно было сопровождаться оживленной мимикой и жестикуляцией. Герои, короли, придворные, купцы, жены, гетеры, демоны или существа, воплощенные в образах животных, типизированы через манеру своего поведения, как мы видим это в позднем китайском театре: их речь то полна вдохновения, то сурова, добродушна или нежна. Подобную способность к типизации мы наблюдаем и у древнетюркских

художников на турфанских фресках, примерно на 13 картинах из Безиклига, изображающих сцены *pranidhi*²⁹. Образ мышления этих повестей простонародно-наивный. Только в представлении совершенно бедного народа высшей и почти единственной добродетелью короля могла быть раздача милостыни, по возможности до полного оскудения казны. Брахманы здесь – не члены привилегированной касты или старцы, стремящиеся к истине, а равнодушные аскеты, имеющие сверхъестественный облик. Единственное назначение женщины – служить отрадой для глаз и сердца и утешать героев в любом, в том числе и причиненном ими самими, страдании. Монахи мудры и кротки, министры всегда подчиняются мнению князя. Таким образом, все психологические осложнения устранены, и повествование оказывает воздействие лишь благодаря внешним событиям и поведению главного героя, которому угрожают гнев, жадность или ослепление какого-либо из персонажей второстепенного значения, т.е. результаты их врожденных дурных наклонностей.

Повествование насыщено радостью обладания богатством, интересом к невиданным дальним странам, наивным ожиданием счастья, достигнутого по возможности простыми средствами, кроме того, подробным, ярким описанием дворцов, полными опасностей путешествиями и стремлением к желанной жемчужине, исполняющей все заветные желания. Что действительно отличает эти повести, несмотря на наивность сюжетов, так это драматичность изображения, предпосылка для развития театрального искусства.

Некоторые из рукописей иллюстрированы. Поскольку эти повести предназначались для устного исполнения, мы предполагаем, что эти иллюстрации были только набросками для картин большего формата, которые вывешивались перед публикой и – как в нашем уличном пении – показывались исполнителями. О том же есть свидетельства из Древней Индии, это одна

из форм культурных народных развлечений.

Количество фрагментарно сохранившихся повестей велико; остроумие и терпение, с которыми А.Ф.Лекок и Ф.В.К.Мюллер составили единое целое из обрывков различных списков, достойны восхищения!³⁰

«Naricandra»: король назван не qayan, а ilig или tegin; 'ханский трон' – el xan oqunp. Своих министров он называет qanqlarpm buyuqlarpm – указание на древнее семейное господство. Придворные дамы рассматриваются как вещь, которая может быть подарена, хотя король обращается к ним ласково singillärim 'мои сестрички'³¹.

«Kañcanasāra»: повесть иллюстрирует чрезвычайную ценность одного-единственного буддийского назидательного стиха³².

«Mahendrasena»: здесь упомянуто садистское средство для избавления больного от недуга – с этой целью его обмазывают мясом другого человека³³. Оно действительно упоминается также в одном медицинском тексте³⁴.

«Priyankara»: принц-бодисатва изнурительным самобичеванием добивается от одного брахмана некоторых разъяснений по поводу буддийского учения о бытии³⁵.

О стойком принце. Подобно предыдущему, принц жертвует свои кости (для ?), свою кожу в качестве материала для письма и свою кровь для разведения туши, чтобы услышать что-нибудь из учения о бренности³⁶.

«Saddanta»³⁷: рассказ, который среди прочих имеет варианты на китайском³⁸ и на «тохарском»³⁹. Бхадра, выбор супруга которой описывается в другой повести⁴⁰, обременена одним событием из предыдущего существования: будучи слонихой, она была не замечена слонем. Поэтому теперь она его ненавидит. Он же теперь родился вновь слонем с шестью бивнями, и она требует от своего супруга, короля Брахмадатты, чтобы тот его убил. Охотники, которым поручено это дело, обращаются к королю чисто по-древ-

нетюрски: yaŷiz yir ärkliğı uluŷılıŷı. То, что охотник, одетый в платье kasaya, скрывается в цветах pāgaruŷra, является указанием на культ Майтрейи. Слон видит охотника, однако он не взволнован предупреждением своей слонихи, поскольку в такую же одежду будет облачен и Майтрейя. Охотник целится и попадает в него. Не впадая в один из трех грехов – гнев, слон позволяет охотнику вынуть все шесть своих бивней и почти умирает от боли. Боги проявляют интерес к этому чрезвычайному событию, удивлены им и спрашивают по поводу такой стойкости, не хотел ли слон этим завоевать трон, как Индра или Брахма. Рассказчик заставляет богов высказывать такие соображения, чтобы иметь возможность толкования. Слон возражает, клянясь, что он говорит правду: «Раз я вождь в Samsāra, и раз я не испытываю гнева против охотника, все мои бивни снова будут прочно стоять на месте!» (окончание отсутствует).

«Kalmāsapāda и Sutasoma»⁴¹: правитель происходит от человека и тигрицы и потому становится людоедом. Он удивлен другим правителем, его верностью своему слову. Он сражен одним лишь звучанием слова «Будда» и выслушивает поучения: «Будды прекрасны подобно дворцам богов... Когда они медленно вступают туда, содрогается тяжелая госпожа – богиня Земля (aŷir uluŷ yir tngri qatunı). Они безразличны к похвале и порицанию, благосклонны ко всем» и т.д.

Повесть о силе любви⁴²: тема – смятение, порожденное любовью. При запретных отношениях между мужчинами и женщинами нельзя прибегать к пению, сочинению стихов и писанию писем (yırla-, taŷsur-, bitig bitit-), чтобы понравиться женщине. В повести греховные отношения между одним мужчиной и его невесткой продолжают и в следующем существовании. Против этого, учит Будда, помогает декламация «Maitreyasūtra». Таким образом, этот текст также относится ко времени особого почитания Майтрейи.

В некоторых повестях рассказывается о гигантских могучих йакша. В одной из них⁴³ Арджуна похищает дочь одного из йакша, от преследования которого его защищает брат – история из сокровищницы брахманских рассказов.

Другая повесть⁴⁴ рассказывает о борьбе Будды против йакша Атавака, людоеда, которого он при помощи волшебства побуждает к чудесам и тем самым отвечает на вопрос о религиозной истине.

Еще одна повесть⁴⁵ о борьбе Будды против демона болезни Каштана. Параллельная версия этой повести содержится в китайском варианте «Avidyarakṣasūtra»⁴⁶. Место действия – Ujjayīni, страна, которая упоминается во многих историях о волшебствах и демонах.

В отрывке⁴⁷ рассказывается о жертвенной смерти обезьяны.

«Dantīpāla»: повесть о возмездии за убийство живого существа⁴⁸. В одном из отрывков заяц-джатака рассказывает о стремлении зайца и его спутницы к добродетели⁴⁹.

«Tīśastvustik», т.е. «Diśastvustika-sut-
ga»⁵⁰, рукопись в форме книги с вертикальными строчками и подстрочными глоссами на брахми, содержит самостоятельную и подробную переработку рассказа о встрече Будды с двумя торговыми людьми Трапуса и Бхалика. Текст на хорошем тюркском языке содержит среди прочего и магическое учение и обещает защиту странствующим купцам, т.е. составлен специально для населения Турфана. Это маленькое произведение близко «Mahamauryi». Кубера упоминается как городской бог Хотана. Это произведение с его достаточной степенью народной веры наверняка было отредактировано жителями Центральной Азии.

Повести, включенные в более крупные произведения, – это повести о «Голодной тигрице» в «Сутре золотого блеска» и повесть о чиновнике в голубом, которая имеется в первой главе ксилографа того же произведения,

но отсутствует в рукописных копиях. Таким образом, она является поздней интерполяцией, а именно – из тибетского. Пространная история о Кальянамкара и Папамкара включена в относительно поздний манускрипт из Дуньхуана⁵¹. Ее китайская версия интерпретирована Э.Шаванном⁵², тибетская версия имеется у И.Й.Шмидта⁵³ и у Ф.А.Шифнера⁵⁴. Поскольку древнетюркская версия ближе всего к тибетской, она должна была возникнуть относительно поздно.

Выше мы упоминали об участии богов в происходящем на земле, выражавшемся в удивлении, вопросах и комментариях к событиям, т.е. о теоретическом участии. В авадане о демоне Атавака борьба демона против Будды, происходящая в его собственной глубокой пещере, описывается всевидящими богами. Таким образом, функция богов – разъяснять слушателям смысл событий, быть выразителями их тревоги или даже описывать те события, которые во времени или в пространстве происходят вне арены действий. Это соответствует предположению о том, что во время исполнения некоторых особенно драматических повестей вывешивались рисунки или кулисообразные декорации, чтобы в течение определенного времени наблюдалось «единство места». С большой вероятностью мы можем принять это и для древнетюркской версии «Maitrisimit», школы Вайбхасика⁵⁵. Это переработка, но не перевод с так называемого тохарского. В начале каждой главы говорится: «Этот вопрос учения, необходимо знать в...». Небожители, которые обсуждают здесь предположительное развитие событий, случаи из прошлого, служившие образцом, или одновременные действия в другом месте, – это Вайсравана, защитник-покровитель Центральной Азии, и некоторые небесные военачальники. Если, кроме того, все произведение обозначено еще как «представление» (kōrūñč), вряд ли мы можем сомневаться, что при этом работали с простыми кулисами, могли

иметь место и костюмы. Текст, вероятно, воспроизводился с драматургическим распределением ролей. Таким образом, это произведение следует считать началом театрального искусства, из которого развились храмовые представления в том виде, в каком они разыгрывались ламаистами еще в недавнее время.

После того, как речь шла (вслед за эпосом) о повестях, в частности о буддийских, теперь можно рассказать о других произведениях этой религии, причем из-за фрагментарного состояния рукописей лишь немного может быть определено с достоверностью и, таким образом, невозможно предложить обычную буддологическую классификацию.

Сутры

Некоторые рукописи из местности Сучжоу обозначены китайским знаком как «агама». Довольно толстая бумага с лощеной поверхностью и поздний дукт вертикально расположенного уйгурского письма с вставленными китайскими примечаниями существенно отличают эти рукописи от турфанских. В противоположность названию «сутра» это не собственно классические тексты, а уйгурские комментарии к отдельным местам китайских версий.

В Берлинском собрании китайских рукописей содержится большее количество списков 25-й главы об Авалокитешваре из «Лотоса благих законов». Точно так же многочисленные списки древнетюркской версии в большинстве своем содержат ту же самую главу⁵⁶. Древнетюркская версия в начале и в конце всех сохранившихся списков соответствует китайскому переводу Кумарадживы, который был создан между 384 и 417 гг. В середину вставлен отрывок на хорошем тюркском языке. Ленинградский список составлен по желанию светского лица по имени Дамогуч Сали. Определяющим для центральноазиатского происхождения вставки является клятва

купцов и караванщика в минуту опасности⁵⁷.

«Сутра золотого блеска» («Altun yağıq») имеется в Берлинском собрании фрагментарно в шести списках из Турфана, и почти полный ксилограф ее находится в Ленинграде. Из берлинских списков самый обширный, судя по шрифту, является довольно древним и, вероятно, датируется X в. Он выполнен в формате больших листов поти. Остальные похожи друг на друга, они имеют формат малых листов поти и примерно на 200 лет моложе. Ленинградский ксилограф, найденный в Ганьсу, относится к 1687 г.! Его издание В.В.Радловым и С.Е.Маловым – не факсимиле, в нем текст набран уйгурскими литерами в соответствии с прочтением издателей. Все рукописи, относящиеся ко времени до начала печатания, и оттиск восходят к переводу Сынгку Сали из Бешбалыка, который работал, вероятно, около 930 г. Он пользовался китайской версией «И-цзин». Оттиск расширен некоторыми комментариями, которые до сих пор не удалось обнаружить в берлинских списках.

В.В.Радлов считает текст «Kuan-ši-im Pusag» (с.VII) «Шесть объектов чувств» (с.91–103) фрагментом из Prajñāpāramitā-sūtra. **Однако эти разъяснения по поводу учения о сознании могут являться в действительности частями других текстов.** Рукопись напоминает самый большой из берлинских списков «Сутры золотого блеска» и, вероятно, выполнена тем же писцом.

Во многих текстах упоминается «Maitrisudur». **Однако это произведение до сих пор не найдено, и нельзя сказать, имелось ли оно на древнетюркском языке.** Свидетельством культа Майтрейи, кроме упомянутой выше игры с изображением Майтрейи, является также «Повесть о силе любви» (см. выше), затем фрагмент у Радлова – Малова⁵⁸: «Вера в бога солнца, нашего помощника и друга, в Майтрею и его грядущее появле-

ние в этом мире». Кроме того, верующие очень часто в конце покаянной молитвы доверительно обращаются к Майтрейе. По времени за почитанием Майтрейи следовал культ Будды Амитабы. Имеется не очень древний список «Abitaki», т.е. китайский «A-mi-to king» = «Amitābhasūtra», выполненный в формате малых листов поти. Частично он находится в Пекине, частично в Париже, несколько листов хранятся в Анкаре. Это, вероятно, расширенный перевод с китайского⁵⁹.

Другой текст об «Amitābhasūtra», видимо «Amitāyaṣavyūha»⁶⁰, содержит много санскритских глосс, которые, скорее всего, не имеют отношения к древнетюркскому тексту.

К относительно позднему времени относятся тексты нескольких апокрифических сутр, из которых сохранились некоторые списки и оттиски: «Säkiz yükmäk» представляет собой дословный перевод китайского «Foshuo-pa-yang-shen-ch'ou-king»⁶¹. Кроме многочисленных рукописей и ксилографов в Берлине, а также в Лондоне, Токио и Ленинграде, которые уже опубликованы⁶², теперь имеется еще одна у Хуан Вэньби⁶³ и другая, письмом брахми⁶⁴. Текст содержит краткие формулы буддийского учения о сознании, связанные с темой медитации, затем рекомендации для повседневных нужд, подобные практиковавшимся в Китае предписаниям по домашнему хозяйству. Кроме того, имеются космологические умозаключения о четырех квадрантах макро- и микрокосма с их цветами и животными, и наконец, еще и формула волшебства, которая присутствует также и в классических сутрах. Таким образом, этот текст довольно разносторонен, к тому же он достаточно краток, чтобы светские лица могли его читать с минимальным напряжением. Вероятно, поэтому он был широко распространен и популярен в свое время.

«Сутра о семи созвездиях» («Yitikanäsudur») ⁶⁵ сохранилась в нескольких рукописях и оттисках; она была пе-

реведена на тюркский в 1328 г. Один из имеющихся оттисков относится к 1329 г., другой – к 1373 г. Этот тантристский текст содержит гадания и магию, которые обращены к божествам созвездий.

Ленинградский ксилограф сутры «Arya gājavavādaka»⁶⁶ относительно недавний, поскольку в нем встречаются перебои *t/d*, *s/z* и *q/γ* в середине и конце слова. Текст выполнен на хорошем тюркском языке⁶⁷. Фрагмент содержит проповедь Будды к Прасенаджиту, правителю Кошалы. Колофон может быть приведен в качестве примера: *änät-käk ilindäki upädyäyi çinamitri šila intira bodi-li kälämäçi inyana sin toyin üzä ävirtilip, yangi til üzä yma säpilir orunqa intürülmiš ärür. bodstv oγus-luγ xaγan han yrliγi üzä qoludi sangga širi töbüti tilintin yangirti uyγur tilingä...*, Upadhyaya (монахи-проповедники) по имени Джинамитра и Силендрабодхи велели перевести это (на тибетский) монаху Иньянасена, исправили (*säpil*) и установили (*orunqa intürül-*) на новом языке. По велению императора и короля из рода бодисатв Qoludi sanga šri снова (переложил) это с тибетского языка на уйгурский язык...?

Отрывок из «Mahamayurisūtra» приводится у Радлова – Малова⁶⁸.

Фрагмент оттиска на хорошем тюркском языке, в противоположность мнению В.В.Радлова⁶⁹, выдержан в стиле второй половины «Сутры золотого блеска». Речь ведут бодисатвы Сарасвати и Самантапатири.

Благодарственная молитва⁷⁰, возможно, восходит к одной из «Buddhaśastra».

Покаянные молитвы

Возможно, среди древнетюркских текстов есть переводы из винайя. Однако «Пратимокша», т.е. предписания для монахов и монахинь, не могли быть записаны на древнетюркском (д-р Д.Шлингloff, устно), они существовали лишь для внутреннего употребления монашеской общины,

светским же лицам не разрешалось присутствовать при их ежемесячном прочтении. Если сами «тохары» никогда не переводили эти предписания из винайя, а лишь комментировали их, т.е. если они читали их на санскрите, это должно было быть безоговорочно принято тюркскими монахами. Они читали пратимокша или на санскрите, или же на каком-либо другом «церковном языке», на сакском или «тохарском». Древнетюркские буддийские тексты служили иногда лишь миссионерским целям и воспитанию светских кругов.

Среди древнетюркских рукописей имеется довольно много покаянных молитв для светских лиц.

«Kṣanti qīlyuluq nom» (неопубликовано) представляет собой перевод китайского «Ts'u-pei-tao-ch'ang ch'an-fa»⁷¹, который был переведен на китайский неким Ань Шигао, монахом из Бухары, уже в I в. н.э.

«Сутра золотого блеска» содержит обширный текст покаяния⁷²; более короткие покаянные молитвы были записаны на книжных свитках по поручению госпожи Утрет⁷³, госпожи Кутлуг, ее дочери и сына⁷⁴ и другими верующими⁷⁵.

Кающиеся вспоминают о знаменитых личностях прошлого, которые, согрешив, признались затем в своих грехах, раскаялись и совершили кшанти. После этого они получили кшанти от монашеской общины и вновь стали чистыми. На основании такого благотворного примера упомянутые в манускрипте лица также думают теперь вымолить кшанти у «будд трех времен», у «жемчужины учения» и у монашеской общины. Поэтому индивидуального признания в грехах нет, но, принимая во внимание бесконечность существования в прошлом и будущем, перечисляются все теоретически возможные грехи и, таким образом, потенциально порождается раскаяние. Эти выражения покаяния, которые вводятся в молитву, не имеют систематического построения: рядом с таким ужас-

нейшим преступлением, как убийство матери, стоит, например, кража жертвенной пищи – для монахов, плотские наслаждения не запретны для светских лиц, профессия же палача упоминается как греховная. Возмущение против рода и закона (el tögü), раздор между городом и империей (т.е., вероятно, между издавна оседлыми городами и правящими пришлыми тюрками) изображаются как преступление, однако точно так же представляется и любая военная деятельность, без различия между нападением и защитой. Кающиеся просят отпущения грехов не только для себя и своих любимых, но и для всех живых существ. Таким образом, осуществляется идентификация целой массы всех вообразимых грехов и, вследствие греховности, идентификация всех страждущих. Перед лицом Будды в прошлом, настоящем и будущем, шестнадцати махашравака под главенством Пиндола-Бхараджайя и перед лицом еще пребывающего во дворце Тушита Майтрейи и остальных 496 бодисатв Бхадракалпы делается признание. Выдвигается следующее соображение: «Что за польза раскаиваться лишь в муках ада – Avici! Мы должны сделать это уже сейчас и избавиться от неизбежности пребывания в глубинах ада!».

Последнее, вероятно, объясняет происхождение этой формы покаяния для светских лиц. В «Maitrisimit» рассказывается, как Будда Майтрейя волшебством показал своим приближенным грешников в «малом», или «боковом», аду и их мучения. Когда сияние от Угна Майтрейи успокоит этих страждущих, они сподобятся также увидеть Будду и его окружение. Некоторые из них жалуются на страдания, но признают, что они заслужили их за определенные грехи, и сознаются во всех когда-либо совершенных ими грехах монашеской общины, собравшейся вокруг Будды Майтрейи. Тут на них нисходит благодать, они становятся способными воспринять учение Будды, и у них возникает желание к познанию этого

учения. Тотчас же они расстаются с телами, которые имели в аду; они снова рождаются и в новой жизни получают возможность приобщиться к учению Будды. Другие же обитатели ада в стыде отворачиваются и прячутся, чтобы Будда и его приближенные не смогли увидеть их в этом месте наказания. Тут их подхватывает «ветер злого деяния» и бросает их в глубочайшую «бездну ада без возврата». Потрясенные приближенные Будды спрашивают, каким образом возникает подобная разница в поведении. Майтрейя объясняет, что первая группа уже при жизни привыкла к покаяниям, так что теперь это не стоило им большого труда. Последние же еще раньше ожесточили свое сердце и были поэтому недоступны Спасению, т.е. Будда Майтрейя логически связывает призыв к раскаянию с точным фактом покаяния и обстоятельствами ближайшего будущего. Это было, таким образом, вступлением к истинному, психически действенному раскаянию, которое было связано с культом Майтрейи. Перечисление всех мыслимых грехов в более ранних книжных свитках, напротив, показывает, что это тщательное и глубокое исследование души скоро вновь стало формальным, а с появлением культа Амиتابхи исчезло окончательно.

В целом эти покаяния означают, что в буддизме Центральной Азии мирянам придавалось важное значение. Это было, видимо, результатом религиозного рвения и щедрости светских феодалов в Уйгурском государстве.

Магические тексты

Если уже в таких классических сутрах, как «Altun yuğuq», содержатся магические формулы, то нет ничего удивительного в том, что с притуплением религиозного чувства ко времени начала распространения тантризма тексты с магическими формулами дхарани в качестве ядра создавались или хотя бы переписывались с верой в их действенность в немалом количестве.

Текст «Sarva-durgati-pariśodhana-uṣṇīsa-vijaya-dharani»⁷⁶ приблизительно соответствует произведению⁷⁷, которое было переведено на китайский в 676 г. Одному из божественных сынов предсказывается конец его небесного существования и жалкое возрождение больным, слепым человеком. В ужасе он спешит к богу Индре, чтобы получить совет и помощь. Король богов замечает, что сей божественный сын должен был бы возродиться даже в облике свиньи, собаки, лисы, обезьяны, ядовитой змеи, орла и ворона. Чтобы уберечь его от таких страданий, Индра обращается к Будде и получает для того, над кем нависла угроза, формулу заклинания, которая обладает силой такого рода, что должна быть записана и укреплена на видном издалека месте, например, на верхушке знамени. Кого коснется хотя бы ее тень, становится безгрешен. По пятнадцатым числам месяца надо мыться, чистить свою одежду и поститься. Если после этого тысячекратно повторить формулу заклинания, все страдания останутся далеко, и (с.44, стк.26; с.46, стк.60) новое рождение произойдет в стране Сихавати (т.е. культ Амиتابхи).

«Ārya-sarva-tathāgata-uṣṇīsa-sitatapatrā-nāma-aparājītā-dhārāni», древнетюркское «Alqu-ančulayu kälmişläřning uşnir lakşan-larintin önmiş atı kötrülmiş sitatapatra atly utsuqmaqşız darnı»⁷⁸ сохранилось в виде ксилографа с подстрочными санскритскими глоссами письмом брахми; орфография характерна для позднего времени. Произведение представляет собой довольно точный перевод № 1016 по каталогу В.Наңжо, которое было переведено на китайский в эпоху Юань. В обеих версиях заметно тибетское влияние.

«Dharanisūtra», которую читали для помощи при родах⁷⁹, и еще один фрагмент другого текста такого же рода относятся к сравнительно недавнему времени.

Склонность к магии и к истолкованию чисто случайных событий с

течением времени у древних тюрков все более, очевидно, расширялась, ср. (ТТ IV, стк.16 и далее): «Среди живых существ... много таких, которые почитают демонов и колдунов (qam); они гневаются на землю, небо, будд, род, короля, князя и княгиню»⁸⁰ (стк.130): «Когда-то были верующие, которые не спрашивали пророков и астрологов»; (стк.229): «Почему ради мертвого тела выбирается благоприятный день (для погребения)?»; (стк.245): «Хорош каждый год и каждый час»; (стк.257): «Календарь считается полезным, но для несправедливости»; (стк.264): «Напрасно обращаются к bikäci (< сир. 'христианский мудрец'?), пророкам и звездочетам. В действительности все происходящее является результатом собственных действий». Несмотря на эти неодобрительные слова, в «Säkiz yükmäk» влияние тантризма не отразилось. В противоположность древним гадательным текстам, написанным на довольно чистом тюркском языке с их отработанной формой, имеются, как показывают орфография и язык, в высшей степени тривиальные тексты более позднего времени, в которых термины волшебства индийские, а календарные обозначения зачастую китайские.

Тантристским является текст, помещенный у Хуан Вэньби, а также «Волшебный ритуал»⁸² – произведение, которое близко тибетскому «Demčogtantra» и переведено на уйгурский («Punya-śri»). Это последнее важно с точки зрения истории церкви, так как там перечисляются «дважды двадцать два учителя» от Ваджрадхары до Сакья пандита и Пхасбы, т.е. перечень доходит вплоть до XIII в.

Наряду с астрологическими имеются также и астрономические тексты, которые написаны не для магических целей, а для исчисления буддийских храмовых праздников и др. Характер календаря имеет также один из текстов, опубликованных Радловым – Маловым⁸³, и другой, написанный на брахми⁸⁴. Это лист календаря, кото-

рый, по сообщению Л.Базена⁸⁵, должен быть датирован 1277/78 г. В ТТ VIII помещен еще один подобный текст⁸⁶. В его содержании нет ничего, что бы говорило о принадлежности к буддизму. Но это можно предположить, исходя только из того обстоятельства, что для него выбрано письмо брахми.

Филология

Выше уже указывалось на спонтанное развитие языка благодаря практике рассказывания и письменному фиксированию повествования. С течением времени к этому прибавлялось планомерное совершенствование языка в схоластических интересах, а иногда и стремление правильнее передавать имена и термины из санскрита или же точнее их переводить.

О подобных целях свидетельствуют санскритско-древнетюркские сборники примечательных слов из определенных классических произведений, таких как «Udānavarga»⁸⁷, «Samyuktagama»⁸⁸, глоссы, отрывки или параллельные санскритско-древнетюркские тексты из «Mahāvagga»⁸⁹, «Catusparšatsūtra», «Mahāvadanāsūtra»⁹⁰ и даже из одной небуддийской индийской поэмы⁹¹. Все эти тексты, выполненные письмом брахми, относительно поздние, относятся, вероятно, к X в. Таким же образом, как уже отмечалось, в «Сутре золотого блеска» к выдержкам из текста даны более пространственные пояснения на древнетюркском. Более поздним (применявшимся в основном в ксилографах) является метод, при котором подстрочно добавлялись санскритские – и совершенно неверные – эквиваленты письмом брахми к отдельным, написанным или напечатанным уйгурским шрифтом именам или терминам (например, «Tiṣastvustik», «Dharani» и др.).

Так же, как в Китае, правильная передача санскрита стала возможной только со времени эрудированного и пунктуального Сюань-Цзана (VII в.), в древнетюркском лишь к концу существ-

вования Уйгурского государства начали ценить филологическую точность. В этот период мы можем предполагать существование прямо-таки академий, в которых над переводами работают специалисты по разным дисциплинам: знатоки санскрита, согдийского, сакского «тохарского» и китайского; догматики, стилисты, фонетисты и др. Мы предполагаем это на основании изучения тюркских текстов IX–XIII вв. и методов деятельности китайцев и монголов. Уйгурские ученые были привлечены к переводам сочинений на другие языки⁹². В предисловии от 1306 г. к каталогу буддийских произведений того времени⁹³ в качестве сотрудников названы 29 ученых и знатоков китайского, санскрита, уйгурского и тибетского, которым, как следует из более раннего предисловия 1289 г., было поручено сравнивать тексты, сверять переводы, перепроверять их и придать окончательную форму переизданию в целом, выполненному по приказу императора Хубилая. Эта работа продолжалась с 1285 по 1287 г. Среди занятых в ней ученых находились некий Шрамана из Бешбалыка и «академик» по имени Тойин Тутун, которые должны были переводить уйгурские слова. Необходимость знания иностранных языков переводчиками буддийских книг засвидетельствована также Ф.В.Мюллером⁹⁴.

Согдийская версия «*Vajraçhedikasūtra*» переписана человеком, носившим тюркское имя Кутлуг, а два из «тохарских» списков «*Maitrisimit*» сделаны по распоряжению лиц с тюркскими именами.

В относительно позднее время, т.е. в период монгольских династий Китая, мы видим возрождение буддийского религиозного рвения⁹⁵. С 1246 г. Кодан, сын Угэдэя, имевший своей резиденцией Ганьсу, стал проявлять интерес к буддизму. С 1253 г. при Хубилае, ставшем великим ханом в 1260 г., находится тибетский монах Пхасба. Примерно с 1275 г. всемогущий и внушающий страх министр

Сенге, уйгур, определяет также дела церкви⁹⁶. В 1264 г. буддийская церковь получает самоуправление. Это могло послужить поводом для благословения всей императорской семьи в послесловии к оттиску «*Yetikänsudur*».

Свидетельством учености уйгурских буддистов является ТТ VB⁹⁷: это произведение о «вере» (скр. шрадха) часто ссылается на другие классические произведения, но не только на самые известные сутры и шастры, а также на китайские конфуцианские труды, а именно на «Лунь-юй» (стк. 103 и 112) и «Чунь-дзю» (стк. 120).

Манихейские рукописи

То обстоятельство, что все манихейские рукописи сохранились в крайне фрагментарном состоянии, создает при малом формате манихейских книг совершенно особые трудности для идентификации. К тому же наши знания о манихействе до открытия турфанских находок ограничивались высказываниями его противников, и наконец, известно, что в каждой стране оно стремилось приспособиться к формально господствующей там религии. По этим причинам сначала было весьма трудно решить, какие тексты должны рассматриваться как манихейские. После важного открытия Ф.В.К.Мюллера, что в этих рукописях представлена действительно подлинная литература манихейцев, а некоторые тексты содержат типичные высказывания, в сомнительных случаях иногда ориентировались уже по материально-формальному признаку: тексты относительно малого книжного формата с манихейским письмом иди с более мягким дуктом уйгурского письма, а также с пунктуацией, в которой имелся красный кружок вокруг одной или петля вокруг двух черных точек, рассматривались как вероятно манихейские. Лишь относительно нескольких отрывков сохранились сомнения, не воспользовались ли когда-либо маги, христиане или буддисты в

силу существовавшей тенденции формами, принятыми в манихейской письменности (имеются в виду отрывки о Митросе⁹⁸, об агнце⁹⁹ и вопросы монаха Ананды¹⁰⁰). Эта мысль, возможно, останется неподтвержденной, все три текста могут также принадлежать и манихейской письменности.

Некогда «религию света» среди тюрков распространили согдийцы: среди уйгуров – с 762 г., а среди тюрков Кашгара и Таласа, – несколько раньше. Некоторые из древнетюркских манихейских текстов, которые определяются как более ранние по роду бумаги, орфографии и несовершенству языка, отчетливо демонстрируют среднеперсидское посредничество. В противоположность этому более поздние тексты в языковом отношении безупречны или даже отшлифованы. Несмотря на то, что «тохарские» тексты имеют почти исключительно буддийское содержание, лишь один из древнетюркских текстов¹⁰¹ был удивительным образом переведен с «тохарского» и притом в довольно позднее время, возможно – в X в. Синкретизм являлся основой манихейства, отсюда многочисленные приспособления религиозных форм и образов к культуре Митры, буддизму и христианству. Отсюда же – по меньшей мере теоретическое – стремление к терпимости по отношению к буддистам, что показано в «Покаянной молитве манихейца»¹⁰². В ней грехом называется осквернение в храме места Будды Шакьямуни (*azu vrxarda šakimun burxan yirin artatdīm ärsär*). Как упоминалось выше, манихейство было распространено у тюркских родов в Кочо еще до того, как уйгуры основали там около середины IX в. свое государство, поэтому манихейские тексты написаны как на п-, так и на у-диалекте. Последние большей частью относятся к более позднему времени.

Экскурс в литературный жанр, на который отважился здесь автор, нуждается еще в некоторых исправлениях, сделанных более умелой рукой!

Рассказы

Манихейские произведения также содержат рассказы; они называются среднеперсидским словом *azant*, *azand* ‘рассказ’. В.Банг-Кауп предполагает¹⁰³, что манихейцы вплетали в свои проповеди и сочинения притчи, которые совершенно естественным образом постепенно развились в более длинные повествования и в целые назидательные рассказы. Материалы этих рассказов заимствовались иногда из хорошо известных литературных источников. Так, история о сверлильщике жемчужин¹⁰⁴ сохранилась как в одном (неопубликованном) древнетюркском буддийском сборнике, так и в одном манихейском произведении на согдийском языке. Эпизод о первом выезде верхом Будды, когда он был еще принцем, передан в манихейском рассказе¹⁰⁵. Другой манихейский рассказ¹⁰⁶ восходит к древней книге Еноха. Враждебность магов против манихейцев иллюстрирует история о господине Ати, можаке¹⁰⁷. Вероятно, благодаря посредничеству сирийцев-христиан у манихейцев был распространен эзоповский роман¹⁰⁸. В «Прекрасной книге мудрого Йозипаса» Эзоп отвечает на вопрос, почему свинья визжит, когда ее приводят на бойню, а овца, которую привязывают для стрижки, не блеет.

А.Ф. Лекоком опубликованы и другие рассказы. Это рассказ о борьбе *Zroš* Бурхана против демонов и колдунов, о каме в Вавилоне (на архаичном языке)¹⁰⁹, рассказ, содержащий религиозные сравнения¹¹⁰, рассказ с назидательной притчей¹¹¹. В МШ¹¹² еще один рассказ помещен под № 30 (с. 43). Там же (с. 30, № 13) находится рассказ об астрологе-брахмане. Далее в рукописи следует повествование о королеве *Pärikän*, где содержится топоним *Arag*.

Молитвы и гимны

Манихейские рукописи, в отличие от буддийских, донесли до нас весьма торжественные гимны. Так как эти

гимны исполнялись во время богослужений, они должны были записываться [см. МШ¹¹³, поощрение и увещание; между строк – слова *baş* или *sgı*, т.е. указание начинать гимн или выдерживать паузу (?)]. Особенно важно, что гимны пелись по-тюркски¹¹⁴. Плодами четвертого дерева жизни – дерева благоразумия – были соблюдение поста и пение гимнов во славу света и его эманации. Главное духовное лицо в манихейских божественных домах, *tngrilik*, носило персидский титул *āftīn sār* ‘глава, руководитель гимнов’. Переписывание гимнов и заучивание их наизусть были особенно похвальным занятием для тех, кто стремился к совершенству в монастырской школе¹¹⁵. Гимны в древнетюркском языке обозначались словами *küg*¹¹⁶ или *baş*, *başta*, *başik* = *başig*, которые имеют родство со среднеиранским *bâlah* ‘гимн’.

Один великолепный тюркский гимн (*adīnçiy turkçä başik*)¹¹⁷ состоит из 27 строф, конец отсутствует. В большинстве случаев в каждой строфе по четыре стиха с обильными аллитерациями и каждые 7–13 строк – без регулярной цезуры. Здесь еще действует принцип древней художественной прозы: избегать монотонности, важное подчеркнуть нерегулярностью, одинаковые мысли связывать параллельной формой. Этот гимн отшлифован по форме и поучителен по содержанию:

tözün bilgä ksilär
tlirilälim.
tngrining bitigin biz
isidälim
tört ilig tngrilärkä
tapinalim
tört uluv ämgäkdä
qurtulalim
tört ilig tngrilärdä
tanivmalar
tngrı nomin
tudavmalar
tünärig yäklärkä
tapunuvmalar
tümänlig irinçu

qilıymalar
tübintä ol'oqma
ölmäki bar
tünärig tamuqa
tüsmäki bar
tümänlig yäklär
kälir tiyür
tumanıy yäklär ayar
tiyür
tünärig tünçülä basar
tiyür
tumunliy tägir tiyür

Вы, благородные, мудрые люди,
давайте соберемся!

Писание господне
послушаем!

Четырем царственным богам
воздадим почести!

От четырех страшных мучений
мы хотим быть избавлены.

Перед четырьмя царственными
богами

свидетельствующие,
божественному учению
угрожающие;
темных демонов
почитающие,

бесчисленные грехи
свершающие.

В конце их также
ждет смерть.

В мрачный ад
их ждет низвержение.

Тогда должны прийти
бесчисленные демоны.

Демоны тумана должны (их)
запугать

мрачными ... должны они (их)
подавить.

Они будут окружены и т.д.

В этом гимне незаметно следов перевода, вероятно, это было оригинальное тюркское произведение, которое исполнялось устно.

«Гимн богине утренней зари»¹¹⁸ (*vam vaıınung bas*) так же безупречен с точки зрения языка, художествен в литературном отношении и торжествен, как и подобает гимну, благодаря повторов и параллелизмам.

«Гимн четырем великим сущностям»¹¹⁹ (бог, его свет, его сила и его мудрость), возможно, представляет собой перевод, но без искажений. По содержанию это назидательный текст, форма же его довольно безыскусна: две строфы по шесть стихов в каждой.

В отличие от этих более древних поэтических произведений гимн «Моему отцу, Мани, моему Будде»¹²¹ выдержан в других художественных принципах: здесь заметен отказ от акцентирующей нерегулярности. Четыре стиха каждой строфы связаны аллитерацией: все стихи в одной строфе начинаются либо с одних и тех же гласных – при этом не делается различия, между *o/ö* и *u/ü* – или с одних и тех же согласных, за которыми следуют одинаковые гласные. Число слогов не постоянно, цезура отсутствует (строфа 14):

tutçi üzüksüz munitäg
toyumuy ažunuuy ünitmaqlıy
toz topraqqa patilip
turqaru mongul ärtilär
az nızvanıqa ajuqur
artayu yoqadaturta
amvrdisniy ot üzä
anga yürüntäg qiltängiz
övkä nızvanı üzä quturup
ögsüz köngülsüz ärtilär
öz tözlärin uqitip
öglärin köngüllärin
yivtingiz
bis azuntaqi tinliylariy
biligsiz biligdin öngi
ödurtungüz
bilgä biligta yaratdingiz
farnibranka sanliv qiltängiz

Постоянно и всегда так:
о перерождении и бытии забывая,
утонули они в пыли и земле;
и были они всегда /как/ безумные,
они были жадностью отравлены,
и когда они, погибая, умирали,
из целебной травы
вы им лекарство приготовили,
они сошли с ума от гнева,
они утратили рассудок
и добрые чувства.

Вы заставили их понять свои корни
и соединили их чувства и их разум.
Живые существа в пяти формах
существования
вы избавили от невежества,
вы обратили их к мудрости.
Вы сделали (их) принадлежащими
к паринирвана.

Упоминание трех основных грехов – алчности, гнева и невежества – свидетельствует о близости к буддизму.

Одна искренняя молитва или гимн¹²² (с.26 вверху, стк.11) взывает к будде Мани¹²³, просит защиты от «дьявола злого деяния» (*ayıy qilinçly šmnu*¹²⁴), а также об освобождении из царства тьмы старухи (*qurlqa* ‘дьяволица смерти’, с.24 внизу – 25 вверху). Кстати, укажем, что в том же тексте (с.28), вероятно, в колофоне, упоминается *agçuni*. Х.Людерс высказал соображение, что это искаженное скр. *agjuna* ‘белое’, т.е. династийное имя правителя Кучи.

В одной смешанной среднеперсидско-древнетюркской рукописи имеется¹²⁵ гимн, возможно, построенный на аллитерации, обращенный к «богу, новому дню, новому месяцу, новому году».

Одна молитва или гимн¹²⁶ обращена к Мани, апостолу и Будде, который «защищал нас, когда мы *уууш* + *ягу* пришли». Кроме того, текст содержит благопожелание за «ваш достойный похвалы закон (*törü*)».

М III, № 33¹²⁷ – это песня (*kük*), которую сложил Тонга Кюл-Таркан, а М III, с.45¹²⁸, представляет собой восхваление.

Классические произведения и дидактические тексты

Книга двух корней (*iki yiltiz nom*) является версией китайского текста, который интерпретировали Э.Шаванн и П.Пельо¹²⁹. По мнению В.Хеннинга¹³⁰, это должно быть знаменитая «*Šabuhrgan*», одна из семи книг, созданных Мани! Найдено несколько фрагментов древнетюркского

текста¹³¹: М I, с.23–30, по Шаванну и Пельо с.164; М I, с.7–17, по Шаванну и Пельо с.343 и 128; М III, с.15 внизу – с.22, по Шаванну и Пельо с.541–545, 547–548; 567–571; 573; 578; 583–584. Древнетюркский текст имеет существенные отступления от китайской версии, значит, он не является переводом с китайского. Некоторые дидактические тексты – подобно буддийским шастрам – построены как ответы учителя (yoŋti) на вопросы учеников (titsi). К этой категории относится текст М III¹³² «Хвала и просьба учеников к учителю» (titsilär yoŋtiŋa alkisi ötüki). Часть этого же произведения представляет собой фрагмент М III¹³³ с «Примечанием мудреца». Эта тема также является формальным заимствованием из буддизма с его «отличительными признаками великого человека» (Махапуруша), а именно Будды или мирового властителя, с тридцатью двумя физическими особенностями (лакшана), перечисление которых по-тюркски содержится в ТТ VIII¹³⁴, текст G, стк. 55–72. Манихейские признаки, впрочем, совершенно иные.

М III, № 18¹³⁵ также содержит наставление «моим ученикам». Ответ божественного Будды на вопрос монаха Ананды (anant toyun)¹³⁶ о причинах, по которым все живые существа совершают грехопадение по трем дурным путям, гласит, что это – отсутствие страха и раскаяния. Это звучит как призыв к покаянию, подобно тому, как это было в буддизме. Проповедь о дне смерти¹³⁷ (М III, № 5); предостережение слушателям в форме цитаты из Будды Мессии (Машиха Бурхан)¹³⁸ (М III, № 6); поучение о ложных и истинных электах и о многоликости трех основных буддийских грехов (алчность, гнев и невежество) как о дьяволах алчности, бесстыдства и похоти, демонов всего нечистого (az uvutsuz suq yäk aŋix-siz yäklär). Более четко подражание буддийской триаде выражено в ТТ II В¹³⁹, где упоминаются жадность (az), гнев (övkä) и «три разбойника», третий по-

рок во фрагменте отсутствует. В ТТ III также перечисляются жадность, гнев и безрассудство (az nüzvanı, övkä, ögsüz köngülsüz).

Близость к основным идеям христианства проявляется в тексте (М III, № 22)¹⁴⁰, где описывается установление светлой чистой религии волшебства. Апостолы должны съесть мясо невинного, чистого агнца, но не разрушать его останки, «с этим заветом он передал им печать приказаний».

Против алчности (az) направлено также содержание текста среднеперсидско-древнетюркского сборника, предназначенного для слушателей¹⁴¹. С точки зрения диалекта и графики он подобен ТТ III¹⁴² (-käy, ofut, baq(i)r, totvместо gäy и т.д.).

Во фрагменте одного дидактического текста¹⁴³ перечисляются свойства бога ветра.

В.Томсеном издан текст философского и религиозного содержания, тщательно написанный прекрасными рунными¹⁴⁴. В нем говорится: tanuqluŋ sab, tamyalıŋ bitig iŋidmiŋtä körü körmiŋ yig ‘лучше видеть убедительное слово и надежную книгу, чем только слушать их’. Иными словами, это – требование не только слушать священные тексты, но и самостоятельно читать или переписывать их. Текст написан тяжеловесным, т.е. архаичным, но чистым, без ошибок, тюркским языком.

Предписания для электов и аудиторов, покаянные молитвы

Следует предположить, что в манихействе, так же как и в буддизме, на каком-то церковном языке читались предписания и приказы, а также покаянные молитвы для «духовных лиц» (здесь электов). Следовательно, они вряд ли могут быть обнаружены на древнетюркском. Все же в одном коротком фрагменте¹⁴⁵ речь идет о передаче пяти приказов для электов, «пяти предписаниях, собранных в одном едином приказе» (bir üŋü qıın biŋ ċxŋapt), по В.Хеннингу¹⁴⁶. Часто,

однако, тексты сообщают о предписаниях для слушателей, например М III, № 20¹⁴⁷.

Полная покаянная молитва для слушателя по имени Хуастуанифт может быть почти целиком реконструирована по различным спискам, выполненным уйгурским и манихейским письмом. Она написана на п-диалекте, на хорошем тюркском языке, т.е. не обнаруживает признаков перевода. Пятнадцать отрывков содержат догмы и предписания, а затем относящиеся к ним возможные грехи: «Если мы должны были совершить..., то теперь мы молим о спасении от греха». Отношение этих признаний в грехах к аналогичным буддийским не ясно. С точки зрения буддийской догматики считается в порядке вещей раскаиваться в тех грехах, которые были совершены в других формах существования и просить о прекращении цепи перерождения, у манихейцев же «Книга предписаний для слушателей» Мани и зороастрийские «Patit», иногда «patit-i knüs»¹⁴⁸. Покаянная молитва на китайском языке у Вальдшмидта-Ленца¹⁴⁹, согласно Хеннингу¹⁵⁰, напротив, предназначена для электов.

Еще одна молитва издана В.Бантом и Ф.В.К.Мюллером¹⁵¹. Текст расположен на половине двойного книжного листа, на другой половине которого находится среднеперсидский манихейский текст. Таким образом, это – сборник рукописей, скорей всего молитвенник.

«Chuastuanift», опубликованный А.Ф.Лекоком¹⁵², аналогичен фрагменту у Ф.В.Мюллера. Здесь также содержится древнетюркский дидактический текст об алчности¹⁵³. Он был изготовлен для raym(a)st fr(a)zind: yazintimiz ärsär. tngirim amtimn raym(a)st frazind ökünürmn(.) yazuqta boşunu ötünürmn. mnastar hirzach. qutluvuy pads//// (Затем начинается второй отрывок). Кроме того, на одном из следующих листов этой рукописи, за пределами текста, в форме четырех больших + сплетены:

raymst
frzind a/a
arsun 'il
asi tiaua
hrii aya

Раймастфразенд был, согласно Хеннингу¹⁵⁴, священник (veřtar), чем и объясняется его персидское имя. Он читал текст для аудиторов. Этот манускрипт выполнен манихейским письмом, как и другой, из Лондонского собрания¹⁵⁵. Один список уйгурским письмом находится в Ленинграде¹⁵⁶. Оба последних списка не имеют колофонов и также, конечно, имени Раймастфразенд.

Филология

Найдены древнетюркские манихейские тексты, написанные рунами и уйгурским письмом. Тексты, написанные рунами, по диалекту близки к надписям, таким образом, они должны были быть созданы не уйгурами, а каким-то другим тюркским народом. Манихейское письмо в более ранний период было несколько тоньше и мельче, в более позднее время оно выполнялось широким тростниковым пером и более черной тушью, например, в лондонском списке «Chuastuanift»¹⁵⁷ и в ТТ III¹⁵⁸. Вероятно, три вида письма были в ходу у трех различных тюркских родов или в разных культурных центрах. Чтобы они были понятны братьям по вере из других родов, требовался сравнительный алфавит. Так, на оборотной стороне одного фрагмента с китайским буддийским текстом сохранился сравнительный алфавит рунами и позднеуйгурским письмом кисточкой¹⁵⁹. Аналогичный отрывок содержит сравнение между рунами и манихейским письмом, причем каждый рунический знак в манихейском письме передается Г + С, т.е. руническое письмо было, таким образом, в сущности слоговым алфавитом. Впрочем, последующие сопоставления алфавитов не слишком точны. Видимо, у составителей возник-

кала неуверенность относительно звукового значения рун.

Сохранились не только свидетельства заботы об алфавите, но и образец переводческой деятельности (ТТ IX)¹⁶⁰ – как упоминалось выше, безупречный по форме и, следовательно, оригинальный гимн Мани на так называемом тохарском Б-языке неумело, иногда не связанными друг с другом группами слов, переведен на древнетюркский. Эта двуязычная рукопись включена в книгу с чисто тюркскими текстами, в ней содержатся, кроме того: гимн Мани (ТТ Ш)¹⁶¹, рассказ («Агазан») и другие молитвы и дидактические тексты вместе с колофоном, включающим наиболее употребительные благопожелания верующим, роду и государству.

ХРИСТИАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Как уже говорилось, христианские, а именно несторианские, тексты найдены только в селении Булайык. Наряду с большим количеством фрагментов на сирийском, среднеперсидском и согдийском лишь четыре отрывка написаны на тюркском. Ясно, что богослужение велось на сирийском языке.

Свидетельством перевода Библии является двойной лист с уйгурским письмом, на котором рассказывается о посещении тремя магами младенца Христа в Вифлееме. Текст восходит к протоевангелию от св.Иакова. Существенно дополнение: в ответ на подарки младенец Христос отламывает кусок от своих яслей, и притом так легко, как будто они из теста. Маги кладут подарок на своего мула, однако подарок оказывается слишком тяжел. Они бросают его в колодец, мимо которого они как раз проходят. Оглянувшись через некоторое время, они видят, что из колодца поднимается яркое сияние с искрами огня. В испуге они понимают, что выбросили нечто ценное, «и потому до сих пор маги почитают огонь» (И I, с. 5–10)¹⁶². Такого добав-

ления нельзя найти ни в одном из многочисленных вариантов этого эпизода на других языках; он мог появиться только в Центральной Азии как результат миссионерства среди огнепоклонников.

Многочисленные рассказы на согдийском о мучениках свидетельствуют о живом интересе к героическим святым раннего христианства. «На древнетюркском также сохранился фрагмент описания предсмертных страданий св.Георгия, а именно его последняя молитва»¹⁶³. Хотя для этого текста найдены очень близкие аналоги на латыни и других языках, формулировка, в которой св.Георгий дает великие обеты в ответ на призыв господа и его слуги, напоминает буддийские обеты на божественные призывы Амитабхи, «kuan-shi-yin p'usa» и др. Сам бог в сознании молящегося несколько отодвинут на задний план: «Кто б от востока до запада ни позвал меня, к тому хочу я прийти и вызволить его из любой беды» и т.п. Заметим, кстати, что согдийское сочинение о мучениях св.Георгия¹⁶⁴, так же, как древнетюркский рассказ о магах (см. выше), направлено против культа огня, независимо от отклонений в изображении Махакали – божества-покровителя в ламаистском буддизме, которое часто представлено в ужасном виде.

При всеобщей любви к гадательным текстам не вызывает удивления, что и среди христианских текстов найден один древнетюркский отрывок этого жанра (см. выше).

И наконец, имеется небольшой отрывок труда по медицине, который выполнен письмом эстрангело.

Медицина

Медицинские произведения в большинстве случаев ограничены наукой о лекарственных средствах. Термины – тюркские, а иногда и заимствованные из санскрита, китайского и других языков в искаженной центральной-ноазиатской форме¹⁶⁵.

Деловые документы

Так же, как и на сакском языке Хотана, многочисленные документы на древнетюркском языке свидетельствуют о тщательном регулировании акций купли-продажи и передачи ссуд. Чаще всего они относятся к продуктам сельского хозяйства или землям, реже – к наличным деньгам¹⁶⁶.

Эпистолярный жанр

У Хуана Вэньби представлено подлинное письмо¹⁶⁷.

- (1) yinda inanču tarхан bag qutınga
  - (2) bag bars amуа ötügüm
  - (3) iraytın üküс köngül aytu
  - (4) ötümi täginür biz (.)
ädgümü äsänmü nätäg yrqlar siz
  - (5) äsänin ... nädügin işidip artıy
sävinür biz.
- (окончание отсутствует)

‘Его превосходительству бегу тархану (по имени) Инанчу в Йин (?)’. После того как назван адресат, глубоко продавлено и следует имя отправителя: bag Bars Amуа ‘мое покорнейшее (писание)’. Последнее слово опущено как логически самое важное при модальных глаголах с оттенком уважения¹⁶⁸. Третья строка, которая содержит начало письма, вставлена пятой: ‘Издавека от всего сердца, позволяем мы себе спросить: хорошо или нет изволите вы себя чувствовать? Мы слышали о Вашем добром здравии ... и очень радовались’.

На оборотной стороне этого письма имеется

- (1) yinda inanču tarхан
- (2) qutınga bag bars ötügüm

Таким образом, письмо было сложено так, что оборотная сторона служила для адреса и конверт не требовался. Мы видим, что начало такое же, как позднее в монгольском: за именем адресата следует «мое слово».

Аналогичные копии четырех писем приведены А.Ф.Габен¹⁶⁹. Оба первых письма направлены индийским монахом из Наланды Сюань Цзану в Китай. Разумеется, они были написаны на санскрите, китайский перевод сохранился в архиве монастыря. Не указывается, что он был дословным. Оба последних письма написаны Сюань Цзаном, мастером хорошего стиля, на говэнь (классический письменный язык) и в этой оригинальной форме добавлены к его биографии. То, что было прислано индийскому адресату, представляло собой лишь перевод.

В уйгурском переводе трех писем в качестве вступительной формулы даны местонахождение и имя отправителя: uluу tvqaç ilintaki, toyin huitso и формула äsängü bitigim ‘мое неприкосновенное письмо’. За этим следует указание места и имя адресата, окруженное почетными определениями: ortun änätkäk ilintäki magadalıy üç ayılıq nom bilmiş inanprbi açağıqa ‘ведущему свой род из Магадхи, что в стране Средняя Индия’, мастеру Инанпрабха, понимающему Tgritaka. Конец¹⁷¹ не содержит никакой заключительной формулы, лишь «ежедневно с нижайшим почтением преклоняюсь до земли (перед Вами)».

Четвертое письмо¹⁷² имеет похожую вступительную формулу. Здесь вместо qutınga в упоминавшемся выше фрагменте письма стоит adaqınga ‘к ногам (такого-то...)’. Эти формулы не китайского происхождения. Там обычно пишут: «он почтеннейше посылает» или «передает он письмо».

Первое письмо¹⁷³ содержит прямую речь, т.е. это эпистолярная форма; в китайском оригинале, напротив, употребляется 3-е лицо, т.е. первоначально эпистолярная форма отсутствовала.

Второе письмо¹⁷⁴ подобно третьему, однако, будучи переводом с санскрита, оно не имеет такой же ценности для определения формальных элементов, как третье и четвертое письма.

Военная наука

В связи с упоминанием об эпистолярном жанре необходимо сказать еще об одном небольшом манускрипте. Заметно, что он был тщательно сложен. Мы полагаем, что по нему (так же, как и по подлиннику письма с надписью на «обороте» или скорее на внешней стороне, и так же, как по сохранившимся письмам немецких гуманистов) можно установить, что благодаря определенному способу складывания конверт становится лишним. Упомянутый манускрипт – в противоположность существовавшему ранее толкованию – представляет собой счет за обед военного отряда в 30 человек 18 мая, который был написан «низким рабом» по имени Багатур Чигши. При письме рунами он пользовался кисточкой.

Другие военные документы называют лиц, которые 23 апреля прошли или покинули крепость Миран. Еще в одном отрывке упоминается о выдаче панцирей (yaŋiŋ) и пропусков (yaŋliŋ?). Даже в этом расположенном на юге пункте полностью отсутствуют тибетские элементы. Упомянуты Сутчубалык и Кочобалык, т.е. Сучжоу и Турфан. Бумага этих документов грубая, обильно пропитанная клеем и крахмалом.

Историография

Один маленький фрагмент доказывает, что у древних тюрков действительно уже существовало летописание¹⁷⁶. Судя по дукту и по форме книги (сброшюрованная книга), этот фрагмент мог возникнуть в кругах манихейцев, к тому же он написан на п-диалекте. Содержание определить пока нельзя.

Историческую ценность представляют посвятительные надписи и колофоны. К последним принадлежат буддийские надписи на столбах¹⁷⁷. Приписка в ксилографе 1373 г. в форме изысканной аллитерации выражает мольбу о благодати для монгольского императорского дома, затем – в простой прозе – для дарительницы (из

скромности?), а затем опять в форме аллитерации – для всей семьи (ТТ VII, с.52)¹⁷⁸.

Особенно богаты исторически ценными отрывками манихейские тексты¹⁷⁹, так как благословение служителей всей (существующей) церкви, в установленном по рангам порядке, после хвалы посланцу, а затем и благословение служителей провинциальной церкви, для которых была создана песня, являлось составной частью богослужения. Благодаря тому, что названы их имена, мы узнаем кое-что о градациях в сознании манихейцев, а именно об отношении духовного авторитета к светскому и к собственной пастве. Показательны также формы датировки, так как посредством этих форм выражалось отношение к какому-либо государству или религиозной общине.

Благословения такого рода и колофоны приведены Ханеда Тору¹⁸⁰, М I, с.31 = М III, с.36, № 17, М III, с.33, № 15, М III, с.36–37 (относится к той же книге, что и ТТ VII, с.19 и далее с датировкой по Ездигерду, 989 н.э.), М III, с.40, № 23, М III, с.40, № 24 (упоминание о флаге и барабане как о знаке пожалования леном?); М III, с.41, № 27, М III, с.43, № 29, М III, с.46, № 35–38.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Древнетюркская литература возникла как дальнейшее развитие устной народной тюркской литературы. Вместе с тем с началом переводческой деятельности в ней появилась новая струя, послужившая отправной точкой для дальнейшего литературного развития. Это новое было начато миссионерами, развито самими тюрками и доведено ими до полного завершения. В течение полутысячелетия эта литературная культура находила свое собственное выражение. Древние, законченные по форме и глубокие по смыслу гадательные книги постепенно утрачивают свое значение, более поздние – тривиальны.

Старой художественной прозе эпоса следовать невозможно. Вместо нее все лучше удаются стихи в форме аллитерации, а позже к ним прибавляется и конечная рифма. Стиль повествования становится образным и живым, дидактические тексты разных религий освобождаются от первоначального преобладания чужеземного элемента. Меняется даже терминологическая лексика: число заимствований сокращается, их первоначально неверное написание исправляется. Язык становится выразительным. Культурное возвышение уйгуров со времени их поселения в городах дает им большой авторитет. Поэтому та культура, которую переняли монгольские завоеватели, – это не культура согдийцев, саков, киданей или китайцев. Одежду, письмо и древнейшие формы буддизма они переняли у уйгуров. Этот тюркский народ в культурном и политическом отношении достиг превосходства над другими тюркскими племенами в бассейне Тарима.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ F.W.K. Müller. Uigurica. II. – ABAW. 1910, № 3, В., 1911, с.49; Huang Wên-pi. T' u-lu-fan k' ao-ku ki. – В «K' ao-ku-hü». № 3, Peking, 1958, табл.103.

² A.V. Le Coq. Türkische Manichaica aus Chotscho. III. – ABAW. 1920, № 2, В., 1922, с.33–35.

³ P. Pelliot. La version ouigoure de l'histoire des princes Kälyānamkara et Pāpamkara. – T'P. Vol.15, Leiden, 1914, с.3, стк. 8.

⁴ Там же, с.9, стк. 1.

⁵ W. Bang und G.R. Rahmeti. Lieder aus Alt-Turfan. – AM. Т. 9, 1933, с.130.

⁶ W. Bang, A.V. Gabain. Türkische Turfan-Texte. I. Bruchstücke eines Wahrsagebuches. – SBAW. 1929, № 15.

⁷ V. Thomsen. Dr. M.A. Stein's Manuscripts in Turkish. «Runic» Script. – JRAS, 1912, с.187–228.

⁸ W. Bang-Kaup. Türkische Bruchstücke einer nestorianischen Georgspasaion. – «Muséon», Т.39, Louvain, 1926, с.53.

⁹ G.R. Rahmeti. Türkische Turfan-Texte. VII. – ABAW. 1936, № 12, В., 1937, с.38–41.

¹⁰ Там же, с.43.

¹¹ Там же, с.43.

¹² Там же, с.44.

¹³ Там же, с.44.

¹⁴ Там же, с.46.

¹⁵ W. Bang und G.R. Rahmeti. Lieder., с.129–140.

¹⁶ Там же, с.132 и сл.

¹⁷ A.V. Gabain. Alttürkische Grammatik. 2 Aufl. Lpz., 1950, с.281.

¹⁸ Там же, с.281.28–282.28.

¹⁹ (Kyoto-Tripitaka) Мандзю дзюкэ (или Дайнихон дзакудзюкэ). Киото, 1902–1905, 30 тао (папок), 347 тетрадей.

²⁰ W.K. Müller. Oigurica. III. Uigurische Avadāna-Bruchstücke. I-VIII. – ABAW. 1920, № 2, В., 1922. с.21, 10.

²¹ W. Bang, G.R. Rahmeti. Die Legende von Oghuz-qaghan. – SBAW, 1932, с.683–724.

²² E. Rossi. II «Kitâb-i Dede Qorquc». Racconti epico-caval-lerechi dei turchi Oghuz. Tradotti e annataati con «facsimile» del Ms.Vat.Turco 102. – «Città del Vaticano», 1952.

²³ Muharrem Ergin. Dede Korkut kitabı. Ankara, 1958.

²⁴ W. Bang und G.R. Rahmeti. Lieder., с.129, примеч.

²⁵ J. Průšek. Die Chin-tai-shu, Erzählende Volksgesänge aus Ho-nan, – «Asiatica. Festschrift für F. Weller». Lpz., 1954, с.453.

²⁶ Там же, с.455.

²⁷ J. Průšek. The Narrators of Buddhist Scriptures and religions Tales in the Sung Period, – AOr, N 10, 1938, с.376 и сл.; он же: Researches into the Beginnings of the Chinese Popular Novel. – AOr. N 11, 1939, с.91.

²⁸ W. Eberhard und P.N. Boratav. Typen türkischer Volksmärchen. Wiesbaden, Steiner, 1953.

²⁹ A.V. Le Coq. Türkische Manichaica aus Chotscho. I-III.-ABAW.Anhang 1911, В., 1912; 1919, № 3; 1922, № 2.

³⁰ P.W.K. Müller. Uigurica III.

³¹ Там же, с.4–27.

- ³² Там же, с.27–34.
- ³³ Там же, с.34–46.
- ³⁴ G.R. Rahmeti. Zur Heilkunde der Uiguren. I. – SBAW, 1930, с 451-473.
- ³⁵ F.W.K. Müller. Uigurica III, с.46-50.
- ³⁶ Там же, с.50–52.
- ³⁷ Там же, с.52–61.
- ³⁸ E. Chavannes. Cinq cent contes et apologues extrait du Tripitaka chinois et traduit en français. T.1-3, 4, P., 1910, 1911, 1934.
- ³⁹ F. Sieg und W. Siegling. Tocharische Sprachreste. I. B.-Lpz., 1921, с. 31, 222, 250.
- ⁴⁰ F.W.K. Müller. Uigurica II, с 20–24.
- ⁴¹ F.W.K. Müller. Uigurica III, с.62–74; Huang Wên-pi, табл. 99–100.
- ⁴² F.W.K. Müller. Uigurica, III, с.75–90.
- ⁴³ F.W.K. Müller. Uigurica. II, с.24–27.
- ⁴⁴ T. Kovalski (ed.), A.V. Gabain. Türkische Turfan-Texte. X. Das Avadāna des Dämons Ātavaka. Bearbeitet von Tadeusch Kovalski. – ADAW. 1959, № 1, с.1–366.
- ⁴⁵ F.W.K. Müller (hrsg. von A.V.Gabain). Uigurica IV. – SBAW. 1931, № 24, с. 677–699.
- ⁴⁶ Kyoto-Tripitaka, палка 26, 9, с.842–844.
- ⁴⁷ V.W. K. Müller. Uigurica. IV, с.700–732.
- ⁴⁸ Там же, с.704–715.
- ⁴⁹ Там же, с.716–724.
- ⁵⁰ H.W. Bailey. Irano-Indica III. – BSOAS. Vol.13, 1949, pt.2; с.407; W.Radloff. Tišastvustik, ein in türkischer Sprache bearbeitetes buddhistisches Sūtra. – «Bibliotheca Buddhica». T.12.SPb., 1910.
- ⁵¹ G. Huart. Les plus anciens monuments de l'écriture arabe en Chine. – JA. 1913, с.177–191; P. Pelliot. La version ouïgoure de l'histoire des princes Kalyāṇaṃkara et Pāpaṃkara. – T'P. Vol.15. 1914, с.225–272.
- ⁵² E. Chavannes. Une version chinoise du conte buddhique de Kalyāṇaṃkara et Pāpaṃkara. – T'P. Vol.15. 1914 с.469.
- ⁵³ I.J. Schmidt. Der Weise und der Tor. Buddhistische-Legenden. Aus dem Tibetischen Übers, von I.J.Schmidt. Theil 1-2, Pbg-Lpz., с.230–252, 262–282.
- ⁵⁴ F.A. Schiefner. Tibetan Tales. «Trubner's Oriental Series». Vol. 33, L., 1906. с 279–285.
- ⁵⁵ A.V. Gabain, H. Scheel. Maitrisimit. Faksimile der alttürkischen Version eines Werkes der buddhistischen Vaibha-sika-Schule. Wiesbaden, 1957.
- ⁵⁶ W. Radloff. Kuan-ši-im Pusar. – «Bibliotheca Buddhica». T.14. Pbg, 1911; F.W.K. Müller. Uigurica. II.
- ⁵⁷ W. Radloff. Kuan-ši-im Pusar, с.43 и перевод, с. 21.
- ⁵⁸ W. Radloff und S. E. Malov. Uigurische Sprachdenkmäler. Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S.Malov hrsg. JI., 1928, с.177 и сл.
- ⁵⁹ B. Nanjio. A Catalogue of the Chinese Translation of the Buddhist Tripitaka. Oxford, 1883, № 26.
- ⁶⁰ W.W. Radloff und S.E. Malov. Uigurische Sprachdenkmäler, с. 148; вероятно также: B. Nanjio. A Catalogue..., № 23(5), 25, 26, 27, 863.
- ⁶¹ Тайсе синею дайцзюкэ. Т. 1–100. Токио, 1924-1935.
- ⁶² W. Bang und A.V. Gabain. Türkische Turfan-Texte. IV. – SPAW. 1930. T.24.
- ⁶³ Huang Wên – pi, табл.106-107.
- ⁶⁴ A.V. Gabain. Türkische Turfan-Texte. VIII. – ADAW. 1952, № 7, B., 1954.
- ⁶⁵ G.R. Rahmeti. Türkische Turfan-Texte. VII. – ABAW. 1936, № 12, B.,1937,с.23–25, 48-52; M. Lewicki. O tekście san-skricko-tureckim w pismie brahini, wydanym przez Stönnnera. – RO. T. 12. Lwów, 1936, с.249; L. Ligeti. Sur le colophon du «Yitikan sudur». – «Asiatica. Festschrift für F.Weller». Lpz.,1954, с.397–404; Huang Wên – pi, табл.98.
- ⁶⁶ W. Radloff. Kuan-ši-im Pusar, с VII с.69-90.
- ⁶⁷ B.Nanjio. A Catalogue..., № 988.
- ⁶⁸ W.W. Radloff und S.E. Malov. Uigurische Sprachdenkmäler, с.110 и сл., B. Nanjio, № 306-311. R. Radloff. Kuan-ši-im Pusar, с.103–109.
- ⁷⁰ Huang Wên – pi, табл.108, оттиск.
- ⁷¹ B. Nanjio, A Catalogue..., № 1106.
- ⁷² W. Radloff, S. Malov. Suvarṇaprabhāsa (uigurische Redaktion). – «Bibliotheca Buddhica». T.17, 27, Pbg., 1913, 1930, с.133-141; W. Bang, A.V. Gabain. Uigurische Studien: Das Sündenbekenntnis aus dem Suvarṇaprabhāsa; Anhang: Ein weiteres stabreimendes Sündenbekenntnis. – UJ. 1930, с.193–210.
- ⁷³ F.W.K. Müller. Uigurica. II, с.76 и сл.
- ⁷⁴ Там же, с.84.
- ⁷⁵ W. Bang, A.V. Gabain. Türkische Turfan-Texte. 17.

- ⁷⁶ W.K. Müller. *Ügurica*. II, с.27-50.
- ⁷⁷ B. Nanjio. *A Catalogue...*, № 348.
- ⁷⁸ F.W.K. Müller. *Uigurica*. II, с.50–57.
- ⁷⁹ W.W. Radloff und S.E. Malov. *Uigurische Sprachdenkmäler*, с.183.
- ⁸⁰ Huang Wên – pi, табл.73–80.
- ⁸¹ W. Bang, A.V. Gabain. *Türkische Turfan-Texte*. IV, с.16 и сл.
- ⁸² Huang Wên – pi, табл.109; F.W.K. Müller. **Ein uigurisch-lamaistischer Zauberritual aus den Turfanfunden**. – SBAB. 1928, с.381-386.
- ⁸³ W.W. Radloff und S.E. Malov. *Uigurische Sprachdenkmäler*, с.172.
- ⁸⁴ A.V. Gabain. *Türkische Turfan-Texte*. VIII, с.73–76.
- ⁸⁵ L. Bazin. см. настоящий сборник.
- ⁸⁶ A.V. Gabain. *Türkische Turfan-Texte*. VIII, с.63–66.
- ⁸⁷ W. Bang, A.V. Gabain. *Türkische Turfan-Texte*. III. Der grosse Hymnus auf Mani. – SBAW, 1930, № 13, тексты В, Е.
- ⁸⁸ Там же, текст А.
- ⁸⁹ Там же, текст С.
- ⁹⁰ Там же, текст G.
- ⁹¹ Там же, текст D.
- ⁹² St, Julien. *Mélanges de géographie asiatique*. – JA. 1849, с.366.
- ⁹³ B. Nanjio. *A Catalogue...* № 1612.
- ⁹⁴ F.W.K. Müller (hrsg. von Lentz). *Sogdische Texte II*. – SBAW. с.566–571.
- ⁹⁵ P. Rachnevsky. *Die mongolische Grosskhane und die buddistische Kirche*. – «Asiatica. Festschrift für F.Weiler». Lpz., 1954, с.489 и сл.; с.493.
- ⁹⁶ Там же, с.494.
- ⁹⁷ W. Bang und A.V. Gabain. *Türkische Turfan-Texte*. V. Aus buddhistischen Schriften. – SPAW, 1931, № 14, текст В.
- ⁹⁸ A.V. Le Coq. *Türkische Manichaica aus Chotscho*. II. – ABAW. 1919, № 3, с.5 и сл.
- ⁹⁹ A.V. Le Coq. *Türkische Manichaica aus Chotscho*. III. Bebst einem christischen Bruchstück aus Bulayiq. – APAW. 1920, № 2, В., 1922, с.39.
- ¹⁰⁰ Там же, с.44, № 31.
- ¹⁰¹ A.V. Gabain und W. Winter. *Türkische Turfantexte*. IX. Ein Hymnus an den Vater Mani auf «Tocharisch» В mit alttürkischer Übersetzung. – ADAW. 1956, № 2, В., 1958.
- ¹⁰² A.V. Le Coq. *Chuastuanift, ein Sündenbekenntnis der manichäischen Auditores*, – ABAW, 1910; Anhang, 1911, с.27 и сл.
- ¹⁰³ W. Bang-Kaup. *Manichäische Erzähler*. – «Le muséeon», T.44, Louvain, 1931, с.2,
- ¹⁰⁴ Там же, с.4.
- ¹⁰⁵ Там же, с.7.
- ¹⁰⁶ Там же, с.13 и сл.; W. Henning, *Neue Materialien zur Geschichte der Manichäismus*. – ZDMG. 1936, с.5 и сл.
- ¹⁰⁷ W. Bang-Kaup. *Manichäische Erzähler*, с.17 и сл.
- ¹⁰⁸ A.V. Le Coq. **Türkische Manichaica aus Chotscho.III**; L. Rasonyi. **Das uigurische Asop – Josipas-Fragment**. – «Byzantisch-griechische Jahrbüchern», T.VII. Athen, 1930, с.429–443.
- ¹⁰⁹ A.V. Le Coq. *Koktürkisches aus Turfan*. – SBAW, 1909. № 14, с.1508; он же: *Ein manichaisch-uigurisches Fragment aus Idikut-Schahri*. – SBAW, 1908, № 19, с.398–414.
- ¹¹⁰ Он же: *Türkische Manichaica aus Chotscho*. I. – ABAW. 1911, Anhang, 1912, с.17 и сл.
- ¹¹¹ Он же: *Türkische Manichaica aus Chotscho*. III, с.14–15.
- ¹¹² Там же, с.43.
- ¹¹³ Там же, с.28 и 29.
- ¹¹⁴ W.Bang. *Manichäische Hymnen*. – «Le Muséeon». T. 38, Louvain, 1925, с.1.
- ¹¹⁵ A.V. Le Coq. *Türkische Manichaica aus Chotscho*. III, с. 21 внизу.
- ¹¹⁶ A.V. Le Coq. *Türkische Manichaica aus Chotscho*. II, с.7.
- ¹¹⁷ Там же, с.10-12.
- ¹¹⁸ Там же, с.9 внизу – 10; W. Bang. *Manichäische Hymnen*, с.4 и далее.
- ¹¹⁹ W. Bang. *Manichäische Hymnen*, с.23.
- ¹²⁰ A.V. Le Coq. *Türkische Manichaica aus Chotscho*. II, с.10; W. Bang. *Manichäische Hymnen*, с.22 и далее.
- ¹²¹ W. Bang und A.V. Gabain. *Türkische Turfan-Texte*. III, с.183-211.
- ¹²² A.V. Le Coq. *Türkische Manichaica aus Chotscho*. III, с.24-28, см. также с.26 сверху, с.11.
- ¹²³ Там же, с.27, VIII, лист II (verso 10 – так!)
- ¹²⁴ Там, же, с.24 внизу.
- ¹²⁵ Там же, с.28, № 10.

- ¹²⁶ Там же, с.40, № 25.
- ¹²⁷ Там же, с.45.
- ¹²⁸ Там же.
- ¹²⁹ B. Chavannes, P. Pelliot. Un traité manichéen retrouvé en Chine. – JA. 1912–1913.
- ¹³⁰ W. Henning. The monuments and inscriptions of Tang-i Sarvak. – AM. 1952. Vol.2, pt.2, с.210.
- ¹³¹ A.V. Le Coq. **Türkische Manichaica aus Chotscho. I; E. Chavannes, P.Pelliot. Un traité manichéen retrouvé en Chine.**
- ¹³² A.V. Le Coq. Türkische Manichaica aus Chotscho. III, с.12, № 6.
- ¹³³ Там же, с.13, № 6, раздел III.
- ¹³⁴ A.V. Gabain. Türkische Turfan-Texte. VIII. Texte in Brachmī-schrift, текст G, стк. 55–72.
- ¹³⁵ A.V. Le Coq. Türkische Manichaica aus Chotscho. III, с.36, № 18.
- ¹³⁶ Там же, с.44, № 31.
- ¹³⁷ Там же, с.10, № 5.
- ¹³⁸ Там же, с.11, № 6.
- ¹³⁹ W. Bang und A.V. Gabain. Türkische Turfan-Texte. II. Manichaica. – SPAW. 1929, № 22, текст Б, с.411–429.
- ¹⁴⁰ A.V. Le Coq. Türkische Manichaica aus Chotscho. III, с.36, № 22.
- ¹⁴¹ Там же, с.29.
- ¹⁴² W. Bang und A.V. Gabain. Türkische Turfan-Texte. III, с.183–211.
- ¹⁴³ W. Bang und A.V. Gabain. Bin uiguriaches Fragment über den manichäische Windgott. – UJ, Bd 8, H.3/4, 1928, с.248–256.
- ¹⁴⁴ V. Thomsen. Dr. M.A.Stein's Manuscripts in Turkish «Runic» script from Miran and Tunhuang. – JRAS. L., 1912, с.215–217.
- ¹⁴⁵ A.V. Le Coq. Türkische Manichaica aus Chotscho. III, с.38 и сл., № 12.
- ¹⁴⁶ W. Henning. Ein manichäisches Bet- und Beichtbuch. – SBAW. 1936, № 10, В., 1937, с.50.
- ¹⁴⁷ A.V. Le Coq. Türkische Manichaica aus Chotscho. III, с.38, № 20.
- ¹⁴⁸ W. Bang. Manichäische Laien-Beichtspiegel. – «Le Muséon». Т.36. 1923, С.139 и сл.
- ¹⁴⁹ E. Waldschmidt und W. Lentz. Die Stellungen Jesu in Manichäismus. – ABAW. 1926, с.123 и сл.
- ¹⁵⁰ W. Henning. Bet- und Beichtbuch.
- ¹⁵¹ W. Bang. Manichäische Laien-Beichtspiegel; F.W.K. Müller. Handschriftreste in Eatrangeloschrift aus Turfan. XI. – APAW. Anhang. 1904, с.104
- ¹⁵² A.V. Le Coq. Chuastuanift, ein Sündenbekenntnis der manicha'ischen Auditores.
- ¹⁵³ A.V. Le Coq. Türkische Manichaica aus Chotscho. III, с.29.
- ¹⁵⁴ W. Henning. Bet- und Beichtbuch, с.12.
- ¹⁵⁵ A.V. Le Coq. Dr. Stein's Turkish Khuastuanift from Tunhuang being a Cofession-prayer of the Manichaeen Auditores. – JRAS. 1911, с.277–314.
- ¹⁵⁶ W. Radloff. Chuastuanift, das Bussgebet der Manichäer. SPb., 1909.
- ¹⁵⁷ A.V. Le Coq. Dr. Stein's Turkish Khuastuanift from Tunhuang being a Confession-prayer of the Manichaeen Auditores.
- ¹⁵⁸ W. Bang und A.V. Gabain. Türkische Turfan-Texte. III. Der grosse Hymnus auf Mani, с.432-450.
- ¹⁵⁹ A.V. Le Coq. Koptürkisches aus Turfan, с.1060.
- ¹⁶⁰ A.V. Gabain und W. Winter. Türkische Turfan-Texte.
- ¹⁶¹ W. Bang und A.V. Gabain. Türkische Turfan-Texte. III.
- ¹⁶² См. также: Bang – Каур. Georgspassion, с.43 и сл.; A. Bombaci. Storia della letteratura turca dall'antico impero di Mongolia all'Odisrma Turchia. Milano, 1956, с.33 и сл., с.493.
- ¹⁶³ W. Bang – Каур. Georgspassion, с.64.
- ¹⁶⁴ O. Hansen. Die buddhistische Literatur der Chotan-saken, der Sogdier. Die christliche Literatur der Sogdier. Handbuch der Orientalistik, Leiden, erscheint demnächst. (Berliner sogdische Texte I., 1941), с.9.
- ¹⁶⁵ G.R. Rahmeti. Zur Heilkunde der Uiguren I und II. – SBAW. 1930; 1932; см. его же: Türkische Turfan-Texte. VII.
- ¹⁶⁶ A.V. Le Coq, W. Radloff. – В кн.: Grünwedel. Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902-1903 – ABAW, 1906; Huang Wên-pi, табл.81, 84-89, 96-97; W.W. Radloff und S.E. Malov. Uigurische Sprachdenkmäler, сс.1–32, 33–35, 40–59, 112–148, 153–156, 169–171, 202–216.
- ¹⁶⁷ Huang Wên-pi, табл.87.
- ¹⁶⁸ A.V. Gabain. Alttürkische Grammatik, § 254.
- ¹⁶⁹ A.V. Gabain. Briefe der uigurischen Hüen-tsang Biografie. – SBAW. 1938, № 29, с.375–451.
- ¹⁷⁰ Там же, с.1862–2031.
- ¹⁷¹ Там же, с.2031.
- ¹⁷² Там же, с.2034–2147.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же, с.1813–1853.

¹⁷⁵ V. Thomsen. Dr. Stein's manuscript., с.218.

¹⁷⁶ A.V. Le Coq. Bin manichäisches Buchfragment aus Chotscho. – Festschrift für V.Thomsen, Lpz.,1912, с.145–154.

¹⁷⁷ F.W.K. Müller. Zwei Pfahlschriften aus den Turfanfunden. – ABAW. 1915, N 3.

¹⁷⁸ L. Ligeti. Sur le colophon du «Yitikan sudur», с.397-404; A.V. Gabain. Alttürkische Daturungsforma. – UAJ (B), 1955, с.191–203.

¹⁷⁹ W. Henning. Bet- und Beichtbuch, с.10 внизу.

¹⁸⁰ Haneda Tôru. A propos d'un texte fragmentaire du prière manichéenne en ouïgour, provenant de Turfan. – «Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko», № 6, Tokyo, 1932, с.1–21.

Библиографические сокращения и сокращения источников

ABAW – Abhandlungen der (Berliner, d. h.) Preussischen Akademie der Wissenschaften.

ADAW – Abhandlungen der (Berliner, d. h.) Deutschen Akademie der Wissenschaften.

AM – Asia Major. L.

AOr – Archiv Orientalni. Praha.

BSOAS – Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London.

JA – Journal asiatique. P.

JRAS – Journal of the Royal Asiatic Society Great Britain and Ireland. L.

RO – Roznic Orientalistycny. Lwów (Kraków), Warszawa.

SBAW – Sitzungsberichte der (Berliner, d. h.) Preussischer Akademie der Wissenschaften.

T'P – T'oung Pao, ou Archive concernant l'histoire, les langues, la géographie, l'ethnographie et les arts de l'Asie Orientale. Paris-Leiden.

UAJ(B) – Ural-altaische Jahrbücher. Wiesbaden.

UJ(B) – Ungarische Jahrbücher. B.

Аннотация

Основное внимание в публикуемой статье уделено характеристике литературной значимости первых письменных памятников – орхоно-енисейских и древнеуйгурских, представляющих многие литературные жанры и стили. Автор дает целостную панораму древнетюркской литературы. Древнетюркская литература возникла как дальнейшее развитие устной народной тюркской литературы. Вместе с тем с началом переводческой деятельности в ней появилась новая струя, послужившая отправной точкой для дальнейшего литературного развития. Это новое было начато миссионерами, развито самими тюрками и доведено ими до полного завершения. Особое внимание уделено А. ф. Габен древнеуйгурской литературе. Автор статьи выявляет связи подлинников и их уйгурских переводов, показывает творческий характер обработки древними тюркскими переводчиками и авторами известных религиозных и светских сюжетов, определяет особенности языка и стиля разных древнеуйгурских текстов.

Ключевые слова: зарубежная тюркология, древнетюркская литература, письменные источники, Центральная Азия, древние уйгуры.

Summary

The main attention is paid to the description of the literary significance of Orkhon-Yenisei and ancient Uyghur written monuments which represent many literature genres and styles. The author gives a complete panorama of ancient Turkic literature. Ancient Turkic literature emerged as the further development of oral folk Turkic literature. However, along with the start of translation work appeared a new trend, which served as a starting point for further literary development. It was started by missionaries, developed and completed by the Turks themselves. A. V. Gabain pays special attention to ancient Uyghur literature. The author reveals the connection of originals and their Uyghur translations, shows the creativeness of processing of ancient Turkic translators and authors of famous religious and secular subjects, and determines the peculiarities of the language and style of different ancient Uyghur texts.

Key words: foreign turkology, ancient Turkic literature, written sources, Central Asia, ancient Uyghurs.

УДК 81-13

О ЯЗЫКЕ ГУННОВ*

Г. Дёрфер, профессор, доктор

*А знать нам ничего, я вижу, не дано!
И этой думаю все сердце сожжено**.*

Гёте. «Фауст»

§ 1. Вопрос о языке гуннов является крайне спорным. Были высказаны самые различные точки зрения, и никому не удалось пока хотя бы только приблизиться к возможности какого-либо решения. В таких условиях может показаться весьма рискованным само обращение к этой теме, не говоря уж о том, чтобы попытаться вынести окончательное суждение. Следовательно, я могу высказать не более, чем мое собственное мнение, которое нисколько не исключает возможности других точек зрения. Правда, я прошу иметь в виду, что здесь предлагается общий обзор материала о гуннах, который следовало бы оспаривать при необходимости лишь путем противопоставления ему нового такого обзора, а не путем критики деталей.

Прошу читателя о снисхождении, если мое изложение получилось очень уж сжатым, что может легко породить впечатление некоторой (совершенно

ненамеренной) категоричности. По сути, это могло бы быть темой (правда, в более пространным изложении) целой диссертации. Но результаты этой работы носят критический и негативный характер. А кто же возьмется писать диссертацию, приводящую к негативным выводам?

§ 2. Происхождение гуннов является предметом дискуссии как в историческом, так и в археологическом плане. Начиная с Ж.Дегиня всегда были исследователи, отождествлявшие их с восточноазиатскими сюнну, перемещавшимися на запад¹; делались также попытки связать европейских гуннов с восточноазиатским народом хун (xwn), который, по мнению Фр.Альтхайма и Г.-В.Хауссига, не идентичен сюнну². Вместе с тем уже со времен Абель-Ремюзы существует точка зрения, что тождественность европейских гуннов какому-либо восточноазиатскому на-

* Печатается по: Дёрфер Г. О языке гуннов / пер. с нем. В.Г. Гузева // Зарубежная тюркология. – Вып. 1. – М., 1986. – С. 71–134.

Герхард Дёрфер (Gerhard Doerfer, 1920–2003) – разносторонний и оригинальный исследователь алтайских языков, работавший в области монгольских, тюркских (крупным событием в тюркологии было описание им халаджского языка), а также тунгусо-маньчжурских языков. Занимал кафедру тюркологии и алтаистики в Гёттингенском университете. Его работа «О языке гуннов» представляет особый интерес, так как ее автор наиболее полно собрал и обсудил накопленные наукой факты и результаты исследования «гуннских языков». Методическая тщательность этого ученого делает его аргументацию и выводы, несомненно, весомыми. Следует все же оговорить, что историческая связь тюрков и уйгуров Центральной Азии с племенным союзом сюнну, а праболгарских племен в Юго-Восточной Европе с европейскими гуннами, косвенно не отрицаемая и самим Г. Дёрфером, не может быть никоим образом элиминирована при обсуждении гипотез об этническом составе обеих гуннских империй. (Примеч. С. Кляшторного).

** Перевод С.Н. Иванова.

роду (в частности сюнну) совершенно не доказана и достойна самого скептического отношения³; сходную по своей сути позицию занимают также Фр.Альтхайм и Г.-В.Хауссиг⁴.

Может ли прийти в таком случае на помощь лингвистика? В состоянии ли она доказать или опровергнуть идентичность европейских гуннов центральноазиатскому народу хун или сюнну? В состоянии ли она далее отнести язык всех этих народов к одной определенной, уже известной языковой семье (например, к тюркской)?

§ 3. Язык народа хун (xwn) совершенно неизвестен и, кажется, нет ни одного источника сведений о нем. Поэтому возможность сравнения его с языком европейских гуннов (или же сюнну) отпадает. И даже если бы гунны были изначально идентичны хунам, мы все равно не могли бы извлечь из этого какие-либо знания о самих гуннах, т.е. прежде всего именно об их языке. Гунны, небольшой господствующий народ среди множества покоренных ими народов, могли, переместившись на запад, потерять свой язык (как и свою культуру) и поменять его на другой. Таких примеров в истории (как раз алтайских и других кочевых народов) бесконечно много (болгары, турки-мамлюки в Египте, монголы в Иране и т.д.). Вспомним также норманнов, которые в течение определенного времени пользовались тремя различными языками (скандинавским, французским, английским).

Тождество: гунны = (?) сюнну = хун представляет собою не только археологическую⁵, но также и языковую проблему.

§ 4. Достоянием науки стали пока только около 20 гуннских слов и гуннское двустипшие, передаваемое китайским письмом (объем – 10 слогов). Скучности материала противостоит обилие гипотез. По вопросу об идентификации сюнну имеются следующие гипотезы⁶:

а) они были монголами (П.-С. Паллас, Б.Бергман, Ю.Венелин, Д.И. Ило-

вайский, Н.Я.Бичурин, К.Ф.Нейман; видимо, также и Ж.Дегинь, который, однако, почти не различает монголов и тюрков);

б) они были тюрками (Абель-Ремюза, Ю.Кляпрот, П.П.Семенов-Тянь-Шанский, К.Риттер, И.Коскинен, К.Сиратори⁷, О.Прицак⁸, В.Самолин⁹, Фр.Альтхайм; между сторонниками этой гипотезы также есть различие: по Фр.Альтхайму, они говорили практически на древнетюркском языке, по О.Прицаку – на языке тюрков-болгар);

в) они были финнами (В.Сен-Мартен);

г) они представляли собой смесь тюрков и монголов (Э.Паркер, Л.Каён);

д) они представляли собой смесь монголов и тунгусов (К.Сиратори)¹⁰;

е) они представляли собой смесь тюрков, монголов, тунгусов и финнов (М.А.Кастрен);

ж) они вообще представляли собой не племя, а политическое объединение, что практически означает не поддающиеся определению смешение и многоязычие (Т. де Лакупери);

з) они были кетами или енисейскими остяками (Л.Лигети¹¹, Э. Пуллиблэнк¹²);

и) скорее всего, они были иранцами (Э.Моор)¹³;

к) «и все еще невозможно связать язык сюнну с какой-либо из великих языковых семей Евразии»¹⁴.

Как видим, даже в новейшее время мнения еще очень расходятся. Мы наверняка не можем принять аргументацию В.Самолина¹⁵, который писал, что, согласно китайским источникам, турки были потомками сюнну, т.е. будто бы сюнну говорили по-тюркски. Каждый, кто знаком с китайской индифферентностью по отношению к культурам и языкам «варваров», согласится, что этому свидетельству нельзя придавать никакого значения.

§ 5. Материал, касающийся сюнну, состоит из большого количества глосс (Э.Пуллиблэнк утверждает, что он собрал 190 глосс¹⁶, О.Менхен-Хельфен говорит даже о «сотнях слов сюнну» в

китайских источниках¹⁷⁾ и, по-видимому, упомянутого двустишия. Как известно, отдельные глоссы (к тому же в передаче китайским письмом, которое наряду с прочим не различает *l* и *r* и которому не знакомы тюрко-монгольские гласные *ö*, *ü*) часто поддаются толкованию лишь с большим трудом и небольшой долей надежности. В таком случае следовало бы считать надежным источником сентенцию оракула, которая представляет собой текст с китайским переводом (из «Цзинь-шу») (приблизительно: «Выведи войско, захвати полководца»). Однако и она ненадежна по следующим причинам:

а) Этот текст тоже записан фонетически трудно реконструируемым китайским письмом. И хотя различные авторы действительно почти всегда считали его оригинал тюркским (и соответственно его восстанавливали), все они читали этот текст и толковали его весьма различно¹⁸⁾. Автор последней из перечисленных работ предложил (правда, лишь в виде иронии и ради *reductio ad absurdum* предпринятых ранее толкований) допустить, что этот текст написан по-аккадски, и показал, что это вполне возможно (с равным успехом можно было взять в качестве примера и эскимосский язык). А по мнению Э.Пуллиблэнка¹⁹⁾, двустишие не поддается прочтению ни на одном из известных языков (в том числе и на кетском).

б) Как заметил О.Менхен-Хельфен, даже если бы текст действительно был тюркским, его язык, относящийся к IV в. н.э., совсем не обязательно должен быть идентичен языку сюнну Маодунь-шаньюя* III в. до н.э. («Предки Вильгельма Завоевателя не говорили по-французски»)²⁰⁾.

в) Наконец, как установил Л. Лигети²¹⁾, который тщательно исследовал первоисточник, двустишие вообще написано не на языке сюнну, а на языке

ху, а утверждать, что ху и сюнну – это одно и то же, ни в коем случае нельзя.

§ 6. Так обстоит дело с единственным текстом на языке сюнну. Глоссы, в свою очередь, в большинстве своем представляют собой имена. Последние, как известно, поддаются толкованию с большим трудом (см. § 15). Сомнение вызывает и то обстоятельство, что до сих пор оказалось возможным построить десять различных гипотез о языковой идентификации этих глосс и что один и тот же автор (К.Сиратори) истолковал тот же самый материал один раз (в 1902 г.) как тюркский и один раз (в 1923 г.) как монголо-тунгусский. Впрочем, почти все толкования К.Сиратори оспариваются почти всеми другими исследователями. Было бы излишним опровергать здесь все высказанные до сих пор мнения о языке сюнну; в большинстве своем они опираются на какое-либо случайное сходство между словами. Остановимся на двух возможностях, допущение которых, как кажется, не лишено некоторых оснований.

Широкую поддержку еще и в настоящее время получает положение, что язык сюнну был будто бы тюркским. Оно основывается на неоспоримом факте, что язык сюнну и тюркские языки имеют некоторые общие слова, в частности: *ch'eng-li* = тюрк. *tängri* 'небо'²²⁾; *hier-hō*, *χiəp-γəu* = *yabu* (титул)²³⁾; *eu-ta*, *wo-lu-to*, *ao-t'ot* = *ordo* 'военный лагерь'²⁴⁾. Фр.Альтхайм попытался сделать из этого вывод, что сюнну должны были быть тюрками (даже будто бы говорили прямо древнетюркски). На это можно возразить следующее:

а) Подавляющее большинство слов сюнну не поддается толкованию на тюркской почве.

б) Кроме того, в точке зрения Фр.Альтхайма²⁵⁾ кроется порочный круг: она была бы убедительной лишь

* Основатель империи гунов (сюнну) в Центральной Азии. Годы правления ок. 200–176 гг. до н.э. (Примеч. С.Кляшторного).

в том случае, если бы приведенные выше слова были сначала зарегистрированы в тюркских языках, а после уже в языке сюнну. Но на самом деле слова сюнну относятся ко II в. до н.э., а тюркские – только к VIII в. н.э. Поэтому с гораздо большей вероятностью можно допустить, что речь идет как раз о гуннских лексических заимствованиях в тюркских языках²⁶. Гуннское слово *otdo*, например, проникло даже в европейские языки (ср. немецкое *Norde* ‘орда, толпа, банда’).

в) Кроме того, ни одно из приведенных слов (корни в тюркских языках не бывают такими длинными) не поддается этимологизации на тюркском материале (например, предлагаемое Фр.Альтхаймом толкование слова *yabu* ‘повелитель лучников’ несостоятельно, это по-тюркски должно бы было звучать *yačĭ bägi). Ссылка Фр.Альтхайма и Р.Штиль²⁷ на ненадежное протоболгарское (из Шумена) *ya-bäg ничего не дает. Развитие тюркского *ya* ‘лук’ + восточноиранское *baŋu* < *baŋam* ‘бога’ (вин. падеж) > *yabaŋu* > *yabu* — совершенно невероятно.

г) Слово *tāŋĭ*, наконец, имеет очень своеобразную структуру. Сочетание согласных -*ŋg-* и вообще весь облик слова нетюркские. А поскольку к тому же во многих тюркских языках это слово выступает в форме *tāŋĭ (тур., аз. *tanĭ*, турк. *taŋĭ*, як. *taŋara*, чув. *tura*), легко предположить, что первоначальной была форма *tāŋĭ (которая позднее была фонетически по-разному адаптирована в соответствии с возможностями тюркской гармонии гласных). А эта форма уже в силу отсутствия гармонии гласных не могла бы быть исконно тюркской.

Таким образом, то обстоятельство, что в тюркских языках и в языке сюнну есть общие слова, не продвигает нас ни на шаг дальше, потому что эти общие слова первоначально являются именно гуннскими, а в тюркских языках они вторичны, заимствованы. А если мы непременно хотели бы настаивать на гипотезе Фр.Альтхайма, то это

было бы не чем иным, как если бы на основе сопоставления арабского слова *haikal* ‘храм’ и шумерского *é-gal* с тем же значением мы пришли бы к выводу, что шумерский язык был арабским диалектом, хотя ведь на самом деле арабское слово происходит в конечном итоге из шумерского.

§ 7. Гипотеза о енисейско-остяцком происхождении сюнну впервые была изложена в общих чертах О.Менхен-Хельфеном²⁸. Затем она была поддержана Л.Лигети²⁹, который приводил в качестве примера гуннское слово *so-to*, более древнее **sākd'āk* – *saydaq* ‘сапог’, которое сопоставимо только с кетским *sāgdĭ*, *šāgdĭ*. Наконец, Э.Пуллиблэнк посвятил этой теме целую монографию³⁰, при этом он 12 из 190 собранных им слов языка сюнну квалифицировал как кетские. Э.Пуллиблэнку можно возразить следующее:

а) Произвольный отбор 12 слов из 190 не дает в наше распоряжение надежный и достаточный материал для доказательства. Просто в силу законов теории вероятности всегда можно обнаружить несколько таких соответствий, независимо от того, какой язык принимается за исходную основу. Так, например, слово *ku-t'u* ‘сын’, более древнее *kwah-Sah, можно было бы сближать не с кетским *qalek*, *falla*, а с равным основанием, с халаджским словом *qāl* ‘ребенок’ (кто ищет, тот найдет).

б) Поэтому многие из приводимых Э.Пуллиблэнком слов можно толковать и по-другому. Он сам указывает на то, что слово *saydaq (= кетскому *sāgdĭ*) можно сближать со среднеперсидским (*mōčak*) *sāxtak* ‘сапог из хорошо выделанной кожи’.

в) Кетский язык известен (в виде отдельных глосс) лишь с XVII в. От текста на языке сюнну он отделен промежутком времени почти в два тысячелетия. При этом текст на языке сюнну написан китайским письмом, которое прежде всего совершенно непригодно для передачи иноязычных звуков (см. выше). А кроме того, сами китаисты

совсем не единодушны в вопросе о звуковом содержании знаков этого письма в древности (Г.Серрайс, Г.Халун, Б.Карлгрэн толкуют китайское произношение не так, как Э.Пуллиблэнк, и все китаисты расходятся в этом вопросе друг с другом). Возможно ли вообще в этих обстоятельствах точное сравнение? Не означало бы это то же самое, как если бы мы захотели сравнить яванское *pat* ‘четыре’ с (допустим, что мы не знаем латинского) румынским *patru* с тем же значением, что абсолютно недопустимо. Если мы не знаем ни китайского произношения II в. до н.э., ни древнекетских форм того же времени, то мы имеем уравнение с двумя неизвестными.

г) Наконец, Э.Пуллиблэнк не увидел возможности того, что если считать, что некоторые из его решений верны, то речь могла бы идти (так же, как в случае с немецким словом *Horde*, см. выше) о гуннских лексических заимствованиях в кетском языке. Ведь эти слова – всего лишь спорадические глоссы, в большинстве своем культурные слова, а они легко кочуют из языка в язык. Дело обстоит бы иначе, если бы в кетском языке можно было обнаружить, например, числительные языка сюнну от 1 до 10. В таком случае мы имели бы систематически организованную группу базисных слов (и тогда оказалась бы преодолимой даже та трудность, о которой шла речь в пункте (в)), но как раз ничего подобного в гуннском материале и нет.

Правда, гипотеза Л.Лигети – Э. Пуллиблэнка все еще кажется наименее невероятной. Ведь некоторые слова представляются убедительными, например, гуннские *chieb* < *kiat ‘камень’ – *khes, kit*. Я бы отнес сюда также: *t'ieh-fah* ‘железо’³¹ < *tiet-bat. Как показал Э.Пуллиблэнк, уже при чтении очень старых текстов можно пренебрегать согласным в ауслауте, так что действительное произношение было что-то вроде **tieba*³². Но эта форма могла бы быть древнекетской; в современных диалектах, по сведениям Л.Лигети, мы

имеем *t'ip, t'er*³³. Показательно также и то, что в языке сюнну есть очень много слов, которые имеют в анлауте *l* (21 слово из 190)³⁴. А в тюркских и монгольских языках, по-видимому, нет исконных слов, начинающихся с *l*-, в то время как такие слова характерны для кетского языка! Впрочем, некоторые древнетюркские слова, например *laçin* ‘сокол’, *lauzin* ‘свинья’, могут быть заимствованиями как из языка сюнну, так и, возможно, из аварского языка³⁵.

§ 8. Подведем итоги: можно с уверенностью сказать, что язык сюнну не был ни тюркским, ни монгольским. Вероятно, что речь идет о вымершем изолированном языке (как в случае с угаритским или шумерским языками). Нельзя исключать того, что язык сюнну продолжает жить в современном енисейско-остяцком языке (возможно, лишь в качестве адстрата), но данные, свидетельствующие в пользу этого, или сомнительны, или недостаточны.

§ 9. Прежде чем обратиться к вопросу происхождения европейских гуннов, несколько слов о самом этнониме; ведь ему следовало бы отвести особенно важную роль в решении проблемы гуннского этногенеза. Спорной является уже его этимология³⁶. Спорным является далее, идентично ли название гуннов (*Oúvvoi, hunni* и т.д.) этнониму сюнну и как этот последний следует этимологизировать. Часто предполагают, что гунны упомянуты в частном согдийском письме IV в. н.э. как *xwn*³⁷, что идентично китайскому *hun* или *hün*, но не идентично сюнну³⁸. Кроме того, не совсем ясно, можно ли поставить знак равенства между названием *Xouvoi* у Птолея (II в.) и названием *Oúvvoi, hunni* у Приска и Иордана (V и VI вв.) и представляли ли собой эти народы одно и то же или нет (Э.Шафер, Э.Моор³⁹ и др. высказываются в пользу их идентичности, противоположную позицию занимает Г.-В.Хауссиг⁴⁰). К тому же название гуннов встречается так часто и в столь различных местах, что идентичность гуннов Аттилы и всех этих народов не может быть

a limine («с порога») признана очевидной¹.

Мы не будем заниматься всеми этими обширными проблемами, а ограничимся гуннами эпохи Аттилы и империи Аттилы, ну скажем, Паннонией V в. До тех пор пока мы не в состоя-

нии, например, сравнить язык гуннов Птолея с языком гуннов Приска, мы также не можем ничего знать об их идентичности; то же самое верно и в отношении кавказских гуннов VI в.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ F.Hirth. Über Wolga-Hunnen und Hiung-nu // SBAW. – 1899. – Bd II. – S.245–278; M.Schuster. Die Hunnenbeschreibungen bei Ammianus, Sidonius und Iordanis. – «Wiener Studien». Bd LVIII. – Wien, 1940. – S.119–130; K.Jettmar. Hunnen und Hsiung-nu – ein archäologisches Problem// AfV. – Bd VI–VII. Wien, 1953. – S.166–180 [правда, осторожно и деликатно]; O.Pritsak. Kultur und Sprache der Hunnen// Festschrift für Dmytro Čyževskyi zum 60. Geburtstag. –В., 1954. – S.238–249; Z.Takats. Neuentdeckte Denkmäler der Hunnen in Ungarn// AOH. T.IX, 1959. – S.85–96; R.Shafer. The earliest Huns// UAJ. Bd 38. – 1966. – С.85–96.

² Fr.Altheim, H.-W.Haussig. Die Hunnen in Osteuropa. – Baden-Baden, 1958.

³ O.Maenehen-Helfen. Huns and Hsiung-nu// B-IJBS. American Series III. –Vol.XVII. №.V. – 1944–1945. – S.222–243; E.A.Thompson. A History of Attila and the Huns. L., 1948; K.Enoki. Sogdiana and the Hsiung-nu// CAJ. –Vol.I. –1955.–P.43–62; E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen mit besonderer Berücksichtigung ihres Namenmaterials// «Beiträge zur Namenforschung». –Bd 14. –Heidelberg, 1963. – S.63–104. (Почти тот же материал повенгерски см.: «Magyar Nyelv». T.59. Budapest, 1963. – С.53–66).

⁴ Fr.Altheim, H.-W.Haussig. Die Hunnen in Osteuropa. – S.14.

⁵ K.Jettmar. Hunnen und Hsiung-nu – ein archäologisches Problem. – S.178.

⁶ Старую литературу см.: К.Иностранцев. Хунну и гунны. –Л., 1926; K.Shiratori. Über die Sprache des Hiung-nu Stammes und der Tung-hu Stämme// ИАН. – Сер.V. – Т.XVII. – Вып.2. –СПб., 1902. – С.1–33.

⁷ K.Shiratori. Über die Sprache des Hiung-nu Stammes und der Tung-hu Stämme, №2.

⁸ O.Pritsak. Kultur und Sprache der Hunnen.

⁹ W.Samolín. Hsiung-nu, Hun, Turk// CAJ. –Vol.II, 1956. – P.143–150.

¹⁰ K.Shiratori. Sur l'origine des Hiong-nou – JA. Vol.I. P., 1923. – P.71–81.

¹¹ L.Ligeti. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise// АОН. – Т.I, 1950. – P.141–185.

¹² E.G.Pulleyblank. The Consonantal System of Old Chinese// AM.N.S. – Vol.9. L., 1962, p.1, с.58-144; p.2, с.206–265.

¹³ E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen, с.65 и сл.

¹⁴ O.Maenchen-Helfen. Huns and Hsiung-nu, P.224 и сл.; ср. также: O.J.Maenchen-Helfen. The Ethnic Name Hun// Studia Serica Bernhard Karlgren dedicata. – Copenhagen, 1959. – P.223–238; L.Ligeti. A kinai atirasos barbar glosszak kerdese// «Nyelvtudományi Közlemenyek». – T.51. – Budapest, 1941. –С.200 и сл.; он же. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise, с.142.

¹⁵ W.Samolín. Hsiung-nu, Hun, Turk, с.149.

¹⁶ E.G.Pulleyblank. The Consonantal System of Old Chinese, P.240.

¹⁷ O.Maenchen-Helfen. Huns and Hsiung-nu, P.224 и сл.

¹⁸ Соответствующую литературу см. в работах: L.Ligeti. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise, с.143; O.Pritsak. Ein hunnisches Wort// ZDMG. – Bd CIV. – 1954. – S.135; G.Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neu-persischen. – Bd I. – Wiesbaden, 1963. – S.96.

¹⁹ E.G.Pulleyblank. The Consonantal System of Old Chinese, p.264 и сл.

²⁰ O.J.Maenchen-Helfen. The Ethnic Name Hun, p.225.

²¹ L.Ligeti. A kinai atirasos barbar glosszak kerdese.

²² K.Shiratori. Über die Sprache des Hiung-nu Stammes und der Tung-hu Stämme, №1; L.Ligeti. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise, с.143; Fr.Altheim. Attila

und die Hunnen. – Baden-Baden, 1951. – S.61,95; E.G.Pulleyblank. The Consonantal System of Old Chinese, p.240; G.Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. – Bd II. – Wiesbaden, 1965, статья 944, S.585.

²³ Fr.Altheim. Attila und die Hunnen, S.53; Fr.Altheim, R.Stiehl. Das erste Auftreten der Hunnen. Das Alter der Jesaja-Rolle. Neue Urkunden aus Dura-Europos. – Baden-Baden, 1953. – S.49; G.Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. – Bd IV. – Wiesbaden, 1973, статья 1825, S.124–136.

²⁴ См.: K.Shiratori. Über die Sprache des Hiung-nu Stammes und der Tung-hu Stämme, №5 (правда, здесь предлагается иное толкование); G.Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. – Bd II. Wiesbaden, 1965, статья 452, S.35, 39.

²⁵ Fr.Altheim. Attila und die Hunnen, с.20; он же. Geschichte der Hunnen. – Bd I, В., 1959. – S.7.

²⁶ Так считает Л.Лигети (L.Ligeti. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise, с.143), а до него этой точки зрения придерживался П.Пельо.

²⁷ Fr.Altheim, H.Stiehl. Das erste Auftreten der Hunnen, S.37 и сл.

²⁸ O.Maenchen-Helfen. Huns and Hsiung-nu, p.224.

²⁹ L.Ligeti. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise.

³⁰ E.G.Pulleyblank. The Consonantal System of Old Chinese.

³¹ K.Shiratori. Über die Sprache des Hiung-nu Stammes und der Tung-hu Stämme, №11.

³² E.G.Pulleyblank. The Chinese Name for the Turks// JAOS. – Vol.85. – 1965. №2. – S.121–125.

³³ L.Ligeti. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise, с.151.

³⁴ E.G.Pulleyblank. The Consonantal System of Old Chinese, p.240, 244.

³⁵ См.: G.Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. –Bd IV, статья 1728, S.11–14.

³⁶ См.: G.Moravcsik. Byzantinoturcica. 2. Auflage. – Bd II. –В., 1958. –S.236 и сл.; O.J.Maenchen-Helfen. The Ethnic Name Hun; Fr.Altheim. Geschichte der Hunnen, Bd I, s.7 и сл.; К.Иностранцев. Хунну и гунны.

³⁷ См.: W.B.Henning. The Date of the Sogdian Ancient Letters// BSOAS. –Vol.XII. – 1948. – P.601–615.

³⁸ См.: M.Bussagli. Osservazione sul problema degli Unni// Accademia Nazionale dei Lincei. Rendiconti della Classe di Scienze morali. –Ser.VIII. – Vol.V. Fasc.3-4. – Roma, 1950. – C.212–232; G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.236 и сл.; O.J.Maenchen-Helfen. The Ethnic Name Hun; он же. Archaistic Names of the Hiung-nu// CAJ. – Vol.VI. – 1961. –P.249–261; O.Pritsak. Kultur und Sprache der Hunnen; он же. Hun, der Volksname der Hsiung-nu// CAJ. –Vol.V. –1959. – S.27–34; Fr.Altheim, H.-W.Haussig. Die Hunnen in Osteuropa; Fr.Altheim. Geschichte der Hunnen. Bd I, s.7 и сл.; R.Shafer. The Earliest Huns; H.-W.Haussig. Probleme der Westwanderung der Hunnen// ZDMG. Supplementa. – Bd 2. – Wiesbaden. – 1969. – S.772–782; K.Jettmar. Hunnen und Hsiung-nu – ein archäologisches Problem; E.G.Pulleyblank. The Consonantal System of Old Chinese, p.139.

³⁹ R.Shafer. The Earliest Huns; E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen.

⁴⁰ H.-W.Haussig. Probleme der Westwanderung der Hunnen.

⁴¹ M.Bussagli. Osservazione sul problema degli Unni; G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.236 и сл.; O.Maenchen-Helfen. Pseudo-Huns// CAJ. Vol.I. 1955. – C.101–106; он же. The Ethnic Name Hun; R.Shafer. The Earliest Huns.

Библиографические сокращения

ДТС	Древнетюркский словарь. Л., 1969.
ИАН	Известия Императорской Академии наук. –Спб.
АВАВ	Abhandlungen der (Berliner, d. h.) Preussischen Akademie der Wissenschaften.
AfV	Archiv für Völkerkunde. –Wien.
AM.N.S.	Asia Major. New Series. – L.
АОН	Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest.
В-IJBS	Byzantion. International Journal of Byzantine Studies. – N. Y.

BSOAS	Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London.
CAJ	Central Asiatic Journal. The Hague – Wiesbaden
JA	Journal asiatique. – P.
JAOS	Journal of the American Oriental Society. –Chicago.
SBAW	Sitzungsberichte der (Berliner, d. h.) Preussischer Akademie der Wissenschaften.
UAJ	Ural-Altäische Jahrbücher. –Wiesbaden.
ZDMG	Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. – Lpz.
ZfsLPh	Zeitschrift für slavische Philologie.

Аннотация

Г.Дёрфер на широком историческом и лингвистическом материале рассматривает проблему языка европейских гуннов. Автор статьи подробно разбирает гипотезы, бытующие в науке по этому вопросу. Имеющиеся источники не позволяют установить этническую преемственность гуннов, сюнну и восточноазиатского народа хун. Из-за скудости материала по языкам этих народов проблематично как установить их принадлежность к какой-нибудь известной языковой семье, так и доказать их тождество. На основе глубокого анализа источников автор статьи приходит к выводу об отличии языка европейских гуннов от языка сюнну, а также о том, что оба эти языка принадлежали к вымершим языковым группам.

Ключевые слова: зарубежная тюркология, лингвистика, гунны, сюнну, хун.

Summary

G. Derfer considers the problem of language of European hunns on the basis of historical and linguistic material and analyzes the hypotheses on this question existing in science. The available sources do not allow establishing ethnic succession of hunns, suynnu and East Asian people of hun. On account of scantiness of the material on the languages of these people it is difficult both to set their belonging to some famous language family and to prove their identity. On the basis of deep analysis of sources the author of the article draws a conclusion that the language of European hunns differed from the language of suynnu and both of them belonged to dead language groups.

Key words: foreign turkology, linguistics, hunns, suynnu, hun.

УДК 821.0

**ПОЭЗИЯ Х. ТУФАНА
В МЕЖЛИТЕРАТУРНОМ ДИАЛОГЕ 1920–1950-х гг.
(к сопоставительному изучению творчества
Х. Туфана и Н. Заболоцкого)***

М.И. Ибрагимов, кандидат филологических наук, доцент

Обоснованная в трудах М. Бахтина идея диалогической сущности литературы становится в трудах современных компаративистов теоретико-методическим основанием изучения межлитературного процесса¹. В отдельных исследованиях диалог между национальными литературами предлагается понимать как столкновение укорененных в национальной идентичности отдельно взятой литературы и демонстрирующих ее уникальность различий². Такое понимание диалога встречается и в трудах по философской компаративистике. «Философский диалог, – пишет А.С. Колесников, – это субъект-объектные отношения в их предельной выраженности при предельном несовпадении субъектов друг с другом – иначе не было бы ни вопросов, ни ответов»³.

В разные периоды истории татарской литературы XX века, рассматриваемой с точки зрения так понимаемого межлитературного диалога, степень выраженности различий была разной. В литературе начала века в диалоге между татарской и русской литературами их национальная идентичность проявляется ярче, чем в 1930–1950-е гг., в период утверждения соцреалистического канона и унификации национальных литератур. В этой связи значительный интерес представляет творчество авторов, развивавшееся в диахронных системах. К таковым от-

носится Х. Туфан, в творческой биографии которого нашли отражение тенденции полувекowego периода отечественной литературы.

Художественные ориентиры в раннем творчестве Туфана определялись общественными настроениями 1920-х гг.: верой в революционное преобразование мира, в обновление культуры. Продолжая начатые Х. Такташем художественные поиски, Туфан во второй половине 1920-х гг. создает ряд работ по поэтике татарского стиха: «Хэзерге шигырьләр турында» (1927), «Яна шигырь техникасы турында» (1928). В них Туфан провозглашает новую поэтику татарского стиха, противопоставляя ее «старой» поэтике, связанной с традициями средневековой восточной поэзии. Применительно к традиционной поэтике Туфан использует собственное определение – ЭБИЗМ (әдәбиятта борынгылыкка иярүче законнар мәктәбе – школа последователь законов старины в литературе).

Рассуждения Х. Туфана по поводу новой поэтики, с одной стороны, отражают характерное для литературы 1920-х гг. представление о связи литературы с социальной действительностью: строительство нового мира предполагает создание нового языка и новой поэтики. Подобного рода художественные ориентации были характерны для последователей авангарда.

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 10-04-29406-а/В/2010.

В русской поэзии 1920-х гг. это поэты, деятели искусства и науки, разделяющие эстетическую платформу «Лефа», в татарской – «Сулфа».

В ранних стихах Х. Туфана заметно влияние авангардной поэтики. Оно обнаруживается на разных уровнях стиха: образном, языковом, ритмико-интонационном, звуковом. Для выражения лирического переживания поэт обращается к характерным для поэзии 1920-х гг. образам: паровоз, трамвай, пропеллер, гудок:

*Барабыз!
Тапта кайгыны, паровоз!
Сындыр тынлыкны, трамвай!
Кимер наваны, пропеллер!
Ялкынлат болытны, торбалар!*
(«Барабыз», 1925)

В стихах Туфана используются неравносложные стихи, неточные рифмы, и эта поэтическая установка сближает поэтику Туфана с поэтикой русского авангарда, в частности, В. Маяковского, в которой неточные рифмы были органической частью поэтической системы.

С поэтикой авангарда раннюю поэзию Х. Туфана сближает и особый тип метафоричности, когда душевные процессы сравниваются с физическими явлениями или заменяются ими:

*Уйда винт йомишаса,
Нинди ачкыч белән борырга.*

*Минем уйлар, Урал,
Компас кебек сиңа тартылган.*

*Уйлар, китегез, кит!
Тизрәк китегез!
Калыпларга аккан чуен кебек,
Тыгызлысыз ниңә күңелне⁴.*

Исследователи творчества Х. Туфана обращают внимание на предметность как способ художественного мировидения поэта. «И с точки зрения стиля, изобразительных средств, – пишет по этому поводу Х. Госман, –

Туфан открыл в татарской поэзии оригинальный, своеобразный путь... Он стремится к конкретности, ясности, броской изобразительности, даже невидимые предметы поэт делает осязаемыми»⁵. Хрестоматийным примером такого способа художественной изобразительности стали строки из поэмы «Уральские эскизы» (1926):

*Кара сыер төсле кара төнне
Кемдер суйды:
Ялкынлы кан китте бугаздан...
Домналар ул,
Вулкан уянган күк,
Йолдызларга пожар сузалар.*

В русской поэзии 1920-х гг. такой способ художественного мировидения был характерен для Н. Заболоцкого, ранние стихи которого отличаются динамической предметностью.

Последующая эволюция поэтической системы Х. Туфана может быть определена как движение от авангардной поэтики к классике. Художественный потенциал традиций классической татарской поэзии начинает раскрываться в произведениях 1930-х гг. В стихотворениях этих лет («Ак каен», 1933, «Озату», 1933, «Су астында бер егет бар», 1935) поэт обращается к образам и жанрам татарского фольклора. Движение поэта от авангардной поэтики к классической традиции в немалой степени было связано с интересом Туфана к восточной поэзии и философии. Среди восточных поэтов, оказавших влияние на Туфана, особое место занимает Омар Хайям. На протяжении всего творческого пути Хайям оставался для Туфана образцом свободы мысли, который исповедовал материалистическое понимание мира и человека.

Интерес Туфана к Востоку не ограничивался творчеством Хайяма. Туфан высоко ценил Фирдоуси и Хафиза, Саади и Низами, Алишера Навои. В конце 1930-х гг. он создает ряд стихотворений («Мимходом», «Память занесенных следов», «В садах Ташкента»), в основу которых легли его впечатления

от путешествия по Кавказу и Средней Азии. В них поэт упоминает имена Фирдоуси, Хайяма, Навои, Бабур.

Обращение Х. Туфана к фольклору и восточной классике в 1930–1950-е гг. становится способом выражения национальной идентичности в ситуации унификации национальных литератур. В русской поэзии примером подобного движения от авангардной поэтики к классической является творчество Н. Заболоцкого. В 1920-е гг. его творчество, как и поэзия Туфана, развивалось в контексте авангардной поэтики: Заболоцкий вместе с Даниилом Хармсом и Александром Введенским стоял у истоков «Объединения реального искусства» («Обериу»). В 1930-е гг. он обращается к традициям классики (Тютчев, Боратынский, Державин).

И Туфан, и Заболоцкий в 1930–1950-е гг. пишут натурфилософские стихи: «Очрашырбыз эле», «Агыла да болыт агыла», «Сөйли торган материя» (Х. Туфан), «Метаморфозы», «Прогулка», «Деревья» (Н. Заболоцкий). Сопоставляя натурфилософскую лирику Туфана и Заболоцкого, следует, с одной стороны, обратить внимание на традиции русской и татарской натурфилософской поэзии. Применительно к Заболоцкому можно говорить о тютчевских традициях, применительно к Туфану – о традициях, связанных с творчеством Дэрдменда. У Дэрдменда пейзажные образы символичны, и эта символика в большинстве случаев определяется представлением о сущностной и неизрекаемой связи человека и природы. А.М. Саяпова рассматривает поэзию Дэрдменда в широком философском контексте (философия экзистенциализма, суфизм, европейская натурфилософия)⁶. У Туфана поэтическая натурфилософия имеет иные источники. В первую очередь, это творчество Омара Хайяма, поэзия которого – образец диалектического понимания природы. Связь между человеком и природой, их единство понимаются Туфаном не идеалистически, а скорее, материалистически. Об

этом, в частности, свидетельствует и широко представленная в творчестве поэта идея единства всех форм жизни. Человек в натурфилософских стихах Туфана – часть Вселенной, и в качестве таковой он родствен любой ее другой части, например, огню костра («Очрашырбыз эле») или цветку фиалки («Сөйли торган материя»).

Философская рефлексия в стихах Туфана вырастает из глубоко личностных, интимных переживаний:

*Син үзеңең туган илдә, сеңлем,
Син үзеңең нәселен эчәндә.
Назон кебек, әйттик, минем кебек
Йөрисен юк илең читендә.*

.....
*Эх, очар да кайтып китәр идем,
Жаным әгәр күбәләк булса:
Тормышларым әгәр ватык түгел,
Сынык түгел, түгәрәк булса.*

(«Сөйли торган материя»)

В этих строчках возникает образ лирического героя-изгнанника (сравнение с Овидием Назоном не случайно), оторванного от своего дома. Такова была и судьба самого Туфана – узника сталинских лагерей.

Влияние восточной классики не ограничивается только рецепцией идей – Туфан обращается к характерным для поэзии Востока формам стиха. Он переводит рубаи Хайяма, сам пробует себя в этом жанре, вводит в татарскую поэзию стихотворения, построенные по принципу венка строф («Хәят», «Бу соңгы таңы анын», «Илдә ниләр бар икән?», «Иртәләр житте исә» и др.)⁷.

Таким образом, сопоставление поэтических систем Х. Туфана и Н. Заболоцкого позволяет при общей логике их развития от авангардной поэтики к классической выявлять обусловленные национальной идентичностью различия между ними. На фоне натурфилософской поэзии Н. Заболоцкого, связанной с традициями русской (Тютчев) и европейской поэтической натурфилософии, более рельефно выступают особенности натурфилософии

Х. Туфана, восходящей к традициям восточной поэзии (Хайям). Одновременно и идентичность поэтической натурфилософии Заболоцкого представляется более выраженной в сопоставлении с творчеством Х. Туфана.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Аминова В.Р.* Типы диалогических отношений между национальными литературами. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2010; *Шайтанов И.* Компаративистика и/или поэтика: Английские сюжеты глазами исторической поэтики. – М.: РГГУ, 2010; *Сафиуллин Я.Г.* О межлитературном диалоге // Проблемы сравнительного и сопоставительного литературоведения Поволжья: Сборник научных статей. – Чебоксары: «Новое время», 2010. – С. 92–95.

² *Сафиуллин Я.Г.* О межлитературном диалоге // Проблемы сравнительного и сопоставительного литературоведения Поволжья: Сборник научных статей. – Чебоксары: «Новое время», 2010. – С. 93.

³ *Колесников А.С.* Философская компаративистика: Восток – Запад: Учеб. пособие. – СПб., 2004. – С. 267.

⁴ *Нигъмәти Г.* Сайланма әсәрләр. – Казан: Татар. китап нәшр., 1958. – С. 213. Ср.:

Мозги илифуюм рашпилем языка.

Кто выше – поэт

или техник,

который

ведет людей к общественной выгоде?

Оба.

Сердца – такие же моторы,

Душа – такой же хитрый двигатель.

(*В. Маяковский «Поэт рабочий»*)

⁵ *Госман Х.* Зур хисләр һәм тирән идеяләр шагыйре // Туфан Х. Сайланма әсәрләр. – Казан: Татар. китап нәшр., 1964. – С. 13.

⁶ *Саянова А.М.* Дәрдемд и проблема символизма в татарской литературе. – Казань, 2006.

⁷ Для русскоязычного читателя такая форма известна по стихотворению С. Есенина «Шаганэ ты моя, Шаганэ!», включенному в цикл «Персидские мотивы» (1924) и представляющему собой стилизацию восточной поэзии.

Аннотация

На основании современных подходов к межлитературному диалогу в статье рассматривается поэзия Х. Туфана 1920–1950-х гг. в сопоставлении с поэзией Н. Заболоцкого. В процессе диалогического изучения поэзии Туфана и Заболоцкого выявляются их национальная идентичность, устанавливаются ее источники: связь поэзии Туфана с традициями татарской и восточной, Н. Заболоцкого – русской и европейской натурфилософской поэзии.

Ключевые слова: Х. Туфан, Н. Заболоцкий, татарская поэзия, русская поэзия, межлитературный диалог.

Summary

The article deals with K. Tufan's poetry of 1920–1950s in comparison with N. Zabolotsky's poetry on the basis of modern approaches of interliterary dialogue. In the process of dialogical studying of Tufan's poetry and Zabolotsky's poetry their national identity is revealed, its sources are established: connection of Tufan's poetry with traditions of Tatar and Oriental poetry, Nikolay Zabolotsky's poetry – with Russian and European poetry of natural philosophy.

Keywords: Khasan Tufan, Nikolay Zabolotsky, Tatar poetry, Russian poetry, interliterary dialogue.

УДК 811.512.145

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ

И.Ф. Исламова, аспирант

Модальность и модальные формы глаголов служат для передачи модальных отношений и связей между высказываемым и действительностью. Они выражают отношение говорящего лица к характеру связи между содержанием высказывания и объективной реальностью в плане возможности, невозможности, долженствования, необходимости, намерения, предположения. В тюркских языках глагол и глагольные формы, как правило, являются носителями разнообразных значений модальности. Поэтому модальные формы глаголов рассматриваются в тесной и неразрывной связи с категорией модальности, так как они являются *средствами выражения модальности в языке*.

Модальность (от латинского *modus* — мера, образ, способ) — одна из наиболее сложных и противоречивых языковых категорий. В целом сущность категории модальности достаточно полно освещена во многих научных трудах как в русском языкознании, так и в тюркологии. Многие лингвисты сошлись во мнении, что модальность выражает отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего. Однако существует множество различных точек зрения о семантическом объеме категории модальности, ее лингвистическом статусе, средствах ее выражения, соотношении с другими категориями. Некоторые ученые включают в круг модальных значений различия по целевой установке высказывания, утверждение и отрицание, эмоционально-экспрессивные значения, функциональные типы предложений. Другие

считают необходимым разграничить объективную и субъективную модальность. Видимо, нет такой категории, отмечает В.П. Попова, о природе и составе частных значений которой высказывалось бы столько противоречивых мнений, как о категории модальности [Подручная, 2010, с.3].

В языкознании существует широкое и узкое понимание категории модальности. Согласно узкому подходу, языковая модальность понимается как прямой аналог одноименной логической модальности. Изъявительное наклонение отождествляется с модальностью действительности, повелительное наклонение — с модальностью необходимости, сослагательное наклонение — с модальностью возможности. Этот подход поддерживают в своих работах такие лингвисты, как Г.В. Колшанский, В.З. Панфилов, В.Н. Бондаренко, Т.И. Дешериева, С.И. Небыкова и т.д. Однако такое понимание категории модальности признается неправомерным, так как помимо модальных значений действительности, необходимости и возможности языковая модальность выражает значения долженствования, намерения, желания, предположения и т.д.

Основоположником широкого подхода к проблеме категории модальности является В.В. Виноградов. Согласно его концепции, модальность понимается как семантическая категория, выражающая отношение содержания высказывания к внеязыковой действительности с точки зрения говорящего. В содержательный объем этой категории вклю-

чаются значения действительности и недействительности, достоверности, утверждения и отрицания, необходимости, возможности, желательности, побуждения, вероятности, эмотивности и т.д. Положения концепции В.В. Виноградова развивались в дальнейшем его учениками и последователями (Т.П. Ломтев, Г.А. Золотова, Е.Н. Клобуков, Г.Ю. Яковлев и т.д.). В них языковеды делают попытку учесть множество разноплановых модальных уровней, что иногда приводит к чрезмерно широкому пониманию категории модальности.

В лингвистике существуют и другие подходы и концепции относительно природы категории модальности. Например, сторонники коммуникативно-прагматического подхода в своих исследованиях основываются на коммуникативной направленности высказывания. Они выделяют повествовательную, вопросительную и побудительную модальность, а также включают в круг модальных значений утверждение и отрицание. Это наблюдается в трудах И.П. Распопова, Т.Б. Алисова, М. Грепла и т.д. Однако рассмотрение высказывания без учета его номинативного аспекта представляется неполным и односторонним.

В последние годы языковеды все чаще рассматривают модальность как функционально-семантическую категорию. Мы придерживаемся данного подхода к решению проблемы категории модальности в татарском языке, так как этот подход позволяет снять многие терминологические и сущностные противоречия в понимании категории модальности. Базовым понятием данной концепции является функционально-семантическое поле, что позволяет рассматривать модальные значения не как иерархически выстроенные непересекающиеся уровни, но как диффузные и прозрачные пласты, семантически, лексически и грамматически взаимодействующие на основе их языковых функций [Подручная, 2010, с.8]. Чтобы образовать функционально-семанти-

ческое поле или категорию, средства, функционирующие в рамках этой категории, должны иметь общую семантику. Таким образом, данная категория имеет и план содержания, и план выражения. В понятие функционально-семантической категории как структурные компоненты входят ядро (центр) и периферия. Ядром функционально-семантической категории модальности является категория наклонения глагола. Периферийный слой составляют аналитические конструкции, модальные слова и частицы, некоторые структурные типы предложений, императивные междометия и т.д. Однако не все семантические типы, входящие в состав функционально-семантической категории модальности, имеют морфологический центр (например, модальность долженствования, модальность возможности, модальность необходимости).

В современной лингвистике широкое распространение получила теория о делении модальности на два противоположных типа: модальность реальности (действительности) и модальность нереальности (недействительности). Согласно этой теории модальность распадается на составные части, в зависимости от того, насколько отрывается высказывание от действительности: в случае полного соответствия высказывания с действительностью говорят о реальной модальности, в случае несоответствия того, о чем сообщается, фактам объективной действительности речь идет уже об ирреальной модальности. Сообщения реального характера выражают уверенность, отсутствие у говорящего сомнений относительно правильности того взгляда, которого он придерживается, поскольку они носят характер констатации фактов действительности. При помощи ирреальной модальности могут передаваться тончайшие оттенки отношения действия к действительности, устанавливаемого говорящим лицом [Ибрагимова, 1975, с.7]. Модальность нереальности в работах многих авторов распадается на следующие семантические виды: по-

будительная модальность, желательная модальность, предположительная модальность, модальность намерения, модальность необходимости и долженствования, модальность возможности и невозможности.

Как уже было отмечено ранее, в лингвистике встречается точка зрения о том, что утвердительные и отрицательные предложения – это модальные типы предложений. Это наблюдается в научных трудах В.Г. Адмони, А.Н. Гвоздева, А.А. Реформатского, М.З. Закиева, В.В. Бабайцева и Л.Ю. Максимова и т.д. На наш взгляд, из состава категории модальности исключаются значения утверждения и отрицания, так как они являются самостоятельными логическими категориями и не имеют модального характера. Как справедливо отмечает М.В. Зайнуллин, утверждение и отрицание – это проявление предикативности. Эти значения не выражают отношение говорящего к объективной действительности. Отрицание и утверждение могут присутствовать при любом виде модальности, не меняя содержания модальных отношений высказывания [Зайнуллин, 2000, с.19–20].

В языкознании существуют противоречивые мнения по поводу включения в категорию модальности значений эмоциональности и экспрессивности. Одни ученые полагают, что эмоциональное отношение к познаваемому всегда неразрывно связано с рассудочной оценкой и является важной составной частью модальности. Другие считают, что эмоционально-экспрессивные значения в категорию модальности включать нельзя. По нашему мнению, значения эмоциональности выходят за пределы категории модальности,

хотя и тесно граничат с ней. Нельзя не согласиться с мнением В.В. Виноградова, который считает, что необходимо проводить принципиально четкую грань между разными эмоциональными формами выражения реакций на действительность и модальной оценкой отношения высказывания к действительности [Виноградов, 1950, с.41–68]. Модальность выражает отношения содержания высказывания к действительности не в плане определения характера человеческих эмоций, а в плане его реальности или нереальности. В отличие от модальности, значения эмоциональности и экспрессивности являются процессом психической деятельности человека и существенно отличаются от его рассудочной деятельности.

Некоторые лингвисты полагают, что значения целенаправленности высказывания являются модальными значениями. На наш взгляд, модальность не может служить для разделения предложения на различные функциональные типы, так как одни и те же коммуникативные типы предложений могут выражать различные модальные значения.

Таким образом, теоретические вопросы категории модальности являются общими для многих языков. В разных языках могут быть разные средства выражения модальности, но суть ее при этом не меняется. Модальность – это универсальная категория, присущая всем языкам. Разнообразные толкования природы категории модальности, безусловно, связаны со сложностью этой проблемы и различным подходом к определению семантического объема и лингвистического статуса данной категории.

Список литературы

1. Агазаде Н.Г. К вопросу о категории наклонения и модальности в современном азербайджанском языке. – Баку: Изд-во АН Азербайд. ССР, 1965.
2. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Тр. Института русского языка. Т.2. – М.–Л., 1950. – С.41–68.
3. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975.

4. *Зайнуллин М.В.* О сущности и границах категории модальности: На материале башкирского и других тюркских языков. — Уфа: Изд-во Башкирск. ун-та, 2000.
5. *Закиев М.З.* Синтаксический строй татарского языка. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1963.
6. *Ибрагимова М.Ю.* Ирреальная модальность и средства ее передачи в татарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Казань, 1975.
7. *Ломтев Т.П.* Предложение и его грамматические категории / Т.П. Ломтев. — М.: Изд-во Москов. ун-та, 1972.
8. *Панфилов В.З.* Взаимоотношение языка и мышления. — М.: Наука, 1971.
9. *Подручная Л.Ю.* Средства выражения модального значения возможности в языке русского фольклора (функционально-семантический анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Калининград, 2010.
10. Татарская грамматика. П т.: Морфология. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1993.
11. *Тумашева Д.Г.* Татарский глагол (Опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий). — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986.

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические вопросы категории модальности. Определяются различные точки зрения о семантическом объеме категории модальности, ее лингвистическом статусе, средствах ее выражения. Сделан вывод о том, что модальность правильнее рассматривать как функционально-семантическую категорию, так как этот подход позволяет снять многие терминологические и сущностные противоречия в понимании категории модальности. А различные истолкования природы категории модальности связаны со сложностью этой проблемы и различным подходом к определению семантического объема и лингвистического статуса данной категории.

Ключевые слова: категория модальности, подходы, концепции, средства выражения, семантический объем, функционально-семантическое поле.

Summary

The article deals with theoretical questions of the category of modality. Various views on the semantic capacity of category of modality, its linguistic status and means of its expression are defined. The author concluded that it is more correct to consider the modality as a functional-semantic category because this approach allows us to remove many of the essential and terminological contradictions in understanding the category of modality. Different interpretations of the nature of the category of modality are associated with the complexity of the problem and different approaches to determining the semantic capacity and linguistic status of the category.

Key words: category of modality, approaches, concepts, means of expression, the semantic capacity, functional-semantic field.

УДК 81'0

ТАТАРСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК НАЧАЛА XX ВЕКА. ЯЗЫКОВАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ

Б.К. Миннуллин, кандидат филологических наук

Как известно, конец XIX – начало XX вв. является бурным и плодотворным периодом развития истории татарского народа. Начиная с середины XIX в. в Поволжье начинается интенсивное развитие капиталистических отношений, постепенно устраняется средневековая раздробленность, активизируется национальная жизнь и пробуждается национальное сознание татарского народа – формируется татарская нация.

Данный период является сложным этапом в истории развития татарского литературного языка. В первую очередь это связано с тем, что литературный язык того времени был многовариантным. К примеру, исходя из споров, которые велись в то время на страницах таких газет и журналов, как «Нур», «Фикер», «Йолдыз», «Шура» и др., можно выделить следующие варианты татарского литературного языка конца XIX – начала XX вв.:

1. Литературный язык – продолжение классического письменного старотатарского литературного языка, изобилующего арабской, персидской лексикой и соответствующими грамматическими формами;

2. Джадидо-османский – вариант, близкий к языку газеты «Тарджеман»;

3. Вариант языка, обогащенный словами и формами татарского разговорного языка [2, 12].

В ходе споров на страницах периодической печати были затронуты такие вопросы, как проблемы отображения фонетического строя татарского языка на письме, на каком языке или языковом варианте формировать газетные

статьи, официальные документы, научные труды, художественную литературу. Дело доходило до того, что интеллигенция задавалась вопросом, каким самоназванием будет определяться народ и как должен будет называться его язык. Одним словом, поднимались вопросы по основным теоретическим и практическим аспектам татарского национального литературного языка и национального самосознания в целом.

Несмотря на то, что с 1905 г. начинают печататься газеты на татарском языке, их язык можно было назвать татарским лишь с натяжкой. Язык этот либо был похож на турецкий, либо представлял собой необработанный вариант татарского языка с излишками арабо-персидского компонента. Лишь язык немногих авторов, которых можно пересчитать по пальцам, можно было внести в число исключений [3, 159].

К примеру, возьмем газеты, наиболее популярные и долговечные по сравнению с другими представителями периодической печати начала XX в. – оренбургскую «Вақыт» («Время») и казанскую «Йолдыз» («Звезда»). Эти газеты, несмотря на тот факт, что являлись газетами, печатающимися на татарском языке, сильно отличались друг от друга в языковом плане. Главным образом это было связано с еще не устоявшимися языковыми традициями татарского народа.

Газета «Вақыт», так же как и ее близкий родственник – журнал «Шура» («Совет», Оренбург), были приверженцами использования форм турецкого языка, не желая развивать язык, близ-

кий широким слоям татарского народа, и использовать уже существующие его языковые богатства. А в газете «Йолдыз» мы наблюдаем отказ от влияния турецких тенденций. То есть существовало некое противостояние двух течений того времени среди татарской интеллигенции — тюркизма и татаризма. Если будем сравнивать язык данной газеты с языком остальных представителей периодической печати, то можем наблюдать резкие контрасты. Язык газеты «Йолдыз» принципиально отличался от языка других газет. При этом в газете «Йолдыз» также использовались арабо-персидские заимствования, но дело в том, что они употреблялись не на фоне османско-турецкого языка, как это было в газете «Вақыт», а являлись неким сплетением арабо-персидской лексики с татарской.

И «Йолдыз», и «Вақыт» в начале своего пути не являлись газетами ежедневными, а издавались два-три раза в неделю. По этой причине большая часть номера состояла из статей самих редакторов, а присланные со стороны статьи подвергались глубокой языковой обработке. Именно данным фактом, в первую очередь, объясняется различие газет в языковом плане. Так, в газете «Йолдыз» ощущалось присутствие языка Хади Максуди, а в газете «Вақыт» — Фатиха Карими. В дальнейшем, когда газеты становятся ежедневными, в них начинают публиковаться разные авторы, приверженцы разных вариантов татарского языка. Таким образом, языковой облик той, и другой газеты меняется, становится более универсальным, а позже и вовсе, подчиняясь веянию времени, попадает под воздействие течения татаризма. Справедливости ради следует отметить, что языковой татаризм того времени не очень-то и отличался от языкового тюркизма. Арабо-персидские заимствования — их общая беда — по-прежнему изменяли и усложняли язык до неузнаваемости. Причем порой язык газеты «Вақыт», близкий к османско-турецкому, был более прост в понимании, чем

язык газеты «Йолдыз», отказавшийся от османско-турецкого влияния, но при этом чересчур перегруженный арабо-персидской лексикой.

Как бы то ни было, татарскую интеллигенцию новой волны не мог устроить ни первый, ни второй вариант. В 1910 г., протестуя против тюркизма газеты «Вақыт» и «татаризма» газеты «Йолдыз», молодые представители татарской литературы Г. Тукай, Ф. Амирхан и Г. Ибрагимов переходят к решительным действиям. По их мнению, настоящий татарский литературный язык, на котором должно было происходить все культурное развитие татарского народа, — это татарская разговорная речь. Несмотря на некоторые различия в творчестве, эти представители татарской литературы начала XX в., перепробовав различные варианты, остановились на варианте разговорного языка, понятного и близкого всем татарам без исключения. Не смогли противостоять татаризму ни «Вақыт», ни «Шура», ни «Йолдыз», ни какой-либо другой орган татарской периодической печати того времени. Хотя, несомненно, до своего последнего номера каждая из этих газет (и журналов) была самодостаточной и имела отличительные черты как в публицистическом плане, так и в языковом.

Как и любой другой язык, татарский литературный язык в ходе своего развития очищался от архаизмов и обрстал неологизмами, которые со временем уступали место еще более новым словам и словоформам. Все эти процессы, связанные с формированием языка, характерны для всех языков мира. По большому счету, процессы, имевшие место в татарском языке на рубеже XIX — XX вв. и позднее, — это процессы естественного отбора, присущего всей природе, где выживает самый сильный, а в случае с языком — самый востребованный и универсальный. К примеру, османско-турецкий, или просто турецкий язык, на пути своего формирования также прошел многочисленные ступени эволюции:

– самая ранняя эпоха в истории развития османско-турецкого языка была обусловлена отсутствием характерных для него на сегодняшний день арабо-персидских заимствований, а также присутствием в языке многочисленных древнетюркских элементов, утраченных на последующих этапах;

– в период становления и развития Османского государства наблюдается использование в языке огромного количества арабо-персидской лексики, под арабо-персидские правила подстраивается также и синтаксис языка. При этом речь идет о целенаправленном использовании арабизмов и персидских заимствований с целью внешнего украшения языка, в ущерб значению и качеству;

– во второй половине XIX в., будучи заинтересованной в техническом и научном прогрессе, Османская империя сильно поддается европейскому влиянию, в том числе и в языковом плане. На данном этапе языкового развития некоторые пышные и красивые выражения в арабском и персидском языках были заменены соответствующими выражениями из французского и других западноевропейских языков. В данном случае ставка делалась не на значение и внутреннюю красоту языка, а на внешнее превосходство;

– в первые десятилетия XX в. турецкая интеллигенция, как и татарская, осознав необходимость простого и понятного для всех слоев населения языка, вступила на путь сохранения и туркизации родного им языка.

На рубеже XIX–XX вв., под влиянием всероссийских реформ, среди татар также начинает формироваться просветительское движение, которое в дальнейшем проникает во все слои татарского общества и становится неким двигателем национального прогресса. Причины столь бурного развития татарского просветительства объясняются в первую очередь активизацией процессов формирования буржуазного общества и, как следствие, роста национального самосознания [4, 277].

Просветительские идеи, присущие У. Имяни и Курсави еще в XVII в., нашли свое отражение и в просветительской деятельности Ш. Марджани (1818–1889), Х. Файзханова (1821–1866), К. Насыри (1825–1902). На протяжении полувека их голоса продолжали звучать, а к концу XIX в. к ним присоединился и Ш. Культияси (1856–1930). В основе произведений этих мыслителей лежала просветительская программа татарского народа. Несмотря на различные нападки со стороны противников всего нового, татарские просветители сумели опровергнуть веру своих читателей в правильность общественных порядков того времени, обратили общественное внимание на застои в национальной жизни и доказали правильность пути, направленного на новый образ жизни, прогресс и свободу человеческого разума. В противовес схоластической премудрости и религиозному фанатизму они пропагандировали разум и науку [1, 26–27].

Первоначально просветители того времени ограничивались областью философских мировоззренческих проблем и пропагандой научных идей. В дальнейшем же их деятельность переросла в широкое литературное движение, которое оставило глубокий след в развитии общественной мысли татарского народа. Просветительская литературная деятельность Г. Ильяси (1856–1895), Ф. Халиди (1850–1923), З. Бигиева (1870–1902), Г. Исхаки (1878–1959) и др. позитивно отразилась на развитии татарской литературы того периода, которая ознаменовалась появлением прозы и драматических произведений. Пробуждение национального самосознания татарского народа, воспитание в нем чувств гражданского долга и гуманизма, пропаганда идей прогресса и свободы, критика средневековых порядков – то, чем были пропитаны произведения татарских писателей-просветителей [6, 221]. Следует отметить, что в языковом плане произведения этих писателей неоднородны. Они относятся к разным вариантам татарского

литературного языка конца XIX – начала XX в. К примеру, язык произведений М. Акъегета и З. Бигиева более близок к новоосманскому языку. Р. Фахрутдин и Ф. Карими, к примеру, в некоторых своих произведениях использовали язык, близкий к общенародно-разговорной речи, в других же – язык, близкий к новоосманскому языку. Г. Ильяси, Ф. Халиди и Г. Исхаки в основном писали на варианте языка, близком к общенародно-разговорной речи.

По мнению известного тюрколога Э.Н. Наджиба, старотатарский литературный язык своими корнями восходит к литературному языку кыпчакско-огузского типа эпохи Золотой Орды и мамлюкского Египта. Это говорит о том, что традиционная часть данного языка была унаследована и представлена больше уйгуро-караханидской традицией, чем огузской.

Как нами уже было отмечено, с XVII–XVIII вв. в языковом плане наблюдается широкое влияние османско-турецкого языка на старотатарский литературный язык. Это, в свою очередь, приводит к тому, что в старотатарский литературный язык начинает проникать так называемый «огузский компонент». Это влияние было обусловлено конкретными социально-историческими предпосылками – расширением культурно-экономических и дипломатических отношений между Поволжьем, Турцией и Ираном [5, 156]. В XIX в., особенно во второй его половине, османско-турецкое влияние еще более усиливается. В первую очередь, это было связано с тем, что многочисленная татарская молодежь отправлялась в Турцию для получения образования в местных учебных заведениях, а также с распространением среди татар османско-турецкой литературы.

Начиная со второй половины XVIII в. старотатарский язык испытывает влияние чагатайского литературного языка. Это влияние происходило теми же путями, что и распространение османско-турецкого языка. К примеру, распространение литературных произ-

ведений, созданных в Средней Азии, обучение татарской молодежи в учебных заведениях Бухары и Самарканда. Важную роль, конечно же, сыграли такие внешнелингвистические факторы, как активизация дипломатических и торговых отношений со Средней Азией и посредническая роль татар в этих событиях [7, 35–36].

На данном этапе развития старотатарского литературного языка также увеличивается количество арабско-персидских заимствований. Этот факт подтверждает влияние чагатайского языка – он отличался высоким уровнем художественной выразительности и терминологической полнотой.

Таким образом, к середине XIX в. классический старотатарский письменный литературный язык представлял из себя некий симбиоз арабского, персидского, чагатайского, османско-турецкого и татарского языков. Но, несмотря на данный факт, татарский литературный язык того времени все же сохранил лингвистические черты, присущие только ему. Литература, написанная на старотатарском литературном языке того времени, не была доступна всем слоям татарского общества. Если принять во внимание тот факт, что подавляющим большинством населения, проживающего на территории Поволжья, были мусульмане, то становится ясно, что господствующее положение, будучи языком Корана, занимал арабский язык, а татарский отходил на второй план. Татарский язык негласно становился языком простонародья, который нельзя было использовать ни в литературе, ни в науке. Более или менее грамотный человек старался писать и читать на арабском. В этих условиях катастрофически мало времени и внимания уделялось научному изучению и разработке татарского языка.

Как уже было сказано, татарские просветители того времени считали распространение научных знаний важнейшим элементом в общественном прогрессе. Но о каком-либо распространении знаний на непонятном для

народных масс языке не могло быть и речи. По их мнению, знание родного языка является необходимой предпосылкой как при изучении наук, так и для овладения другими языками [1, 218].

Само время требовало реформирования и научной разработки татарского литературного языка. На этапе перехода от средневековья к новому времени с такими проблемами сталкивались многие народы. К примеру, у народов Западной Европы этот переход был связан с преодолением господства латинского языка, у русских – с переходом от церковнославянского языка к живой русской речи. Причем этот переход сопровождался лексической, стилистической и грамматической обработкой русского литературного языка. Вторая половина XIX в., отмеченная расширением капиталистических отношений, а

следовательно, и социально-экономическими изменениями, ставит вопрос о реформировании языка ребром и перед татарами.

Таким образом, представителями национальной интеллигенции того времени на повестку дня ставится вопрос о преодолении господствующего положения арабского языка, реформе литературного языка и приближении его к разговорной речи с целью использования в научных и практических знаниях. Просветители решительно настаивали на пригодности татарского языка к употреблению на самых высоких уровнях – в науке и литературе. По их мнению, по грамматическому и лексическому строю татарский язык не уступал другим языкам, но в то же время имели место и опасения: татарский язык не отвечал запросам времени и требовал совершенствования.

Использованная литература

1. *Абдуллин Я.Г.* Татарская просветительская мысль / И.А. Абдуллин. – Казань: Таткнигоиздат, 1976. – 320 с.
2. *Бәширова И.Б.* Татар әдәби теле тарихы: XIX гасыр ахыры – XX йөз башы / И.Б. Бәширова. – Казан: Казан дәүләт технология университеты нәшрияты, 1999. – 528 б.
3. *Вәлиди Ж.* Сайланма хезмәтләр / Ж. Вәлиди. – Казан: Мәгариф, 2007. – 271 б.
4. *Михайлова С.М.* Формирование и развитие просветительства среди татар Поволжья (1800–1881) / С.М. Михайлова. – Казань: Изд-во КГУ, 1972. – 227 с.
5. *Нигматуллов М.М.* Роль и место огузских элементов в истории развития татарского языка: дис. ... канд. филол. наук / М.М. Нигматуллов. – Казань: Ин-т. яз., лит. и ист. им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1983. – 223 с.
6. Татар әдәбияты тарихы: алты томда. Т. 2. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. – 575 б.
7. *Хисамова Ф.М.* XVIII йөздәге татарча эш кәгазьләренәң тел үзгәрткәнләре / Ф.М. Хисамова. – Казан: КДУ нәшр., 1981. – 161 б.

Аннотация

Конец XIX – начало XX века – это особо важный этап в формировании и развитии татарского национального литературного языка. Старотатарский язык издревле, как и другие тюркские языки, был подвержен многочисленным арабо-персидским заимствованиям и словам древнетюркского происхождения. К середине XIX в. к этим заимствованиям присоединяются и слова из османско-турецкого языка. В начале XX века в результате подъема национального самосознания татарская национальная интеллигенция поднимает вопрос об актуальном состоянии татарского литературного языка. Из трех вариантов татарского языка начала XX века (литературный язык; джадидо-османский; вариант языка, обогащенный словами и формами татарского разговорного языка) наиболее предпочтительным и вразумительным выглядит последний.

Ключевые слова: татарский литературный язык, вариативность языка, заимствования, периодическая печать.

Summary

The end of XIX – beginning of the XX century is a particularly important stage in the formation and development of the Tatar national language. The old Tatar language from ancient times, as well as other Turkic languages, was subjected to numerous Arab-Persian borrowings and words of the ancient Turkic origin. By the middle of the XIX century the words of the Ottoman-Turkish Language had also joined these borrowings. At the beginning of the XX century as a result of the rise of national consciousness the Tatar intellectuals raise the question concerning the state of the Tatar language. Of the three options of the Tatar language of the beginning of the XX century (the literary language; Jadid Ottoman; the version of the language, enriched by the words and forms of the spoken Tatar language) the latter is the most preferable.

Keywords: the Tatar literary language, language variation, borrowings, periodical press.

УДК 902:911

НЕДАВНИЕ ОТКРЫТИЯ В ГОРНОМ АЛТАЕ: АЛТАЙСКИЙ СВОД ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

И.А. Невская, доктор филологических наук, профессор

1. Введение

Древнетюркские рунические надписи, найденные в Республике Алтай Российской Федерации, наряду с надписями Монголии, бассейна реки Енисей, Кыргызстана, Китая и Казахстана, представляют собой огромный свод из нескольких сотен надписей. Самые известные и наиболее изученные среди них — орхонские и енисейские письмена. Что касается надписей, найденных в Сибири, то их изучали несколько поколений тюркологов. Они были открыты шведскими офицерами, находившимися в Сибири в плену, путешественниками и торговцами (1711–1721 гг. — первые открытия надписей на Енисее Филиппом Юханом фон Страленбергом, 1721 г. — Д. Мессершмидт обнаружил руническую надпись в долине реки Уйбат в Хакасии), а первая их документация была сделана финской экспедицией под руководством И.Р. Аспелина в 80-х гг. XIX века (Aspelin, 1889, 1892). Среди тюркологов, изучавших рунические надписи Сибири, были В. Томсен, В.В. Радлов, П.М. Мелиоранский, В. Банг, С.Е. Малов и др. Енисейские надписи недавно подверглись тщательному изучению И.В. Кормушиным (1997). В результате, наряду с орхонскими письменами, мы много узнали и о енисейских надписях: об их знаках, палеографии и орфографии.

Что касается алтайских рунических памятников, то степень их изученности резко отличалась от изученности орхонских и енисейских. Кроме того, существовало немало предубеждений

относительно алтайской рунической традиции. Алтайские рунические письмена рассматривались как представители умирающего периода древнетюркской рунической традиции: считалось, что все они очень короткие, что нет никаких надписей, содержащих более или менее полный текст, что делает их чтение невозможным. Это мнение разделяли многие тюркологи.

Несмотря на то, что известные ранее алтайские надписи довольно короткие и многие из них не сохранились в полном объеме, мы должны быть осторожны в утверждении, что они принадлежат периоду вымирания рунической традиции. Благодаря тому, что в последнее время в Горном Алтае были обнаружены и задокументированы многочисленные надписи, наши знания об этой традиции значительно расширились.

В данной статье представлены некоторые новые находки рунических надписей в Горном Алтае и результаты их исследования.

2. Некоторые заметки по истории исследования алтайских рунических памятников

В Горном Алтае первые рунические надписи были обнаружены Г.И. Спаским на берегу реки Чарыш в 1809 г. (см. Тенишев, 2006). Позже, в 1865 г., В.В. Радлов нашел серебряный сосуд с четырьмя руническими знаками на дне. Эта надпись была расшифрована П.М. Мелиоранским (Мелиоранский, 1903). Все это были случайные находки. Позже еще больше надписей были слу-

чайно найдены местными жителями, а также археологами (Киселев, 1936; Евтюхова и Киселев, 1941). Более систематическое исследование алтайской рунической традиции началось в 50-х гг. прошлого века. Среди многочисленных российских исследователей, изучавших алтайские рунические надписи, такие известные ученые, как А.П. Окладников, К. Сейдакматов, Н.А. Баскаков, А.К. Боровков, Э.Р. Тенишев, В.М. Надеяев, Д.Д. Васильев, В.Д. Кубарев, И.Л. Кызласов (Сейдакматов, 1964; Баскаков, 1966; Боровков, 1963; Надеяев, 1973, 1984) и др. Тем не менее до последнего времени целенаправленных исследований не проводилось, как не ставилась и задача составления полного свода алтайских рунических памятников.

В результате научных исследований конца XX – начала XXI века сообществу тюркологов были представлены новые материалы и интересные открытия. Следует отметить исследования Д.Д. Васильева (1975, 1983), открытия новосибирских археологов (Маточкин, 1990; Кубарев, 1997; Кляшторный и Маточкин, 1991; Кляшторный и Кубарев, 2002; Якобсон и Кубарев, 1996). Однако мы должны прежде всего упомянуть недавние исследования И.Л. Кызласова (1999, 2000, 2001, 2002, 2004). Он нашел и прочитал ряд алтайских рунических надписей. Основываясь на своих исследованиях этих надписей, он пришел к выводу, что алтайская руническая традиция отличается от классической енисейской, так как в них часто нарушаются правила рунического письма. Он не знает, чем это объясняется, то ли писцы были неграмотными, то ли, напротив, они были высокообразованными и знали различные системы письма, правила которых расходились. Мы считаем, что дальнейшие исследования алтайской рунической традиции на основе новых открытий помогут нам прояснить эти фундаментальные вопросы и, при необходимости, предложить новые варианты чтения этих надписей.

3. Российско-немецкие совместные исследования алтайских рунических надписей

Систематический сбор и исследование рунических памятников Алтая начались в начале XXI века в рамках Программы Правительства Республики Алтай Российской Федерации (2004–2006 гг.) и международного научно-исследовательского проекта, финансируемого Немецким научно-исследовательским обществом (DFG) и Российским фондом фундаментальных исследований (2007–2009 гг.). Руководителем германской исследовательской группы являлся профессор Марсель Эрдал, а российской группы – доцент Л.Н. Тыбыкова. Профессор Ирина Невская была координатором работы групп. Многочисленные алтайские и новосибирские археологи и местные жители Алтая приняли участие в экспедициях по этим программам в разные годы, и благодаря сотрудничеству с ними мы достигли бесценных результатов.

В течение девяти лет полевых исследований задокументированы девятосот рунических надписей Алтая, создан их электронный свод с фотографиями, копиями, GPS данными о местах их точного географического нахождения, нашими транслитерациями и предварительными вариантами чтения, были проведены предварительные изыскания в области их палеографии (Кочев, 2006; Тыбыкова и Невская, 2008, 2009; Маточкин, Тыбыкова, Невская и Эрдал, 2010; и др.). Русская версия данных доступна в сети Интернет: www.Altay.uni-frankfurt.de. Мы готовим английскую версию сайта, а также каталог рунических надписей Алтая. Далее мы сделали сравнительный и типологический анализ алтайской рунической палеографии и орфографии (Невская в печати) и уточнили наши прочтения, принимая во внимание результаты наших собственных исследований и последние достижения в области расшифровки древнетюркских рунических надписей в Монголии, Тыве и Хакасии.

4. Надписи, обнаруженные к концу XX века

К концу XX века в Горном Алтае уже были обнаружены около 60 надписей. Большая часть надписей расположена в долине реки Кара-Кол (Онгудайский район), в бассейне реки Бар-Бургазы и в непосредственной близости от села Тобелер (Кош-Агачский район), недалеко от сел Мендюр-Соккон и Ябоган (Усть-Канский район). Однако больше всего надписей обнаружено на скале Калбак-Таш в Онгудайском районе — 31 надпись. Это уникальное историческое место — на протяжении веков гора являлась своего рода храмом, там содержатся около 5000 уникальных петроглифов, самые ранние из которых относятся к VI тысячелетию до н.э., а самые поздние — к древнетюркскому периоду. Первые двенадцать надписей были обнаружены археологами из Новосибирска в 1980 г., а остальные позже были найдены В.Д. Кубаревым и И.Л. Кызласовым; надписи были прочитаны В.М. Наделяевым и И.Л. Кызласовым.

Еще одним местом, где было найдено несколько надписей, является скала Бичикту-Боом (долина реки Кара-Кол в Онгудайском районе). Название скалы переводится как «скала с надписями». В 70-х гг. XX века, наряду с руническими, были найдены уйгурские и тибетские надписи. Они не сохранились. Во время строительства дороги большая часть рунических надписей Бичикту-Боом, а также ряд надписей Мендюр-Соккон были уничтожены.

Все алтайские надписи в целом находятся под угрозой исчезновения. Это связано не только с промышленной деятельностью, строительством новых гидроэлектростанций и газопроводов, но и с природными явлениями (эрозия камней, вызванная ветром и водой, землетрясения), а также с сельскохозяйственной деятельностью и вандализмом туристов и местных жителей, которые наносят граффити на старые надписи. Документальное оформление алтайских надписей, принятие мер по

их сохранению и исследованию являются первостепенными задачами для тюркологов, которые в значительной мере решает совместный германско-русский проект.

5. Недавно обнаруженные и/или неопубликованные рунические надписи

В ходе реализации германско-русского научно-исследовательского проекта были задокументированы все известные надписи, а также обнаружены и расшифрованы некоторые новые. Среди многочисленных новых находок следует отметить надписи, найденные на Ябогане, Кургаке, Инегене, Кызыл Кабаке и Ак-Боме, и многие другие. Мы также предложили наши предварительные варианты чтения практически для всех рунических надписей Алтая. Места, где найдены надписи, показаны на карте Республики Алтай на сайте нашего проекта.

В данной статье мы остановимся на надписи, найденной вблизи села Ябоган, а также на одной из надписей, найденных у горы Кызыл Кабак. Транслитерации, транскрипции и варианты прочтения надписей в нашей базе данных и в данной статье являются результатом совместной работы трех авторов — М. Эрдала, Л.Н. Тыбыковой и И.А. Невской. Ябоганская надпись была прочитана И.А. Невской и Л.Н. Тыбыковой.

5.1. Надпись Кызыл Кабак I

Надпись была обнаружена в 2001 г. археологом В.Д. Кубаревым на правом берегу реки Бар-Бургазы у подножия скалы Кызыл Кабак (буквально: ‘красный лоб’). В западной части террасы-плато, расположенного у подножия горы за рекой Бар-Бургазы, он нашел скопление обломков двух сланцевых плит с руническими знаками. Основная стела состоит из 4 больших и 6 малых фрагментов. Эта стела бронзового века была повторно использована с целью нанесения эпитафийной надписи в древнетюркский период, как это часто

происходило в Сибири. Наверное, не случайно она была разрушена спустя некоторое время. В.Д. Кубарев принес все фрагменты в музей села Кокоря и соединил их. Он думал, что это – фрагменты одной стелы. Позже, совместно с И. Кляшторным, он опубликовал результаты прочтения получившейся таким образом надписи (Кляшторный и Кубарев, 2002).

Во время наших экспедиций в 2003, 2004, 2005 и 2006 гг. мы собрали осколки заново (рис. 1, 2). В 2003 г. вместе с И.Л. Кызласовым мы обнаружили, что части принадлежат к двум различным стелам. Все это позволило нам более полно и точно прочитать текст надписи Кызыл Кабак I.

Ширина стелы Кызыл Кабак I – 65 см, длина около 130 см. Надпись выполнена в три строки, на каждой из которых 53–54 знака. Длина первой строки – 73,5 см, второй – 65,5 см, третьей – 88 см. Знаки довольно крупные, от 4,5 до 9 см высотой.

Вариант чтения Кляшторного и Кубарева (2002)

Транслитерация:

- 1) *ry kut brmš a szm a nyljn...*
- 2) *...m nyljn drltmz (a?)*
- 3) *q(?) d...ma n... ...m*

Транскрипция:

- 1) *er aty kutbermiš esiz*
- 2) *... adyrylymyz...*
- 3) ...

Перевод:

Рис. 1. Фотография стелы с надписью Кызыл Кабак I

Рис. 2. Прорисовка надписи Кызыл Кабак I

1) Его героическое имя Кутбермиш,
о, горе!

2) ... мы расстались

Наш вариант прочтения*

Транслитерация:

1) r¹ t¹ I : k² U t² b² r² m š A : s² z m A
b¹/n¹ g¹ l² y¹?

2) n¹? n¹? m n¹ g¹ l² y¹? n² : d¹ r² l² t² m z A

3) k¹ d¹ l²/r² l²? Ü? m A : n¹ č? z/Ü? ....

A ....s²š? m d¹ r² l²?

Транскрипция:

1) (ä)g (a)tī : kut b(e)rm(i)š – a : (ä)s(i)
z(i)m – a b(a)g (e)l[i....

2) ..... y(i)gl(a)y(i)n : (a)dr(i)lt(i)m(i)z
– a

3) ..... (ö)lüm – a : (a)nč(a) .....
(a)dr(i)l[tīm ...]

Перевод:

1) Его героическое имя – Кут Бер-
миш. О, горе! Его клан и его народ ....

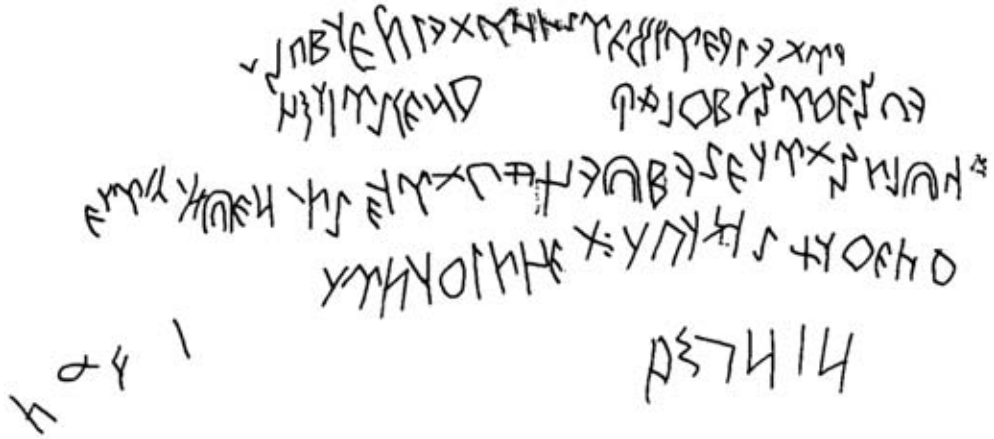

Рис. 3. Шрифтисовка надписи у села Ябоган

Рис. 4. Фотография Ябоганской надписи

* Он опубликован также и на сайте http://www.altay.uni-frankfurt.de/RUNIKA_1.HTM.

2) ... позвольте мне скорбеть/плакать! (Я буду оплакивать / Я буду плакать!) Мы расстались ...

3) .... смерть ... таким образом ... .. (мы) расстались ...

Комментарии:

Енисейские надписи 1E 1,2, E 27,7 и E 49,4 имеют бином *bag bodun* 'род и племя' (Кормушин, 1997). В первой строке данной надписи мы также видим бином *b(a)g (e)l* 'род и народ, нация'.

5.2. Надпись у села Ябоган

Ябоганская надпись была найдена жителем этого села Эрке Шатиным в 1927 г. Он нашел камень с руническими знаками и вырезал на нем свое имя, название села и год своего открытия. Позже он рассказал о камне с рунической надписью своему сыну, Е.Е. Шатину, но тогда им не удалось его снова найти. В 2004 г. Е.Е. Шатин нашел камень с надписью и привез его в Горно-Алтайск. В настоящее время надпись находится в Республиканском музее в городе Горно-Алтайске.

Обломок камня размером 57x24 см находился на северо-западной окраине с. Ябоган. Это уникальная находка надписи с четко сохранившимися руническими письменами. Она состоит из 6 строк (вторая строка прерывается неровным сегментом скалы, но продолжается после него) и 113 рун. В настоящее время это один из самых длинных рунических текстов, найденных в Горном Алтае. Несмотря на то, что знаки хорошо сохранились, прочтение надписи дается нелегко, потому что руны, начертанные на нем (или их специфические формы), имеют свои особенности, которые не зафиксированы ни в одном известном нам исследовании. Мы предложили первое прочтение этой надписи.

Наш вариант прочтения (http://www.altay.uni-frankfurt.de/RUNIKA_1.HTM)

Транслитерация:

1) $y^2 r^2 d^2 k^2 I y^2 g^2 r^2 \eta^2/n^1 d^1 g^2 r^2 A t^2 \eta^2 r^2 d^2 k^2 I U^p/t^2 \check{/g^2 \eta^2/l^2 \check{u}k t^2 n^2 \dots$

2a) $k^2 \check{s}^1 n^2 g^2 y^1 r^2 n\check{c}/n^2 l^2 \check{u}k y^1 l^1 m \check{s}^1$

2b) $y^1 r^1 g^2 U A r^2 s^2 \eta^2/l^2 n\check{c} \check{U}$

3) $k^1 t^1 l^1 t^2 n^2 d^2 r^2 \eta^2 A k^2 \check{u}k t^1 k^2 \check{U} m \check{s}^1 d^2 r^2 l^2 g^2 A t^2 m/U r^1 g^2 t^1 t^2? U/z \check{c} s^2 r^2 l^2 g^2$

4) $b^2/y^1 t^2 g^2 b^2/y^1 l^2/\eta^2 d^2 A s^2 z \eta^2 \check{s}^1 \eta^2 : d^2 g^2 \check{U} t^2 I b^2/y^1 l^2/\eta^2 t^2 r^2 l^2/\eta^2$

5) $r^1 s^2 r^1 \eta^2/U n\check{c} \check{U}$

Транскрипция:

1) $y(\check{a})rd(\check{a})ki y(e)g (\check{a})r (a)d(a) (\check{a})g(i)r : t(\check{a})\eta r(i)d(\check{a})ki \check{t}agl\check{o}kt(\check{a})n \dots$

2a) $k(i)\check{s}(i) (e)ng(\check{a})y (\check{a})r(i)n(\check{c}) (e)l k\check{u} (a)y(a)lm(\check{i})\check{s}$

2b) $(a)y(a)rgu A (\check{a})r s(\check{a})\eta(\check{u})n \dots$

3) $k(a)t(i)l(a) \dots (\check{a})d(\check{a})r(i)\eta(\check{a}) k\check{o}k (a)t, k\check{u}m(\check{u})\check{s} (\check{a})d(\check{a})rl(i)g -a (a)t(i)m r^1 g^2 t^1 t^2? U/z? \check{c} s^2 r^2 l^2 g^2$

4) $(\check{a})v t(\check{a})g (\check{a})v(i)\eta d\check{a} s(i)z(i)\eta (e)\check{s}(i) \eta : (\check{a})dg\check{u}ti (\check{a})v(i)\eta t(\check{a})r(i)l$

5) $(a)r(\check{i})s(a)r \dots (e)n\check{c}(g)\check{u}$

Перевод:

1) на земле лучшего из людей несчастье пригибает : на небе .... быть ослепленным

2a) человек если спустится, государство охраняй, (будучи) почитаемым, прославленным // народом прославленный

2б) человек, которого должны почитать, восхвалять, генерал .....

3) присоединяясь ... на твое седло ... сивый конь, с серебряным седлом мой конь ....

4) как дом. В твоём доме твоя жена. Твой дом пусть будет хорошо наполнен (досл.: соберется) ...

5) если будет очищать — покой (мир).....

Комментарии

1. Надпись плохо поддается расшифровке, несмотря на то, что большинство знаков сохранилось хорошо.

2. Знак, который мы транслитерируем как $\check{s}^1$, имеет необычную форму, мы не уверены, является ли этот знак одним из графических вариантов знака с этим значением.

6. Заключительные замечания

Наши исследования рунических памятников Алтая еще не завершились. Все наши варианты прочтения имеют предварительный характер. Для того чтобы проверить их, необходимо провести

сравнительные и типологические исследования рунических надписей Алтая.

Кроме того, наша база данных рунических надписей — не полная. Каждый год мы получаем информацию о новых надписях, которые были найдены в Горном Алтае. Некоторые надписи считались пропавшими из-за строительных работ, но позже их находят в стороне от строительной площадки. Иногда у надписи имеется только копия, сделанная Александрой Тыбыковой, сопровождавшей Дмитрия Васильева во время его экспедиций. Она не помнит точное местонахождение надписи, поэтому мы не можем ее найти, и она считается потерянной, но возможно, что ее найдет другой человек.

Без помощи местных жителей и местных органов власти наша работа была бы невозможна. Алтайский народ понимает значение письменного наследия Алтая для себя и для всего тюркского мира и желает сохранить его. Иногда местные жители с подозрением относятся к нам, когда мы копируем их

камни и скалы, но когда узнают о наших целях, то помогают нам. Был случай, когда мы работали с надписями в непосредственной близости от деревни Туекта. Мы показали надписи местным жителям и рассказали им о нашей работе по их документации. В прошлом году, узнав о рунических надписях, эти люди сохранили их. Скалу с руническими текстами и прекрасными петроглифами чуть было не разрушили во время строительства дороги. Увидев, что памятник в опасности, люди остановили экскаваторы в метре до него.

Мы хотим также подчеркнуть, что наша база данных рунических памятников имеет большое значение не только для науки, но и для алтайского народа и местной администрации. Например, когда принимается решение о строительстве дороги или трубопровода в районе, где зафиксированы рунические надписи. Фиксация памятников рунического письма и специальные меры по их сохранению остаются актуальной задачей.

Литература

1. *Aspelin I.R.* 1889. *Inscriptions de l'Énéisséi*. Stockholm.
2. *Aspelin I.R.* 1892. *Inscriptions de l'Orkhon*. Stockholm.
3. *Баскаков Н.А.* 1966. Три рунические надписи из с. Мондур-Соккон Горно-Алтайской автономной области: Советская этнография, № 6, 79–83.
4. *Боровков А.К.* 1963. Енисейские надписи на сосудах: Тюркологические исследования. Москва: Восточная литература. 190–196.
5. *Евтюхова Л.А., Киселев С.В.* 1941. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г.: Труды Государственного исторического музея. Выпуск XVI. Работы археологической экспедиции. Москва. 75–117.
6. *Jacobson E., Kubarev V.D.* 1996. *Sibéria Du Sud 3: Kalbak-Tash I (République De L'altai.// Répertoire des Petroglyphes D'Asie Centrale. Fascicule № 3, Paris, fig. 384.*
7. *Киселев С.В.* 1936. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция в 1935 г: Советская археология, №1, 282–285.
8. *Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В.* 2002. Тюркские рунические эпитафии из Чуйской степи (Юго-Восточный Алтай): История и культура Востока Азии. Volume II. Новосибирск. С. 78–82.
9. *Кляшторный С.Г., Маточкин К.П.* 1991. Руническая надпись Карбана: Гуманитарные науки в Сибири. История, философия и филология, №1, 65–67.
10. *Кочев В.А.* 2006. Свод древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. Горно-Алтайск.
11. *Кормушин И.В.* 1997. Тюркские эпические эпитафии. Москва: Наука.
12. *Кубарев Г.В.* 1997. Новая руническая надпись с Алтая: Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Volume III. Новосибирск. 211.
13. *Кызласов И.Л.* 1999. Руническая надпись Бийского музея: Краеведческий вестник, № 9. Бийск. 52–57.

14. *Кызласов И.Л.* 2000. Памятники рунической письменности в собрании Горно-Алтайского краеведческого музея: Древности Алтая, №5, 82–112.
15. *Кызласов И.Л.* 2001. Рунические надписи на двух поясных наконечниках: Древности Алтая, № 6. Горно-Алтайск. 132–138.
16. *Кызласов И.Л.* 2002. Памятники рунической письменности Горного Алтая. Часть I. Горно-Алтайск. 114–115.
17. *Кызласов И.Л.* 2004. Руническая надпись на Жалгыз Тебе (новые данные по рунологии и исторической географии): Археология и этнография Алтая. Выпуск 2. Горно-Алтайск. 66–75.
18. *Маточкин Е.П.* 1990. Граффити Карбана: Археологические исследования на Катуні. Новосибирск. 153.
19. *Маточкин Е.П., Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М.* 2010. Петроглифы и рунические надписи на плитах из Казак-Елани: Урало-алтайские исследования, 2.
20. *Мелиоранский П.М.* 1903. Небольшая орхонская надпись на серебряной кринке Румянцевского музея: Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Volume XV. Выпуск I. Санкт-Петербург. 034–036.
21. *Наделяев В.М.* 1973. Древнетюркская руническая надпись из Кош-Агача: Известия СО АН СССР, № 1. Выпуск 1. 108–110.
22. *Наделяев В.М.* 1984. Древнетюркские надписи Горного Алтая: Алтайский язык на современном этапе его развития. Горно-Алтайск. 81–103.
23. *Nevskaaya I.* in print. **Some palaeographic and orthographic features of Altai Runic inscriptions.**
24. *Сеядакматов К.* 1964. Древнетюркские надписи в Горном Алтае: Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе. 95–100.
25. *von Strahlenberg, Filip Johan.* 1730. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm.
26. *Тенишев Э.Р.* 2006. Древнетюркская эпиграфика Алтая: Э.Р. Тенишев. Избранные труды. Книга первая. Уфа: Гилем. 140–143.
27. *Тенишев Э.Р.* 2006а. Руническая надпись на утесе реки Чарыша (Алтай): Э.Р. Тенишев. Избранные труды. Книга первая. Уфа: Гилем. 122–127.
28. *Тыбыкова Л.Н., Невская И.А.* 2008. Экспедиции по изучению древних рунических памятников Горного Алтая по Республиканской программе «Сохранение и развитие алтайского языка»: Научный вестник ГАГУ. Выпуск 3. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ. 68–71.
29. *Тыбыкова Л.Н., Невская И.А.* 2009. Проект «Документация, каталогизация, дешифровка и публикация древнетюркских рунических памятников Республики Алтай»: Российская тюркология, 1, 84–87.
30. *Vasil'ev D.D.* Dağlık Altairdaki Kalbak-Taş mabedinin göktürk yazıtları (A-47, 48, 49, 50) // Türk dili araştırmaları yıllığı. Belleten 1993. Ankara, 1995. – S. 91–97.
31. *Васильев Д.Д.* 1975. Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири: Тюркологический сборник. Москва: Восточная литература. 98–99.
32. *Васильев Д.Д.* 1983. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. Москва: Наука. 35–36.

Источники в Интернет

Site «Altai Runic»: www.Altai.uni-frankfurt.de

Аннотация

Древнетюркские рунические надписи, найденные в республике «Горный Алтай», Российской Федерации, наряду с надписями Монголии, бассейна реки Енисей, Кыргызстана, Китая и Казахстана, представляют собой огромный свод из нескольких сотен надписей. В ходе реализации германско-российского научно-исследовательского проекта были задокументированы все известные надписи, а также обнаружены и расшифрованы некоторые новые. Среди многочисленных новых находок следует отметить надписи, найденные на Ябогане, Кургаке, Инегене, Кызыл Кабаке и Ак-Боме и многие другие. В статье предлагаются предварительные варианты чтения рунических надписей Алтая.

Ключевые слова: Алтай, рунические надписи, древнетюркские памятники.

Summary

Ancient Turkic runic inscriptions found in Altai Republic of the Russian Federation, along with the inscriptions of Mongolia, the basin of the Yenisei River, Kyrgyzstan, China and Kazakhstan are a huge set of several hundred inscriptions. In the course of German-Russian research project all well-known inscriptions were documented, and some new ones were discovered and deciphered. Among many new discoveries inscriptions found in Yabogan, Kurgak, Inegen, Kyzyl Kabak and Ak Boma should be mentioned. The article proposes reading the draft version of the runic inscriptions of Altai.

Key words: Altai, runic inscriptions, ancient Turkic monuments.

УДК 001. 18

МОНИТОРИНГ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА РТ: МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ И МОЛОДЕЖНЫЕ НАУЧНЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ*

*Л.К. Мухаметзянова, кандидат биологических наук,
Р.Г. Яхин, доктор технических наук, профессор
А.Д. Батталова, кандидат филологических наук,
Я.М. Ахметова, кандидат филологических наук*

Для сохранения конкурентоспособности России необходимо опережать другие страны по темпам роста, качеству товаров и услуг, уровню образования и науки. Достижение этих целей требует целенаправленного финансирования и обеспечения материально-техническими ресурсами наиболее перспективных направлений научно-технического и инновационного развития.

Достоверная информация, которая может быть получена в рамках регулярного мониторинга и стратегического анализа научного потенциала, необходима для развития научно-инновационной сферы как определенного региона, так и в целом России и для проведения соответствующих мероприятий в области государственной научно-технической и инновационной политики.

Нами проведено изучение молодежных научных коллективов (молодых ученых), работающих в различных научно-исследовательских учреждениях, территориально находящихся в Республике Татарстан (далее – РТ), независимо от их подчинения (федерального, регионального и т.д.), и организационно-правовой формы.

В ходе реализации проекта научным коллективом и привлеченными к данной работе специалистами создана информативная база данных, по молодежным научным коллективам и

одиночным исследователям (молодым ученым). Собран материал (информативная карта) по 247 молодежным научным коллективам и 139 молодым ученым. Создано программное обеспечение для формирования информационной базы данных (ИБД) о молодежных научных коллективах. Предполагается, что электронная ИБД ежегодно будет пополняться, что даст возможность проведения мониторинга.

Информационная база данных включает следующие показатели:

- научное направление исследований, проводимых молодыми учеными;
- форма организации исследований (фундаментальные, прикладные и опытно-конструкторские разработки, инновационно-внедренческие);
- возрастная категория исследователей (до 30 лет, 30–35 лет);
- количество участников научного коллектива, ведущего исследования по конкретной научной проблеме;
- наличие ученой степени и звания у членов коллектива;
- организационно-правовая форма учреждения (государственная, частная и др.);
- привлечение коллективом дополнительных финансовых средств для выполнения научных исследований.

По соотношению научного потенциала молодежных научных коллективов

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 10-03-29307 а/В.

РТ по основным направлениям науки было установлено преобладание естественно-технического направления.

В области естественно-технических наук занимаются 78% молодых ученых и молодежных научных коллективов. Гуманитарным направлением занимаются 22% молодежных коллективов и одиночных исследователей. Следует отметить, что из общего числа исследовательских коллективов и одиночных исследователей среди молодежи заинтересованы разработкой приборов, методик, технологий и новой научно-технической продукции инновационного характера – 12%.

Наибольшее количество исследований гуманитарного направления составляют научные работы в области экономики и управления (34% молодежных научных коллективов), 22% научных коллективов занимаются педагогическими и психологическими исследованиями. Научные работы в области филологии составляют более 17%, на долю общественных наук (права, философии, социологии и др.) приходится 15% исследований. Как показывают результаты полученных данных, исследованиями в области исторических наук занимаются 12% молодых исследователей.

В области естественно-технических наук наиболее активно молодые ученые РТ работают в области энергетики, энергоресурсосбережения и экологии (18,4% молодежных научных коллективов), химии и химических технологий (12,2%), биологии и физиологии (14,5%), медицины (8,1%), физики и астрономии (7,5%), сельскохозяйственных наук и ветеринарии (6,5%), наук о Земле, машиностроения, механики и процессов управления (6,4%), строительных технологий (3%), математики (2%).

Исследования молодых ученых по форме организации распределены на фундаментальные, прикладные и опытно-конструкторские, инновационно-внедренческие. Инновационно-внедренческие работы включают три стадии: 1) от исследований до создания первых промышленных образцов; 2) от

создания опытной партии до развернутого производства в масштабах, определяемых рыночными потребностями; 3) от производства до его использования конечными потребителями, включая создание каналов сбыта, послепродажное обслуживание и т.п.

По результатам проведенного анализа работ молодых ученых и молодежных научных коллективов РТ нами получены следующие данные: фундаментальными исследованиями заняты более 48% молодежных научных коллективов и молодых ученых, причем на долю одиночных исследователей приходится около 7%.

Прикладными исследованиями заняты 36% молодых ученых, 16% – инновационно-внедренческими, т.е. исследованиями, которые прошли этапы от научных исследований и до создания опытной партии или производства.

К исследуемой нами категории молодых ученых относится молодежь в возрасте до 35 лет, занимающаяся научными исследованиями или научными разработками в научных учреждениях. Известно, что любой ученый работает как одиночный исследователь или в составе коллектива (в данном случае молодежный научный коллектив). При формировании информативной карты нами было выделено две возрастные группы: первая группа – ученые до 30 лет, вторая группа – 30–35 лет.

По полученным данным, первая группа включает 71% молодых ученых, вторая – 29%. На наш взгляд, это позволяет говорить о том, что в последние годы наблюдается тенденция к увеличению молодых ученых в сфере научных исследований или, по крайней мере, происходит стабильный рост привлечения молодых исследователей к научной работе.

Создание молодежных научных коллективов более характерно естественно-техническому направлению работ (77%). Гуманитарные исследования ведутся в большей степени одиночными исследователями. Возможно, это происходит потому, что научные работы естественно-технической направленности

требуют многоэтапности, повторности экспериментальной части и т.д.

Число участников в научных коллективах составляют в среднем 3–4 человека, небольшое количество (14%) коллективов состоят из 2 или 5 человек. В коллективы также часто включают студентов старших курсов высших учебных заведений. Они вовлекаются в серьезную исследовательскую работу, что дает им возможность заниматься наукой, почувствовать собственные силы в этой области и внести свой вклад в получение научных достижений.

Анализ наличия ученой степени каждого члена группы или индивидуально исследователя привел к следующим результатам: 58% – имеют ученые степени кандидата или доктора наук, большинство кандидатов наук в возрасте до 30 лет; 42% – без ученых степеней и являются младшими научными сотрудниками, ассистентами, аспирантами или студентами-старшекурсниками.

Исследования коллективов молодых ученых по организационно-правовой форме учреждений показали, что основная часть молодых ученых научных коллективов работает в учреждениях

высшего профессионального образования (69%). На долю научно-исследовательских институтов приходится 22%. На долю остальных приходится 9%, в которой преобладают частные учреждения высшего профессионального образования (4,5%). Следует отметить отсутствие в научных коллективах молодых ученых, работающих в учреждениях начального и среднего профессионального образования.

Результаты мониторинга научно-технического потенциала региона крайне необходимы для формирования стратегии инновационного развития. Информационная карта может быть применена в практической деятельности органов государственной власти и управления различных уровней, научными и проектно-конструкторскими организациями, высшими учебными заведениями и другими заинтересованными организациями. Материал позволит лицам, ответственным за формирование научно-технической политики, и иным заинтересованным пользователям оперативно получать достоверную информацию, необходимую для принятия управленческих решений.

Литература

1. Информативная карта по молодежным научным коллективам и молодым ученым Республики Татарстан.

Аннотация

В статье приведены данные мониторинга научно-технического потенциала Республики Татарстан и основные результаты информативной базы данных по молодежным научным коллективам и одиночным исследователям.

Ключевые слова: молодые ученые, молодежный научный коллектив, формирование и обработка данных, научный потенциал, мониторинг научно-технического потенциала региона.

Summary

The article presents the generalized description of the scientific and technical potential of the Republic of Tatarstan and the basic data of informative database for youth research teams and single researchers (young scientists).

Key words: young scientists, youth research team, data formation and processing, scientific potential, monitoring, scientific and technical potential of a region.

ДАРОВИТЫЙ СТУДЕНТ, СТАВШИЙ ИЗВЕСТНЫМ УЧЕНЫМ

*Ф.Н. Багаутдинов, доктор юридических наук,
профессор, член-корреспондент АН РТ*

Я знаю Виктора Павловича Малкова с сентября 1975 года — с того момента, когда поступил на юридический факультет Казанского государственного университета. Он был нашим деканом. При поступлении каждый студент проходил собеседование лично с деканом. У меня единственная проблема была с общежитием, и место я там получил. За время учебы помню, что декан часто бывал в общежитии — на различных мероприятиях, собраниях, да и просто так ходил по комнатам.

Помню, что Виктор Павлович любил спортсменов. Ежегодно в университете проходила Ленинская эстафета. В период моей учебы ее всегда выигрывал юридический факультет. А как могло быть иначе?! Ленин учился на юрфаке, и как можно было допустить, чтобы Ленинскую эстафету выиграл другой факультет?! Это было бы политически неправильно! Так что бегуны были на юридическом факультете в особом почете.

В числе студентов-спортсменов юрфака, в том числе участников «Ленинской эстафеты», я могу назвать следующих известных лиц:

Зуфар Фаткудинов, профессор, доктор юридических наук, ученый, писатель, автор самого известного татарского детектива «Тайна стоит жизни»;

Джаудат Салихов, много лет работавший Управляющим делами Аппарата Президента Республики Татарстан, сегодня — заместитель руководителя Аппарата Президента РТ;

Евгений Васютин, председатель Федерального арбитражного суда Поволжского округа в г. Казани;

Константин Егоров, генерал-майор юстиции, председатель окружного военного суда в Екатеринбурге;

Александр Сбоев, генерал-майор юстиции, председатель 3-го окружного военного суда в Москве, и многие другие.

Эти фамилии я перечислил специально — для того, чтобы никто не подумал, что спортсмены толком не учились. Послабления спортсменам Виктор Павлович не давал, требовал от них и быстрого бега, и хорошей учебы. Только за счет спорта они не достигли бы таких высот в служебной, научной карьере.

Виктор Павлович Малков и сам ведь был хорошим спортсменом. Еще в школе ему приходилось на выходные преодолевать зимой на лыжах 25 километров, чтобы съездить к родителям. Летом он лыжи менял на велосипед. В молодости Виктор Малков стал чемпионом города Можга (Удмуртской Республики) по лыжным гонкам среди учащихся и молодежи. Учась в Казани, был чемпионом городских студенческих соревнований по лыжным гонкам на 15 км.

А юристом Виктор Малков стал почти случайно. Летом 1951 г. он поступал на отделение марксизма-ленинизма историко-филологического факультета Казанского государственного университета. Однако по иностранному языку (немецкий) получил удовлетворительную оценку и не прошел по конкурсу.

Расстроенный Малков узнал, что с этими же оценками можно поступить в Казанский юридический институт. Так он и сделал. Учился на «отлично», да и тренировался в лыжной секции. В 1952 г. был восстановлен юридический

факультет Казанского государственного университета, где Виктор и продолжил учебу.

Декан юрфака КГУ Александр Тихонович Бажанов заметил в долговязом юноше будущего ученого. В характеристике, подготовленной в связи с представлением Малкова к именной стипендии, Бажанов образно и точно сказал о нем: «Очень способный, даровитый студент».

Студент действительно оказался даровитым и трудолюбивым. За свою продолжительную научно-педагогическую деятельность В.П. Малков подготовил 70 кандидатов юридических наук, консультировал по 13 докторским диссертациям. Такими достижениями могут похвастаться единицы.

Склонности и способности к научной деятельности Виктор Павлович проявил уже со студенческой скамьи. Он сделал ряд интересных самостоятельных докладов на заседаниях студенческих научных кружков. Вскоре его избрали председателем общеуниверситетского студенческого научного общества.

Самостоятельность в действиях, независимость в суждениях уже тогда отличали студента В.П. Малкова. В июне 1956 г. он сдавал выпускной государственный экзамен по основам марксизма-ленинизма. Председатель государственной экзаменационной комиссии доцент Уманский задал ему дополнительный каверзный вопрос: «А почему в Советском Союзе не может быть многопартийности?!» Студент Малков ответил, что, по его мнению, в СССР имеются предпосылки для многопартийности, однако по политическим соображениям признано, что многопартийность в нашей стране нецелесообразна. Напомним, что это было 55 лет назад! Тогда со всех трибун, в том числе и в университете, внушали, что в стране имеются два дружественных класса (рабочих и крестьян) и небольшая прослойка интеллигенции, и поэтому нет потребности в других партиях для отстаивания интересов этих классов.

Члены государственной экзаменационной комиссии, выросшие на произведениях Ленина, Сталина, ответ Малкова не оценили и поставили ему оценку «хорошо». А ведь он до этого учился лишь на «отлично», и другие государственные экзамены сдал на «отлично». Это означало, что диплом с отличием ему не положен.

Когда закончились все государственные экзамены, неожиданно к Малкову по месту жительства приехал посланец и сообщил о вызове в деканат. Здесь заместитель декана А.М. Каримов сообщил Малкову, что ГЭК приняла решение о пересдаче им экзамена по марксизму-ленинизму. При этом Азаль Миргалимович добавил: «Не забывай, Малков, что говорил немецкий государственный деятель Бисмарк: язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли». Малков намек понял и пересдал экзамен на «отлично».

Впрочем, эта политическая ошибка не помешала ему впоследствии работать первым заместителем секретаря парткома КГУ, а также и деканом юрфака КГУ.

Наверняка, он сделал бы блестящую карьеру в органах внутренних дел. После окончания университета, за шесть лет, без всяких связей и знакомств, он прошел путь от должности оперуполномоченного уголовного розыска до начальника районного отдела внутренних дел города Самары (Куйбышева) — редко кто может похвастаться такой служебной карьерой. Малков за это сравнительно короткое время заслужил нагрудный значок «Отличник милиции». Возглавляемое им следственное отделение в 1960 г. было признано лучшим в Куйбышевской области. Малкову предлагали занять должность начальника следственного отдела УВД Пензенской области! Работать бы и работать дальше в доблестной милиции. Однако, как признавался сам Малков, откровенное принуждение к укрывательству преступлений ради высоких показателей раскрываемости преступлений со стороны отдельных руководителей УВД

Куйбышевской области заставило его задуматься. Он решил уволиться из органов МВД и заняться наукой.

В науку, таким образом, он пришел в 31 год — довольно поздно. И некоторые на юрфаке откровенно говорили: из таких возрастных начинающих толку не получится. Но в него поверил профессор А.Т.Бажанов и взял на свою кафедру на должность стажера-исследователя.

Уже тогда известный ученый казанской школы уголовного права Б.С.Волков так охарактеризовал стажера В.П. Малкова: «Он такой пытливый, добросовестный, очень много, пытливо изучает практику».

У него свои ценности. Есть ученые, которые научную деятельность могут превратить в успешный бизнес и извлекать прибыль. Не секрет, что кто-то за кого-то пишет диссертации. Есть ученые, которых больше волнует устройство личной жизни. Они озабочены евроремонтом квартиры и другими повседневными проблемами обывателя. Виктора Павловича такие проблемы совершенно не интересуют. Он многие годы проживает в скромной квартире, в самой простой обстановке. И единственная серьезная бытовая проблема, которая его мучила, — куда разместить многочисленные книги, учебники, другую научную литературу? И он нашел решение. Поверьте, я впервые столкнулся с подобным подходом: он просто-напросто утеплил балкон, поставив туда батареи отопления, оборудовал там шкафы для хранения книг.

Он хоть и доктор юридических наук, профессор, но сделал это, как у нас всегда делается, без какого-либо согласования и разрешения соответствующих органов. Но вскоре в ЖЭУ об этой самодеятельности прознали. Как же — самовольная перепланировка и прочее. Виктор Павлович обратился ко мне (я тогда работал прокурором города Казани) и попросил помочь в урегулировании конфликта. Помню, мне пришлось затратить немало усилий, чтобы успокоить возмущенных жилищников и узаконить перепланировку профессора.

Занимаясь наукой, последовательно защитив кандидатскую, а затем и докторскую диссертации, я, конечно же, не мог не обращаться к В.П.Малкову. Во-первых, он ведь самый главный специалист по «девятке» — уголовному процессу, по которой я тоже защищался, и, во-вторых, он никогда не отказывал в помощи.

Перед защитой докторской диссертации я издал монографию (основу диссертации) и надо было в каком-либо солидном журнале опубликовать рецензию авторитетного ученого. Я остановился на журнале Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Законность», в котором в период работы в прокуратуре многократно публиковался. Там дали согласие, но спросили: кто будет автором рецензии? Я, советуясь с ними, называл фамилии известных ученых в области уголовного процесса, прокурорского надзора. Все мои кандидатуры отклоняли (мы его не знаем, либо — это не авторитет). Наконец, я назвал В.П.Малкова. Редактор журнала сразу ответил: этот пойдет, мы его знаем, он авторитетный ученый.

После этого я поехал к В.П.Малкову и скромно изложил свою просьбу. Объяснил, что журнал «Законность» самой подходящей кандидатурой в качестве автора рецензии считает именно его. На мое счастье, Виктор Павлович согласился. Я вытащил заранее заготовленный (конечно же, мною самим) текст рецензии. Малков вежливо, но твердо сказал: «Ты знаешь, я прочитаю твою работу и сам напишу. Мне болванки не нужны, я работаю сам». Вот такой он трудоголик. А моя монография-то была объемом более 300 страниц. Он ее прочитал досконально и написал блестящую рецензию, указав на достоинства работы, отметив и отдельные недостатки. Рецензия была опубликована в журнале «Законность» и способствовала успешной защите мною докторской диссертации.

Он — педагог от бога. Бывая на кафедре, я всегда застаю около него студентов или преподавателей, его учени-

ков. Кто-то пишет дипломную работу, кто-то кандидатскую диссертацию, кто-то — докторскую, а кто-то просто обсуждает очередную статью. Идет общение, обсуждение, диалог учителя с учеником. Порой он слишком затягивается, но Виктор Павлович никогда не прервет ученика, не пожалеет для него своего драгоценного времени. И когда ученик уходит, Малков, оборачиваясь ко мне, говорит: «А все-таки растут ведь ребята, на глазах растут. Будущие ученые!» Этим он гордится, пожалуй, больше всего.

Под его научным руководством подготовили и успешно защитили кандидатские диссертации И.А.Тарханов (сегодня доктор юридических наук, декан юридического факультета Казанского государственного университета), Н.Г.Муратова (сегодня доктор юридических наук, зав.кафедрой уголовного процесса и криминалистики КГУ), В.Н.Демидов (сегодня профессор, Председатель Конституционного суда Республики Татарстан), многие другие известные ученые и практики. У него защитили диссертации соискатели из других стран: Польши, Афганистана, Вьетнама.

В 1997 г. ученики Виктора Павловича защитили 6 кандидатских, 2 докторские диссертации! В 2002 г. — соответственно 5 кандидатских и 2 докторские. И так далее, каждый год, и многие годы, до сегодняшнего дня. Вне всякого сомнения, готовить кандидатов и докторов юридических наук у него получается лучше всех.

Порой он выводил на защиту, на первый взгляд, безнадежных соискателей. Я сам наблюдал, как некоторые из его учеников 10–15 лет и более работали под руководством Малкова над кандидатскими диссертациями. Все мыслимые и немыслимые сроки, предусмотренные и не предусмотренные, уже давно прошли, а он все возился с соискателем. Но тот не мог довести диссертацию до ума. Виктор Павлович же терпеливо неоднократно читал его труд, вносил поправки, проводил обсуждения диссертации на кафедре,

давал ценные советы и соображения. Другой научный руководитель давно бы уж махнул рукой на соискателя. Ведь, в конце концов, и никакой оплаты за это руководство он уже давно не получал. Но он не мог поступить иначе. И я могу компетентно заявить, что некоторые из соискателей, аспирантов смогли защититься только из-за того, что писали диссертации у Малкова. У других научных руководителей у них вряд ли что получилось бы.

У профессора В.П.Малкова есть свой банк идей. Он заключен в толстом журнале. Он его называет что-то наподобие «Журнал умных мыслей». Мысль она ведь действительно мимолетна: мелькнула и угасла. Она как сон — проснулся, вроде и помнишь его прекрасно, пройдет некоторое время и сон улетучился. А Виктор Павлович все такие мысли записывает. В основном они касаются возможных тем кандидатских или докторских диссертаций. Ведь это очень важная проблема для любого соискателя ученой степени. Удачная, обоснованная, актуальная, неизбежная, нетрадиционная тема диссертации — это половина успеха. Иногда, прочитав только тему, члены диссертационного совета начинают оживленно обсуждать: а ведь об этом никто еще не писал. А если ты защищаешь диссертацию на тему, по которой за последние годы защитились 10 человек, всегда спросят: а что ты нового сказал, чем твоя работа отличается от других диссертаций?!

Конечно же, соискателю, аспиранту весьма трудно самому выбрать тему диссертации. Здесь главную роль играет научный руководитель, его эрудиция, кругозор, умение увидеть научную проблему для исследования. Вот тут-то и появляется Виктор Павлович со своим журналом и говорит: «А вот есть такая интересная тема, по ней никто еще не защищался. Или вот другая тема».

Профессор В.П. Малков когда-то был председателем государственной экзаменационной комиссии на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. И он с улыбкой

потом говорил: «Ты знаешь, надо было мне на год раньше оказаться председателем ГЭК на питерском юрфаке, когда его заканчивал Д.А. Медведев. Вот тогда бы в дипломе Президента Российской Федерации стояла моя подпись!».

Это, конечно же, шутка. Невозможно посчитать по всей стране юристов, в дипломах которых стоит подпись профессора В.П. Малкова. Кстати, он помнит на лицо всех своих студентов и безошибочно узнает их даже по прошествии многих лет.

Раз уж зашла речь о юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, скажу, что его ректор Н.М. Кропачев весьма высокого мнения о Викторе Павловиче, и причем не только как об ученом. Несколько лет назад я встречался в Санкт-Петербурге с Николаем Михайловичем, тогда еще деканом юридического факультета. Прибыл я к нему от имени своего учителя Виктора Павловича Малкова, что, впрочем, и открыло мне дверь к декану юрфака, человеку очень занятому. Так вот, Николай Михайлович особо оценил решительный поступок, связанный с обращением Малкова в Конституционный суд Российской Федерации. Не хотелось бы распространяться об этой истории, но она лишняя раз характеризует Виктора Павловича. Когда ему исполнилось 65 лет, по существовавшему тогда положению Федерального закона «Об образовании», он должен был оставить заведование кафедрой. Виктор Павлович обоснованно считал, что вполне способен и достоин продолжать работу в должности заведующего кафедрой. Но закон есть закон — решили в университете и отказали Малкову. Он пошел в суд — Вахитовский, а оттуда — в Конституционный суд Российской Федерации. И выступил там, как всегда, блестяще, убедительно. Судьи Конституционного суда Российской Федерации были в недоумении — такого лектора, ученого, педагога — и в отставку?! В общем, данное положение закона признали не соответствующим Конституции Российской Федерации.

Николай Михайлович Кропачев вспоминал: вся российская научная общественность следила за этим конституционным процессом. Все ждали: чем же кончится дело Малкова? Ведь оно касалось многих известных возрастных ученых: кто-то уже испытал на себе это положение закона и вынужден был оставить кафедру, а кто-то приближался к критическому 65-летнему возрасту. И когда состоялось это поистине историческое для ученого мира решение, позволившее сохранить лучшие вузовские кадры, все вспоминали добрым словом Виктора Павловича Малкова, его смелость и принципиальность, решимость отстаивать свое право до конца.

И что больше всего поразило Н.М. Кропачева — это действия Малкова после решения Конституционного суда Российской Федерации. Казалось бы, есть решение в твою пользу, можно по решению суда победно вернуться на кафедру. Но он не стал возвращаться, а просто хлопнул дверью и ушел.

Заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института экономики, управления и права (г. Казань) Виктор Павлович Малков и сегодня продолжает вести активную научную, педагогическую и преподавательскую деятельность. Его работоспособность просто поражает. Сегодня он в Казани, а завтра уже в Самаре. Приезжаешь на защиту в Екатеринбург — он снова там, оппонировать по диссертации. И так все время. Нет в России юридических факультетов университетов, юридических институтов (я имею в виду государственных), где бы не бывал в каком-либо качестве В.П. Малков.

От лица многочисленных учеников поздравляю Виктора Павловича с юбилеем. Всего, что возможно в научном мире, Вы уже давно достигли. Самое главное — у Вас есть свое весомое имя и непререкаемый авторитет в юридическом научном мире. Пусть не иссякает Ваш банк идей. Мы нуждаемся в Вашей помощи, в Ваших советах. Спасибо за все!

Фәхрәддин Ризәәддин. Асар. 3–4 томнар. Төзүчеләр: Лилия Байбулатова, Рамил Йөзмөхәмәтов, Абдулла Салахов, Рамил Миңнулин, Илшат Гыймадиев, Сирина Хафизова. Фәнни мөхәррир М.А.Усманов. – Казан: Рухият, 2010. – 648 б.

В 2010 г. в издательстве «Рухият» вышли в свет 3,4 тома свода «Асар» известного татарского ученого, педагога и общественного деятеля Ризәәтдина Фахрәтдина. До сих пор эти тома хранились в рукописном виде и наконец они стали доступны широкому кругу читателей.

3 том «Асар» был завершен и подготовлен к печати в феврале 1911 г., но из-за конфискации имущества, в том числе и рукописей Р.Фахрәддина, его издание стало невозможным; 4 том завершен приблизительно в 20-х гг. XX в. Подобно первому тому 3,4 тома состоят из введения и основной части. Введение третьего тома представляет собой изложение взглядов автора на историческую науку в общем, и на биографии в частности. Рассматривая биографические очерки как важную составляющую истории, ученый останавливается на методике их написания. В частности, он отмечает важность использования личных писем, в которых отражены привычки, особенности характера их авторов, прослеживается общественная жизнь того периода; большое значение придает Р.Фахрәддин и фотографиям, считая их носителем разнообразной информации. Введение 4 тома кардинально отличается от предыдущих по своему настрою. Как пишет автор, эта работа является утешением для его души, Р.Фахрәддин работал только ради себя, не надеясь, что его труд когда-либо будет опубликован и свод найдет своего читателя. Хронологические рамки 3 и 4 томов охватывают период с 1874 до 20-х гг. XX в. Как и в предыдущих, в этих томах содержатся биографические очерки представителей духовенства, мударрисов, общественных деятелей, меценатов, поэтов; всего в 3,4 тома вошли 260 биографических статей. Из них можно назвать таких известных личностей, как Ш.Марджани, Шакир и Закир Рамиевы, Акмулла и др. Биографические очерки богаты разнообразными источниками – воспоминания, письма, стихотворения, которые даны Р.Фахрәддином практически без изменений; также они обладают широкой информативностью: помимо биографических сведений читатель может найти сведения о медресе (место расположения, мударрисы, программа обучения и учебники), популярной у татар литературе (названия и авторы переводной и местной литературы), прослеживаются взаимоотношения между разными уровнями мусульманского духовенства. В целом весь комплекс биографических очерков представляет собой историю духовной культуры мусульман Поволжья и Приуралья.

Для удобства читателей в данном издании представлены именной и географический указатели, что облегчает поиск интересующей личности или населенного пункта, также дан краткий русский перевод биографических статей. Татарский вариант текста выполнен с максимальным сохранением стилистических и орфографических особенностей оригинала.

Издание подготовлено в рамках республиканской комплексной программы Кабинета Министров РТ по сохранению культурного наследия «Мирас-Наследие» в отделе средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани.

Небольсина М.В. Смысл жизни разгадать пытался я... — Казань: Плутон, 2011. — 192 с.

Настоящая книга является первой книгой о жизни и творчестве писателя и поэта Рустема Кутуя.

Название ее — строка одного из стихотворений Р. Кутуя. В ней сконцентрированы и жажда познания, и неизбежная на этом долгом пути горечь потерь и неудач.

Автор М. Небольсина предельно точно уловила, что именно эта строка является по сути основным лейтмотивом творческого пути ушедшего от нас писателя. И это, как отмечено в одной из рецензий Р. Мустафина, является, несомненно, ее творческой удачей.

«Смысл жизни я ищу постоянно. Но смысла нет как такового. Любая жизнь бессмысленна: ты знаешь конец, и он — очевиден.

А жизнь полна смысла...

Как ее поделишь на хорошее и плохое — она бесконечна.

Я люблю ее всегда, но с возрастом научился еще и ценить».

(Р. Кутуй. Из интервью).

Книга состоит из 19 глав, каждая из которых также названа строками из стихотворений поэта. Творчество Рустема Кутуя — его жизнь, и это нашло свое яркое отражение в книге М. Небольсиной.

Предисловие к книге написал известный детский и юношеский писатель, академик РАО, президент Международной ассоциации детских фондов Альберт Лиханов.

Замечательны послесловия академика Академии наук РТ, директора Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Рафаиля Хакимова и лауреата Горьковской и Державинской премий, писателя РТ Рустема Сабирова.

Книга представляет интерес для широкого круга читателей.

Немаловажно также то, что вышла она в канун 75-летия со дня рождения Рустема Кутуя, став своеобразным подарком для почитателей его таланта.

ХРОНИКА ЖИЗНИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

В издательстве «Идель-Пресс» вышел в свет 5-й том Татарской энциклопедии на русском языке, в который вошли буквы Р–С–Т (объем тома 142,7 уч.-изд. л.).

В книге 3484 статьи, в том числе 1386 биографических; 1110 иллюстраций, из них – 698 цветных. Среди наиболее значимых статей тома и всей Татарской энциклопедии – статьи «Республика Татарстан», «Татары», «Тукай». Книга поступит в свободную продажу в конце мая – начале июня.

* * *

1 июня 2011 г. Академия наук Республики Татарстан провела акцию, посвященную 110-летию выдающегося татарского поэта Хади Такташа.

Инициатором акции выступил вице-президент АН РТ А.Ш.Зиятдинов, который является давним поклонником и ценителем таланта Хади Такташа. Азат Шаймуллович несколько раз ездил на родину поэта – деревню Сыркыды в Республике Мордовия. В последний свой визит ему удалось найти старожил, которые показали точное место, где находился дом семьи Такташевых. Тогда и родилась идея привезти землю с этого места в Казань на могилу Хади Такташа.

В этот день могилу великого поэта, расположенную в Парке им.Горького, посетили президент АН РТ А.М.Мазгаров, вице-президент А.Ш.Зиятдинов, главный ученый секретарь академии Д.Ф.Загидуллина, академик-секретарь Отделения социально-экономических наук, поэт Д.Ш.Сулейманов, ректор КГМА К.Ш.Зиятдинов, председатель Союза писателей РТ И.М.Ибрагимов и другие представители научной и творческой общественности. В памятной церемонии приняла участие одна из ближайших родственниц поэта Э.Г.Кудрецкая, известная радиожурналистка. На могилу были возложены живые цветы. Звучали стихи Хади Такташа. Собравшиеся говорили об особом поэтическом таланте поэта, его короткой, но яркой жизни, о судьбе его поэтического наследия – о том, что уже сделано и еще предстоит сделать...

* * *

14 июня в Академии наук Республики Татарстан состоялась церемония открытия I международной летней школы Фулбрайта в области точных наук и технологий «Наноматериалы и нанотехнологии». В ней приняли участие Первый заместитель Премьер-министра РТ Равиль Муратов, министр образования и науки РТ Альберт Гильмутдинов, начальник отдела академических обменов Посольства США в РФ Синтия Эрлих, директор Программы Фулбрайта в России Энтони Колиха, президент Академии наук РТ Ахмет Мазгаров, ректор Казанского федерального университета Ильшат Гафуров, президент КФУ Мякзюм Салахов, ректор КНИТУ Герман Дьяконов и другие.

Форум проводится впервые в истории Программы Фулбрайта (США) в Российской Федерации по инициативе и при поддержке Государственного департамента США, Посольства США в РФ, Правительства Республики Татарстан, Института международного образования в России, Министерства образования и науки республики, АН РТ, КНИТУ.

Участниками международной летней школы Фулбрайта «Наноматериалы и нанотехнологии» стали ученые из разных регионов России, представляющие как академическую, так и вузовскую науку. Проведение данной школы, как считает директор Программы Фулбрайта в России Энтони Колиха, предоставляет молодым ученым возможность близко пообщаться с крупными учеными в области нанотехнологий, пройти лабораторный практикум, принять участие в обсуждении самых разных аспектов применения наноматериалов и нанотехнологий. Он сообщил, что столица Татарстана не случайно была выбрана местом проведения I международной летней школы «Наноматериалы и нанотехнологии». «Мы выбрали Казань, потому что у нас налажены хорошие контакты с разными казанскими вузами», — сказал директор Программы Фулбрайта в РФ. Он также отметил, что в Казани находятся два национально-исследовательских университета.

Энтони Колиха сообщил, что конкурсный отбор участников школы был серьезным. Было подано более 200 заявок со всей России. В результате участниками школы стали 20 молодых ученых из разных городов России (Махачкала, Ростов-на-Дону, Томск, Иркутск, Екатеринбург, Москва, Красноярск и т.д.). Татарстан представляют 4 человека.

От имени Президента РТ, Госсовета Татарстана и Правительства республики участников и гостей I международной летней школы «Наноматериалы и нанотехнологии» поприветствовал Равиль Муратов. Он отметил, что те, кто сегодня принимает участие в школе Фулбрайта в области точных наук и технологий, — это «молодые ребята, которые занимаются наукой и хотят достичь чего-то большего, которые амбициозны и серьезно настроены на хорошее будущее в науке и на развитие реального сектора экономики». Подчеркнув, что курс на инновации — стратегическое направление экономической политики как в России, так и, в частности, в Татарстане, первый вице-премьер отметил, что это во многом удел молодежи. «И мы в этом вопросе можем быть вашими помощниками и создавать определенные условия», — добавил он.

Равиль Муратов поблагодарил всех организаторов летней школы Фулбрайта в Казани и отметил, что ее проведение будет иметь положительные результаты.

Первый заместитель Премьер-министра РТ сообщил также, что в Татарстане довольно интенсивными темпами идет создание инфраструктуры для разработок, проведения исследований. «Первые шаги вперед сделаны в области создания инновационных технопарков, промышленных парков», — сказал он. Так, Равиль Муратов рассказал участникам, что в республике есть технопарк в сфере высоких технологий, технополис «Химград», технопарк «Идея» и др. В Татарстане, по словам Муратова, более 4 тысяч исследователей, аспирантов, кандидатов, докторов наук. В РТ много институтов, реализуется немало проектов в области нанотехнологий.

«Нам бы хотелось, чтобы в РТ было больше малых инновационных компаний», — сказал Равиль Муратов и выразил надежду на то, что участники летней школы Фулбрайта в области точных наук и технологий станут участниками малых инновационных предприятий. Первый вице-премьер республики отметил, что Татарстан будет рад способствовать продвижению проектов молодых ученых.

Отметим, перед молодыми учеными и аспирантами 14–26 июня выступили приглашенный специалист по нанотехнологиям — профессор из США Джон Элтер, а также министр образования и науки РТ Альберт Гильмутдинов, академик РАН, директор ИОФХ им.Арбузова Олег Синяшин, президент КФУ Мякзюм Салахов, заведующий кафедрой физики твердого тела КФУ Ленар Тагиров, член-корреспондент РАН Евгений Гудилин и другие видные ученые.

* * *

Звания «Почетный гражданин Казани» удостоился вице-президент Академии наук Татарстана, академик АН РТ и член-корреспондент РАН К.М.Салихов. Решение вынесли на последней сессии депутаты Казанской городской думы, отметив, таким образом, выдающийся вклад директора Казанского физико-технического института имени Е.К. Завойского Кева Минулловича Салихова в области химической физики и радиоспектроскопии, который способствовал поддержанию и развитию имиджа Казани как крупного научного центра.

Почетными гражданами Казани стали также композитор София Губайдулина, директор лицея №131 Иван Савельев и генеральный директор ОАО «Татэлектромонтаж» Юрий Солуянов. Благодаря Софии Губайдулиной, лауреату множества международных конкурсов музыкального искусства, вырос, как сказал Ильсур Метшин, авторитет Казани в международном сообществе. В этом году ей исполняется 80 лет. К юбилею композитора мэрия решила до октября провести реконструкцию Центра современной музыки и разработать трехлетнюю программу ее развития. Созданный педагогом Иваном Савельевым физико-математический лицей для одаренных детей стал одним из лучших образовательных учреждений России. А возглавляемое Юрием Солуяновым предприятие внесло большой вклад в выполнение программы ликвидации ветхого жилья и строительство Казанского метрополитена.

По традиции торжественное вручение знаков «Почетный гражданин Казани» и денежных премий состоится в День города, 30 августа. Высшая награда города была учреждена в 2005 году накануне празднования 1000-летия Казани. Первыми почетными гражданами Казани стали Борис Ельцин, Минтимер Шаймиев, Владимир Путин, а в последующие годы – писатель Василий Аксенов, первый секретарь Татарского обкома КПСС с 1960 по 1979 год Фикрят Табеев, тренеры «Ак Барса» Зинатула Билялетдинов и «Рубина» Курбан Бердыев.

* * *

На семьдесят четвертом году жизни скончался член-корреспондент АН РТ Изиль Галимзянович Юсупов – крупный ученый-нефтяник, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Республики Татарстан, лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии РТ в области науки и техники.

Премия Киото по науке присуждена в этом году Рашиду Алиевичу Сюняеву, академику РАН, главному научному сотруднику Института космических исследований (ИКИ РАН), почетному академику АН РТ – за его «вклад в прецизионную наблюдательную космологию, связанный с разработкой теории флуктуаций космического микроволнового фона».

Премия Киото – главная научная премия Японии, учрежденная фондом Ина-мори. Она названа в честь города Киото, знаменитого своей историей, культурными и научными традициями. Среди предыдущих лауреатов премии Киото были всемирно известные астрономы Ян Оорт, Чуширо Хаяши и Юджин Паркер, великие математики, включая академика Израиля Гельфанда, геофизики, биологи, материаледы, ученые- первооткрыватели новых технологий, включая Нобелевского лауреата Жореса Алферова, философы и знаменитые представители из мира культуры.

В официальном сообщении сказано: «Доктор Рашид А. Сюняев оказал далеко простирающееся влияние на современную наблюдательную космологию благодаря теоретическим исследованиям звуковых колебаний в ранней Вселенной, которые наложили отпечаток на флуктуации температуры фона микроволнового излуче-

ния, и рассеяния этого излучения на горячих электронах в скоплениях галактик». Эти работы были выполнены в конце 1960-х и начале 1970-х гг. совместно со знаменитым советским физиком и астрофизиком, трижды Героем Социалистического Труда, академиком Яковом Борисовичем Зельдовичем. Лишь через тридцать лет выяснилось, что предсказанные ими эффекты действительно наблюдаются на нашем небе и несут важнейшую информацию о параметрах Вселенной.

Далее из сообщения: «Он также внес существенный вклад в астрофизику высоких энергий благодаря исследованию аккреции вещества на сверхплотные космические объекты и связанных с этим механизмов выделения энергии, и осуществляя руководство международными наблюдательными проектами».

В двух других категориях лауреатами премии Киото 2011 г. стали Джон Вернер Кан (категория «Развитие технологий») и Тамасабуру Бандо V (категория «Искусства и философия»).

Как сообщает пресс-служба ИКИ РАН, церемония вручения премии Киото пройдет в Международном центре конгрессов г. Киото (Япония) 10 ноября 2011 г. Во время церемонии каждому лауреату будут вручены диплом, золотая медаль и премия размером 50 миллионов йен.

«Газета.Ру»

* * *

Советнику президиума АН РТ, академику Ильясову Ахату Вахитовичу исполнилось 75 лет.

* * *

1 июля 2011 г. состоялось заседание президиума Академии наук Республики Татарстан.

Главными вопросами повестки дня были: опыт Башкортостана по системному развитию агропромышленного производства (докл. член-корреспондент РАСХН, почетный член АН РТ У.У.Гусманов); методика отбора инновационно активных регионов Российской Федерации (докл. член президиума АН РТ, директор Центра экономических и социальных исследований РТ при КМ РТ А.Н.Кудрявцева) и разработка механизма государственно-частного партнерства в рамках научно-образовательных кластеров в Республике Татарстан (докл. проректор по учебной работе ИЭУП И.И.Бикеев).

* * *

На семьдесят первом году жизни скончался член-корреспондент АН РТ Ильдар Газимджанович Салихов – известный ученый в области ревматологии, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач Республики Татарстан и Российской Федерации.

* * *

22 августа в Альметьевске прошло заседание республиканского августовского совещания работников образования и науки «Развитие системы образования Республики Татарстан в условиях реализации национальной образовательной инициативы «Наша новая школа». В пленарном заседании приняли участие Президент Татарстана Рустам Минниханов, Председатель Госсовета Татарстана Фарид Мухаметшин, Премьер-министр РТ Ильдар Халиков, министр образования и науки РТ Альберт Гильмутдинов, президент Академии наук РТ А.М.Мазгаров, депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ, представители Государственного Совета РТ, руководители министерств и ведомств и др.

* * *

23 августа президент Академии наук РТ А.М.Мазгаров принимал Зинфера Ришатовича Исмагилова, профессора Института катализа им. Г.К.Борескова СО РАН, приехавшего в Казань для презентации первой промышленной установки «одностадийного газофазного окисления сероводорода кислородом воздуха в псевдосжиженном слое гранулированного катализатора». Презентация состоялась на заседании Совета директоров ОАО «Татнефтехиминвест-холдинг», которое провел в Кабинете Министров РТ Президент РТ, председатель Совета директоров ОАО «Татнефтехиминвест-холдинг» Р.Н. Минниханов.

* * *

С 22 по 30 августа в Казани прошел Международный астрономический конгресс «Astrokazan-2011».

Форум посвящался трем знаменательным датам России.

2011 г. объявлен в России Годом российского космоса. Указ, подписанный Президентом РФ Дмитрием Медведевым № 1157 о Года космонавтики в России, приурочен к 50-летию полета Юрия Гагарина в космос. Конгресс будет также посвящен 100-летию со дня рождения главного теоретика советской космонавтики М.В. Келдыша и 110-летию со дня создания астрономической обсерватории им. В.П. Энгельгардта. В 1-й день работы конгресса, 22-го августа, состоялась закладка 1-го камня в фундамент планетария и астропарка в Астрономической обсерватории им. В.П. Энгельгардта (ст. Обсерватория, 23 км от Казани).

24 августа в здании Академии наук РТ прошла выездная сессия совета по космосу Российской академии наук по развитию современных инновационных технологий в космической астрометрии, геодезии и навигации в Казанском федеральном университете. На Бюро научного совета по астрономии РАН было принято решение о проведении в России международного конгресса «Луна, планеты и их спутники». Видные российские и зарубежные ученые обратились с просьбой о проведении этого форума в Казани, так как Республика Татарстан славится своими научными традициями и всемирно известной астрономической школой. В форуме принимали участие российские ученые, космонавты, руководители и сотрудники «Роскосмоса», РКК «Энергия», других аэрокосмических организаций и институтов России и мира. Тематика конференции была посвящена фундаментальным вопросам исследования планет и их спутников, а также промышленному, робототехническому освоению Луны к 2015–2017 гг., полету человека на Марс в 2030 г.

* * *

6 сентября в Академии наук Республики Татарстан состоялась встреча за круглым столом руководства АН РТ и представителей Ульяновской области, приехавших в Казань с целью ознакомления с положительным опытом исследований демографических процессов в Татарстане.

В ульяновскую делегацию вошли С.В. Опенышева – заместитель Председателя Правительства Ульяновской области, О.В. Желтова – директор департамента по семейной демографической политике и здоровому образу жизни Министерства труда и социального развития Ульяновской области и И.Б. Копнова – заместитель заведующего кафедрой экономического анализа и государственного управления Ульяновского государственного университета. Академию наук Республики Татарстан представляли президент академии А.М. Мазгаров, вице-президент Д.Ш. Сулейманов, главный ученый секретарь Д.Ф. Загидуллина, советники Ф.Г. Хамидуллин и А.Ш. Зиятдинов и др.

Визит ульяновской делегации в АН РТ начался с посещения Научно-исследовательского центра семьи и демографии АН РТ, где гостей принимала директор Ф.А. Ильдарханова. Затем состоялся «круглый стол», который открыл президент АН РТ А.М. Мазгаров. Он рассказал о структуре академии и о давних контактах татарстанских и ульяновских ученых, коснулся и возможных перспектив сотрудничества. Казанские ученые поделились некоторыми результатами своих исследований, в частности, вызвал большой интерес гостей доклад заместителя директора НИЦ семьи и демографии АН РТ В.А. Рубцова «Геодемографическая оценка Республики Татарстан: состояние, тенденции, прогноз». Выступление вице-президента Д.Ш. Сулейманова было посвящено работе АН РТ с одаренной молодежью – проекту «Салят». Ему были заданы многочисленные вопросы о критериях отбора одаренных детей в лагерь «Салят», о методике отслеживания их дальнейшего карьерного пути и т.д. Ульяновская делегация, в свою очередь, рассказала о технологии мониторинга демографических процессов и о работе в области семейной демографической политики, которая проводится в их регионе.

* * *

7–9 сентября 2011 г. в выставочном центре «Казанская ярмарка» прошла 18-я международная выставка «Нефть. Газ. Нефтехимия». Ее участниками стали ведущие предприятия России, входящие в число мировых лидеров по запасам, добыче, транспортировке, переработке нефти и газа – ОАО «Татнефть», ОАО «Нижнекамскнефтехим», ОАО «Казаньоргсинтез», ОАО «ТАИФ-НК», ОАО «Транснефть», ОАО «РИТЭК» и другие.

В работе III Международного газохимического форума «Настоящее и будущее российской газохимии» принял участие президент Академии наук А.М. Мазгаров в качестве модератора и докладчика. Тема доклада: «Новые процессы и катализаторы для сероочистки газов». Для обсуждения проблемы российской газохимии приехали в Казань ведущие ученые этой отрасли – члены секции газохимии РАН: член-корреспондент РАН, советник генерального директора ОАО «Газпром промгаз», доктор технических наук, профессор А.И. Гриценко, академик РАН, научный руководитель Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН, доктор геолого-минералогических наук, профессор А.Э. Конторович, заведующий лабораторией Института химической физики им. Н.Н. Семенова РАН, доктор химических наук, профессор В.С. Арутюнов и другие.

На участие в выставке заявлено рекордное количество компаний – более 260, представляющих практически всю Россию и 8 зарубежных стран.

Нынешняя выставка служит продвижению новых технологий и оборудования на предприятия нефтяной и химической отраслей Поволжского региона, содействию расширению экономических связей и содействию развитию научного потенциала, отраслевых научных программ.

* * *

13 сентября в Малом зале Академии наук Республики Татарстан состоялось открытие Информационных дней по направлению «Биотехнология, сельское, лесное и рыбное хозяйство и пища» 7-й рамочной программы ЕС.

Организаторы мероприятия – Министерство образования и науки РТ, Министерство сельского хозяйства и продовольствия РТ, Академия наук РТ, Институт биохимии им. А.Н. Баха РАН, Общество биотехнологов России им. Ю.А. Овчинникова, Российский национальный контактный центр FP7 по направлению «Биотехнология, сельское, лесное и рыбное хозяйство и пища», Казанский национальный исследовательский технологический университет и ОАО «Татнефте-

химинвест-холдинг». Европейский Союз представляли д-р Мануэль Халлен – министр-советник по науке и технологиям Представительства Европейского союза в России, д-р Кристиан Патерманн – советник Правительства Федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия, член Совета по биоэкономике Германии, д-р Манфред Кирхер – Председатель Правления кластера промышленной биотехнологии CLIV2021 (Германия).

С приветственным словом к российским и зарубежным участникам семинара обратился президент АН РТ А.М. Мазгаров. Он напомнил, что научные контакты Казани и Германии имеют давние корни, затем рассказал о структуре академии и основных научных направлениях и достижениях ученых Татарстана. Министр образования и науки РТ А.Х. Гильмутдинов, поприветствовав иностранных гостей, сделал короткое сообщение на тему «Инновационное развитие системы образования Республики Татарстан». С презентацией Седьмой рамочной Программы исследований и технологического развития Европейского Союза выступил д-р Мануэль Халлен. Доклад академика АН РТ О.Н. Ильинской посвящался теме микробных биотехнологий.

* * *

23 сентября в брифинг-зале Республиканского агентства по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа» состоялась пресс-конференция, посвященная II Всемирному форуму татарских ученых и 20-летию юбилею Академии наук Республики Татарстан.

Пресс-конференция прошла с участием президента АН РТ А.М. Мазгарова и председателя Исполкома Всемирного конгресса татар Р.З. Закирова.

Организаторы форума, который пройдет в Казани с 30 сентября по 1 октября 2011 г., – Академия наук Республики Татарстан и Исполком Всемирного конгресса татар.

Журналистов интересовали итоги I Всемирного форума татарских ученых, прошедшего 19–22 сентября 2007 г. По результатам форума был создан Координационный совет татарских ученых. Банк инновационных идей татарских ученых, полезных для экономики Татарстана, создается на базе ежегодного конкурса «50 лучших инновационных идей для Республики Татарстан», в котором с 2008 г. участвуют представители других регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Также задавались вопросы о задачах предстоящего форума, его гостях и специфике его проведения.

* * *

30 сентября 2011 г. в Академии наук Республики Татарстан состоялось открытие II Всемирного форума татарских ученых «Академия наук РТ: история и современность», посвященного 20-летию со дня образования Академии наук Республики Татарстан.

В торжественной церемонии открытия форума приняли участие председатель Госсовета РТ Ф.Х. Мухаметшин, Первый заместитель Премьер-министра РТ Р.Ф. Муратов, почетный член Академии наук Татарстана, председатель Сибирского отделения РАН Р.З. Сагдеев, почетный член АН РТ М.Ч. Залиханов, президент Академии военных наук РФ, генерал армии, академик АН РТ М.А. Гареев и др. От имени организаторов форума гостей приветствовали президент Академии наук РТ А.М. Мазгаров и председатель Исполкома Всемирного конгресса татар Р.З. Закиров.

В работе форума участвовали более 500 человек, из них 107 гостей. 16 татарских ученых приехали из ближнего зарубежья, 19 – из дальнего (Китай, Турция, США, Венгрия, Румыния, Иордания и др.). На форум в столице Татарстана собрались

такие ученые, как профессор Висконсинского университета Юлай Шамилоглу, основатель и президент Ассоциации культурных исследований Турции Генюл Пултар, румынский татарин, историк Тахсин Джемил, иностранный член АН РТ, профессор Мармарского университета Надир Девлет и многие другие.

Приехали президенты академий наук, с научными учреждениями которых ведется сотрудничество, – Башкортостана, Саха (Якутия), Чеченской и Чувашской республик.

«История развития любого народа состоит из различных этапов, – начал свое выступление Председатель Государственного Совета РТ Фарид Мухаметшин. – Бывают периоды расцвета, которые сменяются упадком, затем вновь начинается возрождение. Но бывают и этапы, которые меняют течение времени, переводя судьбы народов в совершенно другое русло, определяя на годы направления развития. Новый политический курс страны конца 1980-х – начала 1990-х гг. послужил мощным катализатором гражданской активности, духовного раскрепощения народов СССР, роста их национального самосознания. Не была исключением и научно-исследовательская, педагогическая деятельность, особенно ее социально-гуманитарное направление. Приметой обновленческих процессов, новым направлением в решении стоящих перед республикой актуальных научных, социальных и экономических проблем стало появление Академии наук Татарстана».

Указ о ее создании был подписан первым Президентом республики Минтимером Шаймиевым 30 сентября 1991 г.

«Поэтому наш форум приурочен еще и к 20-летию образования Академии наук РТ – одного из крупнейших, системообразующих центров науки в стране», – подчеркнул Ф. Мухаметшин. – Знаковыми событиями в общественной жизни республики в этом году стали мероприятия, посвященные 125-летию со дня рождения народного поэта Г. Тукая, празднование 66-й годовщины Великой Победы, Дня республики. Огромную роль, по его словам, в возрождении духовности и исторических корней татарского народа играет реализация под патронажем М. Шаймиева комплексного проекта «Культурное наследие Татарстана», в частности реконструкция и строительство объектов древнего города Болгар и острова-града Свияжск.

Научная часть первого дня форума началась с доклада президента Академии наук РТ А.М. Мазгарова «Академии наук Республики Татарстан – 20 лет». С докладом «Глобальные кризисы и наука» выступил директор Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН, академик РАН и почетный член АН РТ Р.И. Нигматуллин (Москва). Директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, академик АН РТ Р.С. Хакимов (Казань) рассказал о новых методологических подходах к гуманитарным наукам, председатель общества татар Финляндии, преподаватель Хельсинского университета Окан Дахер (Финляндия) сделал выступление на тему «Проблемы изучения истории и культуры татар Финляндии». Доклад проректора по науке, заведующего кафедрой конституционного права Уральской государственной юридической академии М.С. Саликова (Екатеринбург) поднял проблему правового регулирования Республики Татарстан в системе федеративных отношений.

Программа вечернего заседания также состояла из научных докладов. Как всегда огромный интерес аудитории вызвало выступление президента Академии военных наук РФ, академика АН РТ, генерала армии М.А. Гареева (Москва) на тему «Федерализм и национальная безопасность России». Затем выступил Н.Х. Ибрагимов, профессор кафедры естественных и математических наук Технологического института Блекинге (Швеция) с докладом «Групповой анализ – микроскоп математического моделирования». Профессор Висконсинского университета, иностранный член АН РТ Юлай Шамилоглу (Америка) сделал выступление

на тему «Открытие университетов в условиях глобализации: учебные планы и проблема языковой подготовки». Всего в первый день форума прозвучало 12 научных докладов.

В этот же день состоялась премьера фильма, посвященного 20-летию юбилею АН РТ. 20-минутный фильм снят видеостудией «Татарстан-ТВ». Видеолен-та рассказывает о главных вехах истории академии, ее современном состоянии и приоритетных направлениях работы. В фильм вошли интервью с Государственным советником РТ М.Ш. Шаймиевым, президентом АН РТ А.М. Мазгаровым, академиками Н.А. Сахибуллиним и О.Н. Ильинской, членами-корреспондентами И.А. Ларочкиной и В.Н. Паймушиным, а также хроникальные кадры и материалы съемок в академических и прикладных институтах.

* * *

1 октября 2011 г. в Академии наук Республики Татарстан продолжил свою работу II Всемирный форум татарских ученых.

Научная часть пленарного заседания состояла из докладов, касающихся проблем татар в Казахстане, сотрудничества между Турцией и Татарстаном в области изучения истории татар, роли конфессиональных факторов в сохранении единства татарской нации, татарского языка в информационных технологиях и многих других вопросов. Словом, обсуждались исторические, языковые, политические, этнокультурные, социально-экономические аспекты развития современного татарского общества.

Одним из отрадных и значимых моментов нынешнего форума стала преемственность в науке. Свои доклады представили профессор-ассистент Кельнского университета (Германия) Али Сюняев – сын астрофизика, академика РАН Р.А. Сюняева и математик из США Карима Нигматуллина – дочь академика РАН Р.И. Нигматуллина. Президент Академии наук А.М. Мазгаров выразил пожелание, чтобы число молодых ученых, идущих стопами своих родителей, к последующим форумам выросло еще больше.

Во время дискуссии, развернувшейся перед принятием резолюции II Всемирного форума татарских ученых, были затронуты проблемы сохранения татарского языка и в целом суверенности республики. Некоторые участники форума высказались за необходимость провозглашения татарского языка как второго государственного языка в Российской Федерации, за возможность желающим сдавать единый государственный экзамен на татарском языке, за прекращение процесса упразднения национальных школ не только в Татарстане, но и по всей России, за создание Национального института на базе Казанского федерального университета. В проекте резолюции форума содержались и другие предложения: продолжить адресную работу по консолидации татарских ученых со всего мира; организовать разработку проектов сохранения и развития научных школ и центров мирового уровня, изучить и распространить в научном сообществе опыт работы с научной молодежью; создать мультимедийную виртуальную музей-библиотеку научного и творческого наследия татарских деятелей науки, просвещения и культуры.

* * *

1 октября подведены итоги Республиканского конкурса журналистских работ на лучшее освещение темы науки, посвященного 20-летию Академии наук Республики Татарстан.

Организаторы конкурса – Академия наук РТ и Союз журналистов Татарстана. Имена победителей были объявлены на закрытии II Всемирного форума татарских ученых.

Конкурс проводился по двум номинациям. Всего поступило 12 заявок, из представленных работ были выбраны лучшие. Президент Академии наук Татарстана А.М. Мазгаров наградил победителей дипломами и памятными подарками, пожелав им творческих успехов.

В номинации «За лучшее освещение темы науки в печатных СМИ» 1-е место заняла редактор отдела образования и науки республиканской газеты «Республика Татарстан» Евгения Чеснокова за цикл публикаций об ученых и научных коллективах Татарстана. 2-е место досталось обозревателю по вопросам науки и образования газеты «Время и деньги» Софье Сайгановой. 3-е место присуждено редактору отдела вопросов политики и религии республиканской газеты «Ватаным Татарстан» Рашиду Мингазову.

В номинации «За лучшее освещение темы науки в электронных СМИ» первое место присудили Юлдуз Крепостиной – шеф-редактору общественно-политических радиопрограмм ГТРК «Татарстан» за передачи об ученых и научных коллективах Татарстана, которые транслировались по радио в межрегиональной программе «На волне Татарстана» и в объединенном радиожурнале 7 республик «Между Волгой и Уралом». Дипломом II степени награждена Милауша Низамутдинова, корреспондент редакции информации на татарском языке информационного агентства «Татар-информ».

От имени Академии наук Республики Татарстан было вручено благодарственное письмо телерадиокомпании «Татарстан-Новый век» за всестороннее освещение деятельности ученых и Академии наук Татарстана. А также благодарственным письмом и памятным подарком награждена Флюра Абдуллина, редактор и ведущая популярной телепрограммы «Татарлар» (ТРК «Татарстан-Новый век») за активную деятельность, вносимую в популяризацию научной сферы, повышение общественного статуса ученого, за многолетнюю работу по освещению жизни и деятельности татарских ученых, проживающих как в Татарстане, так и за пределами республики.

* * *

С 20-летним юбилеем Академию наук Республики Татарстан поздравили:

Председатель СО РАН академик А.Л. Асеев.

Уважаемый Ахмет Мазгарович, от имени Сибирского отделения РАН и себя лично поздравляю коллектив Академии наук Республики Татарстан с 20-летием со дня основания. За прошедшие годы научными коллективами академии успешно решен ряд крупных проблем в области физико-математических, технических, химических, биологических и общественных наук. В Академии наук сформировались и получили развитие современные направления во многих отраслях знаний, выросла плеяда блестящих ученых. Мы надеемся, что научное сотрудничество Сибирского отделения РАН с Академией наук Республики Татарстан будет успешно развиваться и укрепляться. В этот торжественный для вас день примите самые искренние и горячие поздравления и пожелания дальнейших творческих успехов.

Председатель комитета ГД ФС РФ по науке и наукоемким технологиям академик РАН и РАН В.А. Черешнев.

Уважаемый Ахмет Мазгарович!

Сердечно поздравляю вас и весь коллектив возглавляемой вами Академии наук Татарстана с 20-летием ее создания. За прошедшие годы коллективом достигнуты значительные результаты в области подготовки научных кадров Татарстана. Бла-

годаря компетентности коллектива академия стала одной из ведущих и признана крупнейшим научным центром. Желаю вам и всему коллективу дальнейших больших успехов, здоровья и благополучия.

Генеральный директор ОАО «345 механический завод», председатель Совета директоров предприятий и предпринимателей городского округа Балашиха, доктор технических наук, профессор, заслуженный строитель Российской Федерации Р.Н. Га-тауллин.

Глубокоуважаемый Ахмет Мазгарович!

Примите искренние поздравления в связи с 20-летием образования Академии наук Республики Татарстан.

Исследования ученых академии весьма широки и нацелены на решение актуальных научно-технических, социально-экономических, гуманитарных и культурных проблем, стоящих перед республикой на современном этапе развития. Многие разработки академии выполняются на уровне новейших достижений мировой науки и техники и признаны широкой научной общественностью. Большая часть исследований носит практический характер.

Желаем всему коллективу Академии наук Республики Татарстан творческого долголетия, стабильности и реализации научных планов.

Директор ВИМ, член-корреспондент Россельхозакадемии А.Ю. Измайлов.

Дорогие коллеги!

Коллектив Всероссийского научно-исследовательского института механизации сельского хозяйства (ВИМ) сердечно поздравляет своих коллег-ученых Республики Татарстан с 20-летием образования Академии наук республики!

Желаем вам дальнейшего успешного сотрудничества и больших достижений в развитии научно-технического прогресса и всей России на благо российского народа.

Профессор Тасин Гемиль (Румыния).

Глубокоуважаемый президент Мазгаров!

Я очень признателен Вам за приглашение. 20-летие Академии наук Республики Татарстан — это грандиозный повод для торжества. Поздравляю Вас и Ваших коллег, занимающихся научной деятельностью, с этим знаменательным событием.

Сожалею, что не могу присутствовать на этом форуме, где представлена татарская научная элита. С большой теплотой вспоминаю первый форум, который проходил в 2007 г.

Желаю Вам успехов в дальнейшей научной деятельности.

* * *

5 октября 2011 г. в малом зале Академии наук РТ состоялось открытие Всероссийской научной конференции «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX вв.)».

В конференции приняли участие российские, татарстанские ученые, а также гости из США. На открытии выступила заместитель председателя Государственного Совета РТ Р.А. Ратникова.

Работа конференции продолжилась на следующий день по пяти секциям: Секция 1. Конфессиональное образование и межкультурное взаимодействие (чи-

тальный зал научной библиотеки АН РТ); Секция 2. Религиозный фактор и социокультурные процессы у народов Волго-Урала (аудитория 119 АН РТ); Секция 3. Функционирование религиозных институтов в поликонфессиональном пространстве (малый зал Академии наук РТ); Секция 4. Религиозная политика и этноконфессиональные меньшинства (актовый зал Института истории им. Ш. Марджани. Кремль, подъезд 5); Секция 5. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Волго-Уралье (большой актовый зал АН РТ).

В завершение были подведены итоги конференции и представлена презентация Института истории им. Ш. Марджани.

* * *

14 октября состоялись пресс-конференция и демонстрация установки по реализации электронного парамагнитного резонанса (ЭПР) в Казанском физико-техническом институте имени Е.К. Завойского КНЦ РАН.

Визит журналистов будет приурочен к подготовке к вручению Международной премии им. Е.К. Завойского.

С представителями СМИ встретится директор Казанского физико-технического института КНЦ РАН, вице-президент АН РТ, академик Салихов Кев Минуллович. Он подробно расскажет о новом – государственном – статусе Международной премии им. Е.К. Завойского и лауреате этой престижной премии в нынешнем году, а также продемонстрирует работу установки по реализации ЭПР.

Премия получила признание Амперовского общества, Международного общества ЭПР (ЭСР), президиума Российской академии наук, а с этого года – признание Президента, Государственного Совета и Правительства Республики Татарстан. Она получила высокую международную оценку как значительная премия за научные достижения, и церемония вручения этой премии превратилась в важное событие в научной, культурной и общественной жизни Республики Татарстан.

Церемония вручения этой престижной премии в 2011 г. пройдет 1 ноября в рамках открытия конференции «Спиновая физика, спиновая химия и спиновая технология».

* * *

18 октября в Академии наук Татарстана состоялось рабочее совещание по подготовке заседания Совета Безопасности Республики Татарстан на тему: «Об основных направлениях государственной политики Республики Татарстан в области развития инновационной деятельности на период до 2015 года».

В работе заседания приняли участие Секретарь Совета Безопасности республики В.А. Власов, начальник управления инвестиционной и инновационной политики Министерства экономики Татарстана Б.Е. Михайлов, члены совета АН РТ по научно-технической и инновационной политике, а также представители организаций и ведомств Татарстана.

На заседании обсуждались важные проблемы развития инновационной деятельности Республики Татарстан, поддержания ее инновационной привлекательности. Лейтмотивом всего обсуждения был тезис о необходимости связи науки с производством, поднималась проблема создания Фонда науки.

С докладами выступили заместитель министра экономики РТ А.А. Здунов, вице-президент АН РТ А.Л. Абдуллин, генеральный директор ОАО «Казанькомпрессормаш» И.Г. Хисамеев, помощник проректора по инновационной деятельности КФУ А.М. Галимов.

* * *

20–25 октября президент АН РТ А.М. Мазгаров посетил Доху – столицу Государства Катар, где принял участие в работе XVIII научной конференции Академии наук исламского мира (ИАН) «Наука и техника в сближении исламского мира и Запада» и IX Дохинской конференции по межконфессиональному диалогу. Республику Татарстан на форумах представлял также М.И. Гатин, начальник Управления Президента РТ по взаимодействию с религиозными объединениями.

Конференции были приурочены к 25-летию образования Академии наук исламского мира. Организаторы – Министерство иностранных дел Катара и Дохинский центр межконфессионального диалога (DICID).

На церемонии открытия XVIII научной конференции Академии наук исламского мира (ИАН) «Исламский мир – Запад: научно-техническое сотрудничество» с ключевыми докладами выступили Его Королевское Высочество Принц Иордании Эль-Хассан бин Талал (один из основателей ИАН) и Нобелевский лауреат Ферид Мурад. Из России на конференции впервые участвовал директор Института океанологии РАН, академик РАН и ИАН, почетный член АН РТ Р.И. Нигматуллин. Научное сообщество СНГ представляли Агаджан Бабаев – академик ИАН, директор Центра по борьбе с опустыниванием при Институте пустынь, флоры и фауны Академии наук Туркменистана и Аскар Акаев – академик ИАН, экс-президент Республики Кыргызстан, действительный член Академии наук Кыргызстана.

В ходе визита в Катар Ахмет Мазгарович встретился с заместителем министра иностранных дел Катара господином Мухаммедом Ар-Румейхи и с председателем DICID Ибрахимом Аль-Наими. Президент АН РТ обсудил с ними возможности научно-технического сотрудничества между институтами Академии наук Татарстана и Катара.

В рамках конференции ИАН по традиции состоялось заседание Ассоциации академий наук исламских стран (NASIC), на котором Академии наук Республики Татарстан было предложено стать членом данного альянса. Членство NASIC даст возможность ученым Татарстана участвовать в международных грантах, выделяемых Организацией исламского сотрудничества (ОИС).

24 октября была принята Дохинская декларация IAS.

* * *

1 ноября в актовом зале Академии наук Татарстана состоялась торжественная церемония вручения Международной премии им. Е.К. Завойского. В этом году ее лауреатом стал профессор из Японии Сейго Ямаучи.

Церемония прошла с участием Первого заместителя Премьер-министра РТ Р.Ф. Муратова, ректора КФУ И.Р. Гафурова, вице-президента АН РТ Д.Ш. Сулейманова, а также многочисленных гостей из-за рубежа.

17 ноября 2010 г. был подписан Указ № УП-750 Президента Татарстана Р.Н. Минниханова «О включении Правительства Татарстана в число учредителей Международной премии имени Е.К. Завойского». Лауреату премии будут вручены диплом, медаль, традиционный денежный чек в размере 1500 евро от издательства Шпрингер (Вена, Нью-Йорк) и, впервые, 3500 евро от Правительства РТ.

Эта премия присуждается ученым со всего мира за выдающийся вклад в приращение или развитие электронного парамагнитного резонанса (ЭПР) в любой области науки. Метод ЭПР стал мощным инструментом исследования веществ на молекулярном уровне в естественных науках. Казанцы по праву гордятся тем, что Евгений Завойский открыл явление электронного парамагнитного резонанса в нашем городе. И сейчас Казань является мировым центром изучения этого выдающегося явления, а Казанский физико-технический институт под руководством

академика, члена-корреспондента РАН К.М. Салихова носит имя первооткрывателя.

Нынешний лауреат Международной премии имени Завойского Сейго Ямаучи внес выдающийся вклад в исследования электронной структуры возбужденных состояний органических и металлоорганических комплексов методами многочастотной времяразрешенной спектроскопии электронного парамагнитного резонанса. Профессор С. Ямаучи работает в Университете Тохоку, Сендай, Япония. Он является организатором нескольких национальных и международных конференций по применению ЭПР. Сейго Ямаучи, обладатель многих научных наград: серебряной медали по химии Международного общества ЭПР в 2001 г., премии Химического общества Японии в 2003 г., премии Общества по электронной спиновой науке и технологии Японии в 2007 г. и премии Японской ассоциации по фотохимии в 2010 г. Научные интересы профессора сфокусированы на новых направлениях развития методологии и приложений электронного парамагнитного резонанса в спиновой химии возбужденных состояний, явлений спиновой поляризации в химических реакциях и новых материалов в молекулярных науках.

Подготовил Пресс-центр АН РТ

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН»

§ 1. Организация рецензирования

1.1. Все научные статьи, поступившие в редакцию (с учетом всех *требований к авторам*, включая наличие одной рецензии), подлежат обязательному дополнительному рецензированию.

1.2. Ответственный секретарь определяет соответствие поступившей рукописи статьи профилю журнала, требованиям к ее оформлению.

1.3. Член редколлегии, курирующий одно из научных направлений (07.00.00; 10.00.00; 12.00.00), направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

1.4. Ответственность за качество рецензий и своевременность проведения рецензирования рукописей статей возлагается на члена редколлегии, курирующего одно из научных направлений (07.00.00; 10.00.00; 12.00.00).

1.5. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются заместителем главного редактора или членом редколлегии, курирующим одно из научных направлений.

1.6. Требования к содержанию рецензии: см. § 2.

1.7. Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент.

1.8. Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензенты обязаны знать о том, что направленные им рукописи являются интеллектуальной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в рукописи статьи.

1.9. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, заместитель главного редактора направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование тому же рецензенту, который сделал критические замечания.

1.10. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

1.11. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается главным редактором, заместителем главного редактора или ответственным секретарем. Не допускаются к публикации: а) статьи, не оформленные в соответствии с требованиями, авторы которых отказываются от технической доработки статей; б) статьи, авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументированно не опровергают их.

1.12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции «Научного Татарстана» в течение трех лет.

§ 2. Требования к содержанию рецензии

2.1. Рецензия должна содержать квалифицированный анализ материала статьи, объективную, аргументированную его оценку и четко обоснованные рекомендации.

2.2. В рецензии особое внимание необходимо уделить освещению следующих вопросов.

- Анализ актуальности темы и научного уровня статьи.
- Соответствие содержания статьи ее названию.
- Оценка подготовленности статьи к публикации в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи.

- Научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки.

- Адекватность и рациональность объема статьи в целом и отдельных ее элементов (текста, иллюстративного материала, библиографических ссылок). Целесообразность помещения в статье иллюстративного материала и его соответствие излагаемой теме.

- Место рецензируемой рукописи в историографии: не дублирует ли она работы других авторов или ранее напечатанные труды данного автора (как в целом, так и частично).

- Допущенные автором фактологические неточности и ошибки.

2.3. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

2.4. В заключительной части рецензии должны содержаться обоснованные выводы о статье в целом и четкая, недвусмысленная рекомендация о целесообразности либо нецелесообразности ее публикации.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал «Научный Татарстан» ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки). При подаче материалов в редакцию вы должны учесть следующие наши требования (в противном случае статьи будут отклонены без рассмотрения):

– необходимо наличие распечатанного на бумаге текста (2 экз.) и его электронного варианта (шрифт Times New Roman, размер шрифта 14-й, междустрочный пробел полуторный, одно из полей – не менее 2 см, обязательная нумерация страниц) объемом не более 1 авторского листа (40 тысяч знаков), без иллюстраций, с указанием УДК, ключевых слов на русском и английском языках и короткой аннотацией на русском и английском языках, примечаниями (ссылки необходимо указывать в тексте сплошной надстрочной нумерацией «1, 2, 3 и т.д.», а сами примечания размещать в конце текста; Ф.И.О. авторов цитируемых материалов выделяются курсивом) или списком литературы (в конце текста строго в алфавитном порядке, Ф.И.О. авторов выделяются курсивом), сведениями об авторе/авторах (Ф.И.О. полностью, год рождения, данные об оконченном вузе, ученая степень и занимаемая должность, тематика и общее число опубликованных работ, контактная информация);

– необходимо наличие одной рецензии на статью доктора либо кандидата наук (научные направления 07.00.00, 10.00.00, 12.00.00);

– необходима ксерокопия квитанции о подписке на журнал.

При соблюдении вами указанных требований редакция журнала в обязательном порядке направит поступившие материалы на дополнительное независимое рецензирование, после чего будет принято решение об их публикации или отказе в публикации.

Адрес редакции: 420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны: 292-40-34 (гл. редактор), 292-84-82 (зам. гл. редактора),
292-15-64 (ответ. секретарь)

Факс: 292-02-72 (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

e-mail: anrt@ Rambler.ru (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

С наилучшими пожеланиями

и с надеждой на плодотворное сотрудничество

Редакция журнала «Научный Татарстан»

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

ПОДПИСКА НА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН» ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПО КАТАЛОГУ «ПОЧТА РОССИИ», ИНДЕКС 15615.

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ ОБЛЕГЧИТ ВАШЕ ОБЩЕНИЕ С РЕДАКЦИЕЙ НА ПРЕДМЕТ ПУБЛИКАЦИИ ВАШИХ МАТЕРИАЛОВ!